

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

АЗЕНКУР

*В романах Бернарда Корнуэлла история поистине оживает.
Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»*

Annotation

Битва при Азенкуре – один из поворотных моментов в ходе Столетней войны между Англией и Францией. Изнуренная долгим походом, голодом и болезнями английская армия по меньшей мере в пять раз уступала численностью противнику. Французы твердо намеревались остановить войско Генриха V на подходах к Кале и превосходством сил истребить захватчиков. Но исход сражения был непредсказуем – победы воистину достигаются не числом, а умением.

В центре неравной схватки оказывается простой английский лучник Николас Хук, готовый сражаться за своего короля до последнего. Только благодаря воинскому искусству, дисциплине и личной доблести таких солдат добываются самые блестящие победы в истории.

Этот захватывающий роман о войне – великолепная литературная реконструкция, одно из лучших творений Бернарда Корнуэлла, автора признанных мировых бестселлеров цикла «Саксонские хроники», романов о стрелке Ричарде Шарпе и многих других книг.

Бернард Корнуэлл

Азенкур

Bernard Cornwell

AZINCOURT

Copyright © 2009 by Bernard Cornwell

All rights reserved

© И. Майгурова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моей внучке Эми Корнуэлл, с любовью

А Н Г Л И Я

Лондон

Кентербери

Саутгемптон

пролив Па-де-Кале

Кале

пролив Ла-Манш

✂ Азенкур

река Сомма

Амьен

Гарфлёр

Руан

Суассон

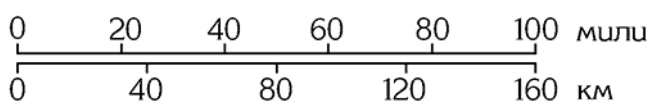
река Сена

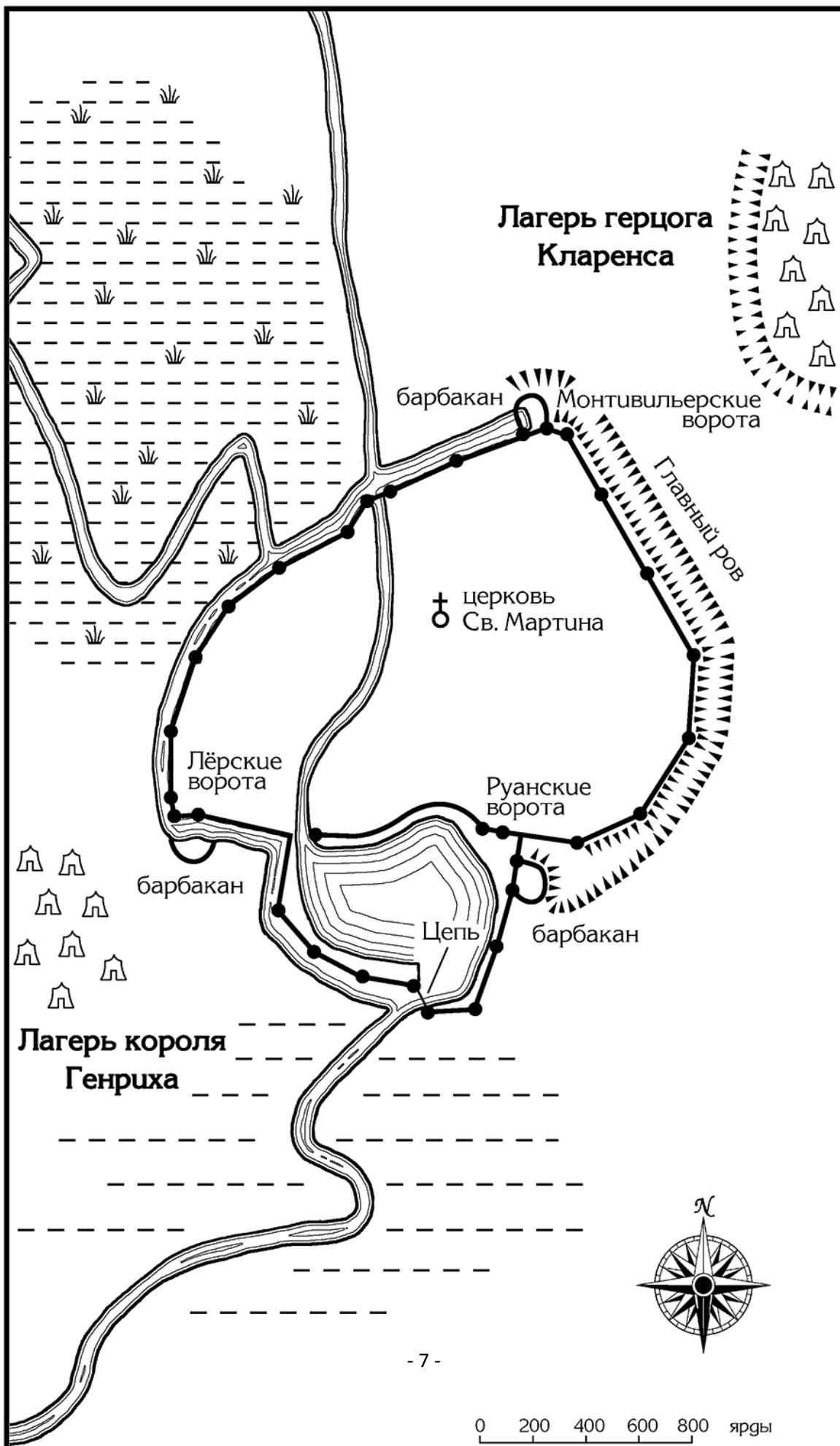
Париж

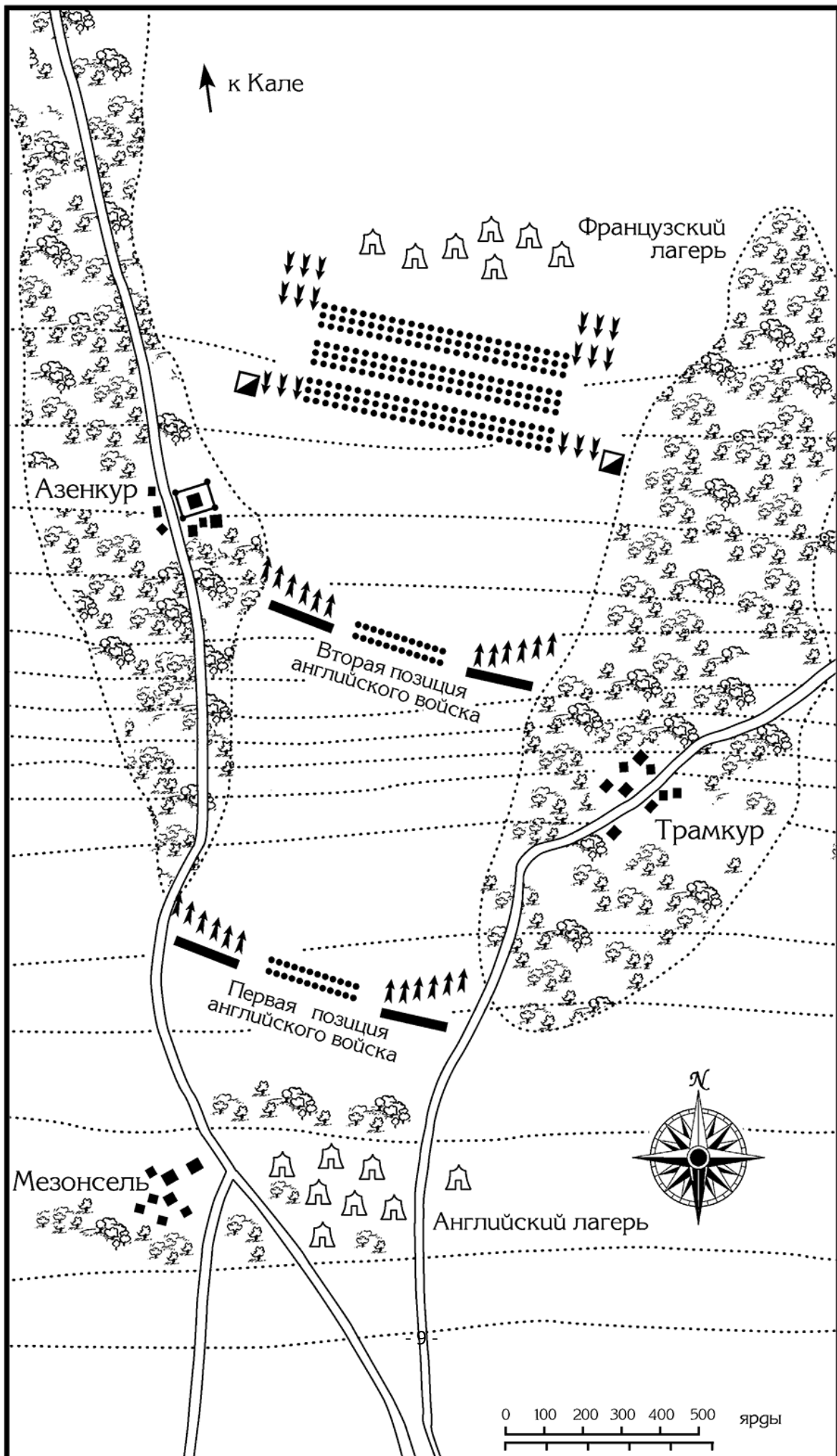
Ф Р А Н Ц И Я

- 5 -

*Азенкур – одно из самых ярких эпических событий в истории
Англии... Это победа слабых над сильными, простонародного
войска над конными рыцарями, отваги над гордыней... И еще
это повесть о нравах, годных для скотобойни, и
откровенных зверствах.*

Сэр Джон Киган. Лик битвы

*...Убитых множество и груды трупов; нет конца трупам,
спотыкаются о трупы их.*

Наум. 3: 3

Дорогой читатель!

Бернард Корнуэлл давно числится среди моих любимых авторов, и потому я с великим удовольствием представляю вам роман, который считаю лучшим из всего им написанного, – «Азенкур». Усилия издательства «HarperCollins», годами создававшего читательскую аудиторию для этого блистательного рассказчика, принесли свои плоды: продажи росли от книги к книге, недавний цикл «Саксонские хроники» вывел Корнуэлла на новый уровень, и теперь наконец свершилось счастливое событие, которого мы так ждали: выходит в свет «Азенкур» – крупный отдельный роман, способный принести Бернарду Корнуэллу широкое читательское признание, которого автор всецело заслуживает.

Битва при Азенкуре позволяет писателю, снискавшему заслуженную славу «величайшего мастера историко-приключенческого романа» («Вашингтон пост»), достичь невиданной прежде масштабности повествования. Многие помнят, что в драме Шекспира «Генрих V», действие которой строится вокруг Азенкурской битвы, король Генрих говорит «о нас, о горсточке счастливых, братьев»^[1]. Азенкур и вправду был сражением малого войска против многолюдных полчищ: 25 октября 1415 года на раскисших от ливня полях Северной Франции шесть тысяч английских воинов сошлись в битве с тридцатью тысячами французов – и победили. Слава этой победы – одного из крупнейших событий средневековой Европы – не меркнет даже спустя шестьсот лет.

В 2003 году мне посчастливилось съездить вместе с Бернардом на поле Азенкурской битвы, и я был несказанно впечатлен картиной сражения, которую он развернул передо мной там, на поросшей травой равнине, и которая вновь вставала у меня перед глазами во время чтения романа.

Новая книга в полной мере отражает признанную особенность таланта Бернарда Корнуэлла – умение преломлять исторические события через восприятие конкретного человека: великая битва предстает перед нами так, как ее видит простой парень, английский лучник Николас Хук. Созданный умелым пером Корнуэлла, увлекательный роман о войне и выживании воспринимается как блестящее историческое исследование и великолепный плод творческой фантазии – захватывающее, интересное и познавательное чтение. Надеюсь, вам понравится!

Пролог

Зимним днем 1413 года, перед самым Рождеством, Николас Хук решился на убийство.

День стоял холодный. Полуденное солнце тщилося растопить ледяную корку, которой сковал землю крепкий ночной мороз. В безветренной тиши мир выглядел бледным, стылым и недвижимым, лишь на нижней дороге, что вела от лесных холмов к мельничным пастбищам, маячила фигура Тома Перрилла.

Девятнадцатилетний Ник Хук был охотником, и даже в мороз, когда легчайший неверный шаг отозвался бы ледяным хрустом, он ступал бесшумно, как призрак. Ник двигался так, чтобы ветер дул от него в сторону нижней дороги – там, погоняемый Перрилом, ломовой битюг лорда Слейтона тащил на постромках тяжелый срубленный вяз, который пойдет на новые лопасти для мельничного колеса. Том Перрилл был один, хотя редко пускался в путь без брата или прихвостней, а уж чтобы выйти за деревню без лука на плече – такого Хук за ним не помнил.

Ник Хук остановился у кромки леса, скрытый кустами падуба. В сотне шагов от него Перрилл исходил проклятиями: огромный вяз, то и дело цеплявшийся за мерзлые неровности колеи, вконец измучил битюга, и тот, заартачившись, встал. Даже исхлестанный в кровь, он не сходил с места, и Перрилл, опустив руку с кнутом, лишь бессильно осыпал бранью несчастное животное.

Из холщовой сумки на поясе Хук вытащил стрелу и убедился, что выбрал нужную. Широкий наконечник с длинным черешком и с лезвиями, способными прорезать оленье тело, – от такой стрелы жертва истечет кровью, даже если Хук промахнется мимо сердца, чего обычно не случалось. В восемнадцать лет Ник Хук выиграл состязание трех графств, победив знаменитых на пол-Англии лучников, и на сто шагов бил без промаха.

Хук наложил стрелу на цевье, не отводя глаз от Перрилла: оружие он чувствовал не глядя. Подхватив стрелу большим пальцем левой руки, правой слегка сдвинул тетиву, чтобы она легла в узкую прорезь на оперенном конце стрелы, и вскинул лук, по-прежнему не отрывая взгляда от старшего сына мельника.

Любой, кому не выпало быть лучником, не напряг бы лук и наполовину, однако Хук натянул тетиву без видимых усилий, доведя ее до правого уха.

Перрилл, одетый в кожаные из оленьей шкуры поверх штанов и куртки, глазел на мельничные пастбища, за которыми серебристой нитью вилась река под оголенными по-зимнему ивами, и не подозревал, что от смерти его отделяют всего несколько мгновений.

Хук отпустил тетиву, и мягкое движение отозвалось в пальцах лишь едва заметной дрожью.

Стрела пошла ровно. Мелькнуло серое оперение. Ясеновое древко со стальным жалом устремилось прямо в сердце Перрилу. Хук затачивал наконечник собственноручно и знал, что оленью шкуру тот прошивает так же легко, как тончайшую паутину.

Ник Хук ненавидел Перрилов не меньше, чем те – Хуков. Вражда зародилась два поколения назад, когда дед Тома Перрилла убил деда Хука в деревенской харчевне, ткнув его в глаз кочергой. Старый лорд Слейтон объявил случившееся честной дракой и оставил мельника без наказания. С тех самых пор Хуки жаждали покататься.

Ни разу в этом не преуспев.

Отца Ника забили до смерти на футбольной игре: из дюжины молодцов, что кинулись искать мяч, улетевший в заросли за господским садом, вернулись лишь одиннадцать. Виновного не нашли, хотя все знали, что без Перрилов не обошлось. Попытку объявить смерть убийством молодой лорд Слейтон

высмеял:

– Если вешать за убийство на футболе, придется казнить пол-Англии!..

Отец Хука, пастух, оставил беременную вдову и двоих сыновей. Вдова, пережив мужа на два месяца, разрешилась мертвой девочкой и умерла родами в праздник Святого Николая – в тот самый день, когда Нику исполнилось тринадцать. Бабку такое совпадение убедило в том, что Ник проклят, и она прибегла к своим средствам: вогнав стрелу поглубже ему в бедро, она затем велела Нику убить ею оленя, чтобы снять проклятие. Однако лань из угодий лорда Слейтона, воровски добытая окровавленной стрелой, ничего не изменила: Перрилы и не думали вымирать, вражда длилась по-прежнему. Когда у Хуков зачала великолепная яблоня, бабка не сомневалась, что дерево сглазила Перрилова старуха.

– Мерзкие дерьмохлебы эти Перрилы, – сплюнула она. – Как есть выродки.

На Тома Перрила и его младшего брата Роберта она попыталась навести порчу, однако болезнь их не взяла: не иначе как оберег Перриловой старухи оказался сильнее. Зато пропали две козы, которых Хук гонял на общее пастбище. И хотя деревня списала пропажу на волков, Ник Хук точно знал, что тут постарались Перрилы. В отместку он зарезал их корову, но корова – не Перрилы, те остались жить. Бабка то и дело бурчала, что Хук обязан истребить вражье отродье, но подходящего случая так и не подворачивалось. В конце концов бабка прокляла Ника («Чтоб тебе плевать дерьмом, чтоб тебе корчиться в аду!») и в шестнадцать лет выставила его из дома.

– Сдохни от голода, ублюдок! – прорычала она вслед.

К тому времени бабка выжила из ума, спорить было бесполезно.

Голод угрожал бы Хуку всерьез, не выйди он в тот год на состязание шести деревень. Поглядев, как Ник одну за другой всаживает стрелы в дальнюю цель, лорд Слейтон официально назначил его егерем: теперь Хуку вменялось в обязанность снабжать олениной стол его светлости.

– Уж лучше бей дичь по долгу службы, – заметил тогда лорд Слейтон, – чем тебя вздернут за незаконную охоту.

Сейчас, перед самым Рождеством, в День святого Виннибальда, Ник Хук следил глазами за стрелой, пущенной в Тома Перрила.

Хук не сомневался, что она несет смерть.

Стрела шла ровно, уже начав снижаться между высокими, посеребренными инеем изгородями. Том Перрил о ней и не подозревал. Ник Хук улыбнулся.

И тут стрела дрогнула.

Оперение отлетело в сторону – должно быть, не выдержал клей и обвязка. Стрела, дернувшись влево, царапнула коню бок и вонзилась в плечо. Битюг заржал, вздыбился и рванул вперед, выдернув тяжелый ствол дерева из заледеневшей борозды.

Том Перрил оглянулся было на кромку леса, но вовремя сообразил, что второй стрелы лучше не дожидаться, и что есть мочи припустил вслед коню.

Ник Хук вновь остался ни с чем. Проклятие действовало по-прежнему.

Лорд Слейтон, суровый воин лет за сорок, с усилием опустил в кресло – некогда при Шрусбери вражеский меч угодил ему в позвоночник, навсегда сделав калекой.

– Где ты был в День святого Виннибальда? – мрачно спросил он Хука.

– Когда это, мой господин? – невинно спросил тот.

– Выродок, – бросил лорд Слейтон, и управляющий ударил Хука в затылок костяной рукоятью хлыста.

– Я не знаю, когда был тот праздник, господин, – упрямо повторил Хук.

– Два дня назад, – вернул сэр Мартин, шурин лорда Слейтона и священник господского поместья.

Рыцарем он был не больше, чем Хук, однако лорд Слейтон велел звать его сэром за благородство рождения.

– А! – Хук сделал вид, будто его внезапно осенило. – Я подравнивал ясень у Нищенского холма, господин.

– Лжец, – отрезал лорд Слейтон, и Уильям Сноболл, главный лучник и управляющий его светлости, вновь ударил Хука по затылку, на этот раз с размаху, так что закапала кровь.

– Клянусь честью, господин, – убедительным тоном проговорил Хук.

– Честью Хуков! – сухо проронил лорд Слейтон, переводя взгляд на семнадцатилетнего Майкла, младшего брата Ника. – А ты где был?

– Покрывал тростником крышу паперти, мой господин, – ответил тот.

– Это правда. – Глянув на младшего Хука, долговязый сэр Мартин, одетый в грязную рясу, скривил физиономию в некоем подобии улыбки.

Светлого, радостного Майкла, внешне не похожего на сурового темноволосого Ника, все любили. Даже Перрилы ненавидели его не так люто, как остальных Хуков.

Братья Томас и Роберт Перрилы стояли здесь же – длинные, тощие, разболтанные в движениях. Их запавшие глаза, длинные носы и выступающие подбородки явно напоминали черты сэра Мартина. Из почтения к его знатности все в деревне делали вид, будто считают Томаса и Роберта сыновьями мельника, хотя обходиться с братьями предпочитали повежливее: понимали, что при малейшей угрозе они побегут к сэру Мартину за помощью.

А нынче Тому Перрилу не просто угрожали – его чуть не убили. Стрела с серым оперением теперь лежала на столе в господском зале. Лорд Слейтон указал на нее управляющему, и Уильям Сноболл подошел ближе.

– Не наша, мой господин, – заключил он, придирчиво оглядев стрелу.

– По оперению понял? – кивнул лорд Слейтон.

– Серые перья у здешних не в ходу, – нехотя подтвердил Сноболл, глянув исподлобья на Ника. – Ни для стрел, ни для чего другого.

Лорд Слейтон остановил взгляд на Хуке. Он знал правду, как и все присутствующие, кроме, может быть, доверчивого Майкла.

– Всыпать ему плетей, – предложил сэр Мартин.

Хук поднял глаза к гобелену, висящему под галереей: на гобелене охотник в набедренной повязке и шлеме пронзал копьем кабанье брюхо под взглядом женщины, слегка прикрытой клочком прозрачной ткани. Дубовые бревна, поддерживающие галерею, за сотню лет закоптились и почернели.

– Плетей, – повторил священник. – Или отрезать ему уши.

Ник Хук перевел взгляд на лорда Слейтона и в тысячный раз задался вопросом, не отец ли перед ним: то же крепкокостное лицо, тяжелый лоб и крупный рот, те же черные волосы и глаза, тот же рост и то же

сильное тело, хоть и покалеченное в давней битве, когда мятежный меч вонзился в спину. С тех пор его светлость передвигался на подбитых кожей костылях, прислоненных теперь к креслу.

Взгляд его светлости, устремленный на Хука, был непроницаем.

– Прекращайте вражду, – наконец веско проговорил лорд Слейтон, не сводя глаз с Ника. – Ясно? Никаких убийств! Умри кто-то из Перрилов – я убью и тебя, Хук, и твоего брата. Понял?

– Да, мой господин.

– А если умрет кто-то из Хуков, – его светлость перевел взгляд на Тома Перрилла, – то тебе с братцем висеть на крепком дубе.

– Да, мой господин, – откликнулся Перрил.

– Убийство нужно будет доказать! – вдруг негодуя заявил сэр Мартин. Когда ему случалось уйти в посторонние мысли и забыть об окружающих, то потом, очнувшись, он выпаливал слова внезапно и резко, будто наверстывая упущенное. – Доказать, доказать, – повторил он.

– Нет! – осадил шурина лорд Слейтон, стукнув по деревянному подлокотнику кресла. – Если из четверых умрет хоть один, я повешу остальных – всех! Если кто поскользнется и угодит в мельничный проток – я сочту это убийством! Всем ясно? Я не потерплю вражду ни минутой дольше!

– Мы не будем убивать, мой господин, – послушно проговорил Том Перрил.

Лорд Слейтон перевел взгляд на Хука, ожидая такого же заверения, однако Ник промолчал.

– Отхлестать – может, станет послушнее? – предположил Сноболл.

– Будто его прежде не секли! – отмахнулся лорд Слейтон. – В последний раз... когда, Хук?

– На Михайлов день, господин.

– И что ты после этого понял?

– Что у мастера Сноболла слабеет рука, господин.

Услыхав подавленный смешок, Ник Хук поднял голову: за происходящим, укрывшись в тени галереи, наблюдала ее светлость. Сестра долговязого священника, плодившего незаконных отпрысков одного за другим, была бездетной. Хук знал, что леди Слейтон тайком приходила к его бабке за снадобьем, но бабкино знахарство так и не помогло.

Сноболл в ответ на дерзость Хука процедил проклятие, однако лорд Слейтон, не удержавшись, улыбнулся.

– Пошли прочь! – велел он. – Вон отсюда все, кроме Хука. Ты останься.

Леди Слейтон проводила мужчин взглядом и исчезла в комнатах за галереей. Ее муж какое-то время молча смотрел на Хука, затем указал на стрелу с серым оперением, лежащую на дубовом столе.

– Откуда стрела, Хук?

– В первый раз ее вижу, господин.

– Ты лжец, Хук. Лжец, вор, мерзавец и ублюдок и к тому же наверняка убийца. Сноболл прав: высечь бы тебя, чтоб до костей достало. Или просто повесить. Мир без Хуков был бы куда уютнее.

Хук не раскрыл рта, продолжая смотреть на лорда Слейтона. В камине треснуло полено, посыпались искры.

– И все же, черт тебя раздери, ты лучший стрелок, каких я знал, – нехотя договорил его светлость. –

Дай сюда стрелу.

Хук взял с дубовой столешницы стрелу с серыми перьями и подал ее лорду Слейтону.

– Оперение отскочило в полете?

– Похоже на то, господин.

– Не умеешь делать стрелы, а, Хук?

– Делаю, но плохо. Не получается заузить древко как надо.

– Тебе нужен скобель получше, – заметил лорд Слейтон, проверяя оперение на прочность. – Так откуда стрела? От пришлых охотников?

– Один из таких стрелял вашу дичь, господин, – осторожно сказал Хук. – Я его убил на той неделе.

– Не твое дело их убивать, твое дело тащить их в усадьбу, а убивать буду я.

– Паршивец застрелил лань в Дроздовом лесу и хотел сбежать, – объяснил Хук. – Пришлось всадить ему стрелу в спину. Я его зарыл за Касселовой горой.

– Что за человек?

– Бродяга, мой господин. Наверное, куда-то пробирался. При нем ничего не было, только лук.

– Лук и стрелы с серым оперением, – процедил его светлость. – Твое счастье, что битюг уцелел. Иначе пришлось бы тебя повесить.

– Цезаря едва задело, – небрежно проговорил Хук. – Одна царапина на шкуре.

– Откуда тебе знать, если ты там не был?

– Слышал в деревне, мой господин.

– Я тоже кое-что слышал, Хук, – откликнулся лорд Слейтон. – Отстань наконец от Перрилов! Слышишь? Оставь их в покое!

Хук мало во что верил и все же умудрился вбить себе в голову, что проклятие, осложнявшее его жизнь, исчезнет только со смертью Перрилов. В чем оно состояло – он толком не знал: не считать же проклятием беспокойное чувство, будто жизнь не ограничивается лишь заботами поместья. Однако всякий раз, как он подумывал сбежать от лорда Слейтона, ему становилось не по себе, словно от ощущения невидимой и непостижимой беды – признака проклятия. Других способов избавиться от него, кроме как убийство, Хук не знал.

– Слушаюсь, мой господин.

– Слушаешь и повинешься, – уточнил лорд Слейтон, выбрасывая стрелу в камин, где она через миг вспыхнула ярким пламенем.

«Хорошая стрела, зря пропадает», – мелькнуло в голове Хука.

– Сэр Мартин тебя не любит, – понизил голос лорд Слейтон и повел глазами в сторону галереи, словно спрашивая, там ли еще его жена. Хук в ответ едва заметно покачал головой. – Не догадываешься за что?

– Он мало кого любит, господин, – уклончиво ответил Хук.

Лорд Слейтон задержал на нем взгляд.

– А насчет Уильяма Сноболла ты прав. Он слабеет. Все мы старимся, Хук, и мне понадобится новый сентенар. Ты понимаешь, о чем я?

Сентенаром – сотником, главным над лучниками, – Уильям Сноболл был всегда, сколько Хук себя помнил. Совмещая эту службу с должностью управляющего поместьем, Сноболл нажил состояние больше, чем любой другой из людей лорда Слейтона.

– Понимаю, господин, – кивнув, пробормотал Хук.

– Сэр Мартин мечтает видеть новым сотником Тома Перрилла. Однако он боится, что я назначу тебя, Хук. С чего ему так думать, я и понятия не имею. А ты?

Хук посмотрел в лицо его светлости, борясь с соблазном спросить, насколько близко тот знал его мать, но подавил искушение.

– Не знаю, господин, – вместо этого сдержанно проговорил он.

– Так что в Лондоне, Хук, будь осторожен. Сэр Мартин будет с вами.

– В Лондоне?..

– Я получил распоряжение отправить туда своих лучников. Ты бывал в Лондоне?

– Нет, господин.

– Теперь побываешь. Мне не сказано о цели: я посылаю лучников лишь потому, что так велел король. Может, он задумал воевать? Не знаю. Если и вправду грозит война – я не намерен ждать, пока мои люди друг друга прикончат. Бога ради, Хук, не добивайся, чтоб я тебя повесил.

– Я постараюсь, мой господин.

– Теперь иди. Скажи Сноболлу, пусть войдет. Ступай.

В январе по-прежнему стоял холод. После короткой рассветной метели низкое небо в тот день выглядело тяжелым и, несмотря на утренний час, по-вечернему сумрачным. Поверх тростниковых крыш лежал иней, а те немногие лужи, что еще не превратились в разбитое башмаками грязное месиво, покрывал тонкий ледок. Ник Хук – длинноногий, широкоплечий, темноволосый и хмурый – сидел у харчевни в компании семерых сослуживцев, включавшей его брата и обоих Перрилов. На нем были высокие, по колено, сапоги со шпорами, две пары штанов для тепла, подбитая шерстью кожаная куртка и короткий льняной налатник с изображением золотого полумесяца и трех золотых звезд – гербовых символов лорда Слейтона. У всех восьмерых бойцов поверх одинаковых налатников – грязных и потертых, так что прохожему пришлось бы вглядываться, чтобы различить полумесяц со звездами, – висели на поясе кошель, длинный кинжал и меч.

Прохожие, впрочем, не вглядывались: с вооруженными людьми в гербовых налатниках хлопот не оберешься, а уж тем более со стрелками. Пусть при них нет луков, но с первого взгляда на широкие плечи становится ясно, что каждый из таких оттянет тетиву боевого лука на добрый ярд и не поморщится.

Лучников в Лондоне боялись, и этот страх, едкий, как вонь нечистот, и стойкий, как запах древесного дыма, пропитывал собой все улицы, заставляя обывателей накрепко запирать двери. Даже попрошайки куда-то подевались, а немногие смельчаки, отваживающиеся выйти из дому – их-то рассказы и породили страх, – норовили прошмыгнуть мимо стрелков по дальнему краю дороги.

– Господи ты боже мой, – длинно выдохнул Ник Хук, нарушая общее молчание.

– Хочешь молиться – иди в церковь, выродок, – огрызнулся Том Перрил.

– Сначала нагажу твоей матери на голову, – буркнул Хук.

– Заткнитесь оба, – вмешался Уильям Сноболл.

– Чего мы тут высиживаем? – проворчал Хук. – Сдался нам этот Лондон!

– Сидишь себе – ну и сиди, не ной, – осадил его Сноболл.

Харчевня стояла на углу тесной улочки, выходявшей на торговую площадь. Вывеска гостиницы – резное раскрашенное изображение быка – свисала с мощного бруса, отходящего от фронтона здания и опирающегося на крепкую стойку, врытую в землю посреди площади. Вокруг площади тут и там виднелись лучники в гербовой одежде, прибывшие в Лондон по приказу своих господ. Самих господ, впрочем, здесь никто не видел. Два священника, тащившие по охапке пергаментных свитков, пробирались по дальней стороне улочки, косясь на лучников. Где-то в городе ударил колокол. Том Перрил сплюнул, и один из священников чуть не споткнулся.

– Господи, чего ж мы тут торчим-то? – простонал Роберт Перрил.

– Господь не скажет, – процедил Сноболл. – Хотя, говорят, наше дело Ему явно угодно.

Богоугодное дело состояло в том, чтобы охранять угол между улицей и рыночной площадью, преграждая путь в обе стороны и женщинам, и мужчинам. Приказ не относился к священникам, конным рыцарям и знати – только к простому люду, а простому люду и без того хватало ума сидеть по домам. Какие-то оборванцы тащили на площадь семь ручных повозок с дровами, бочками, камнями и длинными бревнами, но так как оборванцев сопровождали конные латники в накидках с королевским гербом, то стрелки даже не дернулись их окликнуть.

Дородная девка с изрытой оспой физиономией вынесла лучникам пива из харчевни и разлила по кружкам, с тем же безразличным видом застыв на месте, когда Сноболл полез ей под юбки. Дождавшись, пока он выпростает руку, она протянула ему ладонь.

– Нет уж, милашка, – ухмыльнулся тот. – Я сделал тебе одолжение, так что причитается не с меня, а с тебя.

Девка повернулась и ушла. Майкл, младший брат Хука, старался не отрывать глаз от столешницы. Глядя на его смущение, Том Перрил ухмыльнулся, но промолчал: задирать добродушного Майкла, который никогда не обижался, было бессмысленно.

Королевские латники остановили повозки в центре площади и теперь стоймя укрепляли два высоких столба в двух бочках, набитых камнями и щебнем. Кто-то из латников, проверяя столб на прочность, налег на него всем телом. Столб устоял – работа, видимо, была сделана на совесть. Латник спрыгнул на землю, и оборванцы-рабочие принялись раскладывать вокруг бочек вязанки дров.

– Королевские дрова горят ярче, – ухмыльнулся Сноболл.

– Правда? – тут же откликнулся Майкл, который верил любому слову.

Никто из лучников ему не ответил.

– Наконец-то, – проговорил вместо этого Том Перрил.

И Хук увидел на дальнем краю площади небольшую толпу, появившуюся из церкви: обычного вида люди, почему-то окруженные солдатами, монахами и клириками. Один из священников направился к «Быку» – харчевне, у которой сидели лучники.

– А вот и сэра Мартин, – объявил Сноболл, будто остальные могли его не узнать.

Хука при виде священника передернуло от ненависти. Тощий, как угорь, тот приближался размашистой походкой, на ходу склабясь все шире и не отрывая от стрелков по-всегдашнему назойливого взгляда странных глаз, которые, как говаривали, смотрели напрямик в мир иной; правда, в рай или в ад – тут мнения расходились. Хукова бабка на этот счет была категорична. «На нем след зубов преисподнего

пса, – повторяла она. – Родись он простолюдином, его бы уже повесили».

Лучники нехотя поднялись с места, приветствуя священника.

– Ну что, готовы творить Божье дело? – заговорил, подойдя, сэр Мартин. Его черные волосы поседели на висках и поредели на макушке, недельная седая щетина покрывала длинный подбородок, словно иней. – Нужна лестница, за веревками уже пошел сэр Эдвард. Дворянство на побегушках – залюбуешься, а? Найдите где-нибудь длинную лестницу.

– Лестницу? – переспросил Уильям Сноболл так, будто впервые слышал о такой диковине.

– Длинную, чтоб достала до перекладки. – Сэр Мартин дернул головой в сторону бруса, на котором болталась вывеска с быком. – Длинную, – вновь повторил он с отсутствующим видом, словно уже забыл, что здесь делает.

– Поищите лестницу, – велел Уилл Сноболл двоим лучникам. – Длинную.

– Короткие слишком коротки для Божьей справедливости. – Сэр Мартин, вновь оживившись, потер тощие ладони и взглянул на Хука. – Что-то ты бледен, Хук. Заболел? – спросил он с радостной надеждой, словно Ник Хук собирался помереть прямо у него на глазах.

– Пиво тут подозрительное, – ответил Хук.

– Это потому, что пятница, – сообщил священник. – В постный день надо воздерживаться от пива. Твой покровитель, святой Николай, по средам и пятницам отказывался от материнской груди – учись, Хук! Не положено тебе удовольствий в постные дни: ни пива, ни забав, ни грудей – и так будет всегда. А почему, Хук, почему? – Длинное лицо сэра Мартина перекосила злорадная усмешка. – Потому что ты вскормлен от отвислых грудей порока! И детей ее не помилую, говорит Писание, ибо блудодействовала мать их!

Том Перрил хихикнул.

– Какие будут распоряжения, святой отец? – устало спросил Уилл Сноболл.

– Творить Божье дело, мастер Сноболл, святое Божье дело. Ступайте.

Лестницу нашли как раз к тому времени, когда на площади появился сэр Эдвард Дервент, удерживая на широких плечах четыре мотка веревки. Сэр Эдвард, сильный и коренастый, был латником и носил накидку с полумесяцем и звездами, как у стрелков, только почище и поярче. Лицо его было изуродовано в битве при Шрусбери, когда ударом алебарды ему раскроили шлем, проломили скулу и отсекали ухо.

– С колоколов сняли, – объяснил он, сваливая на землю тяжелые петли веревок. – Вяжите их к перекладине, я не полезу.

Сэр Эдвард командовал латниками лорда Слейтона, и уважали его не меньше, чем боялись.

– Хук, давай ты! – велел сэр Эдвард.

Хук, взобравшись на лестницу, стал привязывать к брусу колокольные канаты тем же узлом, каким привык крепить пеньковый шнур вокруг зарубок на концах лука. В отличие от шнура, толстые канаты поддавались с трудом. Закончив, Хук соскользнул вниз по последней привязанной веревке, показывая, что узлы закреплены надежно.

– Скорей бы уж все закончилось, – раздраженно бросил сэр Эдвард. – Надоело тут торчать. Чье пиво?

– Мое, сэр Эдвард, – отозвался Роберт Перрил.

– Будет мое, – кивнул сэр Эдвард, опрокидывая в себя кружку.

Под его гербовым налатником виднелись кожаная куртка и кольчуга. На поясе висел меч без единого

украшения – простой клинок и обычная стальная рукоять с двумя ореховыми накладками поверх хвостовика: меч сэр Эдвард считал орудием ремесла, потому так буднично и зарубил им тогда мятежника, снесшего ему алебардой пол-лица.

Теснимая солдатами и священниками толпа – чуть больше полусотни мужчин и женщин, молодых и старых, – уже застыла посреди площади. Кое-кто, упав на колени, молился.

– Всех не сжечь, – с сожалением произнес сэр Мартин, – слишком многих придется тащить в ад на веревке.

– Коль они еретики, надо жечь всех, – буркнул сэр Эдвард.

Священник досадливо скривился:

– Будь на то Господня воля, Он бы дал нам дров в изобилии.

Начали появляться зеваки. Городом по-прежнему владел страх, однако обыватели как-то почуяли, что главная опасность уже позади, и стали подтягиваться к рыночной площади. Сэр Мартин велел лучникам их пропускать:

– Пусть видят, им полезно.

Обыватели глядели мрачно и, несмотря на проповеди монахов и священников в оправдание готовящегося действия, явно сочувствовали осужденным. Те, по словам проповедников, выходили врагами Христа и дурными плевелами посреди чистой пшеницы: теперь, мол, отвергнув предложенную им благодать покаяния, они сами выбрали вечный удел, к которому им и предстоит перейти.

– Кто они есть-то? – не выдержал Хук.

– Лолларды, – ответил сэр Эдвард.

– Что за лолларды?

– Еретики, неумытая твоя морда, – с удовольствием встрял Сноболл. – Собирались бунтовать против нашего милостивого короля, а теперь пойдут напрямиком в ад.

– На бунтовщиков вроде не похожи, – заметил Хук.

Среди приговоренных были в основном пожилые и даже старики, много совсем юных, здесь же девушки и женщины.

– А ты на вид не смотри, – заявил Сноболл. – Еретики – они и есть еретики, чтоб им сдохнуть.

– Такова Божья воля! – рявкнул сэр Мартин.

– А почему они еретики? – не отставал Хук.

– Что-то мы сегодня любопытны, – прорычал сэр Мартин.

– Мне тоже интересно, – поддержал брата Майкл.

– Потому что Церковь так решила! – огрызнулся сэр Мартин, но тут же опомнился и сменил тон. – Веруешь ли ты, Майкл Хук, что гостия, возносимая мной во время мессы, непостижимо пресуществляется в святое и возлюбленное тело Господа нашего Иисуса Христа?

– Конечно, святой отец!

– Ну вот, а эти не верят. – Священник дернул головой в сторону лоллардов, преклонивших колени на грязной площади. – Считают, что хлеб остается хлебом. Дерьмоголовые мерзавцы. А веруешь ли ты, что святейший наш папа есть наместник Господа на земле?

– Да, святой отец, – ответил Майкл.

– Слава богу, а то пришлось бы тебя повесить.

– А я думал, пап двое, – вставил Сноболл.

Сэр Мартин предпочел не слышать.

– Ты когда-нибудь видел, как жгут грешников? – спросил он Майкла.

– Нет, святой отец.

Сэр Мартин плотоядно осклабился:

– Они вопят, юный Хук, вопят, как кабан при холощении! Еще как вопят! – Он вдруг обернулся и ткнул длинным костистым пальцем в грудь Нику. – И ты, Николас Хук, должен внимать тем воплям, ибо они суть литургия преисподней! А тебе туда и дорога!

Священник вдруг широко раскинул руки и закружился на месте, напомнив Хуку огромную чернокрылую птицу.

– Остерегайтесь ада, парни! – упоенно провозгласил он. – Остерегайтесь ада! Никаких грудей по средам и пятницам! И всякий день творить Божье дело со тщанием!

По всем концам площади с таких же, как у «Быка», перекаладины спустили еще веревки, и солдаты, разделив толпу на группы, подогнали жертв к импровизированным виселицам. Мужчина из приговоренных еще кричал напоследок своим, что надо уповать на Бога и что они нынче же встретятся в раю, – но королевский стражник, ударив его кулаком в латной перчатке, сломал ему челюсть, и крик смолк. Мужчина оказался из тех двоих, кого вели сжигать, и Хук, стоя в стороне от прочих, наблюдал, как осужденного подняли на бочку со щебнем и привязали к шесту, набросав побольше хвороста к ногам.

– Очнись, Хук, чего задумался? – пробурчал Сноболл.

Происходящему радовались не многие, зрители по большей части глядели мрачно и предпочитали не замечать проповедей священников и хвалебных песнопений монахов в коричневых рясах.

– Поднимай старика к петле, – велел Хуку Сноболл. – Нам десятерых вешать, шевелись!

Ручную повозку из тех, в которых везли на площадь дрова, подкатали под перекалдину. Сверху повозки уже стояли трое мужчин, Хуку предстояло поднять туда четвертого, остальные приговоренные – четверо мужчин и две женщины – ждали. Одна из женщин льнула к мужу, вторая, отвернувшись, молилась на коленях.

Старик годился Хуку в деды.

– Я прощаю тебя, сынок, – проговорил он, пока Хук набрасывал ему петлю на шею. – Ты ведь лучник, да? – (Хук, затягивая потуже петлю, молчал.) – Я сражался на Хомилдонском холме, – продолжал лоллард, переводя взгляд на сизые тучи, – мой лук тогда славно поработал к чести короля. Я слал в шотландцев стрелу за стрелой, крепко натягивал и разом отпускал. Да простит меня Господь, тем днем я горжусь. – Он посмотрел Хуку в глаза. – Я был лучником.

Хук мало чем в жизни дорожил, не зная иных привязанностей, кроме любви к брату и мимолетного влечения к тем девчонкам, что побывали в его руках, однако к лучникам он относился особо. Лучники были его кумирами. Англию – в этом он не сомневался – хранили от врагов не рыцари в сияющих латах, восседающие на крытых узорными попонами конях, а лучники – простые труженики, способные послать стрелу на двести шагов так, что она угодит в мишень размером с ладонь.

Поэтому, глянув в глаза старику, Хук увидел в них не пламя ереси, а гордость и силу лучника – такого

же, как он сам. В душе его всколыхнулось уважение, и руки опустились сами собой.

– Ничего не поделаешь, сынок, – тихо произнес старик. – Я бился за старого короля, а теперь его сын хочет моей смерти. Затягивай веревку, парень. Лишь не откажи в просьбе, когда я уйду.

Хук коротко кивнул – то ли в знак того, что слова услышаны, то ли в подтверждение готовности исполнить уговор.

– Девушка на коленях молится, видишь? – продолжал старик. – То Сара, моя внучка. Уведи ее отсюда, ради меня. Она пока не заслужила рая, поэтому уведи. Ты молод, сынок, тебе достанет сил. Ради меня.

«Каким образом?» – пронеслось в мозгу у Хука. Он рванул проклятый конец веревки, затягивая петлю вокруг старческой шеи, и прыгнул с повозки, чуть не растянувшись в грязи. Сноболл и Роберт Перрил, вязавшие остальные петли, уже стояли рядом.

– Простонародье, – разглагольствовал тем временем сэр Мартин. – Простонародье, а все туда же: думают, будто знают больше, чем сама Матерь-Церковь. Пора их проучить, чтоб остальная чернь зареклась впадать в ересь. Будьте безжалостны, ибо мы вершим Божье милосердие, безмерное Божье милосердие!

Безмерное милосердие состояло в том, чтобы резко выдернуть повозку из-под ног четверых осужденных, заставив тела дернуться и завертеться на весу. Хук не отводил взгляда от старика – широкоплечего, как всякий лучник. Старик задыхался и бился, ноги его то сгибались, то повисали, но даже в смертной агонии он не сводил с Хука наливающихся кровью глаз, словно ожидая, что тот выхватит его Сару прямо с площади.

– Ждать, пока сами сдохнут, или за ноги потянуть? – осведомился Уилл Сноболл у сэра Эдварда.

Сэр Эдвард словно не слышал. Он рассеянно глядел в сторону ближайшей бочки с шестом, где лолларду с проломленной челюстью что-то втолковывал священник. Рядом наготове стоял латник с горящим факелом в руках.

– Стало быть, пусть болтаются, сэр, – решил Сноболл и вновь не получил ответа.

– Боже! – Сэр Мартин словно проснулся, голос его зазвучал так же елебно, как в приходской церкви во время мессы. – Боже милостивый, какая куколка!

Священник не сводил глаз с Сары – та, поднявшись с колен, с ужасом глядела на корчащееся в судорогах тело деда.

Николас Хук не раз задумывался, как выглядят ангелы. Фреска на стене деревенской церкви, изображавшая ангелов, давно попортилась: вместо лиц остались пустые пятна, одежды и крылья пожелтели и пошли полосами от влаги, сочащейся сквозь штукатурку, – и все же ангелы для Хука были существами неземной красоты. Их крылья похожи на журавлиные, не иначе, только длиннее и шире, и каждое перо сияет как солнечный луч, падающий сквозь рассветную дымку; волосы отливают золотом, а длинные одежды сотканы из чистейшего, белоснежного льна. Хук знал, что ангелы – неземные создания, и все же в мечтах он видел их как прекрасных дев, способных поразить воображение юноши: сама красота на сияющих крыльях – вот что были для него ангелы.

И внучка старика-лолларда была прекрасна, как они. Пусть без крыльев, пусть в заляпанной грязью рубаше и с застывшим от ужаса лицом при виде смерти и в предчувствии ее – и все же она была удивительно хороша: голубоглазая, светловолосая, с нежно очерченными скулами и чистой, без единого следа оспы, кожей. Дева, способная поразить воображение юноши. Впрочем, и священника тоже.

– Видишь калитку, Майкл Хук? – не мешкая приступил к делу сэр Мартин. Братья Перрилы, наиболее пригодные для такого поручения, стояли слишком далеко, и он выбрал ближайшего лучника. – Бери

девчонку и уводи через калитку вон в ту конюшню.

Младший брат Ника выглядел озадаченным.

– Взять девчонку?..

– Да не брать! Где уж тебе, тупорожий идиот! Уведи девчонку в конюшню, что при харчевне! Я уединюсь с ней для молитвы.

– А! Вы хотите помолиться! – улыбнулся Майкл.

– Помолиться, святой отец? – переспросил с ехидной ухмылкой Сноболл.

– Если она покается, ей можно оставить жизнь, – благочестивым тоном протянул сэр Мартин. Хук видел, что священника чуть не трясет, и явно не от холода. Взгляд сэра Мартина метнулся от девушки к Сноболлу. – Господь, неизъяснимый в Своей любви и милосердии, такое допускает, так отчего нам не привести ее к покаянию? Сэр Эдвард!

– Что, святой отец?

– Я уединюсь с девчонкой для молитвы!

Сэр Эдвард не ответил. Он все еще смотрел на незажженные дрова у ног лоллардского предводителя, который, не слушая увещаний ближайшего клирика, неотрывно глядел в небо.

– Забирай девчонку, Майкл Хук! – приказал сэр Мартин.

Ник смотрел, как брат – почти не уступающий силой ему самому – берет девушку за локоть так простодушно и бережно, что она даже не подумала отпрянуть.

– Пойдем, детка, святой отец хочет с тобой помолиться. Тебе не сделают плохого.

Сноболл хихикнул, видя, как Майкл повел девушку к калитке и дальше в конюшню. Ник Хук шел следом, убеждая себя, что приглядывает за братом, а на деле не в силах выбросить из головы предсмертные слова старого лучника. Среди стоял было холодно и пыльно, пахло соломой и навозом. Едва войдя, Ник взглянул на окно под самой крышей – и вдруг у него в голове раздался голос. Ниоткуда. Сам по себе.

– Уведи ее, – произнес голос, мужской, незнакомый. – Уведи – и заслужишь рай.

– Рай? – повторил Ник вслух.

– Ник, ты что? – обернулся к нему Майкл, все еще поддерживая девушку под локоть.

Хук не отрывал глаз от светлого окна в вышине.

– Спаси девушку, – произнес голос.

В конюшне, кроме братьев и Сары, никого не было, но голос слышался явственно. Хука затрясло. Спасти девушку – как? Увести – как?.. Раньше с ним такого не бывало: он жил в уверенности, что проклят и ненавидим даже собственным святым, а сейчас его озарило: спаси он девушку – и Господь его возлюбит, простив все, чем он прогневал святого Николая! Спасение было где-то там, за высоким окном, – оттуда Хука звала новая жизнь, жизнь без проклятия, и все же он не знал, как к ней подступить.

– Господи помилуй, ты-то зачем приперся? – рявкнул на него сэр Мартин.

Хук не ответил, по-прежнему глядя в облака за окном. Чей же голос он слышал?

Хуков жеребец вскинулся и ударил копытом землю. Сэр Мартин, оттолкнув Ника, при виде девушки расплылся в ухмылке.

– А вот и мы, юная леди, – хрипло бросил он и тут же обернулся к Майклу. – Раздень ее!

– Раздеть?.. – нахмурился Майкл.

– Она должна предстать пред Богом обнаженной, – назидательно произнес сэр Мартин. – Дабы наш Господь и Спаситель судил ее подлинную сущность. Нагота истинна, Писание так и говорит: истина в наготе.

Писание, разумеется, ничего подобного не говорило, однако сэру Мартину никогда не составляло труда выдумать цитату к случаю.

– Но... – Как бы ни был Майкл недогадлив, неуместность происходящего бросалась в глаза даже ему.

– Делай что велено! – рявкнул священник.

– Так нельзя! – упрямо заявил Майкл.

– Да пропади ты пропадом! – Сэр Мартин отпихнул Майкла и схватил девушку за ворот рубахи.

Сара, отчаянно вскрикнув, попыталась отступить. Майкл в ужасе застыл, однако Ник Хук, в голове которого все еще отдавался эхом таинственный голос, метнулся вперед и всадил кулак в живот сэру Мартину. Священник согнулся пополам, крикнув не то от боли, не то от удивления.

– Ник! – только и вымолвил Майкл в ужасе.

Хук взял девушку за локоть и повернул к дальней стене с окном.

– На помощь! – заорал сэр Мартин севшим от боли голосом. – Сюда!

Хук обернулся было, чтобы его заткнуть, но Майкл шагнул между ним и священником – и тут влетели братья Перрилы.

– Он меня ударил! – прохрипел сэр Мартин чуть не изумленно.

Том Перрил ухмыльнулся, хотя младшего, Роберта, зрелище смутило так же, как и Майкла.

– Взять его! – прохрипел священник, выпрямляясь; ему явно не хватало воздуха, лицо перекошилось от боли. – Вытащите наружу и держите.

Хук позволил вывести себя в конюшенный двор, Майкл вышел следом и сокрушенно застыл, глядя на тела повешенных, болтающиеся под зябким косым дождем.

Ника вдруг охватило бессилие. Он ударил священника – высокородного священника, родню самого лорда Слейтона!.. Братья Перрилы скалили зубы и изощрались в издевке, но Хук не обращал внимания – он слышал только треск разрываемой рубахи и заглушенный женский вопль, потом зашелестела солома, раздалось хрюканье сэра Мартина, донесся стон Сары. Ник Хук смотрел на низкие облака и густой древесный дым, накрывающий город плотнее любой тучи, и не мог отделаться от мысли, что предал Божью волю. Всю жизнь ему твердили, что он проклят, а когда на площади, где царит смерть, Бог потребовал от него единственного поступка – он не сумел ничего сделать.

С площади долетел странный звук, будто слитный вдох огромной толпы. Ник понял, что там зажгли первый костер, и устранился: ему, не спасшему голубоглазого ангела от черной похоти священника, тоже наверняка не миновать адских мук. Впрочем, как знать: девушка ведь еретичка, и если голос требовал ее спасти – не дьявольское ли то было наущение...

Из конюшни теперь доносились судорожные всхлипы Сары, потом они сменились рыданиями, и Хук, подняв голову, подставил лицо ветру и хлестким струям дождя.

Сэр Мартин, склабясь, как сытая крыса, вышел из конюшни, выдергивая из-за пояса складки

подоткнутой рясы.

– Ну вот и все, чего долго возиться. Том, хочешь девку? – глянул он на старшего Перрила. – Нужна – забирай, лакомая штука. Только перережь ей горло, как управишься.

– Вешать не надо? – деловито осведомился Том Перрил.

– Просто прикончи, и все, – отмахнулся священник. – Я бы и сам, но Церкви не пристало убивать людей, она лишь вручает их мирской власти – тебе, Том. Так что попользуешься еретичкой – перережь ей глотку. Роберт, держи Хука. А ты, Майкл, ступай прочь, нечего тебе здесь делать.

Майкл нерешительно застыл на месте.

– Уходи, – устало кивнул брату Ник Хук. – Ступай.

Роберт Перрил схватил Ника за локти, и, хотя тому стоило лишь двинуть плечом, он даже не дернулся, все еще в оторопи от неведомого голоса и от собственной глупости: ударить самого сэра Мартина! Уж проще было затянуть себе петлю на шею!.. Священник, впрочем, жаждал для Хука наказания похлеще, чем просто смерть, и теперь принялся остервенело его избивать. Силой сэр Мартин явно уступал любому лучнику, зато злобы в нем было хоть отбавляй, и он с наслаждением лупил Хука острыми костяшками пальцев, метя в лицо и норовя попасть по глазам.

– Выродок, сучье дерьмо! – визжал он. – Считаю, что ты покойник! Станешь у меня таким же! – Он мотнул головой в сторону ближайшего шеста, где серые дымные клубы от огненных языков, пляшущих у подножия, почти скрыли выгнутое тугим луком тело. – Ублюдох, и мать у тебя шлюха, и сам ты сучье отродье!

Среди клубов дыма взметнулся огненный столб, и над площадью разнесся крик, как рев кабана на бойне.

– Что тут творится, дьявол вас раздери? – Посреди конюшенного двора стоял сэр Эдвард, явившийся не иначе как на вопли сэра Мартина.

Священнику удалось лишь рассечь Нику губу и пустить кровь из носа. Теперь сэр Мартина трясло, в его широко раскрытых глазах, горевших злобой и ненавистью, Хук разглядел искру дьявольского безумия.

– Хук меня ударил, казнить его!

Сэр Эдвард перевел взгляд с рычащего священника на окровавленное лицо Ника.

– Как прикажет лорд Слейтон.

– Что он еще прикажет, кроме как повесить? – огрызнулся священник.

– Ты ударил сэра Мартина? – спросил Хука сэр Эдвард.

Ник только кивнул. Кто все-таки говорил с ним в конюшне – Бог или дьявол?..

– Ударил! – рявкнул сэр Мартин. Внезапно подскочив, он рванул Хуков налатник и разодрал его пополам, ровно между луной и звездами. – Этот герб не для него! – Он швырнул накидку в грязь и обернулся к Роберту Перрилу. – Найди веревку или тетиву, связать ему руки. И отбери меч!

– Меч я возьму, Перрил. Оставь Хука мне, – приказал сэр Эдвард, вытягивая из ножен Хука меч, принадлежащий лорду Слейтону. Доведя Хука до выхода со двора, он спросил: – Что стряслось?

– Он изнасиловал девушку, сэр Эдвард!

– Подумаешь, – нетерпеливо отмахнулся тот. – Преподобный сэр Мартин только этим и занимается.

– А еще со мной говорил Бог, – выпалил Хук.

– Что? – Сэр Эдвард уставился на Хука, словно тот объявил, что вместо неба теперь сыворотка.

– Со мной говорил Бог, – повторил Ник с несчастным видом. Вышло жалко и неубедительно.

Сэр Эдвард не ответил. Он задержал взгляд на Хуке, затем обернулся к рыночной площади. Еретик в костре уже не кричал – тело, перегнувшись, свесилось вперед, тут же вспыхнули волосы. Державшие туловище веревки наконец перегорели, и тело сгустком огня рухнуло вниз. Двое латников, орудуя вилами, принялись заталкивать горящий труп глубже в костер.

– Я слышал голос, – упрямо повторил Хук.

Сэр Эдвард небрежно кивнул, словно давая понять, что слова услышаны и повторять не нужно.

– Где твой лук? – неожиданно спросил он, не отрывая глаз от дымного облака, окутавшего горящую фигуру.

– В задней комнате харчевни, сэр Эдвард.

Сэр Эдвард глянул на ворота харчевни – там как раз появился ухмыляющийся Том Перрил, вытирая окровавленную руку.

– Я приказываю тебе вернуться в заднюю комнату и ждать, – тихо произнес сэр Эдвард. – Ждать, пока тебе свяжут руки, привезут домой и отдадут под суд, а потом повесят на дубе рядом с кузницей.

– Слушаюсь, сэр Эдвард, – отозвался Хук с угрюмой покорностью.

– А чего я тебе не приказываю, – продолжал латник все тем же тихим голосом, но явно настойчивее, – так это уходить из харчевни через главный вход. Не пробирайся в центральную часть Лондона, не находи там улицу, называемую Чипсайд, не отыскивай на ней постоянный двор «Две цапли». А в «Двух цаплях» не спрашивай о человеке по имени Генри из Кале. Слышишь, Хук?

– Да, сэр Эдвард.

– Генри из Кале набирает лучников, – пояснил сэр Эдвард, глядя, как человек в одежде с королевским гербом подтаскивает горящее бревно к столбу, где привязали второго предводителя лоллардов. – В Пикардию. За хорошие деньги.

– В Пикардию, – механически повторил Хук. Наверное, какой-нибудь мелкий английский городишко...

– Заработаешь там денег, пригодятся.

Хук, помедлив, осторожно спросил:

– Теперь я преступник вне закона?

– Ты покойник, Хук, а покойникам закон не писан. Ты все равно что труп. Я ведь приказал тебе остаться в таверне и ждать суда, а у лорда Слейтона на суде не будет выбора, кроме как вздернуть тебя на ближайшем дубе. Поэтому ступай и делай что говорят.

Прежде чем Хук успел ответить, от ближайшего угла раздался внезапный окрик:

– Шапки долой! Шапки долой!

Тут же послышался топот копыт, из проулка вынеслись всадники. Горячие кони рассыпались веером по площади и, резко осаженные, вздыбились и встали. Из ноздрей валил пар, копыта месили грязь. Мужчины и женщины, застигнутые на площади, стягивали с головы шапки и падали на колени.

– На колени, парень, – велел Хуку сэр Эдвард.

Среди всадников выделялся один – молодой, чуть старше Хука, с узким длинноносым лицом, излучающим спокойную уверенность. Темные глаза, тонкие суровые губы, тщательно выбритые – чуть ли

не содранные лезвием – щеки. Вороной конь богато убран блестящей черной кожей и серебром. На всаднике черные штаны и сапоги, черная бархатная шляпа с щегольским черным пером и подбитый овечьей шерстью темно-пурпурный плащ поверх черного камзола, на боку меч в черных ножнах. Всадник обвел холодным взглядом площадь и пустил коня к ближайшей виселице рядом с «Быком», где на колокольных канатах болтались тела женщины и четверых мужчин. Порыв ветра бросил в жеребца клуб искристого дыма, конь заржал и прынул в сторону, молодой человек успокаивающе похлопал его по шее рукой в черной перчатке, на которой Хук разглядел богатые перстни с камнями.

– Предлагали ли им покаяться? – требовательно спросил всадник.

– Многократно, мой государь, – елеин молвил сэр Мартин, который при появлении кавалькады выскочил из харчевни и теперь кротко преклонил колено перед властным всадником. Священник осенил себя крестным знамением; его тощая физиономия казалась чуть ли не ангельской, изображающей истинное радение за Христа. Как и всегда, когда сэру Мартину случалось выказывать себя святошей, дьявольский огонь в его глазах вдруг сменился выражением боли, чуткости и безмерного сострадания.

– Значит, их смерть угодна Богу и мне, – твердо произнес всадник. – Я освобожу Англию от ереси!

Взгляд его карих глаз, умных и проницательных, на миг задержался на Хуке – тот сразу же уставился в грязь под ногами; затем черный всадник отъехал ко второму костру, только что зажженному. Прежде чем опустить глаза, Хук успел заметить на узком лице шрам – боевой шрам от стрелы, угодившей между носом и глазом. Такой выстрел должен был стать смертельным, однако Господь для чего-то оставил этого человека в живых.

– Знаешь, кто это, Хук? – шепнул сэр Эдвард.

Знать было неоткуда, но догадаться ничего не стоило: перед Хуком впервые в жизни предстал граф Честерский, герцог Аквитанский и правитель Ирландии – Генрих, милостью Божьей король Англии.

А по мнению тех, кто притязал на знание путаных теней монаршего родословия, – еще и король Франции.

Языки огня коснулись второго предводителя еретиков, тот закричал. Король Англии, пятый по имени Генрих, спокойно наблюдал, как душа лолларда отправляется к чертям.

– Ступай, Хук, – тихо велел сэр Эдвард.

– Почему?..

– Потому что лорд Слейтон не хочет твоей смерти. Ты, вероятно, слышал Божий глас, а нам как никогда нужна Его милость. Особенно сегодня. Так что не медли.

И Николас Хук, лучник и законопреступник, двинулся в путь.

Часть первая

Святой Криспин и святой Криспиниан

Глава первая

Река Эна медленно вилась по широкой равнине, окруженной невысокими лесистыми холмами. Стояла весна, всюду буйствовала яркая молодая зелень. Длинные гибкие водоросли колыхались в воде там, где река сворачивала к Суассону.

Город состоял из стен, собора и замка – он служил крепостью для охраны Фландрской дороги, ведущей из Парижа на север. Теперь его заняли враги Франции. Одежду крепостной стражи украшал червлёный крест Бургундии, над замком развевался пестрый флаг бургундского герцога – лев в малом щите посреди золотых королевских лилий и бургундских полос.

Лев воевал с французскими лилиями, но Николас Хук в этом не разбирался.

– Не понимаешь – и ладно, тебе-то что, – отмахнулся от него Генри из Кале еще в Лондоне. – Французы дерутся между собой, и одни нам платят за то, чтоб мы били других. Мое дело – набрать лучников и послать на войну. А твое дело – убивать кого там скажут. Стрелять можешь?

– Могу.

– Поглядим.

Стрелять Ник Хук умел, потому-то и стоял теперь на крепостной стене Суассона под флагом со всеми его полосами и лилиями. Он понятия не имел, где лежит Бургундия, он знал только, что ею правит герцог по имени Иоанн Бесстрашный, который приходится кузеном королю Франции.

– Король у французов помешанный, – говорил в Англии Генри из Кале, – шальной, что твой полоумный хорек. Примерещилось ему, будто он из стекла. Сидит теперь и дрожит: а ну как толкнут и разобьют в осколки? Репа у него вместо башки, куда ему воевать против герцога – у того-то голова на месте.

– А за что воюют? – спросил Хук.

– Я-то почему знаю? Мое, что ли, дело? Мне главное – чтоб денежки от банкиров герцог получал вовремя. Держи. – Он бросил на стол харчевни кошель с серебром.

В то лондонское утро на Госпитальном поле за Епископскими воротами Хук выпустил шестнадцать стрел в соломенный мешок, болтающийся на сухом дереве за полторы сотни шагов. Стрелял он быстро – едва успеть досчитать до пяти между стрелами – и дюжину всадил точно в цель, остальные четыре задели мешок по краям.

– Сгодишься, – проворчал тогда Генри из Кале.

Серебро Хук спустил еще в Лондоне. Вдали от дома, без единого знакомого лица рядом, он чувствовал себя потерянным и не задумываясь тратил монеты на пиво и шлюх, а за остаток купил сапоги, развалившиеся задолго до Суассона. Море он видел впервые и едва верил своим глазам, а когда позже силился его припомнить, то представлял себе озеро, только бескрайнее и бурное, несравнимое с прежде виденными водами.

Хука и дюжину других стрелков встретили в Кале двенадцать латников в накидках с бургундским гербом. Королевские стражники в Лондоне носили одежду с такими же лилиями, и Хук подумал, что здешние латники – англичане. Однако язык их оказался не понятен ни Хуку, ни его товарищам.

До Суассона добирались пешком: денег на коней, о которых каждый лучник мечтал в Англии, ни у кого не было. Путь сопровождали две конные повозки, нагруженные запасными луками и толстыми пучками стрел.

Компания подобралась странная – старики, хромые, большинство пьянчуги.

– Собираю самых подонков, – поведал Хуку Генри из Кале еще в Лондоне. – А ты-то выглядишь молодцом, парень. Что натворил?

– Натворил?

– Ну, ты же здесь! Значит, преступник?

– Кажется, – кивнул Хук.

– Кажется? Тут уж либо да, либо нет. Что натворил?

– Ударил священника.

– Да-а? – Угрюмый лысый здоровяк Генри даже слегка удивился, затем пожал плечами. – С Церковью нынче не шутят, парень. Эти вóроны в рясах жгут всех подряд, и король тоже. Молод, да крут наш Генрих. Видел его?

– Однажды.

– Заметил на лице шрам от стрелы? Ударил в щеку и не убила! Видать, он тогда и решил, что Бог ему лучший друг и Божьих врагов надо жечь... Ну да ладно, завтра поможешь забрать стрелы из Тауэра, а потом тебе на корабль – и в Кале.

Так Николас Хук, лучник и преступник, оказался в Суассоне, где ему выдали накидку с красным бургундским крестом и поставили на городскую стену.

Всеми англичанами, нанятыми для службы бургундскому герцогу, командовал сэр Роджер Паллейр – спесивый латник, редко снисходивший до стрелков. Его приказы обычно передавал сентенар по имени Смитсон, облюбовавший таверну «L'Oie» – «Гусь», где проводил все время.

– Нас тут ненавидят, – с самого начала предостерег он новоприбывших. – Не хотите получить нож в спину – ночью поодиночке не шляйтесь.

Несмотря на то что солдаты в крепости были бургундцами, жители Суассона хранили верность своему безумному королю, Карлу VI Французскому. Хук, даже после трех месяцев жизни в крепости не различавший бургундцев и французов, не понимал их вражды: и говорят на одном языке, и герцог Бургундский не только кузен сумасшедшего короля, а еще и тесть французского дофина...

– Семейные дразги, парень, – объяснил Джон Уилкинсон. – Хуже их не бывает.

Старику Уилкинсону было уже за сорок, его назначили мастерить луки и стрелы для лучников-англичан, нанятых бургундцами. Он жил в конюшенном закуте «Гуся», где аккуратно развесил на стене все свои пилы, надфили, скобели, резцы и стамески. Когда ему потребовался помощник, Смитсон выделил Хука, самого молодого из новоприбывших.

– У тебя-то хоть голова на плечах, – одобрительно проворчал Уилкинсон, – а то присылают всякую дрянь – что людей, что оружие. Лучники, а с пятидесяти шагов в бочку не попадут. А сам-то сэр Роджер! – Старик сплюнул. – Только деньги на уме. Дома-то все спустил, одних долгов, говорят, пять сотен фунтов.

Пять сотен! Тебе, поди, и не снилось! А нам за него сражаться эдаким хламяем... – вытащив очередную стрелу, покачал седой головой Уилкинсон.

– Стрелы дал сам король! – попытался оправдаться Хук, помогавший забирать стрелы из подвалов Тауэра.

– Королю, – усмехнулся Уилкинсон, – благослови Господь его душу, просто некуда их деть. Стрелы-то еще старого короля Эдуарда. Толку от них никакого, а продать Бургундии – самое то. Так он небось и замышлял. Гляди! – Старик перебросил стрелу Хуку.

Длинная – больше руки Хука – ясеновая стрела оказалась погнутой.

– Кривая, – признал Хук.

– Кривее не бывает! Хоть из-за угла стреляй!

В закуте Уилкинсона стоял жар – в углу пылал круглый кирпичный очаг, поверх которого дымился котел с водой. Старик взял у Хука гнутую стрелу и вместе с дюжиной других уложил на края котла, затем прикрыл ясеновые древки толстым слоем тряпок и придавил середину камнем.

– Сначала распарить, – пояснил он, – потом придавить, потом, если повезет, выпрямить. Оперение из-за пара отвалится, да что с того – чуть не половина стрел все равно без перьев!

Рядом горела жаровня, на которой стоял второй котел, поменьше, оттуда пахло копытным клеем – им Уилкинсон приклеивал к стрелам гусиные перья.

– И шелка нет, обходись тут одними жилами, – проворчал он. Жилами обматывалась пятка стрелы вместе с перьями. – А от жил какой прок? Высыхают, съеживаются, рассыпаются... Говорил я сэру Роджеру – мол, без шелка мне никак, да ему-то что! Ему что стрела, что деревяшка, поди растолкуй...

Старик завязал жилу узлом и повернул стрелу, чтобы разглядеть пятку: при выстреле она прилегает к тетиве, и потому ее укрепляют насадкой из рога, чтобы отпускаемая тетива не расщепила ясеновое древко. Уилкинсон попробовал отломить роговой стержень, однако тот не поддавался. И старик, нехотя пробурчав что-то одобрительное, потянулся к дискам за следующей стрелой. Каждая пара дисков из жесткой кожи, прорезанных по краям, держала две дюжины стрел – так их было удобнее перевозить без риска смять тонкое оперение.

– Перья, рог, шелк, ясень, сталь, лак, – бормотал Уилкинсон. – Возьми самый распрекрасный лук и стрелка́ ему под стать – и все ж без перьев, ясеня, рога, шелка, стали и лака ты сможешь во врагов разве что плевать. Ты людей убивал, Хук?

– Да.

Уилкинсон, заслышав вызов в голосе, усмехнулся:

– В бою? Или так? В бою людей убивал?

– Нет, – признался Хук.

– А из лука?

– Да, одного бродягу.

– Он в тебя стрелял?

– Нет.

– Тогда с чего тебе зваться лучником? Лучник – тот, кто убивает врага в бою. Как ты убил последнего?

– Повесил.

– Почему?

– Он был еретик.

Уилкинсон – худой, как куница, мрачный и остроглазый – провел пятерней по редющим сединам и хмуро взглянул на Хука:

– Вешать еретика? Дрова, что ли, в Англии кончились... И давно за тобой такой подвиг?

– С прошлой зимы.

– Он из лоллардов? – спросил старик. Хук кивнул, и Уилкинсон недобро усмехнулся. – Стало быть, ты повесил человека за то, что он не сошелся с Церковью из-за ломтя хлеба? «Я хлеб живой, сошедший с небес», – говорит Господь, а про мертвый хлеб на церковном блюде – ни слова. Он ведь не сказал, что Он затхлый, лежалый хлеб, – нет, сынок, Господь назвал Себя хлебом живым. Но ты-то, вешая еретиков, уж конечно лучше Его понимал истину.

На вызов, крившийся в словах старика, Хуку ответить было нечем, и он промолчал. Он не задумывался о вере и Боге, пока не услышал голос в конюшне, и теперь временами сомневался, не пригрезились ли ему те слова. Он вспомнил Сару, ее молящий взгляд и свою неудачную попытку помочь. Вспомнил запах жженой плоти и низкий стелющийся дым, обвеваемый ветром вокруг лилий и леопардов на английском гербе. Вспомнил отмеченное шрамом лицо молодого короля, суровое и непреклонное.

– А вот из этой, – Уилкинсон потянул к себе стрелу, обломленную близко к наконечнику, – мы еще сделаем убийцу что надо. Пусть утянет в ад дворянскую душу...

Старик положил стрелу на деревянную колоду и выбрал нож поострее, попробовав лезвие на ногте большого пальца. Быстрым движением он отхватил верхние шесть дюймов древка и перебросил стрелу Хуку.

– Займись делом, парень, сними наконечник.

Узкое стальное жало, длиннее среднего пальца Хука, сходилось к острию тремя гранями без зубцов. Такие наконечники были тяжелее прочих и могли пробить доспехи, а на близком расстоянии – если стрелять из мощного лука, для которого нужна геркулесова сила, – пробивали даже рыцарские латы.

Хук принялся вращать наконечник. В конце концов клей внутри отверстия отслоился, высвободив древко.

– Знаешь, как закаляют острие? – спросил Уилкинсон.

– Нет.

Старик, наклонившись над обрубком ясеновой стрелы, тонкой пилкой не длиннее мизинца выпиливал клин в отрезанном торце.

– Когда куют, в огонь сыплют кости. Да-да, высохшие мертвые кости. А почему горящие угли с костями обращают железо в сталь?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. А поди ж ты – угли да кости... – Уилкинсон, сдув опилки с торца, удовлетворенно кивнул. – Я знавал одного в Кенте – тот сыпал кости человеческие. Детский череп, говорит, дает лучшую сталь. Раскопает могилу, вытащит череп, бросит кусками в огонь... Младенческий череп – на угли!.. Подонок был еще тот. Но уж убивать его стрелы умели, этого не отнять. Сквозь доспехи проскальзывали – только ахнешь...

Уилкинсон, пока говорил, достал откуда-то дубовое древко в шесть дюймов длиной, его клиновидный

выступ точно повторял форму только что сделанной прорези в ясеновой стреле.

– Видал? Ровнее не бывает! – гордо произнес старик, состыковывая в руке оба древка. – Не в первый раз, поди! Теперь ее склеить – и готова убивать.

Подхватив свободной рукой наконечник, старик наставил его на дубовый торец и любовно оглядел стрелу. Дубовый стержень придавал стреле вес и усиливал тяжесть наконечника. Так стрела вернее пробьет латные доспехи.

– Попомни мое слово, парень, убивать тебе придется уже скоро, – пробормотал Уилкинсон.

– Скоро?

– Король Франции, – мрачно усмехнулся старик, – может, и безумен, да только не потерпит, чтоб бургундский герцог удержал Суассон. До Парижа рукой подать! Королевское войско вот-вот нагрянет, и тогда нам только и останется, что бежать в крепость. А коль доберутся до крепости, то уж лучше помереть заранее. Французы англичан не любят, наших лучников и вовсе ненавидят, так что попадись ты им в руки – умирать будешь в мучениях и воплях. – Он взглянул на Хука. – Я не шучу, парень. Лучше перерезать себе глотку, чем попасть к французам.

– Если придут – отобьем, – пожал плечами Хук.

– Ну да, еще бы, – жестко усмехнулся Уилкинсон. – Молись, чтоб герцогское войско явилось раньше. Потому что, если в Суассон придут французы, мы окажемся в западне, как крысы в кадушке с маслом.

И теперь каждое утро Хук стоял на городской стене над воротами и оглядывал дорогу на Компьен, ведущую вдоль Эны. Еще чаще он глазел на дома за стеной, в предместье, и особенно на дом красильщика у сточной канавы – там рыжая девка каждый день развешивала во дворе крашенные ткани для просушки и частенько, взглядывая на Хука и других стрелков, махала им рукой, получая в ответ одобрителный свист. Женщина постарше, однажды поймав ее на заигрывании с вражескими солдатами, отвесила девке ощутимую оплеуху, однако на следующий день рыжая вновь крутила во дворе задом, к удовольствию зрителей. Когда девка не появлялась, Хук глядел на дорогу – не мелькнет ли солнечный блик на доспехах, не заплещется ли на ветру яркое знамя, возвещаая приближение герцогского войска или, сохрани Господь, вражеской армии. Однако на глаза попадались лишь бургундцы из городской стражи, тянущие в город съестное. Порой в такие вылазки с ними пускались и стрелки, по-прежнему не встречая по пути никакого противника, кроме хозяев реквизируемого хлебного зерна и живности. Крестьяне в таких случаях могли укрыться в лесу, а вот горожанам, чьи дома солдаты перерывали в поисках припасенной еды, деваться было некуда. Мессир Ангерран де Бурнонвиль, командующий бургундским гарнизоном, велел сносить в собор все зерно и засоленное мясо, чтоб было чем прокормить гарнизон и жителей: он ждал французов в начале лета и готовился к долгой осаде.

Ник Хук помогал убирать припасы в собор. И вскоре здание заполнил хлебный аромат, который, впрочем, не заглушал острого запаха выделанной кожи – Суассон издавна славился кожевниками, обувщиками и шорниками, и вонь от располагавшихся на юге ям с мочой, в которых выдерживались кожи, при южном ветре неминуемо пропитывала весь город. Хук часто бродил по собору, дивясь на расписанные стены и богатые алтари в серебре, золоте и эмали, крытые расшитым шелком и льном. В соборах ему прежде бывать не приходилось, и теперь отдающее эхом пространство, теряющиеся в тени высокие своды, торжественное каменное безмолвие – все наводило его на странные мысли о том, что в жизни должно быть нечто большее, чем луки, стрелы и способность с ними управляться. В чем состоит это нечто – Хук не знал, однако такие мысли преследовали его с самого Лондона, с того мига, когда после разговора со стариком-лучником в голове раздался повелительный голос. Как-то раз Хук, с непривычки чувствуя себя неловко, опустился на колени перед статуей Девы Марии и попросил прощения за то, что не сумел ничем

помочь той девушке в лондонской конюшне. Он поднял взгляд на печальный лик Богоматери, и ему показалось, будто глаза ее, ярко выписанные белой и голубой краской, глядят на него с укором. «Ответь мне», – взмолился он, однако никаких голосов не услышал. За смерть Сары не будет прощения, он нарушил Божью волю. Он проклят...

– Думаешь, она поможет? – прервал его молитвы резкий голос: рядом с Хуком стоял Уилкинсон.

– Если не она, кто еще?

– Может, ее Сын? – ядовито осведомился старик и украдкой огляделся: у боковых алтарей полдюжины священников служили мессы, по нефу спешила стайка монахинь в сопровождении клириков. – Бедняжки, – вздохнул он.

– Почему?

– Думаешь, они шли в монастырь по своей охоте? Нет, парень, просто их родителям не нужны хлопоты: незаконных дочерей делают монашками, чтобы они не наплодили незаконных внуков. Иди сюда, кое-что покажу.

Не дожидаясь ответа, Уилкинсон заковылял к высокому алтарю, блистающему золотом под необыкновенной красоты арками, ряды которых образовывали полукруг в восточной части здания.

– Взгляни на ларцы, парень, – велел старик, преклоняя колени у алтаря и почтительно склоняя голову.

На алтаре, по обе стороны от распятия, стояли серебряные и золотые ларцы, многие под хрустальными крышками. Внутри, насколько можно было разглядеть под хрусталем, лежало что-то кожаное.

– Что там? – спросил Хук.

– Башмаки, – приглушенно ответил Уилкинсон, не поднимая головы.

– Башмаки?

– Ну да, такие штуки, которые носят на ногах, чтобы песок не застревал между пальцев.

Кожа выглядела старой, тусклой и покореженной. Туфля в одном ковчежце настолько ссохлась, что Хук счел ее детской.

– А зачем тут башмаки? – спросил он.

– Ты слышал о святых Криспине и Криспиниане?

– Нет.

– Они покровители обувщиков и кожевников, и эти башмаки – их работа. По крайней мере, так говорят. Оба жили в Суассоне, здесь же, похоже, и убиты. Замучены за веру – как тот старик, которого вы сожгли в Лондоне.

– Он был...

– Еретик, да. Всех мучеников убивали из-за того, что кому-то из сильных не нравилась их вера. Христа на кресте – самого Христа, парень! – распяли за ересь. За что ж еще? А женщин ты убивал?

– Нет, – выдавил Хук.

– Значит, женщины там были? – спросил Уилкинсон, пристально взглянув на Хука. Ответа ему не потребовалось, он поморщился. – Вот уж порадовался Бог в тот день, ничего не скажешь.

Старик с отвращением покачал головой и полез в кошель на поясе. Достав горсть чего-то металлического – Хук решил, что монеты, – он ссыпал их в огромную медную кружку у алтаря,

предназначенную для пожертвований. Священник, что подозрительно следил за двумя англичанами-лучниками, при звяканье металла явно успокоился.

– Наконечники стрел, – ухмыльнулся Уилкинсон. – Старые ржавые наконечники, никуда не годные. А теперь помолись святым Криспину и Криспиниану.

Хук помедлил. Господь не мог не видеть, как Уилкинсон всыпал в кружку негодные наконечники вместо денег, и Ник, словно ощутив подступающие языки гееннского огня, поспешил опустить в кружку монету.

– Молодец, – тут же отозвался Уилкинсон. – Епископу твои денежки точно пригодятся, будет на что пива попить.

– Зачем молиться Криспину и Криспиниану? – спросил Хук.

– Они здешние святые, парень. Их дело внимать молитвам из Суассона. Здесь они услышат тебя скорее других.

Хук, опустившись на колени, вознес молитву святым Криспину и Криспиниану, чтобы они испросили ему прощение за лондонский грех, уберегли от беды в Суассоне, где им самим случилось принять смерть, и дали благополучно вернуться в Англию. Молитва получилась не такой сердечной, как обращения к Богоматери, однако Хук счел разумным и дальше молиться обоим местным святым. Уж они-то наверняка слышат тех, кто вызывает к ним из их родного города.

– Я готов, парень, – объявил Уилкинсон, внезапно оживляясь. На ходу он запихивал что-то в карман, и Хук, подойдя ближе к алтарю, увидел, что от покрова, свисавшего до полу, грубо откромсан прямоугольный кусок. Старик ухмыльнулся: – Шелк, парень. Если шелк для стрел негде взять – надо стащить.

– У Бога?

– Коль Богу негде взять пару шелковых ниток, значит плохи Его дела. Ты ведь мечтал убивать французов? Значит, молись, чтоб у меня был шелк для твоих стрел.

Однако помолиться Хуку не пришлось: на рассвете следующего дня французы нагрянули в город.

В Суассоне о приближении французов знали. До города долетела весть о сдаче бургундцами Компьена, и Суассон теперь оставался единственной крепостью, преграждавшей французам путь к Фландрии, где стояли основные силы бургундцев. Говорили, что французы идут с запада, вдоль Эны.

И в одно погожее летнее утро они объявились у стен города.

Хук наблюдал за их приближением, стоя на западном валу. Вначале показалась конница в доспехах и ярких гербовых накидках, несколько латников галопом подлетели ближе к городу, дразня и напрашиваясь на выстрел. Кое-кто из арбалетчиков не удержался, однако выпущенными стрелами не задело ни коней, ни всадников.

– Берегите стрелы, – велел сентенар Смитсон своим стрелкам-англичанам. Он небрежно щелкнул пальцем по натянутому луку Ника. – Не стреляй, парень, стрелы еще пригодятся.

Сентенар, которому пришлось вылезти из излюбленной харчевни «Гусь», прищурился, глядя в сторону гарцующих всадников. Те что-то неразборчиво кричали солдатам, водружающим на валу бургундский флаг рядом с личным штандартом гарнизонного командующего, мессира де Бурнонвиля. Кучка горожан тоже высыпала на вал посмотреть на новоприбывших всадников.

– Выродки, – бросил Смитсон при виде горожан. – Только и ждут, как бы нас предать. Надо было

убивать всех, резать проклятые французские глотки. – Он сплюнул. – Сегодня точно ничего не дождемся. Можно сидеть и пить пиво, пока есть.

И Смитсон неверными шагами направился прочь, оставив на стене Хука и полдюжины стрелков.

Французы шли весь день, по большей части пешие. Окружая Суассон, они срубали деревья на пологих холмах к югу от города и возводили на расчищенной земле палатки, рядом с которыми вскоре затрепетали на ветру яркие штандарты французской знати – соцветия алого, синего, золотого и серебряного. На баржах, подошедших по реке, прибыли четыре баллисты – огромные камнеметные машины для разрушения городских стен. На берег в тот день выгрузили лишь одну, и Ангерран де Бурнонвиль, надеясь сразу же сбросить ее в реку, с двумя сотнями конных латников предпринял вылазку через западные ворота, однако набег не удался: французы, ожидавшие нападения, встретили бургундцев вдвое большей силой. Два отряда, подняв копья, ненадолго замерли друг против друга, затем бургундцы отступили, сопровождаемые свистом и улюлюканьем французов.

После полудня начал сгущаться дым: французы жгли дома за городской стеной. Хук видел, как рыжая девка, подхватив узел с пожитками, направилась к французскому лагерю. В густеющем дыму она оглянулась на лучников и помахала рукой. Никто из жителей предместья не просился в город. Все уходило к противнику. Под прикрытием дыма появились первые вражеские арбалетчики, каждого стрелка закрывал щитоносец с толстой павезой – огромным щитом, за которым можно спрятаться стрелку, пока он взводит арбалет после выстрела. Тяжелые арбалетные стрелы то и дело ударяли в стены или свистели над головой, перелетая через вал в город.

К вечеру, когда солнце уже клонилось к громоздкой катапульте на берегу, протрубили трубы. Чистый и ясный звук далеко разнесся в задымленном воздухе. Как только отзвенела последняя нота, арбалетчики прекратили стрельбу. В предместье взметнулся столб искр над тростниковой крышей, обрушенной внутрь горящего дома, густой дым повалил в сторону Компьенской дороги, на которой Хук увидел двух всадников – без лат и оружия, в ярких гербовых накидках, с воздетыми над головой тонкими белыми жезлами. Их кони осторожно ступали по изрытой колеями дороге.

Мессир де Бурнонвиль, должно быть, их ожидал: западные ворота тотчас распахнулись, и командующий гарнизоном в сопровождении единственного спутника выехал навстречу двум прибывшим.

– Герольды, – проронил Джек Дэнси, уроженец Херефордшира. К бургундцам Джек подался после того, как его поймали на воровстве. «Там повесят, тут убьют – разница невелика», – сказал он как-то Хуку. Теперь, стоя на стене, он оглядывал всадников. – Герольды предложат сдаться... Хорошо бы наши согласились.

– Согласиться на французский плен? – переспросил Хук.

– Нет-нет, он мужик что надо, – Дэнси кивнул на де Бурнонвиля, – нам плохого не сделает. Если сдадимся – нас отпустят.

– Куда?

– Куда захотят, – неопределенно отозвался Дэнси.

Герольды, сопровождаемые двумя знаменщиками и трубачом, съехались с де Бурнонвилем почти у самых ворот и обменялись с ним поклонами, не сходя с седел. Хотя герольдов Хук видел впервые, он уже знал, что они неприкосновенны и встречать их полагается почтительно. Герольд, осматривающий местность перед боем, действует от имени своего господина, а нынешние двое, судя по королевскому знамени из синего шелка с тремя золотыми лилиями, служат не кому иному, как королю Франции. Второй флаг, пурпурный с белым крестом, по словам Дэнси, выходил знаменем святого Дионисия – Сен Дени, как

звали его французы, – покровителя Франции.

«Интересно, – думал Хук, теребя деревянный крестик на шее, – у кого больше власти на небесах, у Дионисия или у Криспина с Криспинианом? А подзащитных своих они отстаивают перед Богом так же, как адвокаты в суде?..»

Герольды и мессир де Бурнонвиль обменялись немногими словами, затем вновь раскланялись, и оба герольда, повернув серых коней, поскакали обратно. Де Бурнонвиль, поглядев им вслед, галопом пустился к городу. У горящего дома красильщика он придержал коня и что-то прокричал воинам на стене. Французского Хук почти не понимал, однако де Бурнонвиль добавил по-английски:

– Будем биться! Крепость французам не сдадим! Одолеем врага!

Звонящий клич замер в тишине: ни бургундцы, ни англичане-лучники не поддержали командующего. Дэнси лишь вздохнул. Арбалетная стрела, принесшаяся от французов, прожужжала над головой и с лязгом ударилась о ближайшую мостовую. Де Бурнонвиль, не дождавшись отклика от стоящих на стене воинов, двинул коня к воротам; Хук услышал скрип огромных петель, грохот деревянных створок и тяжелый стук засова, опускаемого в скобы.

Солнце, ушедшее за дымную завесу, отливало теперь червонным золотом. Внизу сквозь редящие клубы дыма стала видна группа скачущих вдоль городской стены вражеских всадников в доспехах и шлемах. Один, выдвинувшись вперед на огромном вороном жеребце, держал в руке странное знамя без герба – длинный и узкий стяг ярко-алого шелка, бьющийся на ветру, как струя крови. Завидев его, воины на стене осеняли себя крестом.

– Орифламма, – спокойно произнес Дэнси.

– Орифламма?

Дэнси, лизнув средний палец, еще раз перекрестился.

– Боевое знамя французов. Это значит, что обойдутся без пленных, убивать будут всех, – мрачно сказал он и вдруг откинулся навзничь.

В первый миг Хук не понял, что произошло. Он решил, что Дэнси оступился, протянул руку помочь – и тут увидел оперенную арбалетную стрелу, торчащую во лбу. Крови почти не было, лишь пара мелких капель. В остальном лицо Дэнси выглядело вполне мирным. Хук, опустившись на колени, оглядел толстую стрелу: снаружи торчал лишь хвост длиной в ладонь, остальное ушло глубоко в мозг; если не считать хруста, как от мясницкого топора, то Дэнси умер беззвучно.

– Джек! – окликнул его Хук.

– Ему не до тебя, Ник, – отозвался кто-то из лучников. – Он уже, поди, болтает в аду с дьяволом.

Хук так никогда в жизни и не понял, как все случилось и почему. Не то чтобы он считал Дэнси близким другом – друзей у него в Суассоне не водилось, разве что Джон Уилкинсон, – и все же его обуяла внезапная злость. Дэнси был англичанином, а в Суассоне англичан не любили не только враги-французы, но и свои же бургундцы, – и Хук, потянувшись к белому холщовому мешку на правом боку, медленно вытащил стрелу.

Повернувшись к полю, он наложил стрелу на цевье и, придерживая большим пальцем левой руки, приставил ее хвостом к тетиве; затем, вскинув лук, захватил правой рукой тетиву вместе с концом стрелы.

– Стрелять не велено, – упреждающе бросил лучник, стоящий поблизости.

– Зря стрелу потратишь! – поддакнул другой.

Натянув тетиву до правого уха, Хук пошарил глазами по дымному полю перед городом, и взгляд его

выхватил арбалетчика, спрятавшегося за павезой с изображением скрещенных топоров.

– Из лука не достанешь, это ж не арбалет, – предостерег его сосед-лучник.

Однако Хук стрелял с детства, набирая опыт и силу, пока ему не стали по руке самые мощные боевые луки, и он давно знал, что лучник целится не глазом, а чутьем: просто видишь цель и направляешь стрелу.

Арбалетчик уже поднимал свое тяжелое оружие, чьи-то две стрелы прошелестели в вечернем воздухе рядом с Хуком.

Он забыл обо всем. Так бывает в лесу, когда среди ветвей мелькнет олень. Стрела летит ему вслед, словно без ведома лучника. «Все умение – у тебя в голове, – давным-давно сказал ему деревенский стрелок. – Лук не нацеливают. Просто смотришь и знаешь, куда нужно попасть. И стрела идет сама».

Хук отпустил тетиву.

– Вот же дурень, – бросил кто-то рядом.

Белое гусиное оперение мелькнуло в дымном воздухе. Стрела спикировала быстрее, чем падающий на добычу ястреб. Сама оперенная смерть со стальным жалом, шелковой обвязкой и ясеневым древком пронзила вечернюю тишь.

– Боже милостивый, – прошептал сосед-лучник.

Французу не так повезло с быстрой смертью, как Джеку Дэнси. Стрела Хука пробила ему горло, стрелка развернуло на месте и опрокинуло навзничь. Арбалет в падении разрядился, стрела взмыла в небо. Арбалетчик в корчах бился на земле, цепляясь руками за горло, где жидким огнем разливалась боль, а над ним простиралось подернутое дымом пожарищ кроваво-красное небо, горящее предсмертным закатным огнем.

«Хорошая была стрела», – подумал Хук. Прямая, с перьями из одного и того же гусиного крыла, она летела уверенно и попала в цель. Он убил человека в бою и теперь наконец может зваться лучником.

На второй день осады Хук решил, что миру настал конец.

Вечер выдался теплым, прозрачный свет разливался в бледном воздухе, река медленно скользила между цветущих берегов с зарослями ивы и ольхи. Знамена над французскими палатками не колыхались, легкий дымок от сожженных домов медленно струился вверх и таял в безоблачном вечернем небе, у городской стены кружили ласточки.

Николас Хук, прислонив ненатянутый лук к стене, стоял на крепостном валу. Воспоминания уносили его в Англию, к усадьбе и широким лугам, которым уже недолго ждать сенокоса, к высокой траве с прячущимися в ней зайцами, к реке, полной форели, к пению жаворонка в сумерках. Он вспоминал Короткий луг и старый коровник с прогнившей крышей. Там, за душистой стеной жимолости, обычно встречала его Нелл, молодая жена Уильяма Сноболла, и отдавалась ему молча и неистово. Он раздумывал о том, кто сейчас следит за лесом Трех Бутонов, и в тысячный раз недоумевал, кто дал лесу такое имя. Деревенская харчевня тоже звалась «Три бутона», почему – не знал даже лорд Слейтон, который временами добирался до нее на костылях и неизменно оставлял монету за пиво на всех. Хук подумал о злобных вездесущих Перрилах. Сейчас он преступник вне закона, и домой ему нельзя – случись Перрилам его прикончить, его смерть не зачтется им как убийство, ведь закон не защищает преступника. Он вновь припомнил окно в лондонской конюшне, через которое Бог приказал ему спасти лоллардскую девушку. Хук не сумел ей помочь, и теперь ему вовек не видать пролившегося на него тогда небесного света. Сара. Он часто шептал ее имя, словно звук мог принести ему помилование.

Вдруг вечерняя тишь разом кончилась.

Вначале грянул свет – темный свет, как почудилось Хуку: вспышка черно-красных огненных сполохов языком змея из преисподней лизнула воздух у траншеи, вырытой французами вблизи катапульт. Геенна огненная показалась лишь на мгновение. Ее внезапно накрыло тучей плотного черного дыма, и тут же грянул оглушительный гром, сотрясший небеса. В ответ поблизости раздался грохот, словно что-то ударило в городскую стену.

Стена дрогнула. Лук Хука свалился и задребезжал по камням, над головой пронеслись птицы, вспугнутые грохотом, дымом и пламенем. Дымная черная туча скрыла солнце.

– Боже всемогущий! – только и вымолвил кто-то из лучников.

– Все ждал, когда ж она грянет. Пушка, – с отвращением заметил в ответ второй. – Пушку когда-нибудь видел?

– Нет.

– Ну теперь увидишь, и не одну, – мрачно кивнул второй.

Хук, тоже прежде не знавший о пушках, вздрогнул при следующем выстреле, взметнувшем в летнее небо вторую тучу дыма.

На следующий день к прежним пушкам присоединились еще четыре, и урон от шести пушек был намного ощутимее, чем от четырех деревянных катапульт. Метательным машинам доставало точности, и пущенные ими камни часто перелетали вал и попадали в город, разрушая дома и взметая пожары от разбросанных очажных углей. Зато каменные ядра, летящие из пушек, упорно били в городскую стену, уже изрядно развороченную. Всего за два дня внешняя обкладка стены раскрошилась и ссыпалась в широкую сточную канаву, и, пока пушки целенаправленно разрушали ее дальше, бургундцы торопливо строили полукруглую баррикаду с внутренней стороны стены.

Пушки стреляли трижды в день, звук выстрелов измерял время с постоянством монастырского колокола, зовущего к молитве. Свою единственную пушку бургундцы, ожидая наступления французов по Парижской дороге, заранее укрепили на южном бастине, и только на третий день осады ее удалось перетащить к западному валу и поставить на крышу надвратной башни. Первое время Хук не сводил с нее глаз. Вид черного железного дула, длинного, как два лука, и стянутого обручами подобно пивной кружке, его завораживал. Голландцы-пушкарки долго наблюдали за вражескими орудиями и, нацелив дуло на выбранную французскую пушку, приступили к трудоемкому заряджению. Длинным совком они засыпали в ствол порох, туго утрамбовали его обернутым тканью прибойником, затем в широкой деревянной бадье замесили глину и, плотно забив ее поверх пороха, оставили высыхать, а сами кружком уселись играть в кости. Наконец главный канонир, дородный голландец с раздвоенной бородой, счел глину готовой, и тогда в ствол уложили грубо отесанное каменное ядро, подперев его внутри дула деревянным клином. Пока священник кропил пушку святой водой и читал молитву, голландцы длинными рычагами подправляли наводку.

– Отойди подальше, парень, – предупредил Хука сентенар Смитсон, ради такого зрелища вылезший из «Гуся».

Мессир де Бурнонвиль, бывший здесь же, удостоил пушкарей ободрительным словом, еще десятка два зрителей предпочитали держаться подальше от пушки, косясь на нее, как на норовистого дикого зверя.

– Доброе утро, сэр Роджер, – вежливо кивнул Смитсон высокому и тонкому, как стрела, командующему английскими наемниками.

Сэр Роджер Паллейр даже бровью не повел. Его узкое лицо с крючковатым носом и длинным

подбородком при виде лучников привычно скривилось, словно от запаха нечистот.

Дородный голландец, дождавшись конца молитвы, вставил выскобленный стержень пера в узкое отверстие на казенной части и через медную воронку наполнил стержень порохом, затем еще раз окинул взглядом пушку и, отступив в сторону, протянул руку за тонким зажженным фитилем. Священник – единственный, кроме канониров, кто оставался рядом с пушкой, – осенил ее крестом, наскоро пробормотав благословение, и главный канонир поднес фитиль к стержню с порохом.

Пушка взорвалась.

Вместо того чтобы послать каменное ядро во французские осадные укрепления, она исчезла в мешанине дыма, рваного железа и развороченной плоти. Пятерых пушкарей и священника убило мгновенно, на их месте остался лишь кровавый туман и клочья мяса с ребрами. Какой-то латник завопил и скорчился. Кусок раскаленного железа разорвал ему живот. Стоявший рядом сэр Роджер, которому заляпало кровью гербовый налатник (три ястреба на зеленом поле), поспешно отступил и скривился.

– Сегодня после заката, Смитсон, встретимся в церкви Сен-Антуан-лё-Пти, – бросил он сквозь кровавую дымную вонь. – Приведите всех лучников.

– Да-да, сэр, конечно, – еле слышно ответил сентенар, не в силах отвести глаза от остатков пушки – распавшегося дула и порванной в дымящиеся клочья казенной части.

У ног Хука, рядом с куском железного обода, валялась чья-то рука. От пушкарей, нанятых бургундцами за большие деньги, остались лишь кости. Мессир де Бурнонвиль, не замечая ошметков мяса, налипших на окровавленный налатник, перекрестился. Со стороны французов донеслось издевательское улюлюканье.

– Нужно подготовиться к штурму, – закончил сэр Роджер, словно не видя кровавого ужаса вокруг.

– Разумеется, сэр Роджер, – отозвался Смитсон, соскабливая с ремня вязкую массу. – Хваленые голландские мозги, – с омерзением буркнул он, отбрасывая комок вслед удаляющемуся сэру Роджеру.

Сразу после заката сэр Роджер в сопровождении трех латников, носящих его герб, явился в церковь Сен-Антуан-лё-Пти, где собрались лучники Суассона – англичане и валлийцы. Хотя накидку ему успели постирать, кровавые пятна еще слегка проступали на зеленой ткани. Сэр Роджер, храня все то же презрительное выражение лица, встал перед алтарем в неверном свете тусклых оплывающих свечей, вставленных в скобы церковных колонн.

– Ваше дело защищать брешь, – начал он без предисловий, как только восемьдесят девять лучников уселись на полу. – Когда враг пойдет на приступ – неизвестно. Могу лишь сказать, что скоро. Полагаю, вам под силу отразить штурм.

– Конечно, сэр Роджер, – почтительно отозвался Смитсон. – Можете на нас положиться.

При звуке его голоса длинное лицо сэра Роджера дернулось. Среди англичан ходили слухи, что их командующий взял у итальянских банкиров крупную ссуду в надежде унаследовать поместье от дяди, однако земли отошли кузену, и сэр Роджер остался должен неумолимым ломбардцам целое состояние. Поступая на службу к герцогу Бургундии, он, видимо, надеялся захватить в плен богатого французского рыцаря и взять за него выкуп.

– Если вы не удержите противника за пределами города, – продолжал он, – вам надлежит собраться здесь, в этой церкви.

Лучники в недоумении переглянулись, кто-то нахмурился. Если враг прорвется сквозь брешь и одолеет возводимые за ней укрепления – им положено укрыться в крепости.

– Сэр Роджер... – осмелился было Смитсон.

– Я не просил задавать вопросы, – отрезал тот.

– При всем уважении, сэр, – продолжал Смитсон настойчиво, но почтительно, – в крепости ведь безопаснее?

– Вы соберетесь здесь, в церкви! – жестко отчеканил сэр Роджер.

– А почему не в крепости? – вызывающе крикнул кто-то рядом с Хуком.

Сэр Роджер, окинув глазами полутемную церковь, смельчака не разглядел, однако все же снизошел до ответа.

– Горожане нас ненавидят, – проронил он. – По пути к крепости вас могут перебить на улицах. Церковь стоит неподалеку от бреши, прячьтесь здесь. – Он помедлил. – Я постараюсь добиться для вас перемирия.

Повисла неловкая тишина. В чем-то сэр Роджер был прав: Суассон населен французами, которые верны своему королю и ненавидят бургундцев, а еще пуще – англичан, и лучникам по пути в крепость не избежать нападений.

– Перемирие, – неопределенно произнес Смитсон.

– Французы воюют с Бургундией, – добавил сэр Роджер. – Не с англичанами.

– Вы будете с нами, сэр Роджер? – выкрикнул кто-то из лучников.

– Разумеется. – Сэр Роджер помолчал, однако вопросов больше не последовало. – Сражайтесь достойно, – холодно добавил он, – и помните, что вы англичане!

– Валлийцы, – вставил кто-то.

Сэра Роджера ощутимо передернуло. Не проронив больше ни слова, он в сопровождении троих латников вышел из церкви. Стоило ему ступить за порог, как поднялся возмущенный гул: церковь Сен-Антуан-лё-Пти, пусть каменная и прочная, все же не могла равняться с крепостью, хоть та и стоит на другом конце города...

Хук не представлял, каково будет добраться до убежища, если французы прорвутся сквозь разрушенный вал, а горожане перекроют улицы. Он взглянул на настенную роспись, где мужчины, женщины и дети сваливались в ад. Среди душ, осужденных на мучения, были священники и даже епископы, и вся толпа с воплями и криком низвергалась в огненное озеро, где уже ждали злобно ухмыляющиеся черти с острыми трезубцами.

– Случись тебе попасть к французам – позавидуешь тем, кто в преисподней, – бросил ему Смитсон, проследив взгляд Хука. – Если французские сволочи нас схватят, нам только и останется молить Бога о тихой жизни в мирном аду. Поэтому запомните все! Мы бьемся на баррикаде, а если все идет к чертям – прячемся здесь.

– Почему здесь? – выкрикнул кто-то.

– Потому что сэр Роджер знает, что делает, – ответил Смитсон без малейшей уверенности в голосе и тут же подмигнул. – А кто обзавелся подружкой, не забудьте прихватить с собой! – Он почмокал мясистыми губами. – Не оставлять же наших крошек на улице, где по ним пройдет добрая половина французской армии, а?

На следующее утро, как обычно, Хук глядел через Эну на лесистые северные холмы, откуда осажденный гарнизон ожидал бургундское подкрепление. Подкрепления не было. Огромные каменные

ядра, со свистом перелетавшие через сожженное дотла предместье, били в осыпающуюся стену, поднимая облака пыли, которая оседала на реке бледно-серыми пятнами. Каждое утро Хук вставал до рассвета и шел в собор, где, преклонив колена, молился. Его предупреждали, что ходить в одиночку опасно, однако жители Суассона не мешали. То ли побаивались его роста и силы, то ли уже привыкли к тому, что он, единственный из лучников, ходит в собор ежедневно. Он оставил молитвы святым Криспину и Криспиниану – ведь обоим больше пристало заботиться о горожанах, своих земляках, – и молился теперь Деве Марии, носящей то же имя, что и его мать: просил у нее прощения за смерть девушки, погибшей в Лондоне.

Однажды рядом опустился на колени священник. Хук не повернул головы.

– Ты тот англичанин, который молится, – медленно подбирая английские слова, сказал священник. Хук не ответил. – Они спрашивают почему, – кивнул священник в сторону женщин, преклонивших колени у других статуй и алтарей.

Хуку не хотелось вступать в разговоры, однако священник казался дружелюбным, в его голосе звучала доброта.

– Просто молюсь, – буркнул Хук.

– За себя?

– Да.

– Тогда проси что-нибудь для других, – мягко посоветовал священник. – Такие молитвы доходят до Бога быстрее: когда молишься за других, Он исполняет и то, что просишь для себя. – Священник встал и легко тронул Хука за плечо. – Не забывай наших святых, Криспина и Криспиниана. Они заняты меньше Богоматери. Господь да сохранит тебя, англичанин.

Священник отошел. Хук, решив последовать его совету, приблизился к алтарю у изображения обоих мучеников и стал молиться за душу Сары, жизнь которой не сумел спасти в Лондоне. Он не отрывал взгляда от росписи – святые стояли посреди усыпанного золотыми звездами поля на зеленом холме, возвышающемся над белостенным городом, и взирали на Хука сурово и немного печально. Облаченные в белые одежды, они вовсе не походили на башмачников. Криспин сжимал в руке пастуший посох, Криспиниан держал сплетенный из лозы поднос, полный яблок и груш. Имена были написаны под фигурами. Читать Хук не умел, однако распознал святых по тому, что одно имя выглядело длиннее другого. Криспиниан располагал к себе больше: круглолицый и голубоглазый, он улыбался легкой доброй улыбкой. Святой Криспин, более суровый, стоял вполоборота, словно ему претило тратить время на досужих зевак и он вот-вот ступит прочь с холма. Поэтому каждое утро Хук молился Криспиниану, хотя не забывал и Криспина, и всякий раз опускал в кружку две монетки.

– С виду и не скажешь, что ты богомолец, – заметил как-то вечером Джон Уилкинсон.

– Я раньше не молился.

– Боишься за свою душу? – спросил старик.

Хук, обматывая оперенную стрелу шелковой нитью, выдранной из алтарного покрывала, помедлил с ответом.

– Я слышал голос, – неожиданно для себя произнес он.

– Голос? – переспросил Уилкинсон. Хук молчал. – Божий глас?

– В Лондоне, – невпопад ответил Хук.

Он уже пожалел, что выпалил признание, ему сделалось неловко, однако Уилкинсон принял его слова

всерьез и кивнул.

– Ты счастливчик, Николас Хук.

– Я?

– Если с тобой говорил Бог, значит у Него для тебя есть дело. Стало быть, ты можешь уцелеть в нынешней осаде.

– Если со мной и вправду говорил сам Бог, – растерянно пробормотал Хук.

– Почему бы нет? Должен же Он говорить с людьми, особенно если Церковь Его не слышит.

– Как – не слышит?

Уилкинсон сплюнул.

– Церкви нужны деньги, парень, только деньги. Священники должны быть пастырями, так? Их дело – приглядывать за паствой, а они сидят у роскошных столов и набивают брюхо пирогами. – Он уставил стрелу в Хука. – Если французы ворвутся в город, не вздумай идти в ту церковь Святого Антония Меньшого! Укройся в крепости.

– Сэр Роджер...

– Хочет нашей смерти, – гневно отрезал Уилкинсон.

– Почему?

– Потому что у него нет денег, зато есть долг, и твоего сэра Роджера перекупит любой, у кого кошель толще. Он не настоящий англичанин: его предки пришли в Англию с норманнами. В нем по горло бурлит норманнское дерьмо, а нас с тобой, саксов, он на дух не переносит. Вот и вся причина. Если что, укрывайся в крепости, парень. И не спорь.

Ближайшие ночи выдались темными, ущербный месяц едва светился в небе узким, как нож продажного убийцы, серпом. Мессир де Бурнонвиль, опасаясь ночного нападения, велел привязать в сожженном предместье собак: если они поднимут лай, стражи ударят в сигнальный колокол над западными воротами. Однако был и лай, и колокольный звон, а враг в ту ночь так и не напал. Зато поутру, как только над рекой показался рассветный туман, французы катапультами забросили в город собачьи трупы – оскопленные и с перерезанным горлом, словно предупреждение защитникам города об уготованной им судьбе.

Прошел День святого Абда. Бургундские войска так и не появились. Затем настал и минул День святого Поссидия. В праздник Семи святых дев Хук молился каждой из них, на следующем рассвете воссылал мольбы английскому святому Дунстану, затем – святому английскому королю Этельберту и неотступно молился Криспиниану и Криспину, прося их о защите. На следующий день, в праздник святого Госпиция, его молитвы получили отклик.

Французы, молившиеся святому Дионисию, пошли приступом на Суассон.

Глава вторая

Первыми о нападении известили церковные колокола, забренчавшие в ночи лихорадочно и суматошно. Хук, вскочив с соломенного тюфяка в мастерской Джона Уилкинсона, на миг смешался. Взгляд не различил ничего, кроме языков огня, взметнувшихся к потолку. Старик, чтобы осветить помещение, бросил в жаровню новую охапку хвороста.

– Хватит лежать, как супоросая свинья, – буркнул Уилкинсон. – Французы в городе.

– Матерь Божья! – Хука обдало паникой, словно потоком ледяной воды.

– Подозреваю, ей не до нас. – Уилкинсон уже влезал в кольчугу, с усилием натягивая тяжелое железное полотно через голову. – У двери мешок стрел, возьми. Отложил для тебя прямые. Ступай, парень, пусть эти мерзавцы кое-кого недосчитаются.

– А ты? – отозвался Хук, надевая сапоги – новые, сшитые умелым суассонским мастером.

– Догоню. Бери лук и вперед!

Хук застегнул пояс с ножнами, натянул на лук тетиву, подхватил мешок стрел и второй, оставленный стариком у двери, и вылетел во двор харчевни. Откуда-то неслись крики и вопли, во двор выскакивали лучники, и Хук, не успевая ничего сообразить, понесся вслед за ними к укреплениям, выстроенным за брешью. Церковные колокола рвали небо беспорядочным набатом, лаяли и выли псы.

Из доспехов на Хуке был подаренный Уилкинсоном старый шлем, торчавший на голове, как погнутый таз, а тело защищала лишь стеганая куртка, способная уберечь разве что от касательного удара меча. Остальным стрелкам, облаченным в короткие кольчуги и плотно прилегающие шлемы, выдали короткие налатники с червленым бургундским крестом, и теперь одинаковые белые фигуры выстроились вдоль заграждения, спешно сложенного из ивовых корзин с землей. Никто пока не стрелял, лучники лишь напряженно вглядывались в брешь, озаряемую огненными вспышками. Кто-то из полусотни латников, собравшихся за заграждением, то и дело бросал в пробоину смоляные факелы.

Брешь оставалась пустой. Однако церковные колокола, возвещая нападение французов, продолжали неистово звонить. Хук обернулся. В небе над южными крышами поднималось зарево, бросающее огненные отблески на колокольню собора. Видимо, горели дома у Парижских ворот. Неужели французы наступают с юга?.. Парижские ворота защищал сэр Роджер Паллейр с латниками, и Хук в который раз удивился тому, что тот не вытребовал себе в подмогу ни одного английского стрелка.

Все англичане-лучники сейчас собрались у западной брешы, где французы так и не появились. Сентенар Смитсон, нервничая, крутил в пальцах серебряную цепь – знак его должности – и беспокойно переводил взгляд от зарева над южным пожаром обратно к брешы.

– Чертово дерьмо, – выругался он себе под нос.

– Что происходит-то? – спросил кто-то из стрелков.

– Мне откуда знать? – взорвался Смитсон.

– Французы, видно, уже в Суассоне, – тихо заметил Джон Уилкинсон, опуская принесенные вязанки стрел позади лучников.

В городе слышались вопли. Бургундские арбалетчики, защищавшие брешь, побежали к Парижским воротам, туда же двинулся кто-то из латников.

– Если враг в городе, нам надо укрыться в церкви, – неуверенно произнес Смитсон.

– Разве не в крепости? – требовательно спросил кто-то.

– Лучше в церкви, как велел сэр Роджер, – задумчиво ответил сотник. – Он дворянин, не нам чета. Знает, поди, что делает.

– Ага. А папа римский кудахчет и несет яйца, – не смолчал Уилкинсон.

– Уходить сразу? – раздался еще чей-то голос. – Сейчас?

Смитсон, ухватив в кулак серебряную цепь, молча глядел то на брешь, то на город.

Хук не отрывал глаз от пробоины. Сердце тяжело ухало в груди, дыхание сбивалось, правую ногу подергивало судорогой.

– Господи, помоги, – только и шептал он. – Иисусе милостивый, защити...

Молитва не успокаивала, мысли метались: враг напал на город, а может, и прорвался внутрь, ничего не известно, ты слаб и беспомощен... Колокола звенели чуть ли не в самом мозгу и сбивали с мыслей, широкая брешь в стене зияла чернотой, которую озаряли лишь слабые отблески гаснущих факелов, однако постепенно до Хука стало доходить, что в темноте движутся другие огни – серебристо-серые сполохи, мерцающие, как лунный туман, как призрачные тени, явившиеся на землю в канун Дня Всех Святых. Огни завораживали, казались во тьме тонким маревом, дымчатым облаком. Хук, ничего не понимая, в оцепенении следил за светящимися тенями. Вдруг серебристые призраки окрасились алым, и Хук содрогнулся от страха: мерцающие призраки – люди! Серые сполохи – факельный свет, отраженный стальными латами!

– Сотник! – завопил Хук.

– Что там? – рявкнул Смитсон.

– Эти сволочи уже здесь! – выкрикнул Хук.

То было правдой. Эти сволочи уже проходили сквозь брешь, в начищенных латах отражался свет факелов, над головой развевалось синее знамя с золотыми лилиями. Опущенные забрала, сверкающие бликами мечи. Не туманные призраки двигались сквозь тьму, а создания из железа и пламени, порождения адских видений, сама смерть, выходящая из мрака и вступающая в Суассон. Хук даже не пытался их пересчитать – враг был бесчислен.

– Дьявол подери! – потрясенно воскликнул Смитсон. – Остановить их!

Отступив к заграждению, Хук вынул из холщового мешка стрелу и наложил на цевье. Страх куда-то исчез или, скорее, притупился оттого, что появилось дело – выполнять приказ.

Большинству взрослых мужчин – даже латникам, закаленным войной и фехтовальными упражнениями, – не натянуть тетиву и наполовину, однако Хук обращался с луком легко. Рука пошла назад, глаза выбрали цель, и тетива запела прежде, чем Хук осознал, что выстрелил. Он уже вытягивал следующую стрелу, когда первая, с тяжелым древком и трехгранным наконечником, вонзалась в сияющий стальной панцирь, опрокидывая латника под ноги французскому знаменщику.

Хук выстрелил снова, думая только о том, что нужно остановить нападение. Он пускал стрелу за стрелой, натягивая тетиву до правого уха, и не замечал, как левая рука неуловимыми движениями направляет стрелу в короткий путь от тетивы до жертвы. Не замечал, как его стрелы убивают и ранят; не замечал, как они отскакивают от доспехов и бесцельно падают наземь. Падали не многие: узкий наконечник на близком расстоянии пробивает доспех легко, особенно когда лук тяжел, а лучник силен. Джон Уилкинсон, который при первом знакомстве попытался выстрелить из Никова лука, едва сумел натянуть тетиву до подбородка. Ник был явно сильнее многих лучников – а любой лучник сильнее

обычного человека, – и старик не мог скрыть уважительного взгляда. Теперь тот же длинный лук с утолщенной основой, вырезанный в далекой Савойе из тисового ствола, сеял смерть в наполненной колокольным звоном темноте. Лишь когда часть заграждения рухнула, Хук обернулся на шум и обнаружил, что из лучников он остался один. Сквозь брешь, устланную телами убитых и раненых, плотным потоком шли враги, пламенеющая факелами ночь полнилась дымом и боевыми кличами. Теперь Хук вспомнил, как Джон Уилкинсон кричал ему, предупреждая о врагах и веля уходить, но Хук в пылу боя его не слышал.

Опомнившись, он подхватил мешок со стрелами и пустился бежать.

За спиной уже рушилось заграждение, толпа французов, перевалившись через остатки земляных корзин, с воплем устремилась в город.

Хук понял, что должен чувствовать олень, когда по кустам рыщут псы, охотники бьют в подлесок и между листьями свистят стрелы. Он часто задумывался, какова для животных смерть: страх, азарт сопротивления – и обессиливающий ужас последнего мига, когда охотники подступают, и неистово колотится сердце, и мечутся мысли... Ужас погнал Хука вперед. Где-то рядом исступленно били колокола, захлебывались воем псы, неслись боевые кличи, звал в атаку рог. Хук выскочил на тесную площадь, где обычно выставляют шкуры для продажи. Теперь она пустовала, однако откуда-то донеслись щелчки арбалетов и зажужжали стрелы. Горожане таились по домам, за крепкими засовами. Впрочем, засовы в эту ночь никого не спасали – с разных сторон неся громкий стук, солдаты высаживали двери.

«В крепость», – вспомнил Ник и помчался по улице что было сил, но за ближайшим углом, на соборной площади, чуть не наткнулся на освещенную факелами толпу латников в одежде с незнакомым гербом – и во весь дух припустил назад, словно олень от своры борзых. Решив было укрыться в церкви Сен-Антуан-лё-Пти, он понесся по проулку, свернул в другой, перебежал площадь перед главным женским монастырем, вывернул к харчевне «Гусь» – и увидел толпу солдат в одеждах с тем же неизвестным гербом, которые преграждали ему путь к церкви. При виде его раздался рев, переросший в торжествующий вопль, и за Хуком бросились бежать. Словно загнанный зверь, он в отчаянии кинулся в проулок, взлетел на стену, прыгнул в какой-то двор, откуда немилосердно несло нечистотами, перелез еще одну стену и, окруженный со всех сторон криками и дрожащий от страха, опустился на землю в темном углу, ожидая конца.

Так поступает затравленный олень: не видя иного выхода, он замирает, трепеща, в ожидании неминуемой смерти. Трепет охватил и Хука. «Лучше перерезать себе горло, чем попасть к французам», – вспомнил он слова Джона Уилкинсона. Хук нащупал на поясе нож, однако вытащить не смог: самоубийство было выше его сил. Оставалось ждать, когда его убьют.

Вдруг до него дошло, что за ним уже не гонятся. В Суассоне, обильном добычей и жертвами, одинокий беглец той ночью мало кого интересовал. Хук, постепенно придя в себя, обнаружил, что оказался на заднем дворе «Гуся», где днем мыли и чинили пивные бочки. Факел, сверкнувший из распахнутой двери, осветил, кроме бочек, деревянные козлы и подпорки, выглянувший во двор француз что-то успокоенно пробормотал и вернулся в харчевню, где визжала женщина.

Хук не посмел шевельнуться. Женский визг, грубый мужской хохот и детский плач заполняли сейчас весь Суассон. Рядом крадучись прошла кошка, церковные колокола уже давно перестали звонить. Хук знал, что долго здесь оставаться нельзя: на рассвете его увидят. «Боже, о Боже, – повторял он, не замечая, что молится, – будь со мной ныне и в мой смертный час...» Он вздрогнул: за стеной застучали копыта, раздался мужской смех. Где-то плакала женщина. По лунному диску бежали стремительные тучи. Хук почему-то вспомнил барсуков на Нищенском холме – и от уютного домашнего воспоминания сделалось не так страшно.

Он встал. Может, получится добраться до церкви? Туда ближе, чем к крепости, к тому же сэр Роджер

обещал, что попытается спасти лучников... Как ни призрачна была надежда, кроме нее, ничего не оставалось. И Хук, подтянувшись на руках, осторожно глянул через стену. За ней начинались конюшни «Гуся», все было тихо. Со стены Хук ступил на крышу конюшни. Та подалась под его весом, однако выдержала. Пробираясь по самому коньку, он перелез к дальнему краю здания и там спрыгнул в темный проулок. Двигаясь медленно и бесшумно, он добрался до угла, откуда открывался вид на церковь.

И понял, что выхода нет.

Церковь Сен-Антуан-лё-Пти стерегли враги – десятка три латников и дюжина арбалетчиков в накидках с незнакомым гербом. Если Смитсон с лучниками внутри, им пока ничто не грозит: вход они сумеют отстоять. Однако было ясно, что французы никому не дадут уйти и уж точно никого не подпустят к церкви, особенно чужого стрелка. Можно попробовать добежать до двери, но она наверняка заперта, а пока будешь стучать – станешь мишенью для арбалетчиков.

У французов, впрочем, были и другие занятия, кроме как стеречь церковь. Прикатив из ближайшей харчевни бочки, они принялись пьянствовать. Откуда-то притащили двух девчонок и, содрав с них одежду, распластали каждую поверх бочки, привязав поперек, и теперь стражники, подступая по очереди, задирали кольчуги и насиловали девушек, которые уже не издавали ни звука, словно истощив все слезы и стоны. Город полнился женскими криками, мучительно терзающими мозг, как скрежет стального наконечника по аспидному камню. Наверное, потому Хук и не двигался, притаившись в углу, как загнанный зверь, которому некуда бежать и негде прятаться. Девушки не пытались шевелиться – Хук даже подумал, не мертвы ли, – но одна, лет двенадцати или тринадцати, вдруг повернула голову, и Хук, вспомнив Сару, виновато сжался. Пока стражник, навалившись на жертву, ерзал и хрюкал, девушка невидящим взглядом смотрела в темноту.

В проулке открылась дверь, Хука задел поток света. Выступивший из двери латник, качнувшись, упал на колени в грязь, его вырвало. Второй, в такой же накидке с серебряным пшеничным снопом на зеленом поле, захохотал было, стоя на пороге, но вдруг заметил Хука, увидел длинный боевой лук – и схватился за рукоять меча.

Ник в панике бросился вперед, целясь в латника концом лука. Его переполнял безмолвный крик, не было сил думать – в бросок он вложил всю силу, и острый роговой наконечник вонзился в горло латника прежде, чем тот успел достать меч. Брызнула черная кровь, древко пробило мышцы, дыхательное горло, сухожилия – и вонзилось в дверную раму. Второй латник зарычал и, по-прежнему исходя рвотой, вцепился в Хука. Тот, чуть не взыв от отчаяния, выпустил лук и набросился на нового противника. Пальцы вонзились в глазные яблоки, латник заверещал, и Хук, краем сознания понимая, что насильники на церковной площади не заставят себя ждать, протиснулся в дверь, чуть не споткнувшись о первого латника, который в корчах пытался вытащить лук из разодранного горла. Пробежав через комнату, Хук вылетел в следующую дверь, пронесся по коридору и выскочил во двор, там не задумываясь перемахнул через одну стену, другую... Позади и вокруг слышались крики. Ник совершенно обезумел от ужаса. Лук он бросил, стрелы потерял. С ним оставался только меч, какие выдавали каждому лучнику, хотя Хук ни разу не доставал его из ножен. На налатнике все еще красовался бургундский крест – Хук тщетно попытался его содрать, не переставая озираться в поисках выхода, затем перелез через каменную стену в узкий проулок, затененный высокими зданиями, увидел в темноте открытую дверь и вбежал в дом.

Его встретил пустой зал с гаснущим светильником. На подушках, разбросанных поверх деревянной скамьи, валялся мертвец. Каменные плиты пола заливала кровь. У завешенной гобеленом стены стояли шкафы и длинный стол со счетами и листами пергамента, наколотыми на длинный стержень. Убитый, очевидно, был купцом. Приставная лестница в углу вела на второй этаж, где Хук обнаружил отделанную гипсом спальню с деревянной кроватью, покрытой периной и одеялами. По следующей лестнице он

поднялся на чердак, подтянул за собой лестницу и подсадовал, что не проделал то же с первой. Не рискуя сунуться обратно в комнату, он затаился под тростниковой крышей на полу среди помета, оставленного летучими мышами. Его по-прежнему была дрожь. Где-то внизу раздавались громкие мужские голоса. На миг ему показалось, что его вот-вот найдут. Кто-то даже забрался в спальню под ним, однако лишь бегло оглядел комнату и скрылся. Остальным то ли наскучили поиски, то ли подвернулась другая добыча. Возбужденные голоса на время стихли. Правда, женские крики не прекращались и даже стали громче. Хуку почудилось, будто прямо у дома собралась целая толпа вопящих женщин, и он вновь содрогнулся, вспомнив Сару, и священника сэра Мартина, и латников на соборной площади, со скучающим видом насиловавших двух безмолвных жертв.

Вопли переросли в рыдания, прерываемые лишь мужским хохотом. Хука трясло – не от озноба, а от страха и вины. Внезапно сквозь грубые доски пола просочился свет: в спальню внесли светильник. Хук вжался в угол под стропилами. Латник, влезший в комнату по лестнице, сказал что-то оставшимся внизу. Раздался крик женщины, послышался звук пощечины.

– А ты хороша, красотка!

Перепуганный Хук даже не обратил внимания, что латник говорил по-английски.

– Non!^[2] – послышался плачущий женский голос.

– Слишком хороша, чтоб делиться. Будешь моей!

Сквозь щель в полу Хук поглядел вниз: широкие отвороты шлема загораживали лицо латника, женщина – монахиня в белом – вжалась в угол комнаты.

– Jésus! – плакала она. – Marie, mère de Dieu!^[3]

Последнее слово перешло в вопль: латник достал нож.

– Non! – закричала монахиня. – Non! Non! Non!

Мужчина в шлеме ударил ее посильнее, девушка умолкла. Рывком поставив ее на ноги, латник поднес нож к ее горлу, резанул одеяние от ворота и дальше вниз, как монахиня ни сопротивлялась, затем отбросил в сторону белое платье и принялся за рубаху. Швырнув изрезанные одежды на нижний этаж, он толкнул обнаженную девушку на перину, где она, рыдая, сжалась калачиком.

– Вот уж порадовался Бог в тот день, ничего не скажешь! – произнес чей-то голос, хотя рядом никого не было.

Голос звучал лишь в голове Хука. И хотя слова эти некогда сказал ему Джон Уилкинсон, голос был чужим – более глубоким и мягким, и Хук вдруг словно наяву увидел улыбающегося человека в белых одеждах, держащего в руках поднос с яблоками и грушами. Криспиниан – тот святой, которому он возносил больше всего молитв в Суассоне... Теперь ответ на молитвы звучал в голове Хука, и видимый внутренним взором святой устремлял на него взгляд, полный печали. Хук понял, что Небо дает ему шанс что-то исправить. Монахиня взывала к Богоматери, и та, наверное, обратилась к суассонским святым, которые теперь и говорили с Хуком... Он испугался. Он вновь слышал голоса. Он даже не заметил, что стоит на коленях, – и неудивительно, ведь через святого Криспиниана с ним говорил сам Господь...

Николас Хук, законопреступник и лучник, понятия не имел, как поступать, когда с тобой говорит Господь. И потому его объял страх.

Латник в нижней комнате сбросил шлем, отстегнул и отбросил пояс с ножнами, что-то прорычал девушке и принялся стаскивать через голову кольчугу вместе с накидкой, на которой Хук, глядя вниз сквозь щели в грубых досках, разглядел герб, как у сэра Роджера Паллейра: три ястреба на зеленом поле. Откуда в

Суассоне такой герб? Ведь здесь насилуют и грабят победоносные захватчики, а не побежденные стражи города! И все же три ястреба несомненно принадлежали гербу сэра Роджера.

– Давай! – велел святой Криспиниан.

Хук не сдвинулся с места.

– Давай! – прорычал Хуку святой Криспин, явно настроенный не так дружелюбно, как Криспиниан, и от его резкого голоса Хук вздрогнул.

Мужчина внизу – то ли сэр Роджер, то ли кто-то из его латников – стягивал с себя тяжелую кольчугу с кожаной подкладкой: голова наполовину закрыта, руки заняты.

– Ради бога! – воззвал к Хуку Криспиниан.

– Действуй, парень! – рявкнул святой Криспин.

– Спасай свою душу, Николас, – шепнул Криспиниан.

И Хук ринулся спасать свою душу.

Спрыгнув через отверстие в чердачном полу, он забыл про меч и выхватил крепкий, с толстым обухом нож, которым свеживал оленей. Хук оказался позади латника. Тот его не видел из-за кольчуги, натянутой на голову, но обернулся на шум – и налетел точно на нож Хука, взрезавший ему брюхо. Лучник Николас Хук вложил в удар всю силу правой руки, клинок ушел в тело по рукоять, и кишки выплеснулись наружу, как мокрые угри из прохудившегося мешка. Латник придушенно взвыл под застрявшей на голове тяжелой кольчугой и тут же застонал снова. Хук ударил еще раз, и погруженный в тело нож, пройдя вверх под грудную клетку, достал до сердца.

Неудавшийся насильник рухнул на кровать, умерев раньше, чем коснулся перины.

Лучник, опустив окровавленную по локоть руку, воззрился на жертву.

Позже Ник осознал, что пуховая перина спасла ему жизнь: в нее впиталась кровь убитого, которая иначе пролилась бы сквозь доски пола, напугав остальных двоих. Те, одетые в накидки с гербом сэра Роджера, как раз потрошили буфет в нижнем этаже и не заметили свершившегося наверху убийства.

Отступив от отверстия в полу, Хук заметил, что налатник убитого был из тонкого льна, не то что у рядовых воинов. На плотной, тщательно начищенной кольчуге болтались пряжки для пристегивания лат. Наклонившись, Хук стянул кольчугу с головы жертвы и обнаружил, что убил самого сэра Роджера Паллейра. Если сэру Роджеру, считавшемуся союзником бургундцев, была дана свобода насиловать и грабить в захваченном французами городе – значит сэр Роджер тайно служил французам.

Пока лучник пытался осмыслить такое предательство, девушка глядела на него распахнутыми от ужаса глазами. Хук, побоявшись, что она закричит, приложил палец к губам, однако она помотала головой и вдруг то ли завсхлипывала, то ли застонала. Хук вначале недоуменно нахмурился, но тут же понял, что тишина выглядела бы более подозрительной, чем женские всхлипы. «Умница», – подумал он. Кивнув девушке, он срезал с пояса сэра Роджера залитый кровью кошель и вместе с отодранным от кольчуги налатником забросил его на чердак, затем ухватился за потолочную балку, подтянулся вверх и подал правую руку монахине.

Та отвернулась, и Хук было шикнул, чтоб она не медлила, но девушка знала, чего хочет: подступив к сэру Роджеру, она плюнула на его труп, плюнула еще раз – и только тогда ухватила за руку Ника. Он вытянул девушку вверх так же легко, как натягивал лучную тетиву. На чердаке он кивнул монахине на кошель и налатник, та подобрала их и двинулась вслед за Хуком, который пробил легкую плетеную перегородку и шагнул на соседний чердак. Осторожно ступая в темноте, он добрался до самой дальней

стены и только здесь, за три дома от той комнаты, где убил сэра Роджера, остановился. Жестом приказав монахине притаиться в углу, он потянулся к соломенной крыше, стараясь не шуметь.

Около часа ушло на то, чтобы осторожно обвалить солому по краю и оторвать несколько слабых стропил от главной балки. Теперь все выглядело так, будто часть крыши просто обрушилась. И Хук с девушкой, забравшись под солому и доски, притихли в своем наскоро устроенном убежище.

Оставалось только ждать. Монахиня временами заговаривала, однако Хук, так и не выучившийся здесь французскому, ее не понимал и делал знак молчать. Через некоторое время она, прислонившись к нему, задремала. Во сне она всплакивала, Хук неумело пытался ее успокоить. Надетый на девушке налатник сэра Роджера еще был влажным от крови. В кошелье Ник нашел золотые и серебряные монеты – вероятно, плату за предательство.

Рассвет выдался дымным и серым. Тело сэра Роджера обнаружили еще до восхода, поднялся крик и переполох, в домах внизу забегали люди, но сооруженное Хуком убежище оказалось надежным: никому не пришло в голову заглядывать под груды соломы и обрушенных досок. Девушка проснулась, лучник приложил палец к ее губам, она вздрогнула и прильнула к нему. Хук по-прежнему испытывал страх, который стал больше похож на покорность. Присутствие девушки почему-то успокаивало, словно возвращая надежду, утраченную прошлой ночью. Двое суассонских святых, должно быть, по-прежнему его хранят... Хук, перекрестившись, вознес благодарность Криспину и Криспиниану. Те в ответ молчали, ведь он уже исполнил их приказ. Интересно, чей голос он слышал в Лондоне – вряд ли Криспиниана. Кто же с ним говорил? Бог?.. Однако до Хука вдруг дошло нечто более важное: сегодня ему удалось то, к чему он оказался не способен в Лондоне! В нем опять затеплилась надежда на искупление, на спасение – слабая, как огонек свечи на беспощадном ветру, но все же совершенно ясная.

Когда солнце поднялось над собором, притихший было город вновь огласился воплями, стонами и криком. Сквозь дыру в обваленной соломе Хук видел тесную площадь перед церковью Сен-Антуан-лэ-Пти, там по-прежнему толпились арбалетчики с латниками, хотя девушек, привязанных к бочкам, уже убрали. Пегий пес обнюхивал труп монахини в задранной до шеи рясе, вокруг пробитой головы разливалась лужа черной крови. Гарцевавший рядом француз, перекинув через седло нагую девушку, в две руки отбивал на ней такт, словно стучал в барабан, – к шумному удовольствию окружающих.

Хук ждал. Мочевой пузырь давно переполнился, но шевелиться было нельзя, пришлось замочить штаны. Девушка, почуяв запах, поморщилась, однако тоже не сумела утерпеть. Она тихо заплакала, и Хук прижал ее лицом к себе. Она что-то прошептала, он шепнул слово в ответ. Никто никого не понял, однако обоим стало спокойнее.

По площади застучали копыта, сквозь дыру в соломе Хук разглядел десятка два всадников, подъехавших к церкви, – все в латах, но без шлемов; один держал в руке знамя с золотыми лилиями на лазоревом поле, окаймленном червлено-белой полосой. За конными воинами шли пешие.

Накидку одного из всадников украшал зеленый герб с тремя ястребами. Должно быть, латник-англичанин служил сэру Роджеру. Он пришпорил коня и, подъехав к церкви, свесился с седла, постучал в дверь коротким копьём и что-то крикнул. Всадника явно сочли своим. Церковная дверь тотчас приоткрылась, из нее выглянул сентенар Смитсон.

Переговорив с всадником, Смитсон надолго исчез в церкви. Хук уже терялся в догадках, как вдруг церковная дверь отворилась, и на площадь один за другим осторожно потянулись лучники. Видимо, сэр Роджер сдержал-таки обещание. Хук, сидя наверху под разваленной крышей, начал лихорадочно соображать, нельзя ли выбраться на площадь, где лучники уже выстраивались перед англичанином. Английских стрелков французы ценили, сэр Роджер и впрямь мог договориться о помиловании... Теперь

люди Смитсона, оставляя луки, стрелы и мечи у дверей церкви, становились на колени перед незнакомым всадником в золотой короне и сияющих латах. Восседая на коне, крытом синей с золотыми лилиями попоной, он поднял руку, словно даруя освобожденным стрелкам милостивое благословение. Среди лучников Хук разглядел Джона Уилкинсона – тот единственный из всех держался поближе к церкви.

«Если выскочить на улицу, – пронеслось в голове Хука, – успею добежать к своим».

– Нет, – тихо произнес внутри его святой Криспиниан.

Хук вздрогнул, девушка вцепилась в него крепче.

– Нет? – вслух прошептал Хук.

– Нет, – подтвердил святой Криспиниан.

Девушка что-то спросила у Хука.

– Я не тебе, детка, – шепнул он, сделав знак молчать.

Сине-золотой всадник, высоко воздев руку в латной перчатке, задержал ее на несколько мгновений – и резко опустил.

И началась бойня.

Спешенные латники, выхватив мечи, бросились на лучников – те стояли на коленях, и первых удалось убить быстро. Остальные стрелки, успев выхватить ножи, кинулись драться, но против мечей и доспехов нож бессилён, и латники окружили стрелков почти сразу. Всадник с гербом сэра Роджера заметил, как Джон Уилкинсон потянул меч из груди оружия у церковной двери. Тут же старика пронзило французское копье, второй латник полоснул его по горлу мечом, и кровь Уилкинсона фонтаном брызнула на изображения ангелов и рыб, вырезанные на каменной церковной арке. Кого-то из лучников взяли живыми, повалили на колени и оставили под присмотром ухмыляющихся французов.

Коронованный всадник повернул коня и поскакал прочь, сопровождаемый знаменщиком, оруженосцем, пажом и конными латниками, среди которых был и англичанин в накидке с тремя ястребами. Вслед неслись крики лучников о пощаде.

Французы не могли забыть своих поражений и ненавидели английских стрелков с их длинными боевыми луками. В битве при Креси французы, пользуясь численным превосходством, загнали англичан в ловушку и пошли в наступление, мечтая избавить мир от дерзких захватчиков, но были остановлены лучниками – оперенная смерть тогда летела с неба градом, неся гибель и поражение доблестным рыцарям. Позже, при Пуатье, французское рыцарство было разбито лучниками в прах, вечером того же дня попал в плен сам король Франции. Поражений от лучников не удавалось избежать и после, поэтому пощада им не грозила.

Хук с девушкой прислушивались к звукам. Стрелкам, которых оставалось три-четыре десятка, теперь отрубали пальцы – ухмыляющийся толстяк-француз, орудуя стамеской и молотом, отнимал у них по два пальца с правой руки, чтоб стрелок уже не смог натянуть тетиву. Кто-то сносил мучение безмолвно, кого-то к бочке, на которой раскладывали руку, приходилось тащить силой. Хук думал, что все этим и кончится, однако расправа только началась. Французам мало было одних пальцев, они жаждали крови и смерти.

За действием наблюдал рослый всадник с длинными черными волосами, падавшими ниже стального оплечья. Зрением лучника, острым, как у ястреба, Хук разглядел красивое загорелое лицо с прямым носом, крупным ртом и длинным щетинистым подбородком. На налатнике, надетом поверх доспехов, красовалось золотое солнце со змеящимися лучами и орлиной головой на фоне солнечного диска.

Девушка его не видела. Уткнувшись лицом в плечо Хуку, она вздрагивала при каждом крике боли,

доносившемся с площади, где французы продолжали мстить англичанам за былые поражения.

Хук смотрел на площадь. Было понятно, что высокий всадник с орлом на солнечном диске властен прекратить мучения и убийства, однако тот, восседая на рослом жеребце, бесстрастно следил, как французы, сорвав одежду с оставшихся в живых лучников, выкалывали им глаза кинжалами и со смехом ковыряли острым клинком глазницы. Кто-то из французов сделал вид, что пожирает чей-то глаз, вокруг захохотали. Длинноволосый не смеялся, лишь холодно наблюдал, как слепых лучников раскладывают на брусчатке, чтобы оскотить, и слушал, как их крики сливаются с общим воплем, наполнявшим город. И только когда охлостили последнего слепого лучника, великолепный всадник повернул великолепного коня прочь от площади, где стрелков оставили истекать кровью под летним небом. Умирали они долго, и Хука не отпускал озноб, несмотря на жару. Святой Криспиниан молчал. Среди лучников корчилась от боли женщина с отрезанной грудью. Проходивший мимо латник, которому наскучил ее плач, буднично раскрыл ей череп боевым топором. Рядом с умирающими рыскали псы.

Город грабили весь день. Собор, приходские церкви, женский и мужской монастыри перевернули вверх дном, женщин и детей насиловали, мужчин убивали. Бог отвратил лицо от Суассона. Мессир де Бурнонвиль был казнен. Ему повезло: перед смертью его не мучили. Крепость, где все надеялись укрыться, пала сразу и без боя. Французов, предательски впущенных в город сэром Роджером, ждали открытые крепостные ворота и поднятые решетки. Из всего бургундского гарнизона в живых оставили лишь предателей – соучастников сэра Роджера, а горожанам, которые хранили верность королю Франции и никогда не поддерживали бургундцев, французы отплатили грабежами, насилием и поголовной резней.

– Je suis Melisande[4], – в который раз повторила девушка, и до Хука, не понимавшего ее слов, наконец дошло, что она называет себя по имени.

– Мелисанда? – переспросил он.

– Oui[5], – кивнула монахиня.

– Николас.

– Николас, – повторила она.

– Просто Ник.

– Простоник?

– Ник.

– Ник, – кивнула девушка.

Среди криков и воплей, что неслись из залитого пивом и кровью города, оставалось только перешептываться и ждать.

– Понятия не имею, как отсюда выбираться, – шепнул Хук Мелисанде.

Та не поняла, но все равно кивнула. Вскоре она задремала, прижавшись головой к его плечу.

Хук закрыл глаза. «Помоги нам спастись из Суассона, – попросил он Криспиниана. – Помоги добраться домой». Если у преступника, объявленного вне закона, есть дом, подумал он с внезапным отчаянием.

– Ты вернешься домой, – ответил святой Криспиниан.

Хук вздрогнул – как же святой с ним говорит? Или голос ему лишь мерещится? Однако голос звучал так же отчетливо, как предсмертные крики лучников на площади. Интересно, как можно уйти из Суассона, ведь французы наверняка стерегут все ворота...

– Через брешь, – тихо посоветовал святой Криспиниан.

– Будем выбираться через брешь, – поведал Хук спящей Мелисанде.

Ближе к ночи Хук заметил на площади свиней. Их никто не удерживал в загонах, и голод пригнал животных на площадь, где они принялись пожирать трупы лучников. Суассон слегка притих: пресыщенные победители уже не так рьяно кидались на тела, вино и пиво. Взошла луна, однако Господь послал высокие облака, которые затуманили, а потом и вовсе скрыли серебристый диск. И в полудночной тиши, нарушаемой храпом из разрушенных домов, Хук с Мелисандой выбрались на зловонную улицу.

Брешь никто не охранял. Мелисанда, закутанная в окровавленный налатник сэра Роджера, держалась за руку Ника. Они перелезли через рассыпанные у пробоины камни, прошли мимо вонючих красильных ям, свернули к холму у оставленного французами лагеря и поднялись дальше к лесным зарослям, где наконец-то не было ни кровавого смрада, ни гниющих трупов.

Суассон погиб.

Хук и Мелисанда выжили.

– Со мной говорят святые, – сказал он ей на рассвете. – По крайней мере, Криспиниан. Второй посуровее, тот больше молчит.

– Криспиниан, – повторила Мелисанда, обрадовавшись знакомому слову.

– Он добрый, за мной приглядывает. И за тобой тоже! – внезапно осенило Хука, и он улыбнулся девушке. – Добыть бы тебе одежду, детка. Не в налатнике же ходить.

Мелисанда, правда, была хороша даже в налатнике. Хук заметил это только наутро, в буковом лесу на гребне холма, когда просеянный листвою солнечный свет лучился сквозь зелень легкими золотыми стрелами, освещая тонкое, нежно очерченное лицо в обрамлении черных как ночь волос. Серые глаза ее мерцали, словно лунные блики; решительный подбородок, как еще предстояло убедиться Хуку, свидетельствовал о твердом нраве. Хрупкое с виду тело было сильным и выносливым, крупный выразительный рот теперь не закрывался ни на минуту: последние несколько месяцев (как вскоре выяснит Хук) Мелисанда прожила послушницей в монастыре, где запрещено разговаривать, и теперь она словно отыгрывалась за то принудительное безмолвие. Ее щебет завораживал, хотя Хук не понимал ни слова.

В первый день они опасались выходить из леса. На равнине то и дело показывались всадники. Победители, завоевавшие Суассон, теперь выезжали на охоту или просто размяться. С немногими беглецами, сумевшими уйти из Суассона и бредущими на юг, всадники не связывались, однако Хук предпочитал не рисковать и отсиживался в лесу. Он решил пробираться на запад, в Англию. Больше идти было некуда, хотя ему, объявленному вне закона преступнику, Англия грозила опасностью не меньше, чем Франция.

Их с Мелисандой ночной путь освещала луна, еду приходилось воровать. Чаще всего Хуку удавалось добыть ягненка, несмотря на то что овец стерегли псы. Должно быть, Хука охранял святой Криспин с пастырским посохом, и собаки ни разу не подняли шума. Хук приносил ягненка к костру, разводил огонь и жарил мясо.

– Иди дальше без меня, если надо, – сказал он как-то утром Мелисанде.

– Иди? – не поняла она и нахмурилась.

– Если хочешь, детка. Можешь идти. – Он неопределенно махнул рукой на юг.

Наградой ему был негодующий взгляд и бурный поток французских слов, из которого, вероятно, следовало, что Мелисанда останется с ним и дальше. Она и вправду осталась, к радости и заодно к

большему беспокойству Хука. Он не видел для себя никакого будущего, даже если повезет выбраться из Франции. Он молился святому Криспиниану в надежде, что тот поможет ему и в Англии, если Хуку суждено до нее добраться, однако святой Криспиниан молчал.

Вместо ответа он послал Хуку и Мелисанде священника – приходского кюре, который, увидев спящих беглецов в ольховой роще у реки Уазы, сжалился над ними и привел к себе, чтобы накормить. Отец Мишель, обыкновенно мрачный и угрюмый, немного говорил по-английски. Когда-то он служил капелланом у французского сеньора, державшего в своем поместье пленника-англичанина, и с тех пор ненавидел всех власть имущих, будь то король, епископ или сеньор. Движимый былой ненавистью, он помогал теперь английскому лучнику.

– Тебе надо в Кале, – сказал он как-то Хуку.

– Я вне закона, святой отец.

– Вне закона? – не сразу понял кюре, о чем речь, а затем отмахнулся. – А, *proscrit*? [\[6\]](#) Англия тебе родная. Она ведь велика? Поезжай домой и живи в другом месте – не там, где провинился. А что ты натворил?

– Ударил священника.

Отец Мишель засмеялся и хлопнул Хука по спине:

– Молодец! Неужели епископа?

– Нет, просто священника.

– В следующий раз бей епископа!

Отрабатывая стол и кров, Хук колол дрова, чистил канавы, вместе с отцом Мишелем перестилал соломенную кровлю на коровнике, Мелисанда помогала хозяйке со стирпней, стиркой и штопкой.

– Деревенские тебя не выдадут, – уверил Хука священник.

– Почему?

– Меня боятся. Я ведь могу отправить в ад, – мрачно ответил тот.

Отец Мишель любил поболтать с Хуком, чтобы вспомнить английский. Однажды, подрезая грушевые деревья за домом, Хук сбивчиво рассказал ему, что слышит голоса.

– Может, дьявольские нашептывания? – предположил священник, перекрестившись.

– Сам того боюсь, – признался Хук.

– И все-таки вряд ли, – тихо произнес отец Мишель. – Не много ли веток срезаешь?

– Дерево уж больно заросло. Надо было обрезать еще прошлой зимой, а теперь точно не повредит. Вам ведь нужны груши? Значит, нельзя, чтобы дерево дичало. Тут надо резать и резать, а когда покажется, что хватит, – убрать еще столько же!

– Резать и резать, да? Если на следующий год останусь без груш, буду знать, что ты послан дьяволом.

– Со мной говорит святой Криспиниан, – продолжил Хук, отсекая еще ветку.

– С Божьего соизволения, – вновь перекрестился священник. – Значит, с тобой говорит сам Господь. Хорошо, что со мной никто не говорит.

– Хорошо?..

– Те, кто слышит голоса, или святы, или годны на костер.

– Я не святой, – ответил Хук.

– Зато тебя избрал Господь. А выбор у Него порой странен, – засмеялся отец Мишель.

Священник беседовал и с Мелисандой. Тогда Хук узнал, что она родилась от сеньора – кюре назвал его сеньор д'Анфер – и молоденькой служанки.

– Твоя Мелисанда – незаконная дочь вельможи, рожденная на беду, как многие.

Высокородный отец устроил девушку послушницей в монастырь, где ее поставили мыть посуду на кухне.

– Вот так господа и прячут грехи, – горько заметил отец Мишель. – Запирают незаконных детей в тюрьму.

– В тюрьму?

– Она не хотела в монастырь. Знаешь ее имя?

– Мелисанда.

– Мелисандой звали королеву Иерусалима, – улыбнулся отец Мишель. – А твоя Мелисанда тебя любит.

Хук не ответил.

– Береги ее, – строго наказал кюре на прощание, когда Хук с Мелисандой двинулись дальше в путь.

Шли переодетыми. Чтобы скрыть широкие плечи Хука, отец Мишель дал ему белый балахон кающегося грешника, а в руки сунул трещотку из трех кусков доски на кожаном шнуре, как у прокаженных. Мелисанда, в таком же в белом балахоне и с неровно остриженными волосами, шла впереди лучника, словно они были пилигримами, бредущими на северо-запад в поисках исцеления. Жили милостыней, которую крестьяне бросали издали, опасаясь подходить к Хуку – тот звуками трещотки неустанно оповещал всю округу о проказе. Шли по-прежнему осторожно, избегая больших селений и держась подальше от дымного пятна, клубившегося вокруг Амьена. Спали в лесах, в хлеву, в стогах, их поливали дожди и согревало солнце, а в один из дней, на берегу реки Канш, они стали любовниками. Мелисанда после этого молчала, однако льнула к Хуку, и тот не замедлил вознести благодарственную молитву святому Криспиниану, который, по обыкновению, не ответил.

На следующий день дорога повела их на север, через поле между двумя лесными опушками. На западе за деревьями маячила небольшая крепость, справа виднелась полуразрушенная избушка лесника, поросшая мхом. Переливалось колосьями ячменное поле под ветром, переливалась над ним песнь жаворонков, и Хук с Мелисандой задремали, сморенные зноем позднего лета.

– Что вы здесь делаете? – раздался вдруг резкий оклик.

Богато одетый всадник с соколом на руке смотрел на них с опушки леса. Мелисанда, встав на колени, смиренно склонила голову:

– Я веду брата в Сен-Омер, господин.

Всадник, принадлежал он к господам или нет, заметил трещотку Хука и резко отвернул коня.

– Зачем?

– Попросить благословения у святого Одомара, господин.

Отец Мишель сказал им, что в Сен-Омер, стоящий рядом с Кале, стекается немало паломников, ищущих исцеления у святого Одомара, и упоминать Сен-Омер намного безопаснее, чем признаваться, что

идешь в завоеванный англичанами Кале.

– Храни вас Бог, – нехотя пробормотал всадник и бросил на землю монету.

– Господин! – окликнула его Мелисанда, и тот осадил коня.

– Что?

– Как называется это место, господин? И далеко ли до Сен-Омера?

– День пути, а то и больше. – Всадник подобрал поводья. – И что за нужда знать названия? Вы о здешних местах никогда не услышите!

– Конечно, господин.

Всадник, глянув на Мелисанду, пожал плечами.

– Вон та крепость, – показал он на запад, где за деревьями виднелась стена с бойницами, – зовется Азенкур. Желаю исцеления твоему брату.

Он пришпорил коня и поскакал дальше по ячменному полю.

До Кале путники добрались к концу четвертого дня. Шли медленно, стараясь не наткнуться на французские дозоры вокруг занятого англичанами города. На мост, от которого начиналась городская дорога, они ступили только ночью, и их сразу окликнула стража.

– Я англичанин! – крикнул Хук и, держа Мелисанду за руку, осторожно ступил в освещенное факелами пространство перед ведущими на мост воротами.

– Откуда ты, парень? – спросил седой воин в плотно облегающем голову шлеме.

– Мы бежали из Суассона.

– Бежали из... – Воин, шагнув вперед, взгляделся в Хука и его спутницу. – Боже милостивый! Входите, входите!

Хук переступил порог калитки, вырезанной в створке ворот, и они с Мелисандой оказались на территории Англии, где он считался преступником вне закона.

Святой Криспиниан сдержал обещание – Хук вернулся домой.

Глава третья

В главном зале крепости Кале было зябко даже летом. Толстые каменные стены не пропускали тепло, поэтому диваны в зале стояли рядом с жарко растопленным камином. Каменные плиты пола под ними покрывал большой ковер, на котором спали полдюжины собак. На расставленных вдоль стены стойках ждали своего часа мечи и копья с железными наконечниками, между потолочными балками перепархивали воробьи, сквозь раскрытые ставни слышался нескончаемый шелест прибоа.

Имени командующего гарнизоном – крупного чернобородого мужчины, сидящего на диване вместе с изящной дамой, – Хук не запомнил: слова скользнули мимо, и теперь он не знал, как к кому обращаться. Шестеро латников, выстроившихся позади командующего, враждебно и настороженно глядели на Хука с Мелисандой, стоящих на коленях за краем ковра, на каменном полу.

– Не понимаю, – гнусаво провозгласил священник, прохаживаясь по бордюру ковра, – не понимаю, почему ты бросил службу у лорда Слейтона.

– Потому что я отказался убить девушку, святой отец, – объяснил Хук.

– Ее смерти хотел лорд Слейтон?

– Нет, его священник.

– Сынок сэра Джайлса Фэллоби, – отозвался с дивана командующий; судя по тону, сэра Мартина он явно недолюбливал.

– Итак, слугитель Господа определил девице умереть, – не замечая его слов, угрожающе продолжал священник, – а ты все решил по-своему?

– Она была совсем девочкой, – ответил Хук.

– Весь грех в мире появился из-за женщины! – с яростной готовностью подхватил священник.

Изящная дама приложила ко рту бледную узкую руку, чтобы скрыть зевок, и погладила собачку на коленях – клубок белоснежного меха с озорными глазками.

– Какая тоска, – произнесла она, ни к кому не обращаясь.

Наступила долгая тишина. Пес, дремавший у дивана, заскулил, и чернобородый командующий наклонился потрепать его по голове.

– Спросите про Суассон, святой отец, – велел он.

– Я так и собирался, сэр Уильям.

– Значит, собирайтесь скорее, – холодно молвила дама.

– Ты объявлен вне закона? – вместо этого спросил священник и, не получив ответа, повторил вопрос громче.

Хук по-прежнему молчал.

– Отвечай! – прикрикнул на него сэр Уильям.

– Очевидно, такое молчание красноречивее всякого ответа, – заметила дама. – Спросите его о Суассоне.

От ее властного тона священника передернуло, однако он повиновался.

– Расскажи, что произошло в Суассоне, – велел он, и Хук вновь описал, как французы вошли в город

через южные ворота, как они насиловали и убивали, как сэр Роджер Паллейр предал английских лучников.

– И спасся лишь ты один? – ядовито осведомился священник.

– Мне помог святой Криспиниан.

– О! Сам святой Криспиниан? – повел бровью священник. – Как любезно с его стороны!

Кто-то из латников сдавленно хохотнул, остальные не скрывали неприязненных взглядов. Недоверие сгустилось вокруг коленопреклоненного стрелка так же плотно, как дым вокруг широкого камина. Еще один латник, не отрывая глаз от Мелисанды, что-то шепнул соседу, тот захихикал.

– А может, тебя отпустили французы? – резко бросил священник.

– Нет, – мотнул головой Хук.

– Тебя прислали намеренно?

– Нет!

– Чтобы счесть войско, хватит и простого лучника, и если наш государь соберет армию, французы захотят узнать ее численность.

– Нет! – повторил Хук.

– Значит, тебя отпустили, а в награду дали шлюху? – не отставал священник.

– Она не шлюха! – разозлился Хук под откровенными ухмылками латников.

Мелисанда, до сих пор не раскрывавшая рта из робости перед стражами в доспехах, перед спесивым священником и томной дамой, полулежащей на подушках, наконец обрела дар речи. Вряд ли она поняла слова священника, однако его тон не оставлял сомнений, и Мелисанда, выпрямившись, вдруг заговорила дерзко и решительно. В ее беглой французской речи Хук едва ли улавливал одно слово из сотни. Говорила она так страстно и возмущенно, что остальные, очевидно знающие французский, слушали не перебивая – ни командующий, ни священник даже не пытались ее остановить. Она явно рассказывала о падении Суассона, и когда ей на глаза навернулись слезы и потекли по щекам, она возвысила голос и теперь бросала слова в лицо священнику, словно желая пригвоздить его к месту. Вскоре она иссякла и, указав на Хука, опустила голову и разрыдалась.

На несколько мгновений повисла тишина. Какой-то человек в кольчуге шумно распахнул дверь зала, увидел внутри людей и так же шумно ушел. Сэр Уильям задумчиво посмотрел на Ника.

– Ты зарезал сэра Роджера Паллейра? – прямо спросил он.

– Да, я его убил.

– Для преступника, объявленного вне закона, это заслуга, – твердо вымолвила жена сэра Уильяма. – Если девушка говорит правду.

– Если, – встрял священник.

– Я ей верю, – бросила дама, поднимаясь с дивана.

Подхватив собачку одной рукой, она подошла к краю ковра и наклонилась поднять Мелисанду. Держа ее под локоть, она тихо заговорила с девушкой по-французски и повела в дальний конец зала, где виднелась скрытая драпировкой дверь.

Сэр Уильям дождался, пока жена не уйдет, и встал.

– Полагаю, святой отец, лучник говорит правду, – решительно произнес он.

– Может, и так, – снизошел священник.

– Я уверен, что он не лжет, – настойчиво повторил сэр Уильям.

– Не проверить ли? – Святой отец чуть не потирал руки от предвкушения.

– Вы намерены его попытать? – потрясенно спросил его командующий.

Тот слегка поклонился.

– Истина священна, милорд. *Et cognoscetis veritatem, et veritas liberabit vos!* – процитировал он полатыни и, осенив себя крестом, перевел: – И познаете истину, и истина сделает вас свободными!

– Я и так свободен, – бросил чернобородый командующий. – Не наше дело исторгать истину из ничтожного лучника. Оставим это другим.

– Разумеется, милорд, – согласился священник, едва скрывая досаду.

– Значит, вам известно, куда его следует направить.

– Конечно, милорд.

– Так позаботьтесь об этом. – Обернувшись к Хуку, сэр Уильям велел ему встать. – Французов убивал?

– Многих, мой господин, – ответил Хук, припомнив стрелы, летевшие в полуосвещенную брешь.

– Похвально, – сухо отозвался командующий. – Однако смерть сэра Роджера Паллейра делает тебя либо героем, либо преступником.

– Я лучник, – решительно произнес Хук.

– Лучник, – сурово кивнул сэр Уильям, вручая ему серебряную монету. – Лучник, чей рассказ должны услышать за проливом. Из Суассона доносилась лишь молва, ты первый принес подтверждение.

– Если он там был, – злобно вставил священник.

– Вы слышали, что говорила девушка! – осадил его сэр Уильям и вновь обратился к Хуку: – Расскажи в Англии, что видел.

– Я объявлен вне закона, – неуверенно возразил Хук.

– Делай что велено, – оборвал его командующий. – Ты едешь в Англию.

Так Хук с Мелисандой оказались на корабле. Леди Бардольф, жена сэра Уильяма, одела Мелисанду в приличное платье, и их отправили вместе с гонцом, который вез письма в Лондон и располагал деньгами, чтобы платить за пиво и еду во время путешествия. У Мелисанды, которая ехала верхом на небольшой кобыле, вытребованной для нее гонцом в конюшнях Дуврской крепости, к приезду в Лондон с непривычки ломило все тело.

– Ждите здесь, – без дальнейших слов велел им гонец, когда они, переехав через мост, передали лошадей конюхам Тауэра.

На ночлег Хук с Мелисандой устроились в коровнике. Никто в огромной крепости толком не объяснил, зачем их сюда привезли.

– Вы не пленники, – обмолвился как-то винтенар – начальник над двадцаткой лучников.

– Нам нельзя отсюда выходить, – возразил Ник.

– Выходить нельзя, – согласился винтенар. – Но вы не пленники. Иначе кто б тебе дал миловаться с подружкой каждую ночь? – Он усмехнулся. – Где твой лук?

– Оставил во Франции.

– Тогда пойдем, выберешь новый.

Винтенара звали Венабелз, он сражался за старого короля еще при Шрусбери. Вражеская стрела, угодив ему в ногу, оставила его навсегда хромым. Он привел Хука в сводчатый подвал большой башни, где на широких деревянных настилах хранились сотни новых луков.

– Выбирай, – повел рукой винтенар.

В полутемном подвале луки – прямые, с ненатянутой тетивой, хотя уже с роговыми наконечниками на концах, – лежали плотно друг к другу, каждый высотой с рослого человека. Хук, вынимая их по одному, проводил ладонью по толстому цевью. Луки были сделаны умело; порой мастер оставлял даже бугры и сучки, чтобы не ослаблять древесину. Поверхность одних луков слегка лоснилась от смеси жира и воска, которой покрывалось готовое оружие, другие пока оставались невоощеными, и Ник их не трогал – дереву еще нужно было вылежаться.

– Луки в основном из Кента, – пояснил Венабелз, – хотя есть и лондонские. Лучников тут не делают, зато луки хороши.

– Точно, – согласился Ник, вытягивая самый длинный.

К середине древко утолщалось, он обхватил его левой рукой, слегка выгнул верхнюю часть цевья и отошел к решетке, сквозь которую лился солнечный свет.

Лук был прекрасен. Тисовое дерево, из которого его сделали, росло в южной стране, где солнце сияет живее и ярче. На лук пустили цельный ствол тонковолокнистой древесины без единого сучка. Хук провел рукой по плавно расширяющемуся древку, ощущая пальцами тончайшие неровности, оставленные скобелем мастера. Лук был новым: заболонь, из которой делали внешнюю часть цевья, со временем примет медовый оттенок, а пока она оставалась белой, как грудь Мелисанды. Для внутренней же части бралась ядровая древесина цвета спелого желудя – как лицо Мелисанды, – и лук казался сделанным из точно подогнанных полос, белой и коричневой, хотя в действительности цевье было вырезано из цельного тисового ствола на стыке ядра и заболони.

«Господь сотворил лук, как сотворил мужчину и женщину», – сказал когда-то Нику пришлый священник в родной деревне. Господь сделал заболонь и ядро единой плотью, и такое слияние делало боевой лук воистину смертоносным. Темная жесткая сердцевина на внутренней части лука не поддавалась сжатию и при натяжении тетивы стремилась выпрямиться; светлая заболонь на внешней стороне свободно изгибалась дугой, зато, подобно сердцевине, норовила сразу же расправиться, и как только тетиву отпускали, заболонь упруго возвращала цевье в прежнее положение. Гибкий хребет тянуло разжаться, жесткая основа его подталкивала, и стрела неслась навстречу цели.

– Для какого ж силача это делали? – с сомнением произнес Венабелз. – Посох для Голиафа, а не лук! О чем только думал мастер?

– Наверное, не хотел укорачивать цевье, – предположил Ник. – Чтобы не портить красоту.

– Ну, парень, если сможешь его натянуть – он твой. Наручи вон там. – Винтенар указал на грудку роговых щитков, потом кивнул в сторону бочонка с пенькой. – А тут тетива.

Шнуры, предназначенные для тетивы, слегка липли к пальцам: чтобы уберечь от влаги, пеньку покрывали копытным клеем. Отобрав пару длинных шнуров, Ник на одном завязал концевую петлю и закрепил ее на нижнем наконечнике лука, а затем, изо всех сил согнув древко и отмерив нужную длину, завязал петлю на другом конце шнура и, вновь согнув лук, накинуд петлю на верхний наконечник. Середина шнура, которая будет ложиться в роговую насадку на хвосте стрелы, уже была обвита дополнительным слоем пеньки, чтобы усилить тетиву там, где она соприкасается со стрелой.

– Теперь пристреляться? – с готовностью предложил Венабелз.

Дружелюбный и общительный, он состоял на службе у коменданта Тауэра и всегда не прочь был поболтать с любым, кто согласится послушать рассказы о давних битвах.

Винтенар выбрался из подвала и бросил мешок со стрелами на полоску травы у выхода. Хук тем временем завязал на левой руке наруч, предохраняющий внутреннюю часть запястья от удара тетивой.

Где-то раздался вопль и тут же стих.

– Брат Бейли за работой, – объяснил Венабелз.

– Брат Бейли?

– Бенедиктинец, пыточных дел мастер на королевской службе. Добывает истину из очередного бедолаги.

– Меня тоже хотели пытать в Кале, – кивнул Хук.

– Кто?

– Священник.

– Неугомонные ребята, им только дай кого-нибудь помучить. Никогда этого не понимал. Сами говорят, что Бог тебя любит, и тут же вытряхивают из тебя последние кишки. Если станут пытать – лучше говори правду.

– Я и так говорил правду.

– Не всегда помогает. – Винтенар мотнул головой в ту сторону, откуда вновь донесся приглушенный вопль. – Тот бедолага, поди, тоже не врет, да только брат Бейли любит лишний раз убедиться, чтоб уж без сомнений. Ну, лук пробовать будем?

Хук воткнул десятка два стрел в землю перед собой. На полоске травы у гниющей копны сена, за сотню шагов, установили выцветшую и изрядно побитую мишень вдвое шире среднего человека. В другое время по такой цели Хук не дал бы ни единого промаха, однако первые стрелы из нового лука наверняка полетят мимо.

Лук сначала нужно научить гнуться. В первый раз Ник напряг лук совсем слабо – стрела едва долетела до мишени, – затем с каждым разом натягивал тетиву все больше, отводя руку почти до лица и все же избегая сгибать цевье в полную силу. Он пускал стрелу за стрелой, выясняя повадки нового лука и приучая его к себе, и лишь через час, оттянув тетиву к уху, впервые напряг лук во всю мощь.

Хук не замечал, что улыбается. Лук был прекрасен – в нем сливалась воедино красота тиса и пеньки, перьев и шелка, стали и ясеня, человека и оружия, чистейшей мощи, своевластного движения, отправляющего стрелу в полет после того, как истертые грубой пенькой пальцы отпустят тетиву. Последняя стрела вспорола воздух и, пройдя сквозь пробитый стрелами центр мишени, зарылась в сено по самые перья.

– Не в первый раз лук держишь, парень, – усмехнулся Венабелз.

– Точно, – подтвердил Ник. – Давно не стрелял, пальцы стер.

– Ничего, снова загрубеют, – откликнулся винтенар. – Если тебя не казнят, может, перейдешь к нам? В Тауэре жизнь неплохая. Кормят вкусно и сытно, служба не в тягость.

– Я бы не прочь, – рассеянно кивнул Ник, прислушиваясь к луку.

Несмотря на опасения, что несколько недель пути убавят сил и притупят навык, сейчас он натягивал

лук легко, отпускал тетиву мягко и целился точно – как и прежде. Лишь слегка ныли плечо и спина да стерлись в кровь два пальца. Он внезапно понял, что счастлив, и от неожиданности застыл на месте, не отводя взгляда от мишени. Святой Криспиниан вывел его на солнечный свет, дал ему Мелисанду!.. Правда, его еще числят преступником вне закона. От этой мысли счастье слегка потускнело. Случись ему встретить сэра Мартина или лорда Слейтона, его тотчас же призовут к ответу и, вероятнее всего, повесят.

– А теперь давай на скорость, – не унимался Венабелз.

Хук, воткнув в землю еще пучок стрел, вспомнил дымную, полную воплей ночь, когда латники в мерцающих доспехах вступали сквозь брешь в Суассон, а он все стрелял и стрелял, не думая и не целясь. Из нынешнего лука, хоть и более тугого, стрелы летели так же часто. Ник, как и тогда, не задумывался, просто отпускал тетиву, брал следующую стрелу, накладывал на цефье, поднимал лук, натягивал и вновь отпускал – дюжина стрел пронеслась над полоской травы и одна за другой вонзилась в мишень не больше чем на ширину ладони друг от друга.

– Двенадцать, – слышался сзади веселый голос. – По одной на каждого апостола.

Хук обернулся. На него глядел круглощекий священник с легким пухом белых волос вокруг оживленного лица. В одной руке он держал кожаную сумку, другой твердо сжимал локоть Мелисанды.

– Ты, должно быть, мастер Хук, кто ж еще! Я отец Ральф. Можно выстрелить? – Священник положил сумку, отпустил Мелисанду и попросил: – Не откажи, дай попробовать! В юности я стрелял!

Ник передал священнику лук. Как бы ни был крепок сложением отец Ральф, раздобревший от спокойной жизни, натянуть тетиву ему удалось лишь на ширину ладони, дальше цефье задрожало от усилия. Отец Ральф помотал головой.

– Нет, сила уж не та, – признал он, передавая лук Нику. Поглядев, как стрелок без видимых усилий сгибает цефье, чтобы снять тетиву, он весело продолжил: – Пора нам потолковать! Добрейшего вам дня, винтенар, как поживаете?

– Прекрасно, святой отец, прекрасно, – расплылся в улыбке Венабелз, поднимая руку в уважительном приветствии. – Пока не дует с востока, нога почти не болит.

– Тогда я помолюсь, чтобы Бог слал вам только западный ветер, – радостно заверил его отец Ральф. – Вест, только вест! Пойдем, мастер Хук! Пролей свет на мое неведение! Просвети меня!

Священник, вновь подхватив сумку, повел Хука и Мелисанду в пристройку у куртины Тауэра и выбрал небольшую комнату, облицованную резными деревянными панелями. Обнаружив у стола всего два стула, отец Ральф послал за третьим.

– Садитесь, садитесь, – распорядился он, усаживая обоих у стола.

Он хотел услышать о происшедшем в Суассоне, и Хук с Мелисандой вновь рассказывали по-английски и по-французски о нападении на город, насилиях и убийствах, и перо отца Ральфа не останавливалось ни на миг. В сумке оказались листы пергамента, склянка с чернилами и перья, и теперь священник писал, лишь изредка задавая вопросы. В основном говорила Мелисанда, гневно и возмущенно описывая ужасы той ночи.

– Расскажи о монахинях, – попросил было отец Ральф и тут же, сконфуженно мотнув головой, повторил вопрос по-французски.

Мелисанда разразилась еще более гневной речью, временами замолкая и широко раскрытыми глазами глядя на отца Ральфа, когда тот, не успевая за потоком ее слов, жестом просил ее повременить.

Снаружи донесся топот копыт, через минуту слышался лязг: кто-то бился на мечах. Пока Мелисанда

рассказывала, Хук выглянул в открытое окно. На площадке, где он только что осваивал лук, упражнялись латники в стальных доспехах, глухо звывавших под ударами мечей. Из всех выделялся воин в черных латах, на которого нападали сразу двое противников. Хуку, впрочем, показалось, что они бьют не в полную силу. Десятка два латников встречали особо удачные удары аплодисментами.

– Et gladius diaboli, – медленно перечел отец Ральф последнюю фразу, – repletus est sanguine. Замечательно! Просто отлично!

– Это латынь, святой отец? – спросил Хук.

– Да, разумеется! Латынь! Язык Бога! Хотя Он, наверное, говорил на древнееврейском? Скорее всего! Как на небесах-то будет неловко – придется всем учить еврейский! А может, среди небесных нив сокровища красноречия откроются сами по себе? Я записал, что меч дьявола напился кровью.

Отец Ральф дал знак Мелисанде продолжать, и его перо вновь заскользило по пергаменту. Снаружи донесся уверенный мужской смех – на площадке сражались еще два латника, в солнечном свете мелькали их мечи.

– Тебе непонятно, зачем переводить ваш рассказ на латынь? – спросил отец Ральф, закончив следующую страницу.

– Нет, святой отец.

– Чтобы христианский мир узнал о кровавых деяниях дьявольского отродья, французов! Твою повесть перепишут сотню раз и пошлют всем епископам и аббатам, всем христианнейшим королям и правителям – пусть знают правду о Суассоне! Пусть знают, как французы обходятся со своим же народом! Пусть знают, что Франция – обиталище Сатаны! – с улыбкой заключил отец Ральф.

– Сатана и впрямь обитает во Франции! – раздался резкий голос позади Хука. – И должен быть изгнан!

Развернувшись на стуле, Хук увидел у двери воина в черных латах, но уже без шлема, с влажными каштановыми волосами, чуть примятыми подшлемником. Молодой человек казался знакомым, хотя Хук не понимал, где мог его видеть. Как вдруг, заметив глубокий шрам у длинного носа, лучник бросился на колени перед королем, чуть не опрокинув стул. Сердце бешено колотилось от ужаса, почти как перед суассонской брешью, из всех мыслей осталась одна: вот он, король Англии!

Генрих досадливым жестом велел стрелку встать, хотя Хук не сразу нашел в себе силы подчиниться. Король тем временем, протиснувшись между столом и стеной, заглянул в пергамент отца Ральфа.

– В латыни я не так уж силен, однако суть ясна, – заметил он.

– Подтверждаются все слухи, мой государь, – ответил священник.

– А что сэр Роджер Паллейр?

– Его убил этот молодой человек, государь, – указал на Хука отец Ральф.

– Сэр Роджер нас предал, – холодно обронил король, – у наших людей во Франции есть свидетельства.

– Теперь ему исходить воплями в аду, мой государь, – уверил его отец Ральф. – До скончания времен.

– Прекрасно, – коротко кивнул Генрих, взглядываясь в страницы. – Монахини? Неужто?

– Именно так, государь, – подтвердил отец Ральф. – Христовых невест подвергали насилию и предавали смерти, отрывали от святых молитв и отдавали на поругание. Мы едва верили таким рассказам, однако эта юная особа все подтверждает.

Король взглянул на Мелисанду – та при появлении короля упала на колени вслед за Хуком и теперь

трепетала от страха.

– Встань, – велел ей король. Обратив взгляд к распятию на стене, он нахмурился и закусил губу. После короткого молчания он заговорил, в голосе послышалась горечь. – Они ведь монахини! Богу пристало о них заботиться, почему Он не послал ангелов, чтобы их охранить?

– Возможно, Господь желал, чтоб участь монахинь стала знаком, – предположил отец Ральф.

– Знаком чего?

– Порочности французов, государь, и правоты ваших притязаний на корону несчастной французской державы.

– Стало быть, мне назначено отомстить за монахинь?

– Это не единственное ваше предназначение, государь, – смиренно ответил отец Ральф. – Однако такой долг возложен на вас в числе прочих.

Генрих, постукивая по столу рукой в латной перчатке, задержал взгляд на Хуке и Мелисанде. Лучник осмелился поднять глаза и, заметив беспокойство на узком лице короля, удивился: он всегда думал, что монархи не снисходят до тревог и не знают сомнений в собственной правоте, однако нынешний король Англии явно мучился необходимостью постичь Божью волю.

– Значит, эти двое, – Генрих кивнул на Ника и Мелисанду, – говорят правду?

– Готов поклясться, государь! – горячо подтвердил отец Ральф.

Король бесстрастно оглядел Мелисанду и перевел холодный взгляд на Хука.

– Почему выжил лишь ты один? – спросил он неожиданно жестко.

– Я молился, государь, – робко ответил лучник.

– Единственный из всех? – резко бросил король.

– Нет, государь.

– И Господь снизошел только до тебя?

– Я молился святому Криспиниану, государь. – Хук помедлил и решительно добавил: – Он со мной говорил.

Вновь повисла тишина. Где-то каркнул ворон, от Тауэрской башни по-прежнему доносился лязг мечей. Король, помолчав, протянул руку в латной перчатке и поддел Хуков подбородок, чтобы заглянуть лучнику в глаза.

– Он с тобой говорил?

Хук замялся, сердце колотилось где-то в горле. И все же он решил не скрывать правду, какой бы странной она ни казалась.

– Со мной говорил святой Криспиниан, государь. Его голос отдавался у меня в голове.

Отец Ральф раскрыл было рот, однако жест королевской руки в латной перчатке заставил его замолчать. Генрих, король Англии, смотрел в глаза Хуку, и у того от страха похолодела спина.

– Здесь слишком жарко, – вдруг произнес король. – Продолжим во дворе.

На мгновение Нику показалось, что Генрих обращается к отцу Ральфу, однако королю нужен был он, Николас Хук, и лучник вслед за своим королем вышел во двор, залитый послеполуденным солнцем. Королевские латы едва слышно терлись о промасленную кожу поддоспешника. Стражи шагнули было к

королю, но тот жестом велел им остаться на месте.

– Как Криспиниан с тобой говорил? – спросил Генрих.

Хуку пришлось рассказать про обоих святых: как они явились, как с ним разговаривали, как Криспиниан оказался дружелюбнее... Рассказывать было неловко, однако Генрих отнесся ко всему серьезно. Остановившись, он поднял лицо – Ник был выше его на полголовы, – пытливо взглянул в глаза лучнику и, по-видимому, остался более чем доволен.

– Тебя благословили свыше. Если б со мной говорили святые!.. – задумчиво произнес Генрих и уверенно заключил: – Тебя оставили в живых ради какой-то цели.

– Я всего лишь охотник, государь, – смятенно признался Хук. Он чуть не добавил, что он еще и преступник, однако из осторожности смолчал.

– Ты лучник, – веско произнес король, – и святые говорили с тобой в нашей земле, во Франции. Ты орудие Божье. – (Хук от растерянности не нашелся с ответом.) – Господь даровал мне трон Англии и Франции, – резко продолжал король, – и если на то будет Его воля, французский престол вновь станет нашим. Коль мы решим за него сражаться, мне понадобятся люди, к которым благоволят французские святые. Ты хороший лучник?

– Наверное, государь, – осторожно признал Хук.

– Венабелз! – крикнул король, и винтенар, припадая на раненую ногу, перебежал через двор и упал на колени. – Как он стреляет?

Венабелз ухмыльнулся во весь рот:

– Лучше всех, кого я видел, государь! Лучше того, кто всадил вам стрелу в щеку!

Король от такой дерзости только улыбнулся – винтенара он явно любил – и пальцем в латной перчатке коснулся шрама у носа.

– Окажись выстрел посильнее, был бы у тебя сейчас другой король, Венабелз.

– Значит, в тот день Бог явил нам милость, государь, да будет Он благословен!

– Аминь, – заключил Генрих, с мимолетной улыбкой оборачиваясь к Хуку. – Стрела отскочила от шлема, поэтому ударила не сильно, хотя рана и вышла глубокой.

– А все потому, что забрало не опускаете, государь, – попенял королю Венабелз.

– Воины должны видеть лицо своего принца, – твердо произнес Генрих и вновь посмотрел на Хука. – Мы найдем тебе господина.

– Я объявлен вне закона, мой господин! – выпалил Хук, не в силах дольше скрывать правду. – То есть простите, мой государь.

– Вне закона? – бросил король. – За что?

Хук вновь опустился на колени:

– Ударил священника, государь.

Король молчал, и Хук, ожидая расправы, не смел поднять глаз. К его удивлению, Генрих вдруг усмехнулся:

– Уж если святой Криспиниан простил тебе эту немыслимую вину, то кто я такой, чтобы тебя казнить? А в здешней державе, – голос короля сделался жестче, – любой будет тем, кем я скажу. Стало быть, ты лучник, и мы найдем тебе господина.

Генрих, не проронив больше ни слова, зашагал к своим латникам, и Хук облегченно вздохнул.

Винтенар Венабелз, поднимаясь с колен, поморщился от боли.

– Решил с тобой поболтать, да?

– Да.

– Это он любит. Не то что отец. Тот, поди, и не улыбался никогда. А наш Хэл не важничает, всегда перекинется словечком с такими, как ты да я, – добродушно поведаль Венабелз. – Что, найдешь тебе нового господина?

– Сказал, что так.

– Ну, будем надеяться, не сэра Джона.

– А что за сэр Джон?

– Бешеный. Бешеный и дурной. Прибьет и не заметит, – усмехнулся винтенар и кивнул на пристройку у куртины. – Гляди, тебя ищет отец Ральф.

Священник, стоя на пороге, делал знаки подойти, и Хук отправился досказывать свою повесть.

– Господи ты боже мой, хромой ты придурок! Отводи! Отводи удар! Что ты шлепаешь мечом, как мятым дрыном, ставь жестко! И сразу нападай! – кричал на Хука сэр Джон Корнуолл.

Следующим движением меч командующего уже целил лучнику в бок, но на этот раз Хук успел отбить удар, ринуться вперед – и нарваться на кулак сэра Джона в латной перчатке.

– Ближе, ближе, – подстегивал его сэр Джон, – наступай, тесни, опрокинь, убей!

Однако Хуку оставалось лишь отступить и подставить меч под клинок сэра Джона, уже готовый обрушиться сверху.

– Да что с тобой, черт подери! – бушевал командующий. – Вся сила ушла на французскую шлюху? На этот тощий набор вшивых французских хрящей? Годдингтон! – рывкнул он своему сентенару. – А ну, раздвинь ее костлявые ноги, там хоть есть чем попользоваться?

Ярость захлестнула Хука до алого тумана в глазах, и он, не помня себя, кинулся с мечом на сэра Джона. Тот неуловимо скользнул в сторону, и в следующий миг его клинок, плашмя шлепнув Хука по темени, плавно взлетел, отбивая следующий удар. Даже в полном доспехе сэр Джон двигался легко и непринужденно, как танцор. Он сделал выпад, и на этот раз Хук, как было велено, отвел клинком меч и навалился на противника всем телом, стараясь сбить его с ног, бросить наземь и растереть в кровавое месиво, но вместо этого в затылок ему ударилось что-то твердое, зрение померкло, мир вокруг поплыл, и второй удар тяжелого навалившегося на рукояти меча сэра Джона бросил его лицом на клочья травы, торчащие в тронутый морозом земле.

Дальнейших слов сэра Джона он почти не слышал: голова раскалывалась, перед глазами все плыло.

– Злость нужна перед боем! – постепенно донеслось до него. – А не в бою! В бою надо шевелить мозгами, сколько их есть! А будешь злиться – убьют! – Сэр Джон повернулся к Хуку. – Вставай. Почему кольчуга не чищена? И клинок заржавел? До заката не отчистишь – велю выпороть!

– Не выпорот, – успокоил его вечером Годдингтон, сентенар сэра Джона. – Кулаком хватить, мечом полоснуть, даже кости поломать – это он запросто, только не иначе как в честном бою.

– Кости я ему и сам переломаю, – мстительно пообещал Хук.

Сотник хохотнул:

– За десять лет только один человек – слышишь, Хук, один-единственный! – свел с ним бой вничью. Сэр Джон побеждал на всех турнирах в Европе! Не то что побить – подступиться к нему не надейся. Боец он славный!

– Мерзавец он славный, это точно.

Хук, на затылке которого густо запеклась кровь, сидел и сдирал камнем ржавчину с меча, Мелисанда поодаль чистила кольчугу. И кольчугу, и меч ему выдал сэр Джон Корнуолл.

– Он тебя изводил, чтоб заставить биться, злобы в нем нет, – добавил Годдингтон. – Сэр Джон над всеми насмехается, зато, если ты свой – а ты будешь своим, – он тебя всегда защитит. И твою женщину тоже.

На следующий день Ник смотрел, как сэр Джон одного за другим валяет лучников по земле. Когда подошел его черед, Ник успел-таки отвесить десяток ударов, прежде чем его развернуло, опрокинуло и швырнуло наземь. Командующий шагнул прочь с презрительной миной на изрезанном шрамами лице. Его презрение подбросило Хука на ноги, под бешеный град новых оплеух. Кожу ожгло порезом. Сэр Джон небрежно отбросил меч и вновь повалил Хука на землю.

– Прячь злобу! – прорычал сэр Джон. – Поддашься злобе – убьют, а мертвые лучники мне не нужны. Сражайся трезво! Трезво и жестко. Сражайся умно! – (К удивлению Хука, командующий протянул руку и помог ему подняться.) – У тебя быстрая реакция. Это хорошо.

Сэр Джон считался самым грозным бойцом на турнирах в Европе, хотя ему – кряжистому, широкоплечему, много лет проводшему в седле и потому кривоногому – было уже под сорок. Яркие синие глаза, каких Хук ни у кого больше не встречал, соседствовали на лице со сломанным носом и боевыми шрамами – от схваток с мятежниками, французских войн, трактирных драк и турнирных боев. Сейчас, в ожидании войны с Францией, командующий натаскивал оба своих отряда, лучников и латников, хотя разницы между ними он почти не делал.

– Мы войско! – вдалбливал он лучникам. – И латники, и стрелки – все бьются за всех! Если тронут кого-то из наших, обидчик не уйдет безнаказанным!

Повернувшись к Хуку, он ткнул железным пальцем ему в грудь:

– Ты подходишь. Годдингтон, выдай ему налатник!

Питер Годдингтон принес Хуку белую льняную накидку с гербом сэра Джона – червлёным оскаленным львом в золотой короне и с золотой звездой на плече.

– Поздравляю! – бросил сэр Джон. – Приступай к новым обязанностям. Какие у тебя обязанности, Хук?

– Служить вам, сэр Джон!

– Врешь! На это мне хватает челяди. Твое дело, Хук, – избавлять мир от всех, кто мне не нравится. Повтори!

– Избавлять мир от всех, кто вам не нравится, сэр Джон!

Таких в мире числилось явно немало. Сэр Джон Корнуолл любил короля, боготворил немолодую жену – королевскую тетку, обожал женщин, которые плодили ему случайных отпрысков, ценил своих бойцов. Остальной же мир для него почти целиком состоял из негодной падали, не заслуживающей того, чтобы жить. Он терпимо относился к землякам-англичанам, валлийцев звал вонючими карликами, шотландцев – облезлыми задницами, французов – сушеным дерьмом.

– Знаешь, что полагается делать с сушеным дерьмом, Хук?

– Убивать, сэр Джон!

– Подступать ближе и убивать! Чтобы слышали перед смертью, как ты дышишь, чтобы видели твою улыбку, когда ты их потрошишь. Мучить, Хук, и убивать. Верно, святой отец?

– Вашими устами вещают сами ангелы, сэр Джон, – с удовольствием подтвердил отец Кристофер, духовник сэра Джона.

В таких же, как у лучников, сапогах, кольчуге и плотно сидящем шлеме, он совершенно не походил на священника. Других в своем войске сэр Джон бы не потерпел: командующему нужны были бойцы.

– Вы не только лучники! – рычал он перед строем стрелков на зимнем поле. – Ваше дело – сыпать стрелами, пока вонючие мерзавцы не подойдут ближе, а потом убивать их мечом! Как латники! Что с вас проку, если вы годитесь лишь стрелять? Врага надо бить так, чтоб видеть его дерьмо, когда он обделается перед смертью! Хук, ты хоть кого-нибудь убивал так, чтобы мог дотянуться облобызать?

– Да, сэр Джон.

Командующий широко ухмыльнулся:

– Расскажи про последнего. Как ты его убил?

– Ножом, сэр Джон.

– Я не спрашиваю чем, я спрашиваю как!

– Врезал ему брюхо, сэр Джон. Снизу вверх.

– Кровь с руки капала, Хук?

– Лилась, сэр Джон.

– Вымочить руку в крови француза – каково, а?

– То был английский рыцарь, сэр Джон.

– Черт подери, Хук, я тебя люблю! Так и надо! – захохотал командующий на все поле. – Резать брюхо, дырывать глазницы, кромсать глотки, отрезать яйца, вспарывать задницу, выдирать кишки, вырывать печень, протыкать почки – мне плевать, каким способом, лишь бы вы убивали врагов! Верно я говорю, отец Кристофер?

– Сам Господь не живописал бы картину столь ярко, сэр Джон!

– А на будущий год, – сдвинул брови командующий, – нам предстоит война! Французы противятся уступать трон законному правителю Франции – нашему королю, да благословит его Бог! И если Господь рассудит как надо, Он даст нам вторгнуться во Францию! И тогда мы должны быть готовы!

Никто не знал, разразится ли война. Французы слали гонцов к королю Генриху, тот отправлял посольства во Францию. Слухи метались по Англии, как зимние ливни, нагоняемые западным ветром. Сэр Джон не сомневался, что войны не избежать, и, подобно дюжинам других, заключил сделку с королем: сэр Джон подряжался выставить на королевскую службу тридцать латников и девяносто стрелков сроком на год, в ответ король обязывался выплачивать сэру Джону и его воинам надлежащее содержание. Договор был составлен в Лондоне, и Хук в числе десятка солдат прискакал в Вестминстер, где сэр Джон подписал договор и оттиснул на воске свою печать с изображением льва. Дождавшись, когда воск затвердеет, служитель разрезал пергамент пополам, ведя нож сверху вниз неровными зигзагами. Одну зазубренную половину он спрятал в мешочек из белого льна, вторую отдал сэру Джону – теперь, если кто-то засомневается в документе, можно будет совместить обе части: одна сторона не сможет подделать

договор незаметно для другой.

– Средства получите в казначействе, сэр Джон, – сообщил служитель.

Чтобы добыть денег, король вводил налоги, брал ссуды и закладывал драгоценности. Сэру Джону, кроме мешка с деньгами, выдали еще мешок с россыпью камней, золотой брошью и тяжелой серебряной шкатулкой. Все расходы этим не покрывались, и командующему пришлось занять денег у итальянского банкира в Лондоне.

Нужны были еще люди, кони, доспехи и оружие. Сэру Джону с пажами, оруженосцами и слугами требовалось полсотни лошадей, каждому латнику полагалось не меньше трех, включая специально выезженного боевого коня, и еще сэр Джон решил выдать по верховой лошади всем лучникам. Коней надо было кормить – значит, всю зиму, пока не зазеленеют пастбища, предстояло тратиться на сено. Дополнительно к оружию и доспехам, которые латники обязывались приобретать из собственных средств, сэр Джон заказал еще сотню коротких копий для пехоты. Каждому стрелку он выдал по кольчуге, шлему, паре добротных сапог, не забыв об оружии для ближнего боя – когда враг подойдет на расстояние меньше лучного выстрела.

– Мечи в битве почти бесполезны, – говорил он стрелкам. – Враг будет в латах, мечом их не взять, поэтому бейте алебардой! Сбивать выроdkов на землю, поднимать им забрало и выкалывать поганые глаза!

– У тех, кто небогат, – кротно ввернул отец Кристофер.

Круглолицый, жизнерадостный, совершенно седой, с неизменной ироничной усмешкой и любопытными озорными глазками, в свои сорок с небольшим он был самым старым из людей сэра Джона.

– У тех, кто небогат, – согласился командующий. – А богатых выроdkов брать в плен, чтоб я взял за них выкуп!

Для лучников заказали сотню алебард с тяжелым свинцовым молотом на обухе, способным если не раздробить латные доспехи, то уж точно свалить латника с ног. Острое лезвие рассекало шлем, как кусок пергамента, а тонкий копьевидный наконечник легко проходил в отверстия рыцарского забрала. Пока кузнецы занимались ковкой, Хук, знающий работу с деревом, помогал вырезать для алебард длинные ясеневые древки.

– Прекрасно, – кивнул сэр Джон, когда ему принесли первые образцы, и провел ладонью по обитой железом рукояти так, словно ласкал женское тело.

На исходе весны пришла весть, что Бог, как и предполагалось, укрепил намерение короля пойти войной против Франции, и отряд сэра Джона двинулся на юг по дорогам, окаймленным зарослями цветущего боярышника. Сэр Джон, радостный и оживленный в предвкушении битв, ехал впереди в сопровождении пажей, оруженосца и знаменщика, который нес флаг с коронованным червлёным львом, украшенным звездой на плече. Сзади катились три повозки, доверху нагруженные провизией, короткими копьями, доспехами, пучками стрел и запасными луками. Южная дорога вилась мимо лесных полей, густо усыпанных цветущими пролесками, и лугов с рядами травы, оставленной для просушки после первого сенокоса. Пасущиеся на лугах свежестриженные овцы выглядели голыми и тщедушными. На дорогу выезжали все новые отряды всадников в одежде с незнакомыми гербами, все они направлялись к южному побережью, куда король сзывал подписавших договор. Стрелки, с неременным зачехленным луком на плече, числом превышали латников чуть ли не вдвое.

Хук был счастлив оказаться среди людей сэра Джона. Питер Годдингтон, сотник, не жаловал лентяев, зато всячески ободрял и поддерживал тех, кто, подобно ему, мечтал сделать отряд лучшим в Европе. Его

помощник и почти ровесник, тридцатилетний угрюмый Томас Эвелголд, соображал медленнее сентенара и лишь время от времени бросал скупые советы, которые для молодых лучников оказывались целой наукой. Из новобранцев Хук подружился с близнецами Томасом и Мэтью Скарлетами, которые были всего на год его моложе, и с Уиллом из Дейла, умевшим передразнивать сэра Джона так, что вся компания валилась с ног от хохота. Все четверо вместе ели, вместе пили, вместе смеялись и соперничали друг с другом в стрельбе, хотя все лучники уже знали, что превзойти Николаса Хука не удастся. После целой зимы упражнений им предстоял поход на Францию, и, как уверил их отец Кристофер накануне отбытия, Бог был на их стороне.

– Притязания нашего господина и короля законны, – объявил он непривычно серьезно, – Господь его не оставит. Мы идем войной против Франции, чтобы восстановить справедливость, и нам сопутствуют ангельские воинства!

Суть распри с Францией Хук так и не понял. По всему выходило, что брак кого-то из королевских предков открывал Генриху путь к французскому престолу, однако Хука не сильно заботила правота монарших притязаний: ему просто нравилось быть в отряде сэра Джона.

И еще он радовался, что в числе других женщин отряд сопровождала Мелисанда. Она ехала верхом на небольшой тонкокостной кобыле, принадлежавшей жене сэра Джона – сестре покойного короля.

– Мы берем с собой женщин! – объявил перед походом сэр Джон.

– Господь милосерд, – пробормотал на это отец Кристофер.

– Нам не с руки стирать одежду, шить и стряпать, – продолжал сэр Джон, – значит с нами должны идти женщины. Пригодятся. Мы же не французы, которые лезут друг на друга, когда не найдут подходящей овцы? Стало быть, без женщин не обойтись!

Теперь сэр Джон частенько ехал рядом с Мелисандой, развлекая ее болтовней по-французски.

– Он не так уж ненавидит французов, – заметила Мелисанда в тот вечер, когда отряд остановился у городка рядом с крупным аббатством.

Не обращая внимания на колокол, который сзывал верующих на молитву, Хук с Мелисандой сидели на берегу речушки, мирно текущей мимо пышных заливных лугов. На той стороне, через два поля, еще чьи-то стрелки и латники разбивали лагерь. Люди сэра Джона уже запалили костры, и теперь тонкий дым разносился по воздуху, затуманивая шпиль аббатства.

– Ему просто нравится их бранить, – закончила Мелисанда.

– И всех остальных тоже.

– В душе он добрый. – Мелисанда, откинувшись назад, положила голову на грудь Нику.

В полный рост она едва доставала ему до плеча, однако Ник понимал, что хрупкая внешность обманчива. В девушке таилась та же податливая сила, которая заставляет цевье лука сохранять привычный изгиб даже со снятой тетивой. Мелисанда, подобно луку, оставалась непоколебимой в однажды усвоенном мнении. Нику это нравилось, хотя временами он за нее боялся.

– Может, тебе с нами не ездить?

– Почему? Потому что опасно?

– Да.

– Француженке во Франции легче, чем англичанке, – пожала плечами Мелисанда. – Алису и Матильду точно изнасилуют, если схватят.

Алиса и Матильда были ее ближайшими подружками.

– А тебя нет?

Мелисанда помолчала, вероятно вспоминая Суассон.

– Я хочу поехать, – наконец ответила она.

– Зачем?

– Чтобы быть с тобой, – снова пожала она плечами, словно ответ был очевиден. – Что такое сентенар?

– Как Питер Годдингтон? Начальник над лучниками.

– А винтенар?

– Тоже начальник. Сентенар командует всей сотней лучников, винтенар отвечает за двадцатку.

Мелисанда ненадолго задумалась.

– Тебе надо стать винтенаром, Ник.

Хук, улыбнувшись, промолчал, глядя на песчаное речное дно под хрустально-чистой водой, в которой колыхались гибкие стебли растений. Над рекой вились мошки, временами слышался плеск – выныривала за едой форель. Провожая глазами чету лебедей с выводком, плывущую вдоль дальнего берега, Хук заметил в воде шевелящуюся тень.

– Не двигайся, – предупредил он девушку и осторожно потянул с плеча лук в кожаном чехле.

– Сэр Джон знает моего отца, – вдруг сказала Мелисанда.

– Правда? – удивился Ник, тихо развязывая чехол и вытаскивая лук.

– Жильбер, – Мелисанда выговорила имя медленно, словно незнакомое, – сеньор де Ланферель.

Отец Мишель, французский кюре, вроде бы назвал ее отца «сеньор д'Анфер». Хук решил, что ослышался.

– Так он сеньор, да?

– Детей у сеньоров много, – покачала головой Мелисанда, – *et je suis une bâtarde*.

Хук не ответил. Уперев цевьё в ясеновый ствол, он согнул лук и натянул тетиву.

– Я незаконнорожденная, – горько повторила Мелисанда по-английски. – Потому он и отправил меня в монастырь.

– Чтобы спрятать.

– И чтобы защитить. Он дал денег аббатисе – плату за стол и кров. И сказал, что там я проживу спокойно.

– Спокойно проживешь служанкой?

– Служанкой была моя мать, чем я лучше? А потом меня постригли бы в монахини.

– Ты не служанка, – убедительно произнес Хук. – Ты дочь сеньора.

Он вытащил стрелу с длинным тонким наконечником и, держа лук горизонтально на коленях, наложил стрелу на цевьё и уставил оперенный конец в тетиву. Тень двинулась.

– Ты отца знаешь хорошо?

– Видела два раза. Когда была маленькой и когда меня отправляли в монастырь. Он мне нравился. – Мелисанда запнулась, ища правильные слова. – Вначале. Вначале он мне нравился.

– А он тебя любил? – наугад спросил Ник, занятый больше подводной тенью, чем Мелисандой.

– Он был такой... – она не нашла слова, – beau[7]. Высокий и с красивым гербом. Солнце с золотыми лучами, а поверх солнца голова...

– Орла, – закончил за нее Хук.

– Un faucon.

– Значит, сокола, – кивнул Хук, припоминая длинноволосого красавца, наблюдавшего за убийством лучников у церкви Сен-Антуан-л'Э-Пти, и жестко добавил: – Он был в Суассоне.

Подводную тень слегка снесло течением, и Ник боялся, что она исчезнет из виду, однако тень двинула хвостом и вернулась на прежнее место.

Мелисанда во все глаза смотрела на Ника:

– Был в Суассоне?

– Длинноволосый брюнет.

– Я его не видела!

– Ты уткнулась мне в плечо и не хотела смотреть. Они издевались над лучниками. Резали их, выкалывали глаза.

Мелисанда надолго замолчала. Ник чуть приподнял лук.

– Моего отца зовут еще по-другому, – тихо выговорила она наконец. – Сеньор д'Анфер.

– Так я и слышал.

– Сеньор д'Анфер, – повторила Мелисанда. – Это значит «владыка преисподней». Его так называют из-за того, что «Ланферель» звучит как «л'анфер», ад. А может, еще из-за жестокости в бою. Он многих отправил в преисподнюю. А кого-то и в рай.

Над рекой мелькали ласточки, краем глаза Хук заметил блестящего синего зимородка. Тень под водой вновь застыла. Ник потянул на себя тетиву – не в полную мощь, потому что согнуть лук до конца мешала сидящая вплотную Мелисанда, но даже натянутый вполсилы лук оставался грозным оружием.

– Он не такой уж плохой, – добавила Мелисанда задумчиво, словно уговаривая сама себя.

– Не очень убедительно звучит, – ответил Хук.

– Он мой отец.

– Который отдал тебя в монастырь.

– Я не хотела в монастырь, нет! – с жаром воскликнула Мелисанда. – Я ему говорила!

– Не хотела давать обеты? – улыбнулся Хук.

– Я знала сестер-монахинь, мать водила меня к ним в гости. Мы им приносили... – она силилась подобрать английские слова, но в конце концов сдалась, – les prunes de damas, abricots et coings[8]. Не знаю, как назвать. Фрукты? Да. Мы приносили фрукты, но сестры все равно относились к нам недобро.

– И все же отец тебя к ним отправил.

– Он сказал, я должна за него молиться – такова моя обязанность. А я молилась знаешь о чем? Чтобы он когда-нибудь за мной приехал – проскакал через монастырские ворота на своем прекрасном коне, забрал меня и увез с собой.

– И поэтому ты теперь хочешь во Францию?

Мелисанда покачала головой:

– Я хочу туда, где ты.

– Твоему отцу я не понравлюсь.

– Разве он когда-нибудь нас увидит? – пожала плечами она.

Хук прицелился чуть ниже тени, хотя о рыбе уже почти не думал – его мысли занимал высокий всадник с длинными черными волосами, которому в Суассоне ничего не стоило прекратить издевательства над лучниками. Владыка преисподней.

– Ужин, – сказал он хрипло и отпустил тетиву.

Пущенная стрела мелькнула в закатном солнце белым оперением, скользнула под воду – и у дальнего берега что-то забило, вскипела волна, спугнутая форель метнулась выше по течению.

Щука билась, пригвожденная к дальнему берегу. Ник, прыгнув в реку, вытащил ее вместе со стрелой. Огромная рыба извивалась на древке и норовила вцепиться зубами в руку, но на берегу Ник оглушил ее рукоятью ножа, и крупная, чуть ли не в длину лука, рыбина с грозной пастью тут же обмякла.

– Un brochet! – восторженно вскрикнула Мелисанда.

– Щука, – подтвердил Ник. – Вкусная вещь.

И он принялся потрошить добычу, сбрасывая требуху в реку.

На следующий день сэр Джон с латниками и лучниками отправился в западные окрестности покупать зерно, сушеный горох и копченое мясо. Хуку он велел остаться в деревне под холмом и приглядывать за погрузкой мешков и бочек на крытую подводку, стоявшую у харчевни «Мышь и сыр». Две тягловые лошади, выпряженные из подводки, паслись на деревенском лугу, распряженный Ников лук без тетивы лежал на столе рядом с кувшином пива, принесенным хозяином харчевни, сам Ник, стоя на подводке, пересыпал муку в бочку. Отец Кристофер, одетый в простые штаны и рубаху, бесцельно бродил вокруг, заглядывал в дома, гладил кошек и заигрывал с женщинами, стиравшими белье у реки, в которую упиралась единственная деревенская улица. В конце концов он вернулся к «Мыши и сыру» и бросил на стол мешочек с серебряными монетами, выданными ему для закупки припасов у крестьян.

– Зачем бьешь муку, Хук? – спросил он.

– Утрамбовываю, чтобы плотнее лежала, святой отец. С солью и ореховыми прутьями.

Отец Кристофер старательно изобразил отвращение.

– Солить муку?

– Соль насыпают на дно бочки, чтобы мука не отсырела, – объяснил Хук. – А ореховые прутья не дадут ей испортиться.

Он показал священнику отломленные от ближайшей зеленой изгороди ветки орешника, с которых он ободрал листья.

– Неужели так лучше?

– Еще бы! Вы что, никогда не забирали муку с мельницы?

– Хук! – расхохотался отец Кристофер. – Я ведь служитель Бога, нам не положено работать!

Воткнув в муку еще пару прутьев, Хук отступил от бочки.

– Вот теперь все как надо, – кивнул он, отряхивая ладони.

Отец Кристофер мягко улыбнулся, вытянул ноги и обвел взглядом залитый солнцем лес на склоне холма, начинающегося сразу за соломенными крышами.

– Боже, как я люблю Англию! – вздохнул он. – И на что юному Хэлу та Франция?

– Он ведь французский король.

Священник пожал плечами:

– Он не единственный, кто на нее претендует. Будь я королем Англии, я бы остался дома. Пиво твое?

– Мое, святой отец.

– Яви христианское милосердие, дай попить. – Отец Кристофер, отсалютовав Хуку кувшином, сделал глоток. – И все же мы идем войной против Франции, и победа неминуема!

– Точно?

– Ответ известен одному Богу, Хук, – внезапно посерьезнев, ответил священник. – Сила у французов немалая. А вдруг они бросят враждовать между собой и кинутся на нас? Правда, у нас есть то, чего у них нет. – Он похлопал ладонью по Никову луку.

– Можно спросить, святой отец? – Ник, спрыгнув с подводы, уселся рядом со священником.

– Только умоляю, не спрашивай меня, на чьей стороне Бог!

– Вы говорили, что на нашей!

– Говорил. А тысячи кюре говорят то же самое французам, – усмехнулся отец Кристофер. – Вот тебе мое пастырское наставление, Хук: доверяй тисовому луку, а не словам священников.

Ник погладил цевье, еще скользкое после смазывания жиром.

– Что вы знаете о святом Криспиниане, отец?

– О, богословский вопрос! – Отец Кристофер осушил кувшин и стукнул им по столу, чтобы принесли еще. – Мало что помню. В Оксфорде я учился не так уж усердно, слишком отвлекался на девиц. В одном тамошнем борделе, Хук, девиц одевали монашками. Так не поверишь: из-за священников было не протолкнуться! Даже оксфордского епископа я там видел чуть не десяток раз. Счастливые времена! – Вздохнув, отец Кристофер искоса взглянул на Хука и усмехнулся. – Что я знаю?.. У святого Криспиниана был брат Криспин, хотя кое-кто говорит, что они вовсе не братья. Знатные или нет – тоже кто как скажет. Если они и вправду сапожники, то откуда взяться знатности? Верно лишь то, что они жили тысячу лет назад и были римлянами. И конечно, мучениками.

– Значит, Криспиниан в раю.

– Да, они с братом пребывают одесную Господа, – подтвердил отец Кристофер. – Надеюсь, их там обслуживают бойчее, чем меня!

Он вновь грохнул кувшином по столу, и из харчевни выскочила молоденькая прислужница, которую отец Кристофер немедленно одарил пастырской улыбкой.

– Еще пива, моя славная крошка. Два кувшина. – Он бросил по столу монету сэра Джона, улыбнулся еще раз и, проводив девушку взглядом, вздохнул. – Эх, быть бы помоложе!..

– Вы и так молоды, святой отец.

– Боже милосердный, мне сорок три! Умирать скоро! Стану трупом, как тот Криспиниан. Хотя уж его-то убить было непросто...

– Да?

Отец Кристофер нахмурился:

– Пытаюсь припомнить. Их с Криспином мучили за то, что они христиане. Вздергивали на дыбу, вгоняли гвозди под ногти, вырезали кусками живое мясо – а они не умирали! Пели хвалу Господу перед лицом мучителей! Я бы так не смог. – Священник перекрестился.

Прислужница вынесла пиво, отец Кристофер вновь одарил ее улыбкой и отмахнулся от сдачи.

– Так вот, – с удовольствием продолжил он, – палач решил прикончить их поскорее. Может, устал от песнопений, не знаю. Привязал им на шею по жернову и бросил обоих в реку, но и тут ничего не вышло: жернова не тонули! Тогда он вытащил мучеников из реки и кинул в костер, но даже огонь их не брал – они все пели хвалы Богу. Палач от отчаяния бросился в костер и сгорел, а святые остались жить.

В конце улицы показались всадники. Хук, не увидев на них герба сэра Джона, вновь повернулся к отцу Кристоферу.

– Бог спас братьев от пыток, от огня и воды, – закончил тот. – Однако смерти они не избежали. Император отрубил им головы.

– И все же это чудо! – удивленно выговорил Хук.

– Чудо, что они выжили, – согласился отец Кристофер. – А зачем тебе Криспиниан? Он не наш святой, французский. Они с братом пришли во Францию продолжать свое дело.

Хук в нерешительности помедлил – шутка ли признаваться в том, что обезглавленный святой с тобой говорил! Впрочем, долго мучиться выбором ему не пришлось: рядом раздался глумливый голос:

– Нет, вы только поглядите, кто тут есть! Мастер Николас Хук!

Выпрямившись в седле, на него торжествующе взирал сэр Мартин, окруженный восемью всадниками в одежде с гербом лорда Слейтона. Хук знал всех, включая Томаса и Роберта Перрилов и сентенара Уильяма Сноболла.

– Твои друзья? – спросил отец Кристофер.

– Я думал, ты уже покойник, – продолжал сэр Мартин, скривив длинное лицо в подобии улыбки. Его тощие ноги торчали из-под подоткнутой для удобства рясы, а на поясе, в обход запрета священникам носить клинковое оружие, болтался старомодный меч с широкой крестовиной. – Я надеялся, что тебя уже казнили. Осудили, прокляли и казнили.

– Я жив, – коротко ответил лучник.

– И носишь герб другого хозяина? Нехорошо, Хук! Какое неуважение к закону и Писанию, как будет недоволен лорд Слейтон! Это твое? – Сэр Мартин указал на подводу.

– Наше, – приветливо кивнул отец Кристофер.

Сэр Мартин сделал вид, будто только что его заметил. Пристально взглядевшись в седого толстяка, он покачал головой:

– Я тебя не знаю и не хочу знать. Мне нужны продукты, за ними-то мы и приехали. А тут, – он ткнул костлявым пальцем в подводу, – полно еды. Манна небесная. Господь, посылавший воронов пророку Илии, послал нам Хука!

Сэр Мартин, сочтя шутку удачной, разразился знакомым Хуку безумным смехом.

– Эти продукты наши, – словно малому ребенку, пояснил ему отец Кристофер.

Сэр Мартин ухмыльнулся.

– Вот этот, этот, этот, – на каждом слове тыча пальцем в Хука, провозгласил он, – вот этот кусок дерьма, что рядом с тобой, принадлежит лорду Слейтону. И объявлен вне закона.

– Правда? – удивленно глянул на Хука отец Кристофер.

Тот молча кивнул.

– Вот как, – мягко произнес священник.

– Преступнику не полагается имущество! – хрипло выкрикнул сэр Мартин. – Такова заповедь Писания, поэтому продукты наши!

– Я так не думаю, – благодушно улыбнулся отец Кристофер.

– Мне плевать, что ты там думаешь! – взорвался сэр Мартин. – Заберем – и все! И этого тоже! – Он мотнул головой в сторону Хука.

– Может, тебе знаком герб? – ласково спросил его отец Кристофер, указывая на налатник Хука.

– Преступнику запрещено носить герб! – с удовольствием проскрипел сэр Мартин, уже предвкушая скорую смерть Хука, и обернулся к старшему Перрилу. – Том, сдери-ка с него налатник и свяжи руки потуже.

По примеру Уильяма Сноболла, наложившего стрелу на лук, остальные лучники сэра Мартина взяли Хука на прицел.

– Давно о таком мечтал, – буркнул Том Перрил, слезая с коня. Его носатое лицо с длинным, как у сэра Мартина, подбородком расплылось в ухмылке. – Повесить его прямо здесь, сэр Мартин?

– Тогда лорду Слейтону не придется затевать суд, – хохотнул тот. – И колебаться насчет пощады.

Отец Кристофер предупреждающе поднял ладонь, однако Том Перрил предпочел этого не заметить. Обойдя вокруг стола, он уже потянулся за Хуком, как вдруг замер, услышав скрежет меча, вынимаемого из ножен.

Сэр Мартин обернулся.

С края деревни за происходящим наблюдал всадник. За ним толпились другие, явно получившие приказ ждать.

– Я бы искренне вам советовал снять стрелы с тетивы, – добрейшим голосом произнес отец Кристофер.

Стрелки, не опуская луков, лишь нервно взглядывали на сэра Мартина.

Всадник в конце улицы пришпорил коня.

– Сэр Мартин! – попытался добиться приказа Уильям Сноболл.

Тот молчал, не сводя глаз с мчащегося на него латника. Из-под копыт летела пыль, всадник на скаку отвел правую руку с мечом и, поравнявшись со стрелками, плашмя обрушил меч на голову первого попавшегося.

Младший Перрил, качнувшись от удара, сполз с седла и тяжело осел на землю. Его стрела, выпущенная бесчувственной рукой, ткнулась в стену харчевни, едва не задев Хука. Том Перрил ринулся было помочь брату, однако сэр Джон развернул жеребца, и Том застыл на месте. Лучники поспешно убрали стрелы.

– Приветствую, сэр Джон, – радостно кивнул отец Кристофер.

– Что тут происходит? – рявкнул командующий.

Роберт Перрил, с залитой кровью головой, с трудом поднялся на ноги. Том Перрил опасался шевелиться и не сводил глаз с меча, которым ударили его брата.

Отец Кристофер неторопливо отпил пива и вытер губы.

– Эти люди, – он обвел рукой сэра Мартина с лучниками, – выразили желание увезти наши продукты, сэр Джон. Я пытался их отговорить, однако они упорствовали, говоря, что продукты принадлежат им по праву, ибо охраняются присутствующим здесь Хуком, который, по словам святого отца, объявлен вне закона.

– Да! – наконец обрел голос сэр Мартин. – Он приговорен и должен умереть!

– Я знаю, что он объявлен преступником, – бросил сэр Джон. – И король, поручая мне Хука, тоже об этом знал. Ты хочешь сказать, что король ошибся?

Сэр Мартин глянул на Хука удивленно, однако продолжал стоять на своем:

– Он объявлен вне закона! И служит лорду Слейтону!

– Он служит мне.

– Он... – Сэр Мартин не договорил, смешавшись под взглядом сэра Джона.

– Он служит мне, – повторил сэр Джон уже с угрозой. – Он за меня сражается – значит я его защищаю. Тебе известно, кто я?

Сэр Джон помолчал в ожидании ответа, однако сэр Мартин недвижно застыл и уставился помутневшим взором в небеса, словно прислушиваясь к беседе ангелов.

– Передай его милости, пусть по этому поводу обращается ко мне, – закончил сэр Джон.

– Конечно, господин, обязательно, – глянув на сэра Мартина, ответил за него Уильям Сноболл.

– Илия пророк, – вдруг очнулся тот, – питался хлебом и мясом у потока Хорафа. Ты об этом знал?

Сэр Джон в явном замешательстве оглядел сэра Мартина, который всерьез ждал от него ответа.

– У потока Хорафа, – доверительно поведал сэр Мартин, словно открывая великую тайну, – можно укрыться от врагов.

– Иисус прослезился, – кивнул сэр Джон.

– Неудивительно, – вздохнул отец Кристофер. Приподняв Ников лук, он грохнул им по столу, отчего лошади дернулись, а взгляд сэра Мартина сделался осмысленным. Одарив сэра Мартина ангельской улыбкой, отец Кристофер продолжил: – Забыл сказать, что я тоже священник. Примите же мое благословение! – Он достал из-за пазухи золоченый крест и простер его к людям лорда Слейтона. – Любовь Господа нашего Иисуса Христа да утешит и укрепит вас, дабы вы немедля убрали свои тухлые морды и вонючие задницы с наших глаз! – Он крестообразно махнул распятием перед всадниками. – Ступайте!

Том Перрил не сводил глаз с Хука. На миг показалось, что злоба в нем пересилит всякую осторожность, однако он тут же отошел и принялся подсаживать брата в седло. Сэра Мартина, вновь впавшего в дремотное состояние, увел Уильям Сноболл, за ними последовали остальные.

Сэр Джон, свесившись с жеребца, подхватил кружку Ника и осушил до дна.

– Напомни, Хук, за что тебя объявили вне закона?

– Я ударил священника, сэр Джон.

– Вот этого? – ткнул командующий большим пальцем вслед отъехавшим всадникам.

– Да, сэр Джон.

Командующий покачал головой:

– Ты поступил дурно, Хук. Не стоило его бить.

– Да, сэр Джон, – покорно согласился Хук.

– Надо было взрезать этой мрази тухлое брюхо и протащить сердце через вонючую задницу! – отчеканил сэр Джон, поглядывая на отца Кристофера в надежде, что тот оскорбится, однако священник лишь кротко улыбался. – Он сумасшедший, этот твой знакомец?

– Несомненно! – отозвался отец Кристофер. – Как половина святых и чуть не все пророки. Вы, поди, не стали бы охотиться с Иеремией?

– К чертям Иеремию, – отмахнулся сэр Джон. – И будь проклят Лондон. Меня опять вызывает король.

– Господь да благословит ваш путь, сэр Джон, и дарует благополучное возвращение.

– Если король Гарри не заключит мир, с возвращением мы не задержимся.

– Мира не будет, – уверенно произнес отец Кристофер. – Луки натянуты, стрелы готовы в полет.

– Будем надеяться. Хорошая война принесет хорошие деньги, а мне они не помешают.

– Тогда я помолюсь о войне, – благодушно откликнулся священник.

– Я месяцами только о ней и молю!

Хук подумал, что теперь молитвы сэра Джона будут исполнены. Скоро, очень скоро войско погрузят на корабли и отправят на войну – игрище дьявола. Во Францию. Сражаться.

Часть вторая

Нормандия

Глава четвертая

Нику Хуку с трудом верилось, что мир может вместить столько кораблей. Флот он впервые увидел в Саутгемптонской гавани, когда сэр Джон собрал своих людей на берегу, дабы королевские чиновники пересчитали войско. Договор обязывал сэра Джона представить девяносто лучников и тридцать латников. Остаток денег на их содержание ему полагалось получить при отплытии, но прежде количество и пригодность бойцов проверяли специально назначенные люди. Хук, стоя в общем строю, не сводил благоговейного взгляда с кораблей, заполнивших всю гавань так, что за ними не было видно воды. Сентенар Питер Годдингтон утверждал, что для перевозки армии собрано полторы тысячи судов – немыслимое количество, в которое Хук никогда не поверил бы, не случись ему увидеть порт своими глазами.

Королевский инспектор, пожилой круглолицый монах с вымазанными в чернилах пальцами, шел вдоль строя, оглядывая солдат и проверяя, не набрал ли сэр Джон калек, мальчишек и стариков. Его сопровождал насупленный рыцарь в одежде с королевским гербом, осматривающий оружие. Оружие оказалось в порядке: от сэра Джона Корнуолла иного не ждали.

– В договоре указаны девяносто лучников, – укоризненно заметил монах, дойдя до конца строя.

– Истинная правда, – радостно согласился отец Кристофер, оставленный распоряжаться делами в отсутствие сэра Джона, уехавшего на встречу с королем.

– А у вас девяносто два! – с напускной строгостью заявил монах.

– Сэр Джон отберет двоих самых негодных и выкинет за борт! – успокоил его отец Кристофер.

– Хорошо, хорошо, – отмахнулся монах, взглядывая на насупленного рыцаря. Тот, удовлетворенный виденным, одобрительно кивнул, и монах вновь обратился к отцу Кристоферу: – Деньги привезут нынче днем. Да благословит вас Бог!

Монах взобрался в седло и поскакал к другим отрядам, ожидающим проверки. Его подручные, крепко сжимая в руках льняные футляры с листами пергамента, побежали следом.

Торговое судно, на котором предстояло отплыть Хуку, – осадистое, с тупым носом и квадратной кормой – называлось «Цапля», с толстой мачты свисал штандарт сэра Джона Корнуолла. Борт о борт с «Цаплей» был причален личный корабль Генриха, «Королевская Троица», размером с целое аббатство. Внушительности ему придавали увешанные знаменами сине-красно-золотые деревянные надстройки на корме и носу, из-за которых корабль выглядел непропорционально тяжеловесным – как деревенская подвода со слишком высокой копной сена. На бортах крепились белые щиты с красным крестом, с рей свисали три больших флага, на бушприте развевалось красное знамя с четырьмя белыми кругами, соединенными черными надписями.

– Знамя, что на носу, – это знак Святой Троицы, – перекрестившись, пояснил Хуку отец Кристофер.

Хук, заглядевшись на знамя, не ответил.

– Может показаться, что для Святой Троицы нужны три флага, – лукаво прищурившись, продолжал

отец Кристофер, – однако на небесах торжествует скромность, поэтому достаточно одного. Знаешь, что в нем за смысл, Хук?

– Нет, святой отец.

– Придется пролить свет на твое невежество. Внешние круги – это Отец, Сын и Святой Дух. А на полосах, их соединяющих, написано «non est». Что такое «non est» по-латыни, Хук?

– «Не есть», – тотчас ответила Мелисанда.

– Боже мой, к такой красоте еще и умна! – радостно заявил отец Кристофер, с удовольствием оглядывая Мелисанду с головы до ног. На девушке было тонкое льняное платье с львиным гербом сэра Джона, однако священника занимала явно не геральдика. Неспешно проведя взглядом обратно снизу вверх, отец Кристофер вернулся к рассказу: – Значит, Отец не есть Сын, который не есть Святой Дух, а тот не есть Отец. Все внешние круги соединены с внутренним, который есть Бог, и на полосках, ведущих к внутреннему кругу, написано слово «est». Стало быть, Отец есть Бог, Сын есть Бог и Святой Дух есть Бог, хотя все трое различны. Все очень просто.

Хук нахмурился:

– Не так уж просто...

– Конечно непросто, – усмехнулся отец Кристофер. – Не знаю, кому под силу постичь Святую Троицу! Разве что папе – но которому? Их у нас двое! Григорий non est Бенедикт, а Бенедикт non est Григорий, и остается лишь уповать, что Господь знает, кто est кто. Мелисанда, ты воистину хороша! А досталась какому-то Хуку!

Мелисанда ответила ему гримасой, отчего священник рассмеялся, чмокнул кончики пальцев и послал девушке воздушный поцелуй.

– Приглядывай за ней, Хук!

– Я так и делаю, святой отец.

Священник, умудрившись-таки оторвать взгляд от Мелисанды, повернулся к «Королевской Троице», у борта которой, как поросята у свиноматки, теснились мелкие шлюпки. С них поднимали наверх большие тюки. На корме корабля развевался флаг Англии – красный крест святого Георгия на белом поле. Каждому бойцу в армии Генриха выдали такие же красные льняные кресты, их полагалось нашить спереди и сзади на налатники поверх хозяйского герба. Сэр Джон объяснил, что гербов слишком много: в большой битве немудрено запутаться в расцветках, зверях и птицах. А крест святого Георгия безошибочно укажет своих даже в самой гуще схватки.

К главной мачте флагмана крепилось королевское знамя – огромное полотнище, разделенное на четыре части: в двух четвертях золотые английские леопарды, в остальных двух – золотые лилии Франции. Генрих, заявляя права на оба престола, объединил в своем флаге символы двух королевств, и теперь в Саутгемптонскую гавань стягивался огромный флот, призванный осуществить королевские притязания. Перед отъездом в Лондон сэр Джон Корнуолл сказал, что никогда еще из Англии не отплывало такое крупное войско.

– Король действует верно! – гордо заявил он, ощерившись в волчьей ухмылке. – Нас ждет успех! Наш господин и правитель не жалел денег! Заложил драгоценности короны! Нанял лучшую армию – и мы с вами ее часть! Лучшая часть! Не посраим короля! Бог на нашей стороне – верно, святой отец?

– Господь не выносит французов, – заявил отец Кристофер уверенно, словно Бог посвящал его в Свои сокровенные замыслы.

– Потому что Господь не дурак! – подхватил сэр Джон. – Всевышний знает, что Он создал французов по ошибке! И послал нас исправить оплошность! Мы войско Господне, так выпустим же кишки из чертовых выроdkов!

Полторы тысячи судов готовились переправлять через Ла-Манш двенадцать тысяч солдат и как минимум вдвое больше лошадей. Кроме англичан, составлявших основную массу войска, среди солдат были валлийцы и несколько десятков воинов из принадлежащей Генриху Аквитании. Хук с трудом представлял себе огромное число – двенадцать тысяч! – однако отец Кристофер, стоявший у борта «Цапли» в кольчуге и с мечом на поясе, повторил предостережение, высказанное им у харчевни перед стычкой с сэром Мартином.

– Французы могут собрать войско втрое многочисленнее нашего, – задумчиво сказал он, облокотившись на поручень. – И даже больше. Если дело дойдет до битв, нам пригодятся твои стрелы.

– Французы не станут с нами сражаться, – вставил кто-то из латников сэра Джона, услышав слова отца Кристофера.

– Да, биться с нами они не любят, – согласился священник. – Не то что в старое доброе время.

Молодой круглолицый латник усмехнулся:

– Креси и Пуатье?

– Хорошо бы! – завистливо прищурился отец Кристофер. – Представляешь, оказаться под Пуатье! Взять в плен французского короля! В этот раз такого не дождешься...

– Почему, святой отец? – спросил Ник.

– Они уже знают наших стрелков, Хук. И держатся от нас подальше. Сидят по городам да крепостям и ждут, пока нам не надоест. Проскачи через всю Францию хоть десяток раз – они не выйдут на бой. А если нам не проникнуть в их крепости, что толку скакать по всей Франции?

– Тогда почему у них нет лучников? – спросил Ник.

Однако ответ явился сам собой. Ответом был он сам, Николас Хук, чье превращение в лучника заняло десять лет. Первый лук отец вручил ему в семилетнем возрасте, наказав упражняться ежедневно, и до самой смерти отца луки становились год от года длиннее и туже, и мальчишка Ник узнавал, как сгибать лук всем телом, не только руками.

– Да навались же ты на лук, недотепа! – ворчал отец, каждый раз разогревая его по спине тяжелым цевьем, и Ник учился натягивать тетиву и становился все сильнее.

После смерти отца он начал упражняться с его тяжелым луком, пуская стрелу за стрелой в мишени на церковном поле. Наконечники он точил о столб у кладбищенских ворот, так что от постоянного трения в камне образовались борозды. В стрелы Ник вкладывал всю накопленную ненависть и часто упражнялся дотемна, пока глаз не переставал различать цель.

– Не цепляйся за тетиву, – вновь и вновь повторял ему кузнец Пирс, и Хук научился отпускать тетиву так, чтобы она легко скользила по пальцам, затвердевшим от постоянных усилий.

Год за годом он только и делал, что натягивал и отпускал тетиву, и мышцы на груди, спине и руках делались крепкими и мощными. Однако набрать силу было проще, чем научиться другому качеству, необходимому для лучника: умению целиться не глядя.

Когда натягиваешь тетиву до щеки и смотришь вдоль стрелы на цель – выстрел получается не в полную силу. Так Ник стрелял в детстве. А если стрела должна прошить латный доспех, то ей нужна вся сила тисового цевья, и, значит, тетиву надо тянуть до уха. Однако тогда стрелу скашивает; надо годами

учиться направлять стрелу к цели одним чутьем. Хук, как и любой лучник, не мог объяснить, как он целится. Он знал лишь то, что, натягивая тетиву, он смотрит на мишень и попадает в нее не потому, что выровнял по одной линии мишень, глаз и стрелу, а потому, что захотел попасть в цель. Вот почему лучников во Франции было не больше сотни, да и те не воины, а охотники: никого из французов годами не учили ощущать тисовое древко и пеньковый шнур так, будто они часть тебя.

Севернее «Цапли», где-то в скопище причаленных судов, загорелся корабль, в летнее небо полетели клубы густого дыма. Тут же разнесся слух, будто против короля замыслили мятеж и бунтовщики собирались сжечь флот. Отец Кристофер коротко заметил, что бунтовщики – сплошь лорды – уже убиты. Обезглавлены, уточнил он. Пожар на судне отец Кристофер объявил случайностью.

– «Цаплю» точно не подожгут, – уверил он лучников.

На нее и вправду никто не покусился.

Там же, севернее «Цапли», стояла «Владычица Фалмута», на которую грузили коней: сначала их вплавь подгоняли к борту, а затем вытягивали наверх на кожаных ремнях. С конских шкур стекала вода, ноги болтались в воздухе, глаза бешено вращались от страха. В воде плавали люди, проворно накидывающие ремни на коней, которых потом опускали в трюм с приготовленными стойлами. Среди лошадей Хук узнал своего вороного мерина по кличке Резвый и пегую кобылку Мелисанды, Делл. Там же, поднимаемый на ремнях, буйно поводил глазами Люцифер – огромный вороной жеребец сэра Джона.

На следующий день из Лондона прибыл сэр Джон Корнуолл вместе с королем. Требования очередного французского посольства были отвергнуты, флот готовился отчалить. Сэр Джон, взбираясь на борт из шлюпки, на ходу выкрикивал приветствия и приказы. Мгновением позже запели трубы на «Королевской Троице», возвещая прибытие короля на сине-золотой королевской барке с белыми веслами. Генрих, в полных латных доспехах, начищенных и отполированных так, что солнечные лучи отражались от них белыми сполохами, взобрался на борт флагмана легко и ловко, как корабельный мальчишка. Трубы на корме пропели другой сигнал, с «Королевской Троицы» зазвучали приветственные возгласы, к которым тотчас присоединились на других кораблях, и торжествующий клич разнесся по всему флоту в полторы тысячи судов.

В тот же день, несомые западным ветром, над кораблями пролетели два лебедя, вспарывая крыльями тишину нагретого воздуха. Увидев, как лебеди свернули к югу, сэр Джон радостно вскрикнул и ударил кулаком по поручню.

– Лебедь – личный герб нашего короля! – объявил удивленным лучникам отец Кристофер. – Лебеди указывают нам путь к победе!

Король, должно быть, тоже видел знак. Как только лебеди пролетели над «Королевской Троицей», на главной мачте тут же взметнулся красно-сине-золотой парус с королевским гербом. Дойдя до середины мачты, он затрепетал под ветром так, что звук долетел до «Цапли», и затем скользнул вниз. То был сигнал к отплытию, и корабли один за другим принялись ставить паруса, снимаясь с якоря. Ветер дул в сторону Франции.

Ветер, несущий Англию к войне.

Никто не знал, в какой части Франции предстоит сражаться. Кто-то считал, что флот идет на юг, в Аквитанию, другие утверждали, что их высадят в Кале, третьи даже не пытались строить предположения, а тем, кого на всем пути рвало через борт, ни до чего не было дела.

Два дня над кораблями простиралось ясное небо с бегущими на восток белыми облачками, две ночи

светили алмазно-яркие звезды. На «Цапле» отец Кристофер развлекал всех рассказами. Хук, захваченный историей об Ионе и ките, то и дело обращал взгляд на вспыхивающие солнечными отблесками волны, тщетно ожидая увидеть такое же чудовище. Вместо него глазам открывалась лишь бесконечная цепь кораблей, разбросанных по волнам, как стадо овец по летнему пастбищу.

На рассвете второго дня, когда Хук стоял на носу и смотрел на море в надежде увидеть монстра, глотающего людей, к нему молча подошел сэр Джон и дружески кивнул в ответ на торопливое приветствие лучника. Глянув на Мелисанду, спящую под плащом Ника в закутке между бочками на палубе, сэр Джон улыбнулся:

– Хорошая девушка, Хук.

– Да, сэр Джон.

– После войны привезем себе еще французских красавиц. В жены. Видишь облака? – кивнул сэр Джон вперед, где на горизонте виднелся затянутый облаками берег. – Нормандия.

Ник взгляделся, однако не увидел под облаками ничего, кроме кораблей, шедших впереди.

– Сэр Джон... – осторожно начал он и, получив ободряющий взгляд, продолжил, запнувшись на французском имени: – Вы знаете человека по имени сеньор д’Анфер?

– Ланферель? Отец Мелисанды?

– Она вам сказала? – удивился Хук.

– Сказала, – улыбнулся командующий. – А почему ты спрашиваешь?

– Просто любопытно.

– Тебя заботит, что она господская дочь? – без обиняков спросил сэр Джон.

– Да, – кивнул Ник.

Сэр Джон улыбнулся.

– Видишь мелкие паруса? – Он указал вперед, где прямо перед английскими судами виднелись разбросанные по волнам мелкие лодки с коричневым парусом. – Рыбаки бросились в гавани с вестью о наших кораблях. Остается надежда, что им не угадать, куда мы пристанем, иначе нас легко перебьют на берегу. Теперь французы о нас знают. Чтобы помешать нам высадиться, хватит и двухсот латников.

Хук смотрел на крохотные паруса в бескрайнем море, почти не замечая их движения под темным рассветным небом с полоской зари на востоке. Интересно, как английские моряки определяют, куда им плыть? Интересно, заговорит ли с ним святой Криспиниан?..

– Вот она! – тихо произнес сэр Джон, указывая вперед, словно уже забыл про вопрос Ника о сеньоре де Ланфереле.

Впереди виднелся берег Нормандии – пока лишь мелкая тень, клочок темной тверди между облаками и морем.

– Я говорил с лордом Слейтоном, – обронил сэр Джон. Хук предпочел не ответить. – Он, конечно, не годен для нынешней войны. С его-то увечьем... Мы виделись в Лондоне, он приезжал пожелать королю успешного похода. По его словам, ты хороший боец.

Хук промолчал. Все бои, о которых мог знать лорд Слейтон, были лишь трактирными драками – подчас смертельными, но совсем не похожими на настоящую битву.

– Лорд Слейтон тоже был боец что надо, – продолжал сэр Джон. – Пока ему не покалечили спину.

Правда, с нижней защитой запаздывал – опасно поднимать меч выше плеча, Хук.

– Да, сэр Джон, – послушно кивнул тот.

– Он объявил тебя вне закона, да теперь это не важно. Во Франции ты не преступник. Какие бы провинности ни числились за тобой в Англии, во Франции за них не наказывают. И даже будь по-иному – тебе ничто не грозит: ты теперь мой.

– Да, сэр Джон, – снова кивнул Ник.

– Ты принадлежишь мне, – твердо повторил сэр Джон. – И лорд Слейтон с этим согласен. Однако у тебя есть враги. Тот священник добивается твоей смерти, и, как сказал лорд Слейтон, тебя с удовольствием прирежут и другие.

– Это правда, – подтвердил Ник, вспомнив о братьях Перрил.

– Лорд Слейтон добавил еще кое-что, – продолжил сэр Джон. – Сказал, что ты убийца, вор и лжец.

На Хука накатил волна былой злости, но тут же схлынула, как морская пена.

– Когда-то я таким был, – настороженно ответил он.

– И еще он сказал, что ты человек стоящий, – не дал ему опомниться сэр Джон. – Ты такой же, как сеньор д'Анфер. Жильбер, мессир де Ланферель, человек стоящий. Он негодяй – и при этом обаятелен, умен и ловок. Он говорит по-английски! – удивленно добавил сэр Джон, словно считал такое умение странной причудой. – Когда-то в Аквитании его взяли в плен и держали в Суффолке до получения выкупа. Три года. Выпустили десять лет назад, и наверняка по Суффолку сейчас бегают куча его отпрысков. Он единственный боец, которого я не смог победить на турнире.

– Все говорят, что вы никогда не проигрывали! – запротестовал Хук.

– А я ему не проиграл, – улыбнулся сэр Джон. – Мы бились, пока оба не обессилели. Говорят тебе, он хорош!.. Правда, я все-таки взял верх.

– Как так? – заинтригованно спросил Хук.

– Он поскользнулся. И я отступил, дал ему время встать.

– Зачем?

Сэр Джон рассмеялся:

– На турнире, Хук, полагается выказывать рыцарское благородство, обходительность там важна не меньше, чем умение биться. Но то на турнире, не в бою. Поэтому если встретишь Ланфереля в битве – предоставь его мне.

– Или стреле.

– Он может себе позволить лучшие доспехи, Хук. На нем будет миланская броня, только стрелу затупишь. Ланферель тебя убьет и даже не заметит. Оставь его мне.

В голосе командующего Хук уловил что-то вроде уважения.

– Вы им восхищаетесь?

– Да, – кивнул сэр Джон. – Но если придется его убить, меня это не остановит. А что он отец Мелисанды... У него бастардов пол-Франции. Побочные отпрыски не считаются высокородными – ни его, ни мои.

Хук кивнул и нахмурился.

– В Суассоне... – начал было он и замолчал.

– Говори.

– Он наблюдал, как издевались над лучниками! – яростно выговорил Хук.

Командующий облокотился на поручень.

– Мы называем себя рыцарями, Хук, и даже ведем себя по-рыцарски. Приветствуем врагов перед поединком, галантно принимаем их поражение, прикрываем вражду шелками и бархатом – считаем себя благороднее всех в христианском мире. – Сэр Джон невесело глянул на лучника ярко-синими глазами. – А в битвах, Хук, нет ничего, кроме крови, ярости, жестокости и убийств. Господь отвращает от них Свое лицо.

– Над лучниками измывались уже после битвы.

– Боевая ярость опьяняет. И проходит не сразу. Отец твоей девушки – враг. Им можно восхищаться, но он опасен не меньше меня. – Усмехнувшись, сэр Джон похлопал Ника по плечу. – Оставь его мне, Хук. Я его убью. И приколочу его череп у себя в замке.

Поднялось сияющее солнце, которое прогнало тени и осветило нормандский берег – тонкую полосу белых утесов под зеленым травяным покровом. Весь день до самого вечера корабли шли к югу, ветер пенил белые гребни волн и наполнял паруса. Сэр Джон, сгорая от нетерпения, не сводил глаз с земли и уговаривал капитана подойти ближе к берегу.

– Скалы, мой господин, – коротко отвечал тот.

– Нет здесь скал! Ближе, еще!

Командующий высматривал на утесах согладатаев, которых могли поставить наблюдать за флотом, однако никаких всадников, скачущих к югу вровень с движением кораблей, на берегу не было. Разбросанные по морю рыбацкие лодки по-прежнему мелькали перед английскими судами, а те уже огибали широкий меловой мыс, входили в залив и, повернувшись против ветра, становились на якорь.

В широком и плохо защищенном заливе вздымались высокие волны, от которых нос «Цапли» резко качался вверх-вниз. Хотя берег здесь подступал совсем близко, едва ли на расстояние двух лучных выстрелов, с корабля удавалось разглядеть лишь кромку белого прибоя перед полосой заболоченной земли, за которой вздымался крутой, густо поросший лесом холм. Хотя кто-то сказал, что здесь устье Сены – реки, ведущей вглубь Франции, Ник не увидел ничего похожего на реку. На юге тянулась еще одна береговая полоса, издали почти неразличимая. Отставшие корабли, вслед за передними огибая мыс, присоединялись к флоту, и вскоре в заливе стало тесно.

– Normandie^[9], – сказала Мелисанда, глядя на берег.

– Франция, – отозвался Хук.

– Normandie, – повторила Мелисанда, словно разница казалась ей существенной.

Хук вглядывался в деревья, пытаясь угадать, скоро ли появятся французы. Любому, кто заметил в море английские корабли, было ясно, что они причалят в здешнем заливе, больше похожем на каменистую бухту. Так почему же французы не пытаются остановить вторжение сразу же, на берегу? Однако у кромки леса не появилось ни единой фигуры – ни конной, ни пешей, лишь кругами поднимался в небо ястреб да носились над волнами чайки.

Шлюпка доставила сэра Джона на борт «Королевской Троицы», где моряки уже прикрепляли к бортам белые щиты с крестом святого Георгия. С других сторон к флагману подходили еще шлюпки – командующие собирались на военный совет.

– Что с нами будет? – спросила Мелисанда.

– Понятия не имею, – признался Хук.

Ему достаточно было того, что он шел на войну вместе с людьми, которых успел полюбить, и его сопровождала Мелисанда, которую он тоже любил. Впрочем, временами он подозревал, что, попав в родные края, она может от него уйти.

– Ты почти дома, – напомнил он ей, отчаянно желая, чтобы его разубедили.

Девушка помолчала, вновь и вновь окидывая взглядом деревья и болотистый берег.

– Дом был там, где тамап[10], – в конце концов сказала она. – А где он сейчас – не знаю.

– Со мной, – неловко выговорил Хук.

– Дом там, где спокойно, – ответила Мелисанда.

Ее глаза отливали серым, как крыло цапли, скользящей над каменистым берегом к дальней низине. На палубе «Цапли» пажи чистили доспехи латников песком и уксусом, чтобы убрать ржавчину и добиться блеска, а потом вощили каждую пластину. Рядом с горшком пчелиного воска, открытым по приказу Питера Годдингтона, устроились и стрелки, чтобы навощить луки.

– Мать тебя изводила? – спросил Ник у Мелисанды, шерстяным лоскутом втирая воск в цевье.

– Изводила? – удивилась Мелисанда. – Зачем?

– Ну, некоторым и причин не нужно... – Хук вспомнил собственную бабу. – А у меня отец был жестокий.

– Значит, ты должен быть добрым. – Девушка, явно о чем-то вспомнив, нахмурилась.

– Ты что?

Она пожала плечами.

– Когда меня отдавали в монастырь... Еще перед тем... – запнулась она.

– Говори, не бойся.

– Отец... Он позвал меня к себе. Мне было тринадцать... Может, четырнадцать... – Голос ее снизился до шепота, она не сводила глаз с Хука. – Он велел мне снять всю одежду, и я стояла перед ним... пие...[11] Он меня обошел со всех сторон и сказал, что никакой мужчина меня не захочет. – Девушка помолчала. – Я думала, он собирается...

– Но он не стал?..

– Нет, – быстро ответила Мелисанда. – Он погладил мне... épaule, – она вновь запнулась, вспоминая слово, – плечо, да. Он был весь... как сказать... frissonnant...[12] – Девушка вытянула руки и помотала кистями.

– Его трясло? – догадался Ник.

Она коротко кивнула.

– И он отправил меня к монахиням. Я просила, чтобы он меня не отсылал. Говорила, что ненавижу сестер. А он сказал, что я должна за него молиться. Что такова моя обязанность – молиться за него и работать не покладая рук.

– И ты молилась?

– Каждый день, – кивнула девушка. – Молилась, чтобы он меня забрал из монастыря. А он так и не

приехал.

Сэр Джон вернулся на «Цаплю» только к закату. Французы по-прежнему не появлялись на берегу, хотя за деревьями легко могла скрыться целая армия. На склоне к востоку от залива виднелся дымок, но что за люди забрались на такую высоту и сколько их – оставалось неизвестно.

Сэр Джон поднялся на борт и пошел вдоль корабля, время от времени тыча пальцем в лучника или латника.

– Ты, – в числе прочих указал он на Хука и двинулся дальше. Дойдя до конца, командующий обернулся и крикнул: – Все, на кого я указал, идут со мной на берег! Вечером, как стемнеет! Остальным ждать рассвета: присоединитесь к нам, если выживем. Кто идет со мной – готовьте доспехи и оружие! Выходим не веселиться, а убивать!

Яркая луна, которой оставалась всего неделя до полнолуния, бросала на волны серебристые блики и расчерчивала землю четкими тенями. Хук, одетый в кожаные штаны и сапоги, накинул поверх кожаной куртки кольчугу и надел на левую руку щиток – тот не столько предохранял руку от удара тетивы (от этого спасала и кольчуга), сколько не позволял тетиве разломачиваться о кольчужные звенья. Шлем, меч, алебарда, мешок с двумя десятками стрел, готовыми в дело...

Пятеро латников и дюжина лучников вместе с сэром Джоном забрались в шлюпку, которую гребцы тут же направили к берегу. От других судов тоже отчалили лодки. Все молчали, лишь изредка раздавались тихие возгласы – остающиеся на кораблях желали удачи тем, кто отправлялся на берег. Если французы засели в лесу, подумал Хук, лодки они уж точно заметят. Может, именно в эту минуту враги вытаскивают мечи и натягивают толстую тетиву на стальные арбалеты.

На крутой прибрежной волне лодку начало подкидывать резче, прибой становился все шумнее и яростнее. Гребцы погружали весла глубже в воду, пытаясь уйти от грозных закручивающихся волн, как вдруг лодку понесло вперед, с ревом вскипело залитое лунным светом море, и через миг, заскрипев днищем по каменистому берегу, шлюпка развернулась посреди бурлящей волны, готовой схлынуть обратно.

– Все на берег! – прошипел сэр Джон. – Живо!

Из остальных лодок на прибрежные камни выскакивали люди с мечами наготове. Наконец все собрались за широкой полосой водорослей на линии прилива, где теснились огромные валуны с черными от лунных теней боками. Хук ожидал, что первой высадкой будет командовать сэр Джон, и потому удивился при виде молодого человека, ожидающего сбора всех солдат. Моряки, оттолкнув шлюпки от берега, удерживали их подальше от волн, готовые подобрать своих в случае нападения французов, хотя Хук подозревал, что спасти удастся далеко не всех – слишком много крови прольется на береговые камни.

– Держаться вместе, – тихо приказал молодой человек. – Лучникам отойти вправо.

– Слышали? – прошипел сэр Джон Корнуолл. Молодым командующим оказался сэр Джон Холланд, племянник короля и приемный сын сэра Джона Корнуолла. – Годдингтон!

– Да, сэр Джон!

– Отведи своих лучников дальше, чтоб могли нас прикрыть!

Несмотря на то что командующим считался его пасынок, приказы все же отдавал старший сэр Джон.

– Вперед!

По команде младшего сэра Джона строй из сорока латников по левую руку и сорока лучников по правую двинулся вглубь берега.

И немедленно наткнулся на укрепления.

Земляная гряда сразу за прибрежными камнями, на расстоянии выглядевшая вполне безобидно, вблизи оказалась рукотворной насыпью с выкопанным перед ней рвом – настоящий вал с выступающими из него бастionsами, с которых арбалетчики могли обстреливать фланги любого войска, поднимающегося по берегу. Вал выглядел целым, не поврежденным ни ветром, ни дождями, и тянулся по берегу всей бухты. Хук представил себе, каково здесь биться, когда латники не дают подступиться к центру, а с боков бьют арбалетчики. Но фантазии остались лишь фантазиями: укрепление, на строительство которого ушло немало дней, оказалось заброшенным.

– Нашли чем себя занять, придурки! – презрительно заметил сэр Джон Корнуолл, пнув верхушку вала. – Что за блажь строить укрепления, а потом их бросать?

– Может, они знали, что мы здесь высадимся? – осторожно предположил сэр Джон Холланд.

– Тогда почему нас не встречают? – возразил сэр Джон. – У них, поди, укреплений понастроено по всему нормандскому берегу! Только и знают, что мочиться в штаны да рыть землю. Лучники! Свистеть умеете?

Лучники промолчали – по большей части от удивления.

– Свистеть могут все? – повторил сэр Джон. – Хорошо! А мотив «Плача по Робин Гуду» тоже знают все?

Уж что-что, а мелодию «Плача» они знали, ведь Робин Гуд – лучник, восставший против английских лордов, принцев и шерифов, – был кумиром любого стрелка.

– Вот и прекрасно! – объявил сэр Джон. – Поднимаемся на холм. Латники по тропе, лучники лесом. Обыскать все до вершины! Если что увидите или услышите – искать меня. И при этом свистеть «Плач по Робин Гуду»! Чтоб я знал, что идет англичанин, а не кто-то из сосунов-французов. Вперед!

Прежде чем взобраться на холм, отряду предстояло пересечь тускло мерцавшую в лунном свете полосу болотистой земли, которая начиналась сразу за твердым берегом. Через нее вела извилистая тропа, и сэр Джон приказал лучникам рассеяться по обе стороны, чтобы в случае засады обстрелять противника с флангов.

– Не иначе как он вздумал нас уморить! – ругался Питер Годдингтон, пробираясь между кочками и пугая встревоженных птиц, которые взлетали над болотом с резким криком и хлопаньем крыльев. Кроме них, ночную тишину нарушал лишь звук прибоя.

Болото тянулось на лучный выстрел, чуть длиннее двухсот шагов. Стрелять на большее расстояние мог не только Хук, но и французские арбалетчики, поэтому по пути к темнеющему за болотом лесу Хук отслеживал каждую тень в опасении услышать щелчок – звук спускаемой тетивы. О прибытии англичан французы не могли не знать: их соглядатаи уж точно сосчитали все корабли при погрузке в Саутгемптонской гавани, да и рыбаки наверняка доложили о большом флоте у нормандского берега. И если французы возвели укрепление даже в такой маленькой бухте, то зачем оставили его без защитников? Затем, считал Хук, чтобы ждать англичан в лесу. Затем, чтоб перестрелять передовой отряд по пути через болото.

– Хук! Том и Мэтт! Дейл! Уходите вправо! – Годдингтон махнул рукой, указывая всем четверым на восточный край болота. – И дальше к вершине холма!

Хук, хлюпая по болотной жиже, свернул вправо, за ним близнецы и Уильям из Дейла. На тропе позади них оставались латники. Лунный свет отражался от их стальных поножей белыми бликами, мечи и вовсе казались серебряными. На одежде у всех – лучников, латников, командующих – спереди и сзади был

нашит крест святого Георгия.

Из леса никто не стрелял. Если французы и поджидали врага, то не здесь, а выше по склону.

Хук взобрался на невысокий осыпающийся пригорок у северной оконечности болота и обернулся посмотреть на флот – редкие тускло-красные фонари среди целого леса мачт. В лунном свете серебрились волны, звезды сияли ярко и чисто. Повернувшись к непроницаемо-черной кромке леса, Ник снял тетиву с лука.

– Среди деревьев луки не помогут, – объяснил он спутникам, пряча лук в чехол из конской шкуры, который он нес за поясом.

Если лук будет натянут слишком долго, он примет привычный изгиб и ослабнет, поэтому Ник предпочитал держать цевье распрявленным. Он накинул на плечо петлю кожаного чехла и вытащил меч. То же сделали и остальные трое, и лучники двинулись в гущу деревьев.

Французы по-прежнему не появлялись. Ни ударов меча, ни жужжания арбалетной стрелы в темноте – лишь дальний шум прибоя, черные тени ветвей и тихие звуки ночного леса.

В лесу – даже во Франции, среди незнакомых деревьев – Хук чувствовал себя как дома. Томас и Мэтью Скарлеты, сыновья сукновала, всю жизнь простояли у огромных, движимых водным потоком вальков, которые вбивали сукновальную глину в ткань, чтобы очистить шерсть от жира, а Уильям из Дейла был плотником – и теперь все трое неосознанно подчинились Хуку, егерю и охотнику, который шел впереди. Слева раздавались голоса солдат, и поэтому Ник взял вправо, чтобы свои не приняли его за француза. Почуввав где-то рядом кабана, Ник вспомнил, как однажды зимой на рассвете он убегал от огромного клыкастого вепря, который гнался за ним, несмотря на пять всаженных в него стрел, каждая из которых легко убила бы человека. Чтобы спастись, Ник тогда запрыгнул на дуб, и вепрь умер под деревом, роя копытами залитую кровью землю.

– Мы куда? – спросил Томас Скарлет.

– На вершину, – коротко ответил Хук.

– А потом что?

– А потом ждать. – Хук и сам не знал ответа.

Откуда-то донесся едкий запах древесного дыма – то ли рядом поляна углежогов, то ли где-то у костра греются арбалетки, дожидаясь появления врагов на вершине холма.

– Так выпустим же кишки из вонючих мерзавцев! – передразнил сэра Джона Уильям из Дейла.

– Тихо! – бросил Хук. – Прибавьте шагу!

Если поблизости засели арбалетки, незачем изображать из себя легкую мишень: чем быстрее идешь – тем труднее в тебя целиться. Впрочем, Хук чувствовал, что врагов за деревьями нет, лес был безлюдным. Выслеживая браконьеров в угодьях лорда Слейтона, он всегда ощущал их присутствие не зрением или слухом, а каким-то неопределимым чутьем. Оно-то теперь и говорило, что здешний лес пуст. И все же откуда-то шел запах дыма, так что на чутье полагаться не стоило.

Склон сделался пологим, деревья расступились. Хук по-прежнему вел друзей на восток, держась подальше от настороженных английских лучников, как вдруг лес кончился, и они, ступив на вершину, чуть ниже увидели дорогу, бегущую вдоль гребня холма.

– Луки, – скомандовал Ник спутникам, хотя свой доставать пока не стал.

Слева ему послышался звук, который не мог исходить от отряда сэра Джона: где-то рядом стучали

копыта.

Четверо лучников, притаившись за деревьями над дорогой, вслушивались в топот, который становился все явственнее. По звуку Ник понял, что конь всего один. Затем на дороге показался всадник, скачущий на восток. Под темным плащом, из-за которого всадник был почти неразличим, оружие не угадывалось, и Хук скомандовал:

– Не стреляйте. Он мой.

Ник подождал, пока всадник не приблизится, и, прыгнув из укрытия, вцепился в поводья. Коня развернуло, он встал на дыбы. И Ник, ухватив свободной рукой плащ всадника, рванул его вниз. Заржавший было конь присмирел, почуяв твердую руку. Всадник с глухим вскриком тяжело плюхнулся на дорогу и попытался отползти, но Хук пнул его сапогом в живот. Тут подоспели Томас, Мэтью и Уильям.

– Да он монах! – удивился Уильям из Дейла, поднимая пленника на ноги.

– За помощью поскакал, – высказал Хук нехитрую догадку.

Монах начал возмущаться, лопоча громко и быстро.

– Заткнись, – велел ему Хук, так и не разобравший ни слова.

Монах, словно в ответ на угрозу, начал орать, и Хуку пришлось его ударить. Голова пленника дернулась назад, из носа хлынула кровь, и монах – молодой и отчаянно напуганный – тотчас замолк.

– Сказано – значит заткнись! – повторил Хук. – Вы трое! Свистите громче!

Уильям, Мэтью и Томас засвистели «Плач по Робин Гуду», и Хук повел коня с пленником обратно по дороге, вскоре свернувшей влево, к большому каменному зданию с башней.

– Une église?[\[13\]](#) – спросил монаха Ник.

– Un monastère[\[14\]](#), – глухо ответил тот.

– Свистите, не останавливайтесь! – напомнил Хук спутникам.

– А что он сказал? – встрял Том Скарлет.

– Сказал, что тут монастырь. Свисти!

Из монастырской трубы поднимался дым – вот откуда шел запах, настороживший Хука по пути к вершине. Судя по всему, никто из людей сэра Джона здесь еще не появлялся. Пока Хук вел свой маленький отряд к зданию, открылась калитка, и огонь от фонарей осветил группу монахов, стоящих в воротах.

– Стрелы к бою, – велел Хук. – И свистите, черт бы вас побрал!

Высокий и худой монах с седыми волосами, одетый в черное, вышел к дороге.

– Je suis le prieur[\[15\]](#), – объявил он.

– Что он сказал? – встрял Том Скарлет.

– Что он настоятель. Свисти, тебе говорят!

Приор уже протянул руку, чтобы увести окровавленного монаха, когда Хук угрожающе к нему обернулся, и седой настоятель отступил. Зароптавшим монахам тоже пришлось утихнуть, потому что из леса потянулись другие лучники, а из-за угла монастыря уже выходили сэр Джон Холланд с приемным отцом в сопровождении латников.

– Молодец, Хук! – еще издали прокричал сэр Джон Корнуолл. – Добыл коня!

– И монаха, сэр Джон, – ответил Ник. – Наверное, скакал за подмогой.

При виде латников, заполонивших дорогу перед монастырем, приор осенил себя крестом и, подойдя к остановившемуся рядом с Хуком сэру Джону, пустился в пространные жалобы, сопровождая их частыми жестами в сторону Хука и окровавленного монаха. Сэр Джон поддел монаха за подбородок и повертел его лицо в лунном свете, оглядывая сломанный нос.

– Вчера их наверняка о нас предупредили, – произнес он. – И они послали гонца рассказать, что мы высадились. Ты его бил, Хук?

– Бил? – по-идиотски переспросил Ник, соображая, какой ответ ему выгоднее.

– Приор говорит, ты ударил монаха, – осуждающе сказал сэр Джон.

Ник хотел было соврать, как обычно в таких случаях, но службу у сэра Джона не хотелось начинать ложью, поэтому он кивнул:

– Да, сэр Джон.

– Очень жаль, Хук, – едва заметно улыбнулся тот. – Король обещал повесить любого, кто поднимет руку на священника или монаха. Наш Генрих ударился в благочестие, так что подумай хорошенько. Ты его бил, Хук?

– Что вы, сэр Джон! Конечно нет! – тут же откликнулся Ник. – Даже и не думал!

– Разумеется, я так и знал, – кивнул сэр Джон. – Он просто свалился с седла, верно? И упал носом в землю.

Командующий любезно изложил настоятелю полученное объяснение и подтолкнул окровавленного монаха к остальной братии.

– Лучники! Все на хребет, вон туда! – Сэр Джон махнул рукой на восток. – И не сходить с дороги! Коня я заберу, Хук.

Дорога, на которой ждали лучники, шла резко вниз и затем поднималась на следующий холм, поросший лесом. На востоке занимался рассвет, начали бледнеть звезды. Питер Годдингтон разрешил сторожить посменно: пока одни стояли в дозоре, другим можно было поспать. Хука, прилегшего на мшистом пригорке, через час разбудил стук копыт. Освещенные лучами утреннего солнца, пробивающегося сквозь зелень, на дороге показались всадники во главе с сэром Джоном Корнуоллом. Лошади дрожали и выглядели испуганными. Хук догадался, что их только что вплавь подогнали к берегу и твердая земля им непривычна.

– К следующему гребню! – крикнул сэр Джон лучникам, и Ник, торопливо подхватив мешок со стрелами и зачехленный лук, пошел с остальными стрелками к востоку; за ними неторопливым шагом двинулись конные латники.

Вид с дальнего гребня открывался потрясающий. Справа море сужалось к устью Сены, южный берег которой покрывали низкие лесистые холмы. Холмы тянулись и с севера, а прямо перед Хуком, поблескивая под лучами утреннего солнца, начиналась дорога, мимо лесов и полей уводящая к городу и небольшой гавани, полной кораблей. Городская стена, плотно обступавшая гавань, оставляла незащищенным лишь узкий проток, выводящий к морю. За гаванью начинался город – крыши и церковные шпили, обнесенные высокой каменной стеной, которую местами загораживали выстроенные в предместьях дома. Над обширными предместьями, теснящимися вокруг города, возносились высокие стенные башни. Хук насчитал их две дюжины. И башни, и участки городской стены между ними были увешаны знаменами, трудноразличимыми издалека. Понять их смысл было нетрудно: город знал о высадке англичан и объявлял о своем неповиновении.

– Гарфлёр, – объявил лучникам сэр Джон Корнуолл. – Проклятое пиратское гнездо! Тут живут подонки, которые грабят английские корабли и нападают на наше побережье! Выметем их из города, как крыс из амбара!

Теперь Хук разглядел еще и реку. Она вилась между полей, что лежали к северу от Гарфлёра, а затем, пройдя под большой аркой, пересекала город насквозь и выходила в гавань. Горожане, накануне извещенные о приходе англичан, запрудили поток под аркой и превратили реку в огромное озеро, с севера и запада ограждающее город так, что в утренних лучах солнца Гарфлёр казался островом.

Над головой прожужжала арбалетная стрела. Хук видел, как она мелькнула снизу и слева, – значит арбалетчик стрелял из леса, тянувшегося по северному краю дороги. Стрела, никого не задев, угодила в деревья за спиной.

– Кое-кому мы тут не нравимся, – тихо бросил кто-то из латников.

– Откуда стреляли? – требовательно спросил другой.

Хук и полдюжины лучников одновременно указали на одни и те же заросли. Дорога, уходящая книзу, там выравнивалась и сотню шагов тянулась по кромке широкого лесистого уступа, а затем сворачивала ниже, к окруженному водой городу. Арбалетчик явно скрывался в тех зарослях.

– Не уйдет, – бесстрастно заметил сэр Джон Корнуолл.

– Может, их много? – предположил кто-то.

– Наверняка один, – отмахнулся сэр Джон. – Хук! Хочешь добыть мне пленника?

Хук нырнул в заросли и свернул по склону вниз. Добравшись до широкого уступа, он пошел медленнее, осторожно выбирая дорогу и стараясь не шуметь. Он уже накинул тетиву на лук, хотя в густом лесу лук мог принести больше вреда, чем пользы. Однако встретиться с арбалетчиком, не имея стрелы наготове, было бы еще хуже.

Лес здесь состоял из дубов, ясеней и редких кленов, перемежавшихся кустами боярышника и остролиста. Высокие стволы дубов оплетала омела. В Англии Хуку такие приходилось видеть редко. Его бабка, ценившая дубовую омелу, клала ее в многочисленные снадобья, которые готовила для поселян и даже для лорда Слейтона, когда того одолевала лихорадка. Еще чаще она пользовалась омелой от женского бесплодия, для чего растирала ягоды с мандрагоровым корнем и поливала мочой плодovитой женщины. Часто, всучив Нику горшок, она посылала внука к толстухе Мэри Картер, родившей полтора десятка здоровых детей. Однажды Мэри Картер не оказалось дома, и бабка, не поверив, отлупила Ника за то, что тот вернулся с пустым горшком. С тех пор Ник стал мочиться в горшок сам, и бабка ни разу не заметила разницы.

Вспомнив бабку, он подумал о том, будут ли дети у Мелисанды. Как вдруг совсем близко послышался резкий звук арбалетного выстрела. Ник припал к земле, подался вперед – и увидел стрелка: мальчишка лет двенадцати или тринадцати, с усилием вращая ворот, натягивал тетиву. Наступив ногой на петлю у дуги арбалета, он крутил две ручки, вставленные в отверстие на ложе, и тетива медленно ползла вверх по цевью. Работа была не из легких, арбалетчик морщился от усилий и так увлекся, что даже не заметил Хука, пока тот не сгреб его за шиворот. Мальчишка попробовал отбиться, но тут же взвизгнул, получив удар по затылку.

– Ты из богатеньких, да? – спросил Ник.

Куртка из тонкой шерсти, штаны и башмаки явно стоили немало, непривычно маленький арбалет и вовсе делался специально для ребенка, а рисунок на ореховом ложе, изображающий оленю охоту в лесу, был выложен серебром и слоновой костью.

– Повесят тебя, не иначе, – весело заявил Хук.

Подхватив мальчишку левой рукой и зажав в правой лук и арбалет, он зашагал обратно. Взобравшись на холм, где конные латники перекрыли дорогу, Хук под ухмылки лучников поставил мальчишку на землю у стремени сэра Джона.

– Вот и враг, сэр Джон!

– Смелый враг, – одобчительно отозвался стоящий рядом всадник.

Подняв взгляд, Хук увидел Генриха, в латах и с королевским гербом на налатнике. Под открытым забралом шлема, увенчанного золотой короной, виднелось знакомое длинноносое лицо с темным шрамом. Хук поспешно упал на колени перед королем и потянул за собой мальчишку.

– Votre nom? [\[16\]](#) – требовательно спросил Генрих.

Мальчишка, глаза на короля, не ответил, и Хук снова шлепнул его по затылку.

– Филипп, – мрачно процедил пленник.

– Филипп? – повторил Генрих. – Просто Филипп?

– Филипп де Руэль, – ответил мальчишка, на этот раз с вызовом.

– Во всей Франции один мастер Филипп, должно быть, нас не боится! – Голос короля прозвучал над холмом так, что услышали все собравшиеся. – Он выпустил в нас две стрелы! Ты пытался убить своего короля, мальчик. – Генрих вновь перешел на французский. – Я правитель этих земель, король Нормандии, Аквитании, Пикардии и Франции. Я твой король.

Генрих, перекинув ногу через седло, спрыгнул на траву. Подскакавший паж взял поводья его коня, и король шагнул вперед. Теперь он возвышался над Филиппом де Руэлем.

– Ты пытался убить своего короля, – повторил Генрих, со звоном вытянув меч из ножен, и громко обратился к свите: – Что делают с мальчишкой, который покушается на короля?

– Казнят, государь! – рявкнул кто-то из всадников.

Королевский меч взметнулся для удара. Филиппа трясло, глаза блеснули от непролитых слез, и все же он глядел на Генриха с прежним вызовом, вздрогнув лишь тогда, когда клинок пошел вниз.

Меч замер в дюйме от плеча Филиппа. Генрих усмехнулся и легко тронул клинком вначале одно плечо мальчишки, затем другое.

– Нам нужны смелые подданные, – мягко сказал король. – Встаньте, сэр Филипп.

Под дружный смех латников Хук рывком поднял на ноги остоленевшего мальчишку.

Король снял с шеи золотую цепь с подвеской из слоновой кости, украшенной фигуркой антилопы из черного янтаря (Хук понятия не имел, что это за зверь и почему он числится среди личных гербовых животных Генриха), и набросил ее на плечи мальчику.

– В память о дне, когда ты избежал смерти, – обронил король. Филипп, не найдясь с ответом, лишь переводил взгляд с богатого подарка на дарителя. – Твой отец мессир де Руэль?

– Да, господин, – еле слышно прошептал тот.

– Передай отцу, что прибыл законный король, который милостив к своим подданным. Ступай, сэр Филипп, – приказал Генрих, вкладывая меч обратно в черные ножны.

Мальчик скосил взгляд на арбалет в руках Хука.

– Нет-нет, – предостерег его король, – арбалет останется у нас. Наказание, которое придумает тебе отец за утрату оружия, будет достаточной карой. Отпусти его, – велел Генрих Хуку.

Поглядев вслед Филиппу, который во весь дух пустился вниз по склону, король вскочил в седло.

– Французы посылают вместо себя детей, – мрачно бросил он.

– Когда он вырастет, государь, нам придется его убить, – не менее мрачно отозвался сэра Джон.

– Он наш подданный! – громко объявил Генрих. – Здешние земли принадлежат нам, и люди тоже!

Он обратил взгляд на Гарфлёр. Город, на который он предъявлял права, встречал своего короля запертыми воротами, дерзкими знаменами на башнях и запруженной рекой вокруг стен. Жители явно намеревались драться.

– Переправляйте войско на берег, – велел король.

Начиналась битва за Францию.

Армия стала высаживаться на берег в четверг, пятнадцатого августа, в День святого Алипия, а последние из солдат, коней, пушек и ящиков оказались на каменистом берегу лишь в субботу, в День святого Агапита. Пригнанные вплавь лошади держались на ногах нетвердо, то и дело взбрыкивали и ржали, конюхи пытались их успокоить. От берега до монастыря, ставшего королевской резиденцией, теперь вела вырубленная лучниками просека. Сам король почти все время проводил на берегу, подбадривая солдат и торопя с высадкой. Порой он выезжал на гребень того холма, где его пытался убить Филипп де Руэль, и оттуда подолгу смотрел на лежащий к востоку Гарфлёр. Вершину стерегли люди сэра Джона Корнуолла. Среди французов так и не нашлось охотников отбросить англичан обратно к морю. Всадники, появлявшиеся за стенами города, старательно избегали подъезжать к англичанам ближе чем на лучший выстрел, и довольствовались видом врага издали.

Запруженная река разливалась вокруг города все шире, кое-какие дома в предместьях залило уже по крышу. Незатопленными оставались лишь две полоски земли на подступах к окруженной холмами котловине, в которой стоял Гарфлёр, ближайшая полоса тянулась к одному из трех въездов в город. С вершины холма Хук видел, как французы спешно достраивали бастион для защиты ворот – чуть ли не целую крепость, преграждающую путь к городу. К воротам враг подойдет не раньше, чем прорвется через заново выстроенное мощное укрепление.

В пятницу, в День святого Гиацинта, Хука с дюжиной других солдат отправили забрать с берега последних лошадей сэра Джона, доставленных с корабля. Кони, оскальзываясь на прибрежных камнях, шарахались в стороны, и, чтобы держать их вместе, уздечки связывали общей веревкой. Мелисанда, пришедшая с Хуком, гладила морду своей пегой кобылки Делл, которую ей подарила жена сэра Джона, и что-то успокаивающе шептала.

– Мелисанда, лошадь ведь не знает французского! – крикнул ей Мэтью Скарлет. – Она англичанка!

– Она научится, – ответила девушка.

– Язык дьяволов! – голосом сэра Джона провозгласил Уильям из Дейла, и лучники захохотали.

Люцифер – огромный боевой конь сэра Джона, которого вел Мэтью Скарлет, шарахнулся в сторону, кто-то из конюхов сэра Джона подскочил помочь. Ник, держа в руке повод с накинутыми на него уздечками восьми коней, направился к Мелисанде, чтобы взять Делл. Девушка, нахмурившись, смотрела куда-то вглубь берега и даже не обернулась на зов.

Проследив ее взгляд, Хук увидел нескольких латников, преклонивших колена перед молящимся

священником, и подумал было, что Мелисанду это зрелище чем-то заинтересовало, однако чуть дальше он увидел еще одного священника. Сэр Мартин с братьями Перрилами, стоя за большим валуном, глазели на Мелисанду, и Хуку на миг померещилось, будто он разглядел непристойный жест.

– Мелисанда! – окликнул он, и девушка обернулась.

Сэр Мартин расплылся в ухмылке. Не отрывая глаз от Хука, он медленно поднял правую руку и выставил вверх средний палец, затем так же медленно насадил на палец левый кулак и, не расцепляя рук, перекрестил этой фигурой Хука и Мелисанду под хихиканье братьев Перрилов.

– Сволочь, – прошипел Хук.

– Кто они? – спросила девушка.

– Враги, – ответил Ник.

– Ты их знаешь? – кивнул в ту сторону Том Скарлет, подошедший к Хуку вместе с братом.

– Знаю.

Сэр Мартин еще раз тем же манером изобразил крестное знамение и, заслышав чей-то оклик, оглянулся.

– Он священник? – недоверчиво спросил Том.

– Священник, – подтвердил Хук. – Священник и насильник. Из высокородных. Его покусали адские псы, он опасен.

– Ты с ним знаком?

– Да. – Хук резко обернулся к близнецам Скарлетам. – Приглядывайте за Мелисандой! Глаз не спускать!

– Мы и так приглядываем, ты же знаешь, – отозвался Мэтью.

– А чего он хочет? – спросила Мелисанда.

– Тебя.

В тот же вечер Хук вручил ей отобранный у Филиппа де Руэля маленький арбалет со стрелами и велел упражняться в стрельбе.

На следующий день, в праздник святого Агапита, на холм подняли восемь пушек, переправленных с кораблей на берег. Для перевозки самой большой, которую называли «Королевская дочь», – с тяжелым стволом длиной больше трех луков и расширяющимся дулом, куда легко вошла бы пивная бочка, – потребовалось две повозки. Остальные пушки были меньше, но и для них приходилось запрягать по два десятка лошадей, чтобы вытащить орудия на вершину холма.

Дозоры, отправленные на север, вернулись с припасами и крестьянскими телегами, реквизированными для перевозки продовольствия, палаток, стрел и свежесрубленных дубов – из стволов сделают катапульты, и выпущенные из них метательные снаряды пойдут в дело наряду с каменными пушечными ядрами, которые тоже еще предстояло втащить телегами на холм.

Наконец войско вместе с конями и припасами благополучно переправили на берег, и рядом с громоздкими подводами, выстроившимися вдоль дороги у монастыря, собралась вся английская армия. Девять тысяч лучников верхом на конях, три тысячи конных латников, паж, оруженосцы, женщины, священники, слуги с запасными лошадьми замерли под плещущими на ветру знаменами. Яркое полуденное солнце играло бликами в королевской короне на шлеме Генриха, объезжающего войско на белоснежном мерине. Доехав до места, откуда открывался вид на город, он помедлил, глядя на городские

стены, и затем кивнул сэру Джону Холланду, удостоенному чести возглавить передовой отряд.

– Благослови Бог, сэр Джон! – скомандовал король. – На Гарфлёр!

Запели трубы, забили барабаны, и английские всадники, перевалив через гребень холма, поскакали к городу. На их одежде красовался крест святого Георгия, над головами развевались знамена командующих – золотые, алые, синие, желтые, зеленые. Тем, кто наблюдал за войском со стен Гарфлёра, должно быть, казалось, что сами холмы извергают на город закованное в латы войско.

– Сколько в городе жителей? – спросила Мелисанда, ехавшая рядом с Хуком. У ее седла висел подаренный Ником арбалет с инкрустацией из серебра и слоновой кости.

– Сэр Джон считает, что солдат около сотни.

– И все?

– Еще есть горожане, тысячи две. А может, три.

– А у нас такое войско!.. – Она повернулась в седле, оглядывая длинные вереницы всадников по обе стороны дороги.

Конные барабанщики громко били в барабаны, предупреждая жителей Гарфлёра о грозном приближении законного короля.

Однако Генрих Английский оказался не единственным, кто подходил в тот день к городу. С холма, по которому английское войско устремилось к полоске сухой земли к западу от Гарфлёра, можно было разглядеть вереницу латников и повозок – подкрепление, приближающееся к городу с востока.

– Жаль, – бросил сэр Джон Корнуолл, глядя вдаль на всадников.

– С ними пушки, – заметил Питер Годдингтон.

– Вот я и говорю: жаль, – невозмутимо отозвался сэр Джон.

Пришпорив Люцифера, он поскакал к передним рядам колонны. Вслед ему, не желая упускать случай первыми оказаться у стен города, устремились остальные командующие. Когда всадники, спустившись с холма, вынеслись на равнину, Хук увидел над городской стеной внезапно появившийся сгусток черного дыма, похожий на огромный распускающийся бутон, и через несколько секунд летний воздух вздрогнул от звука пушечного выстрела, заполнившего все пространство между холмами. Каменное ядро ударилось о равнину, по которой скакали всадники, отскочило вверх вместе с вырванными из земли кусками дерна и, никого не задев, упало в толщу деревьев.

Так началась осада Гарфлёра.

Глава пятая

В первые дни осады Хуку казалось, что рытье никогда не кончится. Сначала рыли помойные ямы.

– У нас мать однажды свалилась в яму с дерьмом, – поведал Том Скарлет. – По пьяни. Уронила в дыру бусы, а потом пыталась достать. Граблями.

– Хорошие бусы, – вставил Мэтью Скарлет. – Из старого серебра, да?

– Из монет, – уточнил брат-близнец. – Отец нашел зарытый кувшин с монетами, каждую просверлил и подвесил на кусок тетивы.

– А тетива возьми и порвись, – объяснил Мэт.

– И мать решила ее выудить граблями, – подхватил Том. – Ну и свалилась вниз головой.

– Зато бусы достала, – кивнул Мэт.

– И протрезвела враз, только хохотала как ненормальная. Отец ее отвел на утиный пруд и толкнул в воду. Когда заставил снять одежду – все утки разлетелись. Еще бы! Голая тетка плещется в пруду и ржет в голос. И вся деревня с ней!

Первым приказом король велел сжечь дома в предместье, чтобы уничтожить всякую преграду между городским валом и пушками. Жгли по ночам, и пламя пожара освещало знамена непокорного города на бледных стенах, а на следующий день всю котловину между холмами заполнял дым от пожарищ, напоминая Хуку о мареве, стоявшем над Суассоном.

– Священник, конечно, обозлился, – продолжил Мэт, – ну да он всегда был мерзавцем хуже некуда. Притащил мать на господский суд – нарушила общественный покой, видите ли! А его светлость дал ей три шиллинга на новую одежду и даже чмокнул в благодарность за потеху. Сказал, пусть приходит плавать в его дерьме, когда только вздумается.

– И что, плавала? – встрял Питер Скойл – диковина среди лучников: стрелок, родившийся и выросший в Лондоне. Отданный в обучение гребенщику, он как-то затеял потасовку, в результате кого-то убили, и суд его помиловал только при условии, что Питера отправят служить в королевскую армию.

– Нет, – ответил Том Скарлет. – Она с тех пор говорила, что одного купания в дерьме хватит на всю жизнь.

– Одного купания хватит на всю жизнь кому угодно! – Отец Кристофер, очевидно, тоже слушал рассказ близнецов. – Берегитесь чистоты, парни! Блаженный Иероним наставляет: в чистом теле нечистая душа, а святая Агнесса гордилась тем, что не мылась никогда в жизни!

– Мелисанде это не понравится, – отмахнулся Хук. – Она любит быть чистой.

– Предостереги ее! – серьезно заявил отец Кристофер. – Врачи говорят, что мытье ослабляет кожу и тогда в тело входит болезнь!

Когда помойные ямы были вырыты, Хука с сотней других лучников послали верхом к северу, в долину реки Лезарды, чтобы снова копать – на этот раз строить дамбу поперек равнины, чтобы перегородить реку. Как ни мелководна была Лезарда в то сухое лето, соорудить вал нужной высоты и укрепить его досками от дюжины домов, разобранных на бревна в ближайшей деревне, удалось лишь под конец четвертого дня. Когда речной поток наконец отклонился к западу, Хук с остальными лучниками вернулись к Гарфлёру, наводнение вокруг которого частично спало, хотя земля оставалась заболоченной, и река, еще не вернувшаяся в обычные берега, к северу от города стояла озером.

Затем рыли орудийные окопы. Две пушки (одну из них называли лондонской из-за того, что деньги на нее были собраны жителями Лондона) уже стояли на месте, обстреливая ядрами крепкий бастион, выстроенный защитниками перед Лёрскими воротами. Брат короля, герцог Кларенс, с третью английского войска обогнул город и теперь противостоял Гарфлёру с востока. В отбитом им обозе, шедшем на помощь городу, оказалось несколько пушек. Нанятые для защиты Гарфлёра голландские пушкари легко соблазнились английскими деньгами и обратили пушки против горожан. Гарфлёр оказался в кольце, и любое подкрепление подошло бы к нему не иначе, как только пробившись сквозь английские войска на суше или сквозь королевский флот в гавани.

Когда с орудийными окопами было покончено, четыре десятка лучников – и Хук вместе с ними – отправились на холм к западу от лагеря по той же дороге, по которой английская армия подходила к Гарфлёру. Стрелкам было велено повалить росшие там дубы, а обрубленные с них прямые сучья укоротить до длины лучного цевья и погрузить в повозки. День был жарким. Оставив у дороги полдюжины стрелков с двуручными пилами, Питер Годдингтон увел остальных на вершину, где указал им нужные деревья и отрядил к каждому по двое лучников. Хук с Уиллом из Дейла оказались почти у самого берега, южнее них сентенар поставил лишь близнецов Скарлетов. Мелисанда увязалась пойти со стрелками: от постоянной стирки у нее саднили руки, и, хотя в лагере не иссякали горы грязной одежды, которую надо было чистить, стирать и кипятить, управляющий сэра Джона в тот день отпустил ее с Ником.

– Если тот священник до меня дотронется, я его застрелю, – пообещала она как-то Нику. – И его подручных тоже.

Хук тогда лишь молча кивнул. Одного она, может, и убьет, а вот защититься сразу от нескольких ей не удастся: заряжать арбалет – дело долгое.

За стуком топоров временами слышались приглушенные деревьями пушечные выстрелы и звук от ударов каменных ядер о стены Гарфлёра.

– Зачем было уходить так далеко от своих? – спросила Мелисанда.

– Вокруг лагеря большие деревья уже порубили, – ответил раздетый до пояса Хук, вонзая топор глубоко в дубовый ствол; полетели щепки.

– Не так уж мы и далеко.

Уилл из Дейла стоял в стороне, предоставив всю работу Хуку. Тот не возражал: топор дровосека был ему привычен.

Мелисанда натягивала тетиву арбалета. Как ни тяжело ей приходилось, она отказалась от помощи Ника с Уиллом и порядком вспотела, пока натянутая до предела тетива не легла в замок. Вложив стрелу в желоб, девушка направила арбалет на дерево шагах в десяти, нахмурилась, закусила губу – и нажала спусковой крючок. Стрела, пролетев в ярде от цели, угодила в кусты позади дерева.

– Не смейтесь! – велела Мелисанда прежде, чем Ник с Уиллом успели раскрыть рот.

– Я и не смеюсь, – откликнулся Хук, улыбнувшись Уиллу.

– Мне и в голову бы не пришло, – подтвердил тот.

– Я научусь, – пообещала Мелисанда.

– С открытыми глазами научишься быстрее, – заметил Хук.

– Это трудно.

– Смотри вдоль стрелы, – посоветовал ей Уилл, – держи арбалет тверже и на крючок нажимай легче и медленнее. И благословит Господь твой выстрел, – добавил он лукавым голосом отца Кристофера.

Девушка кивнула и вновь принялась взводить арбалет. Натянув тетиву до щелчка, она решила больше не стрелять и, положив оружие на землю, стала смотреть на Хука, удивляясь легкости, с которой он рубил огромный дуб, – той же кажущейся легкости, с какой он стрелял из лука.

– Пойду гляну, не помочь ли близнецам, – сказал Уилл. – Уж тебе-то, Ник, помощь не нужна.

– Точно, – согласился тот. – Коль они ходили в сукновалах, то, считай, настоящей работы и не видели.

Уилл, вместе с топором подхватив зачехленный лук и мешок со стрелами, исчез среди деревьев в южной части леса. Мелисанда проводила его взглядом и опустила глаза, разглядывая взведенный арбалет так, будто впервые его видела.

– Со мной говорил отец Кристофер, – тихо произнесла она.

– Да? – Хук, запрокинув голову, прикинул длину и толщину ствола и предупредил: – Скоро свалится.

Он подошел к дереву с другой стороны и с силой рубанул.

– И что сказал отец Кристофер?

– Он спросил, не собираемся ли мы пожениться.

– Мы? Пожениться? – Хук вновь ударил топором, от ствола отделился клин.

«Теперь свалится в любой миг», – подумал он, чувствуя, как напрягся ствол, как беззвучно рвутся волокна древесины перед тем, как дерево упадет замертво. Он отступил к Мелисанде. Девушка стояла там, где дерево ее не заденет. Заметив арбалет с натянутой тетивой, он хотел было ее предостеречь – если оставлять оружие взведенным, дуга может ослабнуть. Однако, может, оно и к лучшему: арбалет с ослабленной дугой ей будет проще взводить...

– Пожениться? – повторил он.

– Да, он так спросил.

– А что ты ответила?

– Сказала, что не знаю. – Мелисанда упорно не поднимала глаз. – Может быть?

– Может быть, – эхом откликнулся Ник, и тут дерево затрещало, разрывая последние волокна, дуб стал валиться – медленно, затем все быстрее, задевая кроной ветви соседних деревьев, и наконец огромный ствол с шумом обрушился на землю под беспокойный крик птиц. Тревожный гомон вскоре затих, и в лесу вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь звоном топоров вдоль кромки леса.

– Может быть, – медленно повторил Хук. – Кажется, это хорошая мысль.

– Да?

– Да, – кивнул он.

Мелисанда взглянула на него, помолчала, затем подняла арбалет.

– Смотреть вдоль стрелы и крепче держать приклад? – спросила она.

– И мягче нажимать спусковой крючок. Задержи дыхание, не смотри на стрелу, смотри только на цель.

Девушка кивнула, вложила стрелу в желоб и прицелилась в то же дерево, по которому промахнулась в прошлый раз, только теперь она стояла к нему на два шага ближе. Хук видел ее сосредоточенное лицо, видел, как она сжалась в ожидании удара прикладом. Она затаила дыхание, закрыла глаза, нажала на спусковой крючок – и стрела, мелькнув рядом с деревом, улетела вниз вдоль пологого склона. Мелисанда с тоской посмотрела ей вслед.

– Стрел у тебя не так уж много, – напомнил ей Хук, – и они редкие.

– Редкие?

– Они меньше обычных, потому что сделаны под меньший арбалет.

– Надо найти те, что улетели?

Ник улыбнулся:

– Я пока отрублю пару веток, а ты найди те две стрелы.

– У меня еще целых девять.

– Одиннадцать лучше.

Девушка положила арбалет на землю и, направившись вниз по склону, исчезла в залитых солнцем зарослях. Хук взвел арбалет, надеясь, что от постоянного напряжения он ослабнет и Мелисанде станет легче с ним справляться, и вновь отошел к стволу, от которого отрубал ветки. Для чего королю столько прямых жердей длиной с лук?.. Ник отрубил пару веток помельче и услышал, как где-то неподалеку рухнуло очередное дерево. Мелисанда куда-то запропала, и он подумал, не помочь ли ей с поисками стрел. Как вдруг девушка выбежала к нему из зарослей с широко распахнутыми от испуга глазами.

– Там люди! – воскликнула она, указывая на западный склон.

– Конечно люди, – отозвался Ник и одним ударом отрубил ветвь толщиной с мужскую руку. – Нас тут много.

– Латники! – выдохнула Мелисанда. – Chevaliers![\[17\]](#)

– Наверняка наши, – отмахнулся Хук.

Конные латники каждый день объезжали окрестности, реквизируя припасы и наблюдая, не идет ли на выручку Гарфлёру французская армия.

– Не наши! Французы!

Хук не поверил, однако вогнал топор в дерево, спрыгнул на землю и взял девушку за руку.

– Пойдем поглядим.

К ним и вправду приближались латники – по извилистому, заросшему папоротником лесному оврагу единым отрядом двигалась дюжина конных солдат в латах и шлемах с поднятым забралом. Хук чувствовал, что поблизости есть и другие. Мелисанда оказалась права: на всадниках не было ни креста святого Георгия, ни знакомых Нику гербов. Предводитель, чьи глаза на миг блеснули под открытым забралом шлема, поднял руку, останавливая колонну, и пристально взгляделся в лес, пытаясь определить, откуда доносится стук топоров. Из-за дальних деревьев показались еще всадники, многие с мечом наготове.

– Французы, – шепнула Мелисанда.

– Да, – тихо ответил Хук.

– Что делать? Прятаться?

– Нет.

Хук знал, как действовать. Он понял это чутьем, не задумываясь и не сомневаясь. Добежав до поваленного дерева, он подхватил взведенный арбалет и понесся вдоль кромки леса, крича своим:

– Французы! Французы идут! Возвращайтесь к повозкам! Быстро!

Несколько раз повторив приказание, он метнулся от дороги вправо, где, недоуменно озираясь, стояли

Том Скарлет и Уилл из Дейла.

– Уилл, кричи голосом сэра Джона! – велел Хук. – Кричи, что подходят французы, пусть наши возвращаются к повозкам!

Уилл из Дейла лишь раскрыл рот.

– Кричи голосом сэра Джона! – проорал ему Хук, тряся плотника за плечи. – Французы подходят! Ступай! Где Мэт? – обернулся он к Тому Скарлету, который лишь молча указал на юг.

Уилл из Дейла, выполняя приказ Хука, уже несли к вершине и грозным голосом сэра Джона сгонял лучников к дороге, где стояли повозки. Питер Годдингтон, сбитый с толку его подражательством, кинулся искать сэра Джона и вместо командующего наткнулся на Хука, Мелисанду и Тома Скарлета.

– Что тут, черт побери, происходит?

– Французы! – указал Хук на западный склон.

– Ты спятил? Откуда тут французы?

– Я их видел! Латники! В доспехах и с мечами!

– Это наши, дурак! – не уступал Годдингтон. – Наверняка свои же дозорные!

Сентенар говорил так твердо, что Хук усомнился в увиденном, тем более что всадники, которые не могли не слышать криков на вершине, до сих пор не показывались, а он ведь ожидал, что при звуках тревоги они тут же взлетят вверх по склону и вынесутся из-за деревьев.

– Десятка два. В доспехах и с незнакомыми гербами. Мелисанда их тоже видела.

Сотник, взглянув на Мелисанду, явно не считал ее достойным свидетелем.

– Я проверю, – проворчал он. – Где, говоришь, ты их видел?

– Вон на том склоне, между деревьев, – махнул рукой Ник. – Не у дороги, в лесу. Наверное, хотели подойти незаметно.

– Чего только тебе не приснится, Хук, – буркнул сентенар, уходя вниз по склону.

– Где Мэт? – вновь спросил Ник у Тома Скарлета.

– Пошел взглянуть на море.

– Мэт! – приставив ладони рупором ко рту, крикнул Ник.

Ответа не последовало, лишь шелестел ветвями теплый ветер да щебетали зяблики на восточном склоне. От осадной линии вновь долетел звук пушечного выстрела и, отозвавшись эхом в котловине между холмами, смешался с грохотом каменного ядра, ударившего в стену. Хук не слышал ни звяканья поводов, ни топота копыт и уже готов был поверить, что всадники ему лишь примерещились. Крики на вершине смолкли – значит лучники уже собрались у повозок.

– Мы моря прежде не видали, – беспокойно проговорил Том Скарлет. – Только по пути сюда. Мэт хотел взглянуть еще разок.

– Мэт! – вновь крикнул Хук и по-прежнему не получил ответа.

Питер Годдингтон исчез за выступом холма. Хук передал арбалет Мелисанде, расчехлил свой лук, натянул тетиву и наложил стрелу на цевье. Подобравшись к краю оврага, он заглянул в папоротники: всадников и след простыл, в овраге стоял лишь сентенар, который не замедлил смерить Хука раздраженным взглядом.

– Никого тут нет, дурак! – бросил он, и в этот миг из-за деревьев справа показались два всадника.

– Сзади! – крикнул Ник, и Годдингтон бросился вверх по склону.

Ник вскинул лук, оттянул тетиву и выстрелил. Ближайший к сентенару всадник в этот миг взял влево, и стрела лишь отскочила, ударившись о стальной наплечник. Меч резко опустился, и Хук, вытягивая вторую стрелу, увидел, как голову Питера Годдингтона залило яркой кровью, сентенар споткнулся – и второй всадник, держа меч как копье, ударил его в спину. Годдингтон упал.

Хук выстрелил еще раз. Белое оперение мелькнуло сквозь тень и свет, и тонкий наконечник на дубовом древке прошел панцирь второго француза, заставив того откинуться в седле навзничь. Из-за деревьев на склон вынеслись еще всадники, Том Скарлет рванул Хука за плечо:

– Ник! Ник!

Слева, отрезая их от моря, мчались другие всадники. Хук в страхе схватил Мелисанду за рукав и потащил обратно. Он не подозревал, что из двух французских отрядов он наткнулся лишь на один, а второй в это время подходил с юга. И теперь Хук отчаянно неся вперед, слыша стук копыт все ближе. Не отпуская Мелисанду, он метнулся было в сторону, петляя как заяц перед носом гончих, как вдруг его галопом обогнал всадник и резко развернулся, взметнув ворох палой листвы. Хук рванул влево, под защиту старого дуплистого дуба. Однако никакое убежище уже не спасало: их обступили со всех сторон, откуда-то появились еще французы, и всадник на высоком коне расхохотался, глядя на Мелисанду и двух стрелков, окруженных латниками.

– Мэт! – выдохнул Том, и Хук увидел Мэтью Скарлета: француз в зелено-синем налатнике, ухватив Мэта за шиворот, тащил его за собой.

– Лучники, – утвердительно произнес всадник.

Слово звучало одинаково по-английски и по-французски, и всадник произнес его с явным удовольствием.

– Père!^[18] – вскрикнула Мелисанда. – Père...

Только теперь Хук заметил силуэт сокола на фоне вышитого на новом налатнике солнечного диска – яркого, как отблеск меча, нацеленного Нику в горло. Меч внезапно замер, и француз, сидя с прямыми ногами в высоком седле, воззрился на Ника. С его седельной луки свисал окорок только что убитой косули, свежая кровь пятнала чешуйчатые поножи всадника. Жильбера, сеньора де Ланфереля, владыки преисподней.

Великолепный всадник в сияющем латном доспехе, единственный из всех с непокрытой головой, восседал на великолепном коне. Латы сияли как солнце, блестящие черные волосы рассыпались по спине почти до пояса, четко очерченное смуглое лицо с орлиным носом казалось высеченным из бронзы. Полуприкрытые глаза с интересом разглядывали то Хука, замершего под нацеленным на него клинком, то Мелисанду со взведенным арбалетом наготове. Не выказав никакого удивления от встречи с дочерью в нормандском лесу, всадник мимолетно улыбнулся углом рта и сказал что-то по-французски. Девушка, порывшись в сумке, достала стрелу и вложила в желоб арбалета. Жильбер де Ланферель, которому не стоило труда ее остановить, лишь вновь усмехнулся, глядя на нацеленное ему в лицо оружие. Он заговорил слишком быстро, и Хук ничего не понял. Мелисанда горячо выпалила что-то в ответ.

Далеко за спиной Хука, где-то у поворота к английскому лагерю, раздался крик. Сеньор де Ланферель что-то сказал своим латникам, и восемнадцать из них поскакали к дороге. На ком-то красовался его герб с соколом на фоне солнца, другие были одеты в сине-зеленое, как тот француз, что захватил в плен Мэта Скарлета. Этот француз и оруженосец Ланфереля теперь остались с ним.

– Трое английских лучников, – вдруг заговорил по-английски сеньор д’Анфер, и Хук припомнил, каким образом тот выучился языку, живя в плену в ожидании выкупа. – Целых три лучника, а я-то не жалею золота своим людям, лишь бы приносили мне пальцы проклятых стрелков! – Ланферель внезапно улыбнулся, блеснув белоснежными зубами на загорелом лице. – Правда, меня то и дело норовят надуть, поэтому в Нормандии и Пикардии полно крестьян с отрубленными пальцами. Тебе известно, что она моя дочь?

– Да, – ответил Хук.

– Самая красивая из всех. У меня их девять – тех, о ком знаю, – и только одна от жены. А эту... – он взглянул на Мелисанду, все еще держащую его на прицеле, – эту я хотел охранить от мира.

– Да, – повторил Хук.

– Ей предстояло молиться за мою душу, а теперь выходит, что для спасения души мне надо заводить других дочерей.

Мелисанда что-то яростно выпалила, Ланферель только улыбнулся.

– Я отправил тебя в монастырь, – продолжал он по-английски, – потому что ты слишком хороша для крестьянина и недостаточно высокородна для знатного. Ты, правда, предпочла крестьянина, – Ланферель смерил Хука презрительным взглядом, – и яблочко сорвано, да? Но ты по-прежнему принадлежишь мне.

– Она моя! – вставил Хук.

Француз предпочел не расслышать.

– И что теперь? Отвезти тебя обратно в монастырь? – При виде арбалета, который Мелисанда при этих словах подняла на дюйм выше, Ланферель довольно ухмыльнулся. – Ты ведь не выстрелишь!

– Зато я выстрелю! – заявил Хук, понимая всю беспочвенность угрозы: достать стрелу ему точно не дадут.

– Кто твой господин? – спросил Ланферель.

– Сэр Джон Корнуолл, – гордо ответил Хук.

– Сэр Джон? – с удовольствием протянул Ланферель. – Редкий человек! Его мать, должно быть, переспала с французом. Сэр Джон! Всегда им восхищался!.. Однако вернемся к Мелисандре. Что делать с нашей послушницей?

– Я ненавижу монастырь! – выкрикнула она по-английски.

Ланферель нахмурился, словно озадаченный ее сопротивлением.

– Тебе там ничего не грозило! И твоей душе тоже.

– Не грозило? – возмутилась Мелисанда. – В Суассоне? Где насиловали и убивали всех монахинь?

– Тебя изнасиловали? – жестко спросил он.

– Меня спас Николас. – Девушка указала на Хука. – Он убил того мерзавца.

Взгляд черных глаз задержался на Хуке, затем вновь обратился к Мелисандре. В голосе Ланфереля послышалась злоба.

– Чего ты хочешь? Мужа? Чтоб было кому за тобой приглядывать? Этот сгодится? – Он кивнул на оруженосца. – Может, выйдешь за него? Он даже благородных кровей, хоть до дворян и не дорос: его мать была дочкой шорника.

Оруженосец, явно не понимавший ни слова, тупо глядел на Мелисанду. Кольчужный капюшон,

надетый на нем вместо шлема, обрамлял потное, изрытое оспой лицо со сломанным в драке носом и толстыми слюнявыми губами. Мелисанда скривилась и заговорила по-французски так торопливо, что Ник почти ничего не понял. Ее слова, в которых издевка смешивалась со слезами, удивили Ланфереля.

– Она говорит, что останется с тобой, – перевел он для Хука. – Однако все зависит от меня. От того, захочу ли я оставить тебя в живых.

Хук прикинул, не броситься ли на Ланфереля с луком наперевес, чтобы роговым наконечником угодить в горло или в мякоть под подбородком и давить, пока цевье не доберется до мозга.

– Нет, – услышал он тихий голос, который явно принадлежал так давно молчавшему святому Криспиниану. – Нет, – повторил святой почти шепотом.

Хук чуть не упал на колени от благодарности. Его святой вернулся!

Ланферель смотрел на лучника с усмешкой:

– Думал на меня напасть, англичанин?

– Да, – признался Хук.

– А я бы тебя убил. Может, так и сделать? – Сеньор д’Анфер взгляделся в деревья, за густой листвой которых ждали у дороги повозки. Оттуда донеслись крики, послышался звук спускаемой тетивы. – Сколько вас здесь?

Ник хотел было солгать, но рассудил, что Ланферель так или иначе узнает правду.

– Сорок лучников.

– Латников нет?

– Нет.

Ланферель пожал плечами, словно не услышал ничего ценного.

– И что? Возьмете Гарфлёр, а потом? Пойдете на Париж? На Руан? Не знаешь? Зато я знаю. Куда-нибудь да пойдете. Неужели ваш Генрих спустил столько денег лишь для того, чтобы захватить одну мелкую гавань? Он явно хочет большего. А когда пойдете дальше, англичанин, мы будем рядом, впереди и сзади, и вы станете гибнуть по одному, пока не останется всего горстка – и тогда мы окружим вас, как волки стадо. И моя дочь погибнет оттого, что ты не сможешь ее защитить?

– В Суассоне твою дочь спас я, а не ты.

Лицо Ланфереля исказилось яростью, кончик клинка дрогнул, однако в глазах француза мелькнула неуверенность.

– Я ее искал, – возразил он так, словно оправдывался.

– Значит, плохо искал! – бросил Хук. – А я ее нашел!

– Его привел Господь, – добавила Мелисанда по-английски.

– Вот как? Господь? – К Ланферелю вернулась уверенность. – Ты думаешь, англичанин, Бог на вашей стороне?

– Я знаю, что Он за нас, – твердо сказал Хук.

– А ты знаешь, как меня называют?

– Владыкой ада.

Ланферель кивнул.

– Это всего лишь имя, англичанин. Чтобы пугать невежд. Однако, несмотря на имя, после смерти я хочу попасть в рай, а для этого мне нужно, чтобы за меня возносили молитвы, служили мессы и пели псалмы. – Он кивнул на Мелисанду. – Почему бы ей за меня не молиться?

– Я молюсь, – возразила Мелисанда.

– А доходят ли до Господа ее молитвы? – продолжал Ланферель. – Она предала Бога ради тебя – таков ее выбор! Так посмотрим же, чего хочет Господь, англичанин! Подними руку.

Хук не пошевелился.

– Жить хочешь? – рявкнул Ланферель. – Подними руку! Не эту, правую!

Хук поднял правую руку, на которой кончики пальцев от постоянного трения загрубели до мозолей.

– Расцепи пальцы, – велел Ланферель и медленно коснулся мечом Никовой ладони. – Мне ничего не стоит тебя убить, да только ты понравился моей дочери, а ее желание мне дорого. Однако ее кровь тебе досталась без моего позволения, а за кровь платят кровью.

Ланферель чуть двинул кистью – сильно и точно, так что острие клинка прочертило в воздухе след длиной со стрелу и, не оставив Нику лишнего мига, чтобы убрать руку, отсекло ему мизинец. Хлынула кровь. Мелисанда закричала, по-прежнему не смея выстрелить. Боль, которой Хук не почувствовал в первый миг, тут же пронизала всю руку до плеча.

– Вот так, – с удовольствием протянул Ланферель. – Оставляю тебе те пальцы, что нужны для лука. Ради моей дочери. Но когда вас окружают волки, англичанин, мы с тобой сочтемся. Если вы победите, она останется с тобой, если нет – отправится на супружеское ложе. – Ланферель кивнул на толстогубого оруженосца. – Ложе вонючее, согласен, да и похотлив он, как кабан. Еще и храпит. Принимаешь уговор?

– Господь даст нам сил, мы победим, – ответил Ник. Руку свело болью, однако он не показывал вида.

– Послушай, что я скажу. – Ланферель склонился с седла. – Господу плевать на твоего короля, да и на моего тоже. Ты согласен на уговор? Мы бьемся за Мелисанду, да?

– Да.

– Тогда оружие на землю. И стрелы тоже! – велел Ланферель.

Хук понял: француз не хотел получить стрелу в спину. Они с Томом Скарлетом кинули луки на груды веток с поваленного дуба и отцепили холщовые мешки со стрелами.

Ланферель улыбнулся:

– Значит, договорились, англичанин! Наградой будет Мелисанда, но договор-то надо скрепить кровью, да?

– Уже скрепили, – ответил Хук, поднимая окровавленную руку.

– Играем не на кровь, а на жизнь! – Ланферель, тронув коленом жеребца, в стремительном развороте взмахнул мечом – и конец клинка рассек горло Мэта Скарлета, обагровив листву потоком алой крови.

Том закричал, Ланферель со смехом пришпорил коня и ускакал к востоку вместе с обоими подручными.

– Мэт! – Том Скарлет упал на колени рядом с близнецом, но тот уже умирал, жизнь уходила из него вместе с кровью, хлещущей из перерезанного горла.

Стук копыт затих. Крики у повозок смолкли, Мелисанда плакала.

Ник поднял луки. Французы ушли, оставалось лишь вырыть топором могилу под дубом, способную

вместить двоих – Мэта Скарлета и Питера Годдингтона, навсегда оставшихся здесь, у кромки леса над морем.

Над Гарфлёром, где пушки разбивали в прах городскую стену.

Тяжелая работа не прекращалась. Лучники, и Хук в их числе, только и знали, что срубали, расщепляли и пилили стволы, а потом укрепляли досками орудийные окопы и траншеи. Новые окопы были вырыты ближе к городу, и, чтобы уберечь драгоценные пушки от защитников Гарфлёра, орудийные дула закрывали толстыми щитами. Щиты сооружали из дубовых стволов толщиной с девичью талию и ставили наклонно, тогда вражеские снаряды отскакивали от них вверх. Больше всего Хуку нравилось, что щиты делали поворотными: когда пушка наконец была готова к выстрелу, отдавался приказ – и верхний край щита лебедкой тянули вниз, тем самым поднимая нижний край и открывая черное пушечное дуло. После выстрела весь мир окутывался густым тошнотворным облаком, воняющим, как тухлые яйца, звук от ударившего в стену ядра сливался с эхом пушечного выстрела, лебедку отпускали, и щит со стуком падал обратно, ограждая от врага пушку вместе с голландскими канонирами.

Французы быстро смекнули, когда и зачем поднимают щиты, и стали приурочивать к этому залпы своих пушек и катапульт, поэтому англичане огораживали орудия бревнами и большими ивовыми корзинами, наполненными землей, и порой щит поднимали даже при незаряженной пушке, чтобы сбить противника с толку и заставить его сделать лишний выстрел, который ударит лишь в корзину или дубовое бревно. А когда пушка была готова, корзину откатывали, щит поднимали лебедками – и грохот выстрела разносился по всей запруженной долине Лезарды.

Французские пушки уступали размером английским и стреляли ядрами не крупнее яблока, так что пробить тяжелые щиты они не могли. Стрелометательные машины, похожие на гигантские арбалеты с толстыми стрелами, были еще слабее. Однажды такая стрела на глазах Хука угодила в лошадь, запряженную в телегу с бревнами, и, пройдя легкие, сердце и брюхо, застряла внутри. Животное распростерлось на земле в луже крови, над которой под палящим солнцем поднялось жаркое марево – такое же, какое стояло над залитыми наводнением лугами и прибрежными болотами у моря.

Если от французских пушек и стрелометательных машин защищали рвы, то защиты от баллист не было. Камни, подброшенные в воздух, летели вниз почти отвесно. В ответ английские катапульты, на которые пошли срубленные лучниками дубы с вершины холма, забрасывали Гарфлёр камнями и разлагающимися трупами животных. Взобравшись на холм, Хук видел побитые крыши домов и два осевших церковных шпиля, на его глазах крошилась от ударов стена, осыпаясь камнями в сточную канаву, и разваливался под каменными ядрами бастион у городских ворот, выстроенный из бревен и грунта. Английские пушки непрерывно били в обе его башни, ограждающие короткую широкую куртину.

– Теперь принимаемся за укрытие, – заявил сэр Джон лучникам. – Наш господин и король намерен поторопиться!

– В городской стене уже большая брешь, сэр Джон, – заметил Томас Эвелголд, заменивший Питера Годдингтона на посту сентенара.

Командующий поморщился:

– За брешью еще одна стена! А к ней пробиваться через барбакан! – Барбаканом называли тот самый двухбашенный бастион, защищающий Лёрские ворота. – Хочешь арбалетных стрел с фланга? Нет? Значит, надо делать укрытие. Всем валить деревья! Хук, ты мне нужен.

Под взглядами лучников сэр Джон отвел Хука в сторону.

– Французов на вершине больше не будет, там теперь наши. Мы усилили дозоры, но никакого французского подкрепления они пока не видели.

Несмотря на то что подходил к концу август, французы не спешили прислать войска на помощь осажденному городу. Англичане, ежедневно объезжающие все дороги к северу и западу от Гарфлёра, время от времени сталкивались лишь с мелкими отрядами французских латников, ни разу не заметив на дороге облако пыли, которое возвещало бы о подходе большого войска.

– Расскажи, что ты делал тогда, на вершине, – велел сэр Джон. – В день, когда убили Питера Годдингтона.

– Я просто предупредил наших, и все.

– Не все. Ты приказал им вернуться к повозкам, так?

– Да, сэр Джон.

– Почему? – грозно спросил командующий.

Хук нахмурился, вспоминая. Тогда все казалось очевидным, ему не приходило в голову искать причины.

– В лесу из лука не постреляешь, – медленно произнес он. – Значит, лучников надо было выгнать на открытое место. К повозкам, чтоб было где укрыться.

– Так и вышло, – кивнул сэр Джон. Стрелки тогда, собравшись за повозками, всего двумя залпами повернули врага вспять. – Ты поступил правильно. Французские мерзавцы лишь хотели нас проверить: налететь, кого-нибудь убить и поглядеть на наши приготовления. А ты их прогнал!

– Не я, сэр Джон, другие, – возразил Хук. – Меня там не было.

– Знаю. С тобой говорил мессир де Ланферель. И оставил тебя в живых. – Сэр Джон оценивающе оглядел Хука. – Почему?

– Он хочет убить меня позже, – неуверенно ответил тот. – Или, может, из-за Мелисанды?

– Он кот, а ты его мыш. Раненая, – добавил командующий, глянув на Никову забинтованную руку. – Стрелять можешь?

– Как обычно, сэр Джон.

– Тогда будешь винтенаром. Это значит, что я удваиваю тебе жалованье.

– Мне?.. – Хук удивленно воззрился на командующего.

Не ответив, сэр Джон взглянул на латников, которые, тренируя удар, лупили мечами по деревьям. Упражняться и упражняться – вот что неустанно твердил сэр Джон, приводя в пример самого себя: он набивал по тысяче ударов ежедневно и требовал того же от других.

– Сильнее, Ральф, сильнее! – крикнул он кому-то и повернулся обратно к Хуку. – Тогда, при виде французов, ты задумывался, что делаешь?

– Нет.

– Потому я тебя и назначаю старшим. Мне нужны не те, кто размышляет, а те, кто идет и делает. Том Эвелголд теперь сентенар, возьмишь его прежний отряд. Я передаю приказы ему, он тебе, ты – своим лучникам. Если они не выполняют что надо – ты их наказываешь. Если опять не выполняют – я наказываю тебя.

– Слушаюсь, сэр Джон.

Изрезанное шрамами лицо командующего оживилось улыбкой.

– Ты умен, юный Хук. Более того, ты удачлив. – Сэр Джон указал на забинтованную руку лучника. Помолчав, он достал из кошелька тонкую серебряную цепь и вложил ее Нику в ладонь. – Знак твоей должности. А завтра ты идешь строить укрытие.

– Что за укрытие, сэр Джон?

– Адская работа, Хук. Сам увидишь.

Той ночью начался дождь, который пригнало с моря холодным западным ветром. Вначале мелкие капли зашуршали по английским палаткам, затем под порывами ветра затрепетали знамена на самодельных древках, и усилившийся дождь полил косыми струями, превращая землю в грязное месиво. Схлынувшие было воды запруженной реки вновь стали подниматься, затапливая помойные ямы у лагеря. Пушкари с проклятиями возводили навесы над орудиями, лучники подальше прятали тетиву, чтобы уберечь от дождя.

Сейчас Нику лук не требовался – ему предстояло соорудить укрытие, и, как предупреждал сэр Джон, работа была адская. Для нее не требовалось ни особых умений, ни даже простейшего навыка – ничего, кроме физической силы, – зато приходилось все время торчать на виду у французов вместе с их пушками, стрелометами, катапультами и арбалетами.

Укрытие – защитный настил, формой напоминающий носок башмака, – должно было ограждать солдат от вражеских снарядов во время рытья траншеи, поэтому его приходилось делать прочным, чтобы оно могло выдержать постоянный обстрел каменными ядрами.

Работой руководил седой валлиец Давидд ап Трехерн.

– Я родился в Понтигвайте, – заявил он лучникам, – а в Понтигвайте знают о строительстве столько, что вам, жалким англичанишкам, и не снилось!

По его приказу на место стройки привезли две телеги камней и грунта, чтобы прикрыть лучников от обстрела, но из-за дождя земля раскисла, и телеги прочно увязли в грязи.

– Надо копать, – сообщил валлиец довольным тоном человека, которому не придется махать лопатой самому. – О том, как копать, в Понтигвайте знают больше вашего, вонючие англичанишки!

– Еще бы, вырыть столько могил для убитых нами валлийцев! – заметил Уилл из Дейла.

– Мы хоронили ваших, англичанин! – радостно отозвался Давидд ап Трехерн.

Позже, беседуя с Хуком, валлиец с удовольствием сообщил, что участвовал в бунте против английского короля пятнадцать лет назад.

– Оуэн Глендаур! – с чувством воскликнул он. – Каков человек!

– И что с ним случилось?

– Он еще жив, парень! Наверняка жив! – Полыхавшее десять лет восстание Глендаура принесло юному Генриху, принцу Уэльскому, ставшему теперь королем Англии, неоценимый военный опыт. Бунт подавили, кое-кого из зачинщиков перед казнью провезли в тюремных дрогах через весь Лондон, однако схватить самого Оуэна Глендаура так и не удалось. – В Уэльсе есть чародеи, – склонившись к Хуку, доверительным шепотом поведал Давидд ап Трехерн, – они могут обратить человека в невидимку!

– Поглядеть бы, – с завистью вздохнул Ник.

– Да как же? На то он и невидимка, чтоб его не видеть! Окажись Оуэн Глендаур прямо перед тобой, ты его даже не заметишь. Так он и живет! Богатства у него несметные, женщин и яблочек вдоволь, а чуть

только за милую покажется англичанин – Оуэн Глендаур становится невидимым!

– А что валлиец-бунтовщик делает в английской армии?

– Всем хочется жить, парень. Лучше есть вражий хлеб, чем глядеть в пустую печку. Людей Глендаура здесь несколько дюжин, и за Генриха мы станем биться так же бесстрашно, как бились за Оуэна, – усмехнулся валлиец. – Люди Глендаура есть и во Франции, они будут сражаться против нас.

– Лучники?

– Благодарение Богу, нет. Лучникам теперь не до Франции, верно? Сюда перебрались те из знати, кто лишился земель на родине. Ты когда-нибудь сражался против лучников?

– Благодарение Богу, нет.

– Твое счастье, – мрачно кивнул Давидд ап Трехерн. – Валлийцев не так легко напугать, но когда Генриховы стрелки встретили нас под Шрусбери, с неба обрушилась сама смерть! Будто град, нескончаемый град из стальных жал, под которым гибли все вокруг. И воплей столько, будто кто-то истязает чаек на черном берегу... Нет ничего страшнее лучников.

– Я лучник.

– Ты теперь землекоп, парень, – ухмыльнулся Давидд ап Трехерн. – Так что иди копай.

Траншею, начатую от орудийного окопа, вели в сторону городской стены, и защитники Гарфлёра, разгадав намерение, поливали лучников арбалетными стрелами вперемешку с ядрами. Хотя французские катапульты старались угодить камнем в новый ров, снаряды часто летели мимо, поднимая вокруг грязные брызги. Когда траншею вырыли на тридцать шагов, Давидд ап Трехерн объявил, что доволен, и приказал копать яму – большую и квадратную, глубиной до самого мелового слоя. Грунт здесь пропускал воду, и, пока возводили парапет с трех сторон ямы (неприкрытой оставили заднюю стену, обращенную к английскому лагерю), пришлось изрядно потоптаться по грязной жиже. Бревна клали на землю по четыре в ряд, сверху настилали следующие слои, и вскоре парапет вырос до уровня, когда в яме можно было выпрямиться во весь рост незаметно для тех, кто наблюдал с городской стены.

– Сегодня сделаем крышу – и готово, – распорядился валлиец.

Крышу настилали ночью, чтобы не подставляться под арбалетные стрелы, однако французы догадались о происходящем и, стреляя вслепую сквозь дождливый мрак, умудрились ранить троих. До самого утра лучники накатывали длинные бревна поверх ямы, засыпали их толстым слоем грунта и мелового щебня и вновь покрывали сверху бревнами.

– А теперь пойдет настоящая работа, – объявил Давидд ап Трехерн. – Для того и понадобятся валлийцы.

– Настоящая работа? – переспросил Хук.

– Будем рыть шахту, парень. Глубокую.

Дождь прекратился к рассвету. Налетевший с запада промозглый ветер погнал тучи дальше во Францию, неохотно выглянуло солнце. Вражеские пушкари заваливали ядрами свежестроенное укрытие, однако снаряды лишь отскакивали от толстого бревенчатого парапета, не причиняя ему вреда.

Лучники спали, разбредясь по грубым хижинам, сооруженным из веток, грунта и папоротников. Проснувшись, Хук обнаружил, что Мелисанда чистит его кольчугу песком и уксусом.

– Rouille, – объяснила она.

– Ржавчина?

– Я так и сказала.

– Может, и мою почистишь, детка? – пробормотал Уилл из Дейла, выбираясь из-под веток.

– Сам сумеешь, Уильям, – ответила Мелисанда. – Правда, кольчугу Тома я тоже почистила.

– Умница, – похвалил ее Хук.

Томас Скарлет, со смертью брата утерявший всю веселость и проводивший дни в мрачных думах, вызывал у стрелков неизменное сочувствие.

– Он только и мечтает встретиться еще раз с твоим отцом, – шепнул Хук.

– Тогда Томасу не жить, – невесело покачала головой Мелисанда.

– Он тебя любит, – заметил Хук.

– Ты об отце?

– Он оставил тебя в живых. Позволил быть со мной.

– Тебя он тоже не убил, – добавила Мелисанда чуть ли не с обидой.

– Да.

Девушка помолчала, устремив серые глаза на Гарфлёр, почти неразличимый в окутавшем его пушечном дыму, как утес в морском тумане. Костер, у которого Хук поставил сушиться сапоги, трещал и искрил, ивовые ветви горели неохотно.

– Наверное, он любил мою мать, – задумчиво предположила Мелисанда.

– Правда?

– Она была красивая. И его любила. Говорила, что он прекрасен.

– Красив, – признал Хук.

– Прекрасен, – не уступила Мелисанда.

– Когда ты его увидела там, в лесу, тебе хотелось с ним уехать?

Девушка мотнула головой:

– Нет. Он злой ангел. И сидит у меня в голове, как у тебя тот святой. – Она взглянула на Хука. – Мне от него тяжело.

– Потому что ты о нем думаешь?

– Я всегда хотела, чтобы он меня любил, – жестко бросила Мелисанда и вновь принялась за кольчугу.

– Так же, как любил мать?

– Нет! – вскипела девушка и надолго замолчала. Потом, смягчившись, продолжила: – Жизнь тяжела, Ник, тебе ли не знать. Работа, вечная работа, думы только о том, где достать еды, и опять работа. А господин, любой господин, может все прекратить одним взмахом руки, и будешь жить без трудов, без забот, facile.

– Легко? – перевел Хук.

– Мне так этого хотелось...

– Скажи ему.

– Он прекрасен, но доброты в нем точно нет. Уж я-то знаю. И еще я тебя люблю. Je t'aime [\[19\]](#).

От последних слов, прозвучавших очень просто и серьезно, у Ника перехватило дыхание.

Мелисанда, морщась от усилий, продолжала чистит песком кольчугу, лучники таскали в лагерь дрова для костра.

– Ты знаешь про сэра Роберта Ноллза? – внезапно спросила девушка.

– Конечно, – кивнул Хук. – Любой стрелок слышал о сэре Роберте, умершем не так давно.

– Он тоже из лучников.

– Да, он начинал как стрелок, – подтвердил Ник.

Интересно, откуда Мелисанде знать о легендарном сэре Роберте?..

– Он потом стал рыцарем. И командовал целым войском! А сэр Джон сделал тебя винтенаром.

– Винтенар – не рыцарь, – улыбнулся Хук.

– Сэр Роберт тоже был винтенаром! – горячо возразила Мелисанда. – А потом стал сентенаром, латником и в конце концов рыцарем! Так говорит Алиса. То, что ему удалось, может удался и тебе!

От такой перспективы Хук удивленно застыл на месте.

– Мне? Стать латником? – только и выговорил он.

– Почему бы нет?

– Рождением не вышел.

– Сэр Роберт тоже.

– Такое случается, – неуверенно признал Хук.

О стрелках, ставших командующими и наживших немалое богатство, ходили многочисленные рассказы, и сэр Роберт был лишь одним из героев, пусть и самым известным. Наряду с ним лучники почитали еще Томаса из Хуктона, умершего владельцем многих тысяч акров земли.

– Такие случаи – редкость, – добавил Хук. – И на это нужны деньги.

– А что вам, мужчинам, приносит война, если не деньги? Все вокруг только и говорят что о пленных и выкупах! – Мелисанда шутливо ткнула щеткой ему в грудь. – Возьми в плен моего отца и потребуй выкуп. Вот и будут деньги!

– Ты вправду этого хочешь?

– Да! – мстительно выпалила девушка. – Хочу!

Хук попробовал представить, каково быть богатым... получить выкуп больше, чем заработок за всю жизнь... От мечтаний его отвлек Джон Флетчер – лучник из старших, встретивший повышение Хука без особого удовольствия. Теперь он, бледный и трясущийся, неся к помойной канаве.

– Флетч заболел, – удивился Хук.

– Бедной Алисе тоже было плохо сегодня утром. – Мелисанда поморщилась от отвращения. – La diarrhée[20].

Хуку не так уж хотелось выслушивать подробности, поэтому прибытие сэра Джона Корнуолла он счел своевременным.

– Выспались? – взревел рыцарь. – Живы? Дышите?

– Точно так, сэр Джон, – ответил Хук за всех лучников.

– Тогда к траншеям! К траншеям! Не век же тянуться этой проклятой осаде!

Хук влез в сырые сапоги и недочищенную кольчугу, надел шлем и налатник и двинулся к траншеям. Осада продолжалась.

Глава шестая

Укрытие содрогалось при каждом ударе каменного ядра о наклонную крышу. Бревна, частью расщепленные и побитые, успели ошестиниться застрявшими в них стрелами, однако ни разбить, ни даже ослабить щит вражеским снарядам было не под силу. Защищенные перекрытием из бревен и грунта, валлийские строители приступили к работе.

С востока, где стояли войска герцога Кларенса, к Гарфлёру тянули еще один подкоп. С обеих сторон ревели пушки и грохотали о городскую стену ядра, от баллист и требушетов летели в город камни, поднимая на узких улочках клубы дыма и пыли, и все это время рытье не останавливалось, подземные ходы подбирались все ближе к городскому валу. Восточные подкопы шли под городскую стену: в меловой породе предстояло вырыть просторные пещеры и укрепить их по краям бревнами, а потом в нужное время поджечь деревянные подпорки и обрушить пещеры вместе с участком вала. Западный же подкоп, начинавшийся под выстроенным лучниками деревянным укрытием, вел к бастиону у Лёрских ворот, уже изрядно побитому снарядами. Если барбакан разрушить до конца, то можно штурмовать брешь у ворот, не опасаясь обстрела с фланга. Поэтому теперь валлийцы копали, лучники охраняли бревенчатое укрытие, а город изнывал от тягот осады.

Барбакан – две низкие круглые башни, соединенные куртиной, – был выстроен горожанами из крупных дубовых бревен, вкопанных в землю и скрепленных железными обручами. Изнутри его укрепили утрамбованным грунтом и щебнем, снаружи отгородили от англичан рвом с водой. Часть бревен уже размочалило снарядами, и грунт высыпался наружу, наполовину перегородив канаву и образовав крутой откос перед барбаканом. Однако бастион не сдавался: на развалинах то и дело показывались арбалетчики и латники, с уцелевших бревенчатых стен свисали боевые знамена.

Каждую ночь, как только стихали английские пушки, защитники бастиона начинали латать повреждения, и каждое утро открывало глазам осаждающих новый частокол, который англичане заново начинали разрушать с той же настойчивостью. Остальные орудия били по городу.

Гарфлёр, впервые увиденный Хуком сразу после высадки, показался ему сказочным: теснились друг к другу крыши, над ними торчали церковные колокольни, от остального мира их ограждала белоснежная стена с башенками, сияющая под ярким августовским солнцем. Картина тогда напомнила Хуку нарисованный городок с церковной росписи в Суассоне, изображавшей святых Криспина и Криспиниана, которым он так усердно молился.

Теперь же нарисованный городок превратился в мешанину из камней, грязи, дыма и разбитых домов. Стена в основном сохранилась, с нее по-прежнему свисали знамена с гербами командующих, изображения святых и воззваниями к Богу, однако восемь башен уже обрушились в ров, а в городском валу у Лёрских ворот зияла длинная брешь. От тяжелых снарядов, забрасываемых в город катапультами, обваливались дома и возгорались пожары, над осажденным городом вечно стелилась дымная завеса, церковные шпили падали на землю под беспорядочный лязг колоколов, а каменные снаряды и пушечные ядра все продолжали разбивать в прах уже разбитый город.

Гарнизон еще сопротивлялся. Всякое утро, ведя свой отряд к окопам у английских пушек, Хук видел плоды усилий французов: позади разбитого вала росла вторая стена, оседающий барбакан обрастал новыми бревнами. Английские герольды в ярких накидках, подъезжающие к городской стене с предложениями сдаться, каждый раз возвращались ни с чем.

– Они надеются, что их король приведет войско на подмогу, – в одно сентябрьское утро сказал Хуку отец Кристофер.

– Разве у французов король не помешанный?

– Еще какой помешанный! Думает, что сделан из стекла! – ухмыльнулся отец Кристофер, по обыкновению не жалея для лучников благословений и шуток. – Правда-правда: боится упасть, чтобы не рассыпаться осколками. А еще грызет ковры и жалуется на жизнь самой луне.

– Значит, никакое войско он сюда не приведет, – улыбнулся Ник.

– У помешанного короля есть сыновья, Хук. Вот уж кто жаждет крови и мечтает растереть в прах наши кости!

– Неужели рискнут?

– То известно одному Господу, Хук, а Он мне не скажет. Знаю лишь, что в Руане собирается армия.

– Это далеко?

– Видишь дорогу? – кивнул священник на отходящую от Лёрских ворот еле заметную полосу, которая казалась грязным шрамом на фоне побитой снарядами земли. – Если у холма свернуть вправо и идти дальше, то через полсотни миль увидишь крепкий мост и большой город. Это и есть Руан. Полсотни миль – для войска три дня пути.

– Пусть приходят, – пожал плечами Хук. – Перебьем и их.

– Перед Гастингсом король Гарольд говорил то же самое, – тихо отозвался отец Кристофер.

– А у Гарольда были лучники?

– Нет, вроде бы только латники.

– Вот видите! – улыбнулся Хук.

Священник, подняв голову, взгляделся в Гарфлёр.

– Пора бы уже взять город, – пробормотал он в задумчивости. – Слишком долго здесь торчим.

Проходивший мимо латник весело поздоровался с отцом Кристофером, и тот обернулся его благословить.

– Знаешь, кто он? – кивнул священник вслед спешащей фигуре.

Ник проводил взглядом удаляющегося латника в красно-белой накидке:

– Нет, святой отец, понятия не имею.

– Сын Джеффри Чосера, – гордо объявил священник.

– Кого?

– Ты не слыхал о Джеффри Чосере? Поэте?

– А, какой-то бездельник, – отмахнулся Ник и вдруг хлопнул священника по плечу, пригнув к земле.

Через миг арбалетная стрела ударила в раскисшую стену траншеи там, где только что стоял отец Кристофер.

– Это Хорек, – объяснил Хук. – Вот уж кто не бездельничает!

– Хорек?

– Один выродок на барбакане. Рожей похож на хорька. Опять арбалет нацеливает.

– Застрелить его можешь?

– Будь он шагов на двадцать ближе...

Хук выглянул в щель между набитыми землей ивовыми корзинами, ограждавшими укрытие, и помахал рукой. С барбакана ему помахали в ответ.

– Даю ему знать, что еще жив, – объяснил Хук.

– Хорек, – задумчиво повторил отец Кристофер. – Ты слышал, что Роб Хоркинс болен?

– И еще Флетч. И жена Дика Годвайна.

– Алиса? И она тоже?

– Говорят, ей совсем плохо.

– Из Роба Хоркинса дерьмо так и хлещет – водянистая жижа пополам с кровью.

– Помогите нам Господи, – покачал головой Хук. – У Флетча то же самое.

– Пойду-ка я читать молитвы, – без тени усмешки сказал отец Кристофер. – Нельзя, чтобы людей косила болезнь. Ты-то сам здоров?

– Здоров.

– Благодарение Богу. А как рука?

– Временами ноет, – признался Ник, показав правую ладонь, которую Мелисанда забинтовала, смазав рану медом.

– Ноет – хороший признак. – Священник, наклонившись, понюхал повязку. – И пахнет хорошо. Ну то есть воняет, как мы все, – грязью, потом и дерьмом, зато, главное, не пахнет гнилью. А как моча? Мутная? Темная? Бесцветная?

– Обычная, святой отец.

– Прекрасно, Хук! Уж тебя-то надо беречь!

Ник удивился, однако священник, видимо, и не думал шутить. Да и сам Ник понимал, что обязанности винтенара он исполняет как надо. Поначалу он опасался ответственности и ожидал, что лучники постарше откажутся выполнять его приказы, однако недовольные его назначением, если такие и были, никак не выказывали обид и безропотно ему подчинялись. Серебряную цепь он носил с гордостью.

Вновь настала жара, обратив грязь в засохшую корку, которая под ногой рассыпалась в пыль. Рассыпался на глазах и Гарфлёр, и все же гарнизон пока не сложил оружия. Раз в день к лучникам, по-прежнему не выходящим из траншей, навещался король с небольшой свитой и подолгу смотрел на городскую стену. Он уже не заговаривал со стрелками, как при начале осады, и каждый раз при появлении Генриха лучники старались отойти подальше. По его изможденному тонкогубому лицу было ясно, что он не очень-то надеется на успешный прорыв через внутренние стены. При атаке войско, перебирающееся через остатки сожженных домов, неминуемо обстреляют из арбалетов с барбакана, затем придется пересекать широкий городской ров и лезть через разрушенную пушками стену. И все это время арбалетки будут сыпать стрелами с флангов, а за остатками стены англичане наткнутся на внутреннюю стену, сооруженную из корзин с землей, толстых брусьев и камней, вывороченных из разбитых городских зданий.

– Надо обрушить еще участок стены, – расслышал Хук слова короля. – И сразу штурмовать получившуюся брешь.

– Нельзя, государь, – хмуро возразил сэр Джон Корнуолл. – Сухих мест больше нет.

Река, поднявшаяся с наводнением, схлынула лишь частично, и земля вокруг Гарфлёра лежала затопленной. Сухими оставались лишь два участка, где англичане вели к городу подземные ходы.

– Значит, покончить с барбаканом, – настаивал король, – и ворота, что за ним, разнести в щепки!

Обратив мрачное длинноносое лицо к непокорному барбакану, Генрих вдруг вспомнил о стрелках и латниках, встревоженно его слушающих, и возвысил голос:

– Господь привел нас в дальнюю землю не для того, чтоб мы терпели поражение! Гарфлёр долго не продержится! Мы победим, тогда найдется пива и доброй еды на всех! Город будет наш!

Днями напролет из подкопа таскали наружу мел и грунт, а свод внутри подпирали бревнами длиной с лучное цевье. В начале сентября английские пушки по-прежнему обстреливали врага, заполняя окопы дымом, а воздух – нескончаемым грохотом.

– Как твои уши? – вместо приветствия бросил Хуку сэр Джон как-то утром.

– Уши, сэр Джон?

– Ну да, такие странные штуковины по бокам головы.

– С ними все в порядке, сэр Джон.

– Тогда пойдем со мной.

Командующий, чьи дорогие доспехи и налатник покрывала пыль, повел Хука по траншее к входу в подкоп, начинавшийся под укрытием. Первые шагов пятнадцать шахта резко шла вниз, а затем выравнивалась в пологий туннель высотой с лучное цевье и шириной в два шага. Тростниковые свечи, которые крепились на поддерживающих свод бревнах, горели все более тускло по мере того, как Хук вслед за сэром Джоном продвигался вглубь. Чуть не на каждом шагу приходилось останавливаться и вжиматься в стену, пропуская очередного рабочего, вытаскивающего наружу корзину вырубленной меловой породы. В воздухе висела пыль, под ногами хлюпала меловая жижа.

– Отдохните-ка пока, ребята, – распорядился сэр Джон, дойдя до тупика. – Молчите и не двигайтесь.

Двое рабочих, которые киркой рубили мел при свете роговых светильников, свисавших с дальнего бруса, с облегчением отложили инструменты и сели на пол. Давидд ап Трехерн, руководивший работой, приветственно кивнул Хуку и посторонился. Сэр Джон припал к стене и жестом велел Нику присесть на корточки.

– Слушай, – шепнул он.

Хук прислушался. Кто-то из рабочих кашлянул, сэр Джон велел ему не шуметь.

Бродя по обширным лесам лорда Слейтона, спускающимся к реке от господских пастбищ, Хук частенько останавливался и замирал, прислушиваясь к звукам леса – оленьим шагам, хрюканью кабана, перестуку дятла, шелесту ветра в листьях, – и малейшее нарушение стройности становилось ему сигналом, знаком того, что в заросли проник кто-то чужой. Теперь он точно так же вслушивался в шорохи туннеля, стараясь не замечать дыхания полудюжины человек рядом, отогнав мысли и настроившись на тишину – так, чтобы уловить любой лишний звук. Шли минуты.

– У меня все время звенит в ушах, – прошептал сэр Джон. – Наверное, от ударов мечом по шлему и...

Хук нетерпеливо вскинул руку, не задумываясь о том, что осмеливается приказывать рыцарю ордена Подвязки. Сэр Джон, впрочем, повиновался, и Хук продолжал слушать. Вскоре он понял, что звуки повторяются.

– Кто-то копает.

– Вот же выродки, – шепнул командующий. – Точно?

Теперь Хук удивлялся, что никто другой не слышит ритмичного стука киркой по залежам мела.

Французы явно вели подкоп в сторону английского лагеря, надеясь помешать англичанам прежде, чем те доберутся до цели.

– Может, туннелей даже два, – заметил Хук.

Звуки казались неравномерными, словно пересекались сразу два разных ритма.

– Я так и подозревал, – подтвердил Давидд ап Трехерн. – Лишь боялся ошибиться. Под землей часто слышишь то, чего нет...

– Нет, каковы мерзавцы эти французы, а? – мстительно прошипел сэр Джон и взглянул на валлийца. – Далеко еще копать?

– Двадцать шагов, сэр Джон, пару дней. И еще два дня – вырыть камеру. И день на то, чтобы заполнить ее горючим материалом.

– Они пока далеко. Может, на нас не наткнутся? – предположил командующий.

– Французы будут прислушиваться, как и мы, сэр Джон. Чем ближе подойдут – тем легче услышат.

– Мерзкие вонючие холощенные выродки, – шепотом выругался сэр Джон. – Я все равно ничего не слышу.

– Копают, – заверил его Хук, по-прежнему не повышая голоса в душной полутьме, еле оживляемой неверным светом тростниковых светильников.

Кто-то из рабочих заговорил по-валлийски. Давидд ап Трехерн, жестом велел ему замолчать, обратился к командующему:

– Он беспокоится: вдруг французы ворвутся в туннель, что тогда?

– Сделайте здесь камеру, – велел сэр Джон. – Большую, чтобы вместить шестерых-семерых. Поставим в караул латников и стрелков. А сами держите наготове оружие и пока продолжайте копать. Барбакан надо уничтожить.

Подкоп к непокорному бастиону вели так, чтобы северная башня, падая, обрушилась в ров, заполненный водой: если прямо под башней сделать пещеру и подпереть свод бревнами, то при пожаре обрушится и потолок пещеры, и вместе с ним башня.

– Молодцы, ребята! – напоследок похвалил сэр Джон валлийцев, похлопывая их по плечам. – Бог вам в помощь.

Командующий кивнул Хуку, и они вдвоем стали выбираться наружу.

– Хотелось бы надеяться, что Он нам помогает, – проворчал про себя сэр Джон и вдруг, остановившись, хмуро оглядел вход в туннель. – Поставим здесь часовых.

– В укрытии?

– Если французы прорвутся в туннель, они ползут наружу толпой, как крысы на готовое угощение. Надо выстроить стену и поставить к ней лучников.

Хук поглядел на двоих рабочих, которые тащили в туннель бревенчатые подпорки:

– Стена замедлит работу, сэр Джон.

– А то я не знаю! – бросил командующий и вновь оглядел туннель. – Пора заканчивать осаду. Сколько можно! Болезнь косит людей, из этих гнилых мест надо уходить!

– Бочки? – предложил Хук.

– Бочки? – рывкнул сэр Джон.

– Наполнить три-четыре бочки землей и камнями, – терпеливо объяснил Хук. – Если французы прорвутся в туннель – вкатить бочки и поставить стоймя у выхода. Тогда полдюжины лучников удержат тут кого угодно.

Сэр Джон помолчал несколько мгновений, затем кивнул:

– Твоя мать знала, что делала, когда ложилась под твоего отца. Проследи, чтоб бочки были в укрытии еще до заката.

Бочки стояли на месте уже к сумеркам. Ожидая, когда можно будет уйти на покой, Хук прохаживался по траншее рядом с укрытием и поглядывал на побитые городские стены – алые в лучах закатного солнца, садающегося за безлесые холмы. Позади, в английском лагере, кто-то жалобно выпевал на флейте одну и ту же фразу, словно разучивая новую мелодию. Хуку, уставшему за день, хотелось только есть и спать, и когда рядом с ним у парапета остановился латник, Хук на него едва взглянул, заметив лишь кожаную куртку и плотно сидящий шлем, затеняющий лицо, да сапоги из хорошей кожи. На плечах у латника лежала золотая цепь – знак того, что он не из рядовых.

– Что там? Дохлый пес? – кивнул латник на середину поля между французским барбаканом и ближним к городу английским рвом, где валялась косматая тушка, к которой уже слетелись трое воронов.

– Их убивают французы, – ответил Хук. – Если собака выскочит на поле, ее подстреливают из арбалета. А потом ночью забирают.

– Собаку?

– Для французов это еда, – коротко пояснил Хук. – Свежее мясо.

– Вот оно что. – Латник следил взглядом за воронами. – Никогда не ел собак.

– Мясо как у зайца, только жестче. – Взглянув на латника, Хук наконец заметил глубокий шрам у длинного носа и поспешил опуститься на одно колено, торопливо добавив: – Государь...

– Встань, встань, – поморщился король.

Генрих не отводил глаз от барбакана, который теперь выглядел лишь беспорядочной кучей земли, возвышающейся над частоколом разбитых бревен.

– Барбакан надо взять, – пробормотал король, обращаясь к самому себе.

Хук теперь напряженно оглядывал бастион, стараясь не упустить из виду даже мельчайшее движение, которое выдало бы арбалетчика. Впрочем, к закату французы притихли, как обычно в последнее время, пушки и катапульты стояли без движения, и королю вряд ли что-то грозило.

– Помню, как в первый день осады звонили все церковные колокола, – произнес Генрих задумчиво, словно пытался разрешить загадку. – Я подумал тогда, что Гарфлёр заявляет о неповиновении, а потом оказалось, что в городе хоронят павших. Теперь колокола молчат.

– Слишком много убитых, государь, – неловко поддержал разговор Хук. В присутствии короля мысли почему-то путались. – А может, колоколов больше нет.

– Нужно скорее заканчивать осаду, – твердо произнес Генрих, отступая от парапета. – Твой святой по-прежнему с тобой разговаривает?

Король его не забыл!.. Хук от изумления не вымолвил ни слова, лишь кивнул.

– Хорошо. Если Господь за нас, мы непобедимы. Запомни! – Генрих улыбнулся краем губ. – Значит, мы их одолеем!

Последние слова король произнес тихо, словно самому себе, и тут же, повернувшись, пошел вдоль траншеи к укрытию, где его ждала стража.

Хук отправился спать.

На следующее утро от пушечного выстрела задрожала земля.

В дальнем конце подземного хода – куда сэр Джон вновь привел Хука послушать, близко ли подобрались французы, – содрогнулся грунт и замигали неверные огоньки тростниковых свечей. Сжавшись в полутьме, все напряженно слушали. Кто-то из рабочих закашлялся, и Хук замер, пережидая гулкое эхо, чтобы вновь припасть ухом к земле.

Загрохотал второй выстрел, вновь заметались языки свечей, в жижу под ногами посыпались комья грунта и меловая пыль. Вслед пушечному рокоту раздался странный гул и треск, словно дубовые бревна, подпирающие свод, прогибались под весом давящей на них земли.

– Хук, что там? – окликнул лучника сэр Джон.

До слуха Ника донесся едва слышный скрежет – настолько тихий, что Хук даже засомневался, не мерещится ли ему, – однако затем что-то приглушенно треснуло, и наступила тишина, которую через миг нарушил тот же скрежет – на этот раз ясно различимый. Под беспокойными взглядами рабочих Хук шагнул к дальнему концу туннеля и прижал ухо к меловой стене.

Скрежет.

Хук взглянул на Давидда ап Трехерна.

– Как вы сейчас работаете?

– Как обычно, – ответил озадаченный валлиец.

– Покажите.

Валлиец, подхватив кирку, подошел к стене и, вместо того чтобы размахнуться и рубануть острой лопастью по толще мягкой породы, провел киркой по узкой трещине, углубляя разлом, а затем вставил лопасть в образовавшуюся щель и попытался, действуя киркой как рычагом, выломать кусок покрупнее. Однако разлом оказался неглубоким, и мастер вновь принялся царапать породу острым краем кирки, расширяя щель. Он работал тихо, чтобы не спугнуть французов – ведь туннель подошел уже к самым стенам города, – и Хук понял, что доносящийся издали звук был точно таким же. Французы, роющие встречный туннель, тоже старались не шуметь.

– Они близко, – сказал Хук.

– Cymorth ni, O Arglwydd [\[21\]](#), – пробормотал рабочий-валлиец и перекрестился.

– Насколько близко? – требовательно спросил сэр Джон, оставив без внимания молитву о Божьей помощи.

– Неизвестно, сэр Джон.

– Черт бы подрал проклятых подонков, – плюнул тот.

– Может, их туннель пройдет выше нашего, – предположил Давидд ап Трехерн. – Или ниже...

– Когда они подойдут ближе, вы услышите, – заверил его Хук. – Скрежет станет громче.

– Скрежет? – переспросил валлиец.

– Звук, что сейчас слышен.

– Им осталось прорубить несколько футов, – мрачно проронил Давидд ап Трехерн. – И враги обрушатся на нас как демоны.

– Здесь их будут ждать демоны не хуже! – рявкнул командующий. – Туннель нам важен, и мы его не бросим! Будем драться с выродками под землей. Тогда не придется их еще и хоронить!

Длинные боевые луки не годились для низкого туннеля, и в полдень сэр Джон принес полдюжины арбалетов.

– Если французы прорвутся, открывайте стрельбу, – велел он Хуку. – А потом деритесь алебардами.

Скрежет все усиливался, и Давидд ап Трехерн решил, что осторожничать больше незачем. Валлийцы принялись рубить породу в полную силу, с грохотом круша стену в облаке окутавшей их меловой пыли. Кирка то и дело ударяла в кремневые вкрапления, высекая яростные искры, пронзающие полумрак туннеля. Хуку они казались похожими на падающие звезды, и он вспомнил, как бабка при виде летящих звезд всегда крестилась и спешила произнести молитву, считая, что стремительная звезда скорее донесет ее до цели. Закрыв глаза, он молился за Мелисанду и отца Кристофера и еще за Майкла, своего младшего брата, радуясь, что тот по-прежнему в Англии, где нет Перрилов и их сумасшедшего отца-священника.

– Еще день работы – и можно расширять туннель под камеру, – прервал его воспоминания Давидд ап Трехерн. – Тогда башня обрушится не хуже иерихонских стен!

Латники и стрелки сидели в дальней части туннеля, то и дело поджимая ноги и пропуская рабочих, которые выносили лишний грунт и затаскивали в туннель новые бревна, которые будут поддерживать свод. Звук, идущий от французов, теперь слышался яснее, страшнее и неотвратимее. Он доносился с севера, откуда враг вел встречный подкоп. Сидя в пыльной полутьме, озаряемой лишь мечущимися огоньками светильников, Хук не отводил взгляда от дальней стены, которая в любой миг могла разверзнуться и выпустить в подземный мрак толпу закованных в латы вражеских воинов. Сам сэр Джон, мрачный и сосредоточенный, чуть не полдня просидел в туннеле с мечом наготове.

– Врага надо загнать обратно в нору, а потом обрушить над ними свод, – буркнул он. – Проклятье, откуда ж такая вонь? Как в помойной яме.

– А тут и есть помойная яма, – заметил Давидд ап Трехерн.

Болезнь добралась и до рабочих, жижка под ногами становилась все более зловонной от испражнений.

Ближе к вечеру сэр Джон ушел, а через час прислал новых людей на смену охране. Новые стражники, пригибаясь под низким сводом, остановились на пороге, их мечущиеся в полутьме тени казались огромными.

– Силы небесные! – пророкотал чей-то голос. – Чем тут дышать?

– Арбалеты для нас есть? – спросил другой.

– Есть, – объявил Хук. – И даже взведенные.

– Оставьте нам! – велел латник и взгляделся в стрелков. – Хук! Неужели?

– Сэр Эдвард! – улыбнулся Ник, поднимаясь и откладывая арбалет.

– Вот так встреча! – расплылся в ответной улыбке сэр Эдвард Дервент – латник лорда Слейтона, когда-то в Лондоне спасший Ника от господского суда и неминуемого наказания. – Я слыхал, что ты здесь. Как дела?

– Пока жив, сэр Эдвард, – ухмыльнулся Ник.

– Слава богу! Хотя уж Он-то наверняка знает, чего стоит здесь выжить. – Повернув к стене изуродованное шрамами лицо, затененное шлемом, сэр Эдвард прислушался к скрежету. – Французы совсем близко!

– Похоже на то, – кивнул Хук.

– Не верьте слуху, – вмешался Давидд ап Трехерн. – Может, до врага еще дюжина шагов: под землей звуки обманчивы.

– Значит, французы могут оказаться и в пяди от нас? – мрачно осведомился сэр Эдвард.

– Именно, – подтвердил валлиец.

Сэр Эдвард глянул на взведенные арбалеты:

– А наше дело – встретить их стрельбой и перебить?

– Ваше дело – сохранить мне жизнь! – заявил Давидд ап Трехерн. – А вы загородили весь проход! Вас слишком много! Нам еще работать и работать!

Увидев, что латники сэра Джона вышли, Хук велел своим стрелкам уходить и обернулся к сэру Эдварду:

– Пусть ночь пройдет спокойно!

– Боже, услышь его молитву! – улыбнулся сэр Эдвард. – Рад был тебя повидать, Хук.

– Я тоже счастлив увидеться, сэр Эдвард. Спасибо вам.

– Ступай отдыхать, парень, – добродушно отозвался тот.

Хук кивнул, перехватил алебарду поудобнее и, попрощавшись с Давиддом ап Трехерном, стал протискиваться к выходу мимо людей сэра Эдварда. Кто-то подставил ему подножку. Хук разглядел длинный подбородок и запавшие глаза – и в полутьме ему на миг привиделся сэр Мартин, однако тут же стало ясно, что перед ним старший отпрыск священника, Том Перрил. Тут же у стены стоял и его братец, склонившись под низким сводом. Хук прошел мимо, зная, что в присутствии сэра Эдварда его тронуть не посмеют.

Устало бредя по туннелю навстречу дневному свету, уже переходящему в сумерки, Хук думал о Мелисанде, о приготовленном ею горячем ужине, о вечерних песнях у костра, как вдруг мир вокруг него рухнул.

Громовой гул, начавшийся за спиной, мгновенно перешел в грохот. И тут же раздался треск, словно лопнула сама земля. Темные клубы пыли, летящие из глубины туннеля к выходу, зловещим облаком заполнили весь проход, человеческие фигуры во тьме казались грозными призраками. Откуда-то долетели крики и звяканье стали о доспехи – и вопль. Первый вопль.

Французы прорвались в туннель.

Хук ринулся было назад, где слышались звуки сражения, однако вспомнил о бочках – может, еще удастся перегородить выход? – и на мгновение замер. Из тьмы донесся вопль, скорее похожий на дикий визг кастрируемого животного, раздался грохот – и с потолка повалились вниз люди. Прежде чем Хука накрыло облаком пыли, он успел заметить рванувшегося к нему латника в покрытых мелом и землей доспехах, с двуручным мечом наготове и с опущенным забралом. Среди пыльного полумрака латник казался гигантским призраком, вышедшим из глубин ада, из кромешных недр ночных кошмаров. Оцепеневший Хук опомнился лишь тогда, когда латник с криком бросился на него, целя мечом в живот. Хук, увернувшись, успел ударить алебардой в защищенное сталью лицо. Копейный наконечник лишь

скользнул по свинорылому забралу, зато верхний конец тяжелого молота продавил металл и вдвинулся внутрь шлема. Из-под забрала хлынула кровь, гигант пошатнулся. Хук, припомнив уроки сэра Джона, подскочил к латнику вплотную, чтобы не дать места для размаха мечом, и ударил его алебардой как дубиной. Латник упал, и Хук, которому низкий свод не позволял замахнуться, изо всех сил ударил клинком алебарды в правый локоть врага и следующим ударом вонзил наконечник в щель между шлемом и панцирем – в шею, прикрытую кольчужным капюшоном. Стальное острие, легко пройдя сквозь кольчужные звенья, вонзилось французу в горло, и латник, уже не казавшийся гигантом, осел на пол туннеля, заливая белый меловой пол черной кровью.

Проход наполнился людьми, отовсюду неслись звуки боя. Выдернув алебарду из-под доспехов умирающего француза, Хук острым наконечником ударил следующего врага. Клинок, взрезав налатник с незнакомым гербом, скользнул по кирасе. Обратив к Хуку острое выступающее забрало, француз размахнулся мечом, но задел деревянную подпорку, поддерживающую свод, и Хук, пользуясь мгновением, метнулся вперед, крюком алебарды зацепил врага за щиколотку и что есть силы дернул на себя. Француз упал. Из прохода возник рабочий-валлиец. Он едва стоял на ногах, из распоротого брюха вываливались кишки. Хук плечом отодвинул его в сторону и наконечником ударил лежащего француза так, чтобы угодить под кирасу и вспороть узким клинком живот и грудь. Очередной клубок сражающихся отбросил лучника назад: люди лорда Слейтона теснили французов, то и дело оскальзываясь в липкой жиже и спотыкаясь о тела убитых и умирающих. Двое французских латников прижали Хука к стене, и ему вновь пришлось орудовать алебардой как дубиной. Потом его врагов оттеснили в сторону рабочие и стрелки, бегущие к выходу.

– Задержать французов! – донесся из туннеля голос сэра Эдварда.

Бочки!.. Не дожидаясь, пока на него снова нападут, Хук помчался наружу, к выстроенному у входа укрытию, как вдруг на подъеме кто-то подставил ему подножку, и он с размаху рухнул на меловой пол. Отпрянув в сторону, он попробовал было встать, но тут его ударили сапогом в живот. Хук, перевернувшись, увидел над собой Тома и Роберта Перрилов.

– Быстрее! – заорал на брата Том.

Роберт перехватил меч острием вниз и нацелил его в горло Нику.

– А твоя баба достанется мне! – бросил Хуку Том Перрил сквозь крики и вопли, отдающиеся эхом от стен туннеля.

Со стороны выхода неслись звуки сражения: напавшие бились с захваченными врасплох защитниками подкопа.

Меч Тома Перрила пошел вниз – и Хук, перекатившись, резко бросился под ноги братьям. Роберт отлетел к дальней стене, а Томас Перрил просто сбежал, увидев поднимающегося Хука, все еще сжимающего в руке алебарду.

– Трус! – крикнул ему вслед Хук и обернулся взглянуть на Роберта, который беспорядочно молотил мечом по полу и вопил не переставая. Хук вдруг понял почему: вокруг них содрогалась земля. Вопль Перрила смешивался с другим воплем – тонким, как стальное лезвие, звучащим в мозгу Ника.

– На пол! – велел святой Криспиниан.

Земля ощутимо тряслась, тонкий вопль почти терялся в громовых раскатах, звучащих на этот раз не с неба, а из земных недр. И Хук послушно вжался в пол рядом с Перрилом в тот самый миг, когда рухнул свод туннеля.

И потянулась вечность – лишь лопались от напора бревна, давил на уши гул и рокот, валились сверху

пласты земли...

Хук закрыл глаза. В мозгу вновь зазвучал тонкий вопль – его собственный вопль, порожденный ужасом и смертным страхом. Легкие забивала пыль. В Судный день, как говорили Хуку в детстве, земля отпустит мертвых, и они восстанут из могил во плоти, обратившись лицом на восток, к сияющему граду Иерусалиму. Восточный край неба заблещет ярче солнца, и воскресшие исполнятся великого ужаса, ослепленные светом новых небес. Священники же, которых хоронят ногами на запад, поднимутся из могил лицом к испуганной пастве и обратятся к народу со словами увещевания и утешения. И теперь, когда Хук оказался засыпан землей почти как в могиле, он не мог отделаться от мысли о сэре Мартине. Неужели эта хмурая перекошенная физиономия будет маячить перед ним даже в последний час, когда небеса исполнятся трубным гласом и Господь явится во всей славе, дабы принять Свой народ...

Рухнула потолочная балка, посыпалась земля. Гул все не смолкал, вопль в мозгу Ника утих до слабого стога.

И настала тишина.

Внезапное, беспросветное, совершенное безмолвие.

Ник перевел дух.

– Боже... – простонал Роберт Перрил.

На спину Хуку давило что-то тяжелое и неподвижное, хотя и не грозящее немедленно его расплющить. Вокруг стоял непроницаемый мрак.

– Боже, помоги, – повторил Перрил.

Земля вновь содрогнулась, послышался глухой удар. По звуку Хук угадал пушечный выстрел и затем расслышал голоса где-то вдалеке. Рот оказался забит песком, пришлось сплюнуть.

Выпустив из руки безнадежно застрявшую под завалом алебарду, Хук ощупал узкое пространство вокруг себя, попутно наткнувшись ладонью на голову Перрила.

– Помоги, – заскулил тот.

Хук промолчал.

Позади он обнаружил бревно из тех, что поддерживали свод туннеля: при падении ствол застыл наклоненным, прикрыв Хука и оставив ему возможность дышать. Этот-то ствол и давил ему на спину.

– Что теперь делать? – вслух спросил Ник.

– Поверхность близко, – отозвался святой Криспиниан.

– Помоги мне! – ответил Перрил.

«Если я шевельнусь, то умру», – подумал Хук.

– Ник! Помоги мне! – повторил Перрил. – Пожалуйста!

– Выбирайся наверх, – велел святой Криспиниан.

– Выкажи какую-никакую смелость, – знакомым резким голосом поддержал его святой Криспин.

– Ради бога, помоги! – простонал Перрил.

– Сдвинься вправо и ничего не бойся, – посоветовал святой Криспиниан.

Хук осторожно шевельнулся. Посыпалась земля.

– Теперь выкапывайся, – не отступал святой Криспиниан. – Как крот.

– Кроты тоже гибнут, – ответил Хук и собрался было рассказать, как охотники перекрывают кротам ход и потом выкапывают испуганных зверьков, однако святой не намеревался терять время.

– Ты не погибнешь, – нетерпеливо бросил он. – Выбирайся.

Хук, привстав, начал обеими руками раскапывать грунт над головой. Земля сыпалась сверху, забивала рот и не давала кричать от ужаса, хотя очень хотелось. Хук из последних сил выпрямлялся, упираясь ногами в пол туннеля, уверенный, что здесь ему и умереть, – и вдруг обнаружил, что дышит свежим воздухом. Могила оказалась неглубокой – лишь тонкий покров обвалившегося грунта, – и теперь, наполовину выбравшись из земли, Хук с удивлением увидел, что сумерки даже не успели перейти в ночь. Небо было ясным. То, что Хук поначалу принял за звуки дождя, оказалось стуком арбалетных стрел: французы, укрываясь за остатками барбакана и развалинами городской стены, метили по англичанам, стоило лишь тем показаться из траншей рядом с бревенчатым укрытием.

Хук, стоя по пояс в земле, потянулся вниз и, нащупав у правой ноги кожаную куртку Роберта Перрила, вытащил хрипящего лучника за шиворот под темнеющее небо. Арбалетная стрела ударила в нескольких дюймах от Хука. Он замер и огляделся.

Коридор, в котором он стоял, теперь выглядел как глубокая неровная траншея. Ликующие защитники города, видевшие обвал подкопа, обстреливали из арбалетов всех тех, кто пытался подобраться к туннелю и спасти уцелевших при обвале.

– Боже... – выдохнул Роберт Перрил.

– Ты жив, – заметил Хук.

– Ник?..

– Надо переждать.

Роберт Перрил закашлялся и выплюнул изо рта землю.

– Ждать?

– До темноты. Иначе застрелят.

– А где мой брат?

– Сбежал, – отрезал Хук.

Интересно, что стало с сэром Эдвардом? Рухнула ли дальняя часть подкопа? Враги, судя по всему, вели подземный ход поверх английского туннеля, а потом провалились вниз. Хук представил себе внезапный бой и смерть в кромешной тьме, в вырытой своими руками могиле...

– Ты хотел меня убить, – заметил он Роберту Перрилу.

Тот все еще полулежал на полу траншеи, по пояс засыпанный землей. Меч он потерял.

Перрил не ответил.

– Ты хотел меня убить, – повторил Хук.

– Не я. Брат.

– Мечом в меня целил ты, а не брат.

Перрил обтер землю с лица.

– Прости, Ник.

Ник фыркнул и промолчал.

– Сэр Мартин обещал нам заплатить, – признался Перрил.

– Ваш отец? – ухмыльнулся Хук.

Перрил, колебавшись, кивнул:

– Да.

– Он меня ненавидит?

– Твоя мать ему отказала, – объяснил Перрил.

Хук засмеялся:

– А твоя отдалась, как последняя шлюха.

– Он ее уверил, что она пойдет в рай. Мол, переспать со священником – это добродетель. Так и сказал.

– Он сумасшедший.

– Он ей платил – и тогда, и сейчас, – ушел от ответа Перрил. – И нам обещал денег.

– За то, чтобы меня убить? – спросил Хук.

Французы изо всех сил старались за сэра Мартина: арбалетные стрелы то и дело свистели в воздухе, перелетая через обрушенный туннель, теперь ставший траншеей.

– Ему нужна твоя женщина.

– И сколько он вам даст?

– По марке каждому, – с готовностью объявил Перрил в надежде, что признание ему поможет.

Марка. Сто шестьдесят пенсов, на двоих триста двадцать – жалованье лучника за пятьдесят три дня. Цена жизни Хука и унижения Мелисанды.

– Значит, ты должен меня убить, а потом забрать девушку?

– Так хочет сэр Мартин.

– Сдуревший мерзавец.

– Он бывает и добрым. – В голосе Перрила послышалось умиление. – Помнишь дочку Джона Латтока?

– Еще бы.

– Он ее увез, а потом заплатил Джону, дал денег на приданое!

– Сто шестьдесят пенсов за изнасилование?

– Нет! – озадаченно возразил Перрил. – Два фунта, не меньше! Джон считал, что ему повезло.

Стремительно темнело. Французы, чьи заряженные пушки целый день только и ждали, когда встречный подкоп наткнется на английский туннель, теперь слали со стен Гарфлёра ядро за ядром. Пушечный дым клубился как грозовые тучи, затемняя и без того потемневшее небо, каменные ядра одно за другим с глухим стуком отскакивали от крепкого парапета.

– Роберт! – донесся голос со стороны укрытия.

– Это Том! – оживился Роберт Перрил, узнав голос брата, и уже набрал в грудь воздуха, чтобы ответить, однако Хук закрыл ему рот ладонью, рывкнув:

– Помалкивай!

Арбалетная стрела, влетев в траншею, ударилась о кольчугу Хука и отлетела прочь. Другая угодила в кремневую породу, посыпались искры.

– И что теперь? – спросил Хук, отнимая ладонь от рта Перрилла.

– То есть как?

– Я тебя спасу, а ты будешь меня выслеживать, чтобы убить?

– Нет! – запротестовал Перрил. – Вытащи меня, Ник! Я даже двинуться не могу!

– Что теперь? – повторил Ник.

Арбалетные стрелы стучали по бревенчатому укрытию, как частый град по деревянной крыше.

– Я не буду тебя убивать! – пообещал Перрил.

– Что теперь?

– Вытащи меня, Ник, пожалуйста! – не отставал Перрил.

– Я говорю не с тобой. Что мне делать?

– А как ты думаешь? – Знакомый резкий голос святого Криспина прозвучал издевательски.

– Это убийство! – заметил Хук.

– Я не стану тебя убивать! – повторил Перрил.

– Неужели мы спасали девушку для того, чтобы теперь ее изнасиловали? – спросил святой Криспиниан.

– Вытащи меня из этого дерьма! – взмолился Перрил. – Пожалуйста!

Хук дотянулся до арбалетной стрелы, упавшей ближе всех – в локоть длиной, в два пальца толщиной, с жесткими кожаными лопастями вместо оперения. Наконечник, хоть и тронутый ржавчиной, оставался острым.

Убить Перрилла оказалось легче легкого. Стукнув его по голове и не дожидаясь, пока тот отойдет от удара, Хук вогнал ему стрелу прямо в глаз. Стрела пошла легко, чуть задев кость у глазницы. Хук давил на толстое древко до тех пор, пока ржавое острие, пройдя сквозь мозг, не уперлось изнутри в заднюю стенку черепа. Судороги, хрип, дрожь продолжались недолго – смерть не заставила себя ждать.

– Роберт! – крикнул Том Перрил со стороны укрытия.

Тяжелый снаряд стрелометной машины ударил в каменную печь, торчащую среди обгорелых остатков какого-то дома, и, отскочив, перелетел далеко за английские траншеи. Хук вытер о рубаху убитого правую руку, вымазанную сочившейся из глаза Перрилла слезью, и выбрался из-под засыпавшей его земли. Близились ночь, из-за орудийного дыма сумерки казались гуще. Хук, переступив через Перрилла, побрел на затекших ногах к укрытию. Вокруг сыпались арбалетные стрелы, но Хука шатало так, что целиться в него было невозможно, поэтому до укрытия он добрался невредимым и, пройдя вдоль стены, опустился наконец в защищенную траншею. Увидев в отблесках светильников его лицо, покрытое коркой грязи, солдаты замолчали.

– Сколько еще выжило? – спросил кто-то из латников.

– Не знаю, – выдавил из себя Хук.

– Держи. – Какой-то священник сунул ему в руки кружку пива, и Хук жадно к ней припал: он и не подозревал, как хотелось пить.

– Где мой брат? – спросил сидевший здесь же Томас Перрил.

– Убило арбалетной стрелой, – коротко ответил Хук, взглянув в его длинное лицо, и безжалостно добавил: – Прямо в глаз.

Перрил застыл, не сводя с него взгляда, но тут сквозь кучку солдат протиснулся сэр Джон Корнуолл.

– Хук!

– Жив, сэр Джон.

– По тебе не скажешь. Пойдем. – Командующий, подхватив Хука под руку, повел его к лагерю. – Что там стряслось?

– Французы нагрянули сверху. Я шел к выходу, обвалилась крыша.

– Обвалилась над тобой?

– Да, сэр Джон.

– Тебя явно кто-то любит, Хук.

– Святой Криспиниан, – кивнул лучник и в тот же миг увидел в свете костра Мелисанду, которая бросилась к нему с объятиями.

А потом, в темноте, ему снились кошмары.

На следующее утро люди сэра Джона стали умирать. Болезнь, обращающая кишки в грязное вместилище мутной жижи, первыми унесла двоих стрелков и латника. Умерла Алиса Годвайн. От того же недуга мучились еще дюжина латников и десятка два стрелков. Чума уничтожала армию, над лагерем стоял запах дерьма, а французы каждую ночь возводили стены все выше. На рассвете англичане из последних сил тянулись к орудийным окопам и траншеям, где их все так же одолевали рвота и понос.

Отец Кристофер тоже заболел. Мелисанда нашла его в палатке, бледного и дрожащего. Он лежал в собственных нечистотах и от слабости не мог двинуться.

– Я ел орехи, – выговорил он.

– Орехи?

– Les noix, – повторил он по-французски голосом, скорее звучавшим как слабый стон. – Я не знал.

– Не знал чего?

– Лекари потом сказали, что орехи и капусту есть нельзя. Когда вокруг болезнь. Я ел орехи.

Мелисанда его вымыла.

– Я только сильнее заболею, – жалобно простонал священник, не в силах ей помешать.

Девушка принесла ему одеяло, хотя днем, когда жара делалась невыносимой, он все равно его сбрасывал. Низина вокруг Гарфлёра все еще оставалась затопленной, над водой стояло знойное марево, воздух казался густым и тягучим, как пар. Английские пушки не смолкали, хотя выстрелы стали реже: пушкарей-голландцев тоже одолевал недуг, который не обошел никого – ни королевскую челядь, ни высокородных лордов. Над английским лагерем реяли темные крылья ангелов смерти.

Мелисанда вываривала ежевику с ячменными зернами, выпрошенными у поваров сэра Джона, добавляла мед и с ложки кормила отваром отца Кристофера.

– Я умру, – слабо протестовал он.

– Не умрете, – убежденно возражала девушка.

Отца Кристофера навестил личный лекарь его величества, мастер Колнет – серьезный и бледный молодой человек, который, поняв его выделения, не огласил никакого вердикта, лишь споро вскрыл вены на руке и обильно пустил кровь.

– Заботы девушки вам не повредят, – объявил он.

– Благослови ее Господь, – еле слышно прошептал священник.

– Король прислал вам вина.

– Передайте мою благодарность его величеству.

– Отличное вино, – заметил Колнет, привычно перевязывая надрезанную руку, – хотя епископу не помогло.

– Бангор умер?

– Не Бангор, Норидж. Вчера.

– Боже милостивый! – простонал отец Кристофер.

– Я тоже пускал ему кровь, – добавил лекарь. – Думал, он выживет, однако Бог судил иначе. Я вернусь завтра.

Тело епископа Нориджа расчленили и выварили в огромном котле, чтобы отделить плоть от костей. Затем густую дымящуюся жидкость слили, а кости обернули льняной тканью и прибили гвоздями ко дну гроба, который отвезли на берег. Оттуда епископа отправят в Англию, чтобы похоронить в той самой епархии, которой он так старательно избегал при жизни. Остальных умерших опускали в ямы, вырытые на возвышенностях, где вода не заливала могилы. Однако людей умирало все больше, и со временем трупы стали свозить на берег и сбрасывать в мелкие заводы – на откуп диким псам, чайкам и вечности. Лагерь наполнился запахом мертвечины, едкой вонью испражнений и дымным чадом пожарищ.

На третье утро после обвала туннеля вдруг заговорили пушки на городских стенах: гарнизон зарядил разом все орудия и теперь палил по англичанам единым залпом, так что весь Гарфлёр заволокло дымом. Защитники, стоя на стенах разбитого города, вопили от радости и глумливо размахивали флагами.

– К ним пробился корабль, – объяснил сэр Джон.

– Корабль? – переспросил Хук.

– Не говори мне, что не знаешь этого слова.

– Но как?

– А так, что наш доблестный флот все проспал! Теперь у чертовых вырожденков есть еда, будь они прокляты!

Хуку стало казаться, что Бог перешел на сторону французов. Укрепления Гарфлёра, порушенные и разбитые, теперь обновлялись и отстраивались, вместо старых стен вставляли новые, гарнизон каждую ночь углублял защитный ров и возводил новые преграды на месте брешей. Арбалетные стрелы летели все так же густо: то ли в городе их было в изобилии, то ли прорвавшийся сквозь блокаду корабль привез запас новых.

Англичан же по-прежнему одолевала хворь.

– Как он себя чувствует? – спросил у Мелисанды сэр Джон, заглянувший в палатку священника.

Девушка пожала плечами. Хук сказал бы, что живые так не выглядят: отец Кристофер, мертвенно-

бледный, неподвижно лежал на спине, бессильно приоткрыв рот.

– Дышит? – уточнил сэра Джон.

Мелисанда кивнула.

– Помоги нам, Господи, – прошептал командующий, вылезая из палатки и устремляя взгляд на Гарфлёр. – Помоги, Господи.

Город, которому пристало бы сдаться на милость победителя еще полмесяца назад, по-прежнему стоял непокоренный, за развалинами стен и сторожевых башен скрывая свежие укрепления.

Были, правда, и хорошие вести. Сэр Эдвард Дервент и Давидд ап Трехерн, которых обвал застиг в дальнем конце туннеля, попали в плен к французам. Об этом рассказали герольды, вернувшиеся после очередной бесплодной попытки уговорить гарнизон сдаться. Разрушенный подземный ход пришлось бросить, хотя у восточной окраины Гарфлёра, где осадой руководил брат короля, подкопы под стены вели по-прежнему. Радовало одно: французские войска не пытались помогать осажденному городу. Дозоры, рассылаемые англичанами, не встречали и отдаленного намека на приближение армии, посланной разбить ослабленных болезнью англичан. Гарфлёр был предоставлен сам себе, хотя теперь становилось ясно, что осаждающие погибнут первыми.

– Сколько денег, сколько усилий! – мрачно бросил как-то сэра Джон. – И все для того, чтобы пройти от берега пару миль и заполучить во владение могилы да ямы с дерьмом!

– Тогда зачем мы тут сидим? – спросил Хук. – Почему не уходим?

– Дурацкий вопрос. А вдруг город завтра сдастся? Весь мир за нами следит. Прекратить осаду – признаться в слабости. Если оставить Гарфлёр и идти вглубь страны, то французам можно и не встретить: битв с английской армией они боятся, будут отсиживаться по крепостям. Значит, мы просто променяем одну осаду на другую. Нет уж, надо взять этот проклятый Гарфлёр.

– Тогда почему мы не нападаем?

– Слишком большие будут потери. Представь, Хук: арбалеты, катапульты, пушки – все это стреляет в нас, стоит только приблизиться. Пока мы засыпаем канаву, нас убивают. Перебираемся через разваленную стену – натыкаемся на новый ров и новую стену, и в нас снова бьют из арбалетов, пушек и катапульт. Потерять сотню убитыми и четыре сотни ранеными – не для нас. Мы пришли завоевать Францию, а не сдохнуть в яме с протухшим дерьмом. – Сэр Джон пнул комок земли и взглянул на море, где шесть английских кораблей становились на якорь поблизости от входа в гавань. – Командуй я гарнизоном Гарфлёра, я бы знал, что делать, – договорил он мрачно.

– Что?

– Нападать. Бить нас, пока мы бессильны. Можно разглагольствовать о рыцарстве и поступать по-рыцарски – мы так учтиво сражаемся, Хук! Однако для победы надо драться по-другому.

– Драться бесчестно?

– Драться подло. Драться зверски, забыв, к дьяволу, всю рыцарственность. Он не дурак.

– Дьявол?

Сэр Джон покачал головой:

– Нет, Рауль де Гокур. Командующий гарнизоном. – Сэр Джон кивнул на Гарфлёр. – Он не только джентльмен, Хук, он еще и боец. Будь я Раулем де Гокуром, я бы вытряс из нас дерьмо не задумываясь.

На следующий же день Рауль де Гокур принялся за дело.

Глава седьмая

– Ник, проснись! – орал сентенар Томас Эвелголд, колотя в стену хижины так, что на Хука с Мелисандой сыпались сухие листья и клочья дерна. – Просыпайся, нелегкая тебя поберет!

Хук, открыв глаза, уставился в темноту.

– Том! – крикнул он, но Эвелголд уже умчался будить остальных лучников.

Другой голос уже сзывал всех на сбор:

– Доспехи! Оружие! Скорее! Проклятье, скорее же! Шевелитесь!

– Что случилось? – спросила Мелисанда.

– Не знаю. – Хук ощупью нашел кольчугу с резко пахнущей кожаной подкладкой и теперь натягивал ее через голову. – Где пояс с ножнами?

– Держи. – Мелисанда привстала на коленях, в ее широко раскрытых глазах отражалось пламя зажженных снаружи костров.

Хук накинул короткий налатник с крестом святого Георгия – отличительным знаком английского войска – и натянул сапоги, купленные еще в Суассоне. Когда-то крепкие, теперь они начали разъезжаться по швам. Застегнув пояс, он расчехлил лук, подхватил мешок со стрелами и закинул за плечо алебарду на кожаном ремне.

– Я вернусь, – бросил он Мелисанде, ныряя в темноту.

– Casque!^[22] – крикнула она вслед. – Casque!

Он взял из ее рук шлем и, подчиняясь внезапному порыву, обернулся было сказать «я тебя люблю», однако Мелисанда уже исчезла в хижине, и он промолчал.

Ночь близилась к концу, звезды на предрассветном небе бледнели. У непокорного города царила суматоха – костры у осадных сооружений вспыхивали ярче обычного, отбрасывая на искореженную землю гигантские тени.

– Ко мне! Ко мне! – сзывал воинов сэр Джон, стоящий у самого большого костра.

Стрелки собрались почти все, латники только начинали подтягиваться: надевать доспехи – дело долгое. Сэр Джон, чтобы не возиться с латами, накинул на себя лишь кольчугу и налатник, как лучники.

– Эвелголд! Хук! Мэгот! Канделер! Брютт! – выкликал командующий.

Уолтер Мэгот, Пирс Канделер и Томас Брютт тоже были винтенарами, как и Хук.

– Здесь, сэр Джон! – откликнулся Эвелголд.

– Мерзавцы затеяли вылазку! – рявкнул сэр Джон. Вот почему от передних траншей неслись крики и звон стали: гарнизон Гарфлёра решил напасть на укрытие и орудийные окопы. – Перебьем выродков! Вперед, на укрытие! Все, кроме Хука! Хук, «Дикарку» знаешь?

– Знаю, сэр Джон! – ответил Хук, подтягивая пряжку на поясе.

«Дикаркой» называли катапульту, монструозное деревянное сооружение, швыряющее камни в Гарфлёр с правого фланга английских войск, – из осадных орудий она стояла ближе всех к морю.

– Бери свой отряд и вперед к «Дикарке», – распорядился сэр Джон. – Оттуда к укрытию. Понял?

– Да, сэр Джон, – кивнул Ник.

Уперев лук в землю, он набросил петлю тетивы на верхний наконечник.

– Тогда ступай! Немедленно! – прорычал командующий. – Поубивать чертовых выродков! Где мое знамя? Почему нет знамени? Проклятье, дайте сюда знамя!

Из двадцати трех лучников, отданных под начало Хуку, в строю оставались шестнадцать, остальных семерых свалила либо смерть, либо болезнь. Теперь отряду в семнадцать человек предстояло пробиться сквозь траншеи и окопы, кишачие вражескими солдатами. Французы, наступавшие со стороны Лёрских ворот, захватили изрядную долю осадных сооружений, и по пути к южным укреплениям Хук замечал все новые костры, которые вспыхивали у английских оружейных окопов, в их свете мелькали человеческие фигуры. Дорогу то и дело пересекали отряды лучников и латников, бегущих к месту битвы, от окопов долетал звон мечей.

– Что надо делать, Ник? – спросил Уилл из Дейла.

– Выполнять приказ сэра Джона. Начать с «Дикарки» и пробиваться к укрытию.

Хук удивился собственному уверенному тону. Слов сэра Джона, невразумительных и поспешных, он толком не понял и слепо повел людей к «Дикарке», однако лишь теперь начал соображать, что же от него требуется. Сэр Джон собрал латников и оставил при себе почти всех стрелков – видимо, для нападения на укрытие, отбитое неприятелем. Но зачем отделять Хука? Очевидно, для защиты с фланга. Отряд сэра Джона, как загонщики на охоте, погонит дичь мимо Хука, и лучники ее расстреляют... Придя в восторг от простоты плана, Хук преисполнился гордостью: вместо того чтобы послать на дело Тома Эвелголда или кого-то из старших винтенаров, сэр Джон выбрал именно его!

Рядом с «Дикаркой» тоже горели костры, но не вражеские – обычные походные костры, у которых грелись стражники, охраняющие катапульту. Языки пламени освещали циклопический остов орудия и дюжину стрелков с натянутыми луками – ночных караульных. Едва завидев спускающихся по склону людей, они разом обернули луки против Никова отряда.

– Святой Георгий! – прокричал Хук. – Святой Георгий!

Луки опустились.

– Что происходит? – спросил кто-то из часовых.

Стража явно нервничала.

– Французы вырвались.

– Я видел, а сейчас-то что?

– Не знаю! – бросил Хук и обернулся пересчитать свой отряд.

Считал он старинным способом, называя числа давно забытыми словами, какими до сих пор исчисляли овец на севере Англии. Дойдя до полутора десятков, он огляделся в поисках последнего лучника – и вместо одного увидел двоих. Семнадцать? Семнадцатый, правда, оказался невысоким, хрупким и с арбалетом вместо лука.

– Бога ради, детка, уходи! – воскликнул Ник, однако тут же забыл про Мелисанду: по широкой траншее, которая вилась от «Дикарки» к ближайшему оружейному окопу, неслась толпа людей – факелы в их руках сыпали искрами, от шлемов, мечей и топоров отражались сполохи огня.

– Без крестов! – предупреждая крикнул Том Скарлет: на одежде бегущих не было креста святого Георгия.

При виде англичан, чьи силуэты вырисовывались на фоне горящих у «Дикарки» костров, французы

разразились криками:

– Сен-Дени! Гарфлёр!

– Луки к бою! – скомандовал Ник, и лучники привычно расступились, давая друг другу место для выстрела. – Бить насмерть!

На пятидесяти шагах, да еще замкнутые в траншее, французы становились легкой мишенью. Первые же стрелы попали в цель, при звуке выстрелов кличи смолкли. Пела тетива, стрелы с шумом вспарывали воздух, раз за разом мелькало в темноте белое оперение, вмиг становясь едва различимым пятнышком, которое резко замирало, когда стрела ударяла в тело. Время для Хука словно замедлилось: достать стрелу, наложить на цевье, вскинуть лук, натянуть тетиву, отпустить – ни беспокойства, ни азарта, ни страха. Он выбирал цель еще прежде, чем вытягивал стрелу из мешка, и знал, что выстрел придется в живот, и каждый раз выбранная жертва неминуемо сгибалась пополам, корчась в свете ночных костров.

Вражеский натиск разом иссяк, словно разбившись о каменную стену. Траншея, где могли пройти шестеро в ряд, вмиг оказалась перекрыта телами тех, кто шел впереди. Задние, спотыкаясь об упавших, точно так же попадали под град стрел. Тяжелые наконечники, даже если им не хватало силы пробить латы, ударом о доспехи опрокидывали воина на спину. Сумей враг развернуть строй в ширину, он уже добрался бы до «Дикарки», но французам, зажатым в траншее, некуда было деться от сыплющихся на них стрел, и враг, отчаявшись пробиться, повернул вспять, оставив за собой темную и местами шевелящуюся массу тел.

– Дентон! Фернейз! Кобболд! – выкрикнул Хук. – Добить выроdkов! Остальные со мной!

Трое названных, прыгнув в траншею, вытащили мечи и двинулись к раненым французам. Стоя наверху, Хук не снимал стрелу с лука. Вдали, вокруг укрытия, кипел бой. В широком окопе у самой большой пушки – огромной бомбарды, которую звали «Королевской дочерью», – полыхал костер, однако Хука это не касалось. Его дело – прикрывать сэра Джона с фланга.

Перед ним лежало бугристое поле, изрытое окопами и иссеченное ударами французских снарядов. В первых рассветных лучах стали видны торчащие на каждом шагу крупные булыжники от гарфлёрских катапульт и останки домов, сожженных при начале осады. Рядом с Хуком просвистела арбалетная стрела – не иначе как из ближайшего оружейного окопа, вырытого для пушки под названием «Избавитель».

– Уилл! Задай жару этим выроdkам!

– Каким?

– Захватившим «Избавителя»! – Хук, рванув за руку Уилла из Дейла, развернул его лицом к окопу – черному пятну тени в двадцати шагах за траншеей.

От гарфлёрских пушек и стрелометов орудие ограждал изобретательно сооруженный деревянный щит, возвышающийся перед дулом, но никакой щит не спас бы пушку от захвата врагом.

– Стреляй в окоп, чем чаще, тем лучше, – велел Хук Уиллу. – Доберемся до пушки – прекратишь.

Он подтолкнул к нему шестерых лучников и распорядился:

– Слушаться Уилла! А ты приглядывай за Мелисандой, – бросил он Уиллу. Девушка по-прежнему держалась вместе с отрядом. – Остальные – за мной!

Рядом свистнула очередная стрела, но теперь в лучников Хука попасть было сложно – Уилл из Дейла и полдюжины оставленных с ним стрелков устремились к окопу, а Хук уже бежал к «Избавителю». Спрыгнув в широкую траншею, он дождался остальных шестерых.

– Из луков не стрелять, – предупредил он.

– Как так? Мы же лучники! – буркнул Уилл Склейт, державшийся в отряде особняком.

Уилл, угрюмый тугодум, не умел ни оживить компанию, ни поддержать неистощимую болтовню стрелков. Рослый и крепкий сын крестьянина, выросший в поместье лорда Слейтона, он всю жизнь возделывал бы поля, не заметь его сэр Джон, который настоял на том, чтобы мальчишка выучился стрелять из лука. Жалованье лучника было много больше тех грошей, которые он получал бы за крестьянский труд, но пребывание в отряде его не изменило: Уилл Склейт оставался таким же неподатливым и жестким, как глинистые поля, которые он когда-то обрабатывал киркой и мотыгой.

– Ты солдат, – бросил ему Хук. – Будешь орудовать клинком.

– Что теперь? – спросил семнадцатилетний Джеффри Хоррокс, сын сокольничего, самый младший из лучников сэра Джона.

– Теперь – убивать выроdkов. – Хук вскинул лук на плечо и взял в руки алебарду. – За мной! Скорее!

Он перебрался через разбитый парапет траншеи, сооруженный из ивовых корзин с грунтом. Слева доносился тонкий звон тетивы: выстроившись у груды булыжников – остатков каменной печи, – семеро лучников Уилла из Дейла забрасывали стрелами освещенный кострами окоп у «Избавителя». Из окопа донесся крик-другой, затем железный наконечник царапнул бок пушечного дула. Каждую минуту во врага летело шесть или семь десятков стрел, в рассветных сумерках то и дело мелькало светлое оперение – смертельные жала сыпались в окоп, заставляя французов припадать к земле в поисках защиты.

Хук с остальными лучниками нагрянул сбоку. Французы, жмушиеся к стенам окопа под градом свистящих стрел, его не увидели. Массивный деревянный щит, надежно ограждавший пушку от гарфлёрских снарядов, не защищал от налетов с тыла, и стрелы Уилла беспрепятственно летели прямо в окоп. Перескакивая через боковой парапет, Хук молился лишь об одном: чтобы стрельба вовремя прекратилась.

Должно быть, Уилл дал команду остановиться: никого из людей Хука стрелами не задело. Лучники, с боевым кличем перемахивая через ивовые корзины вслед за Хуком, начали резню. Прыгая в окоп, Хук держал алебарду наготове, утяжеленный свинцом молот на обухе сразу же обрушился на шлем ближайшего француза, и Хук не столько увидел, сколько почувствовал, как от тяжелого удара сминается сталь, раздавливая череп и мозг жертвы. Справа поднялся было латник, но Склейт отбросил его небрежным ударом в тот самый миг, когда Хук, перепрыгнув через дуло «Избавителя», оказался по другую сторону пушки.

Ударившись о стенку окопа, он не устоял на ногах и тяжело рухнул на землю. Нахлынул страх от внезапного ощущения уязвимости, мелькнула мысль о перекинутом на спину луке – не сломался ли при падении, – однако, помимо страха Хуком овладел боевой азарт. В суматохе воплей, среди мелькания клинков и звона стали он не терял головы. Вскочив, он увидел француза, чей налатник изображал алое сердце, пронзенное пылающим копьём. В глазах под открытым забралом отражалось факельное пламя и плясал страх. И из-за этого страха Хук не чувствовал жалости. Убивай, или будешь убит – неустанно твердил сэр Джон, и Хук, перехватив алебарду обеими руками, набросился на латника, не обращая внимания на робкий взмах меча. Копейный наконечник ударил в живот, клинок проскрежетал по нижней кромке панциря и лязгнул о стальные пластины, наклепанные на кожаный набрюшник. Доспехи не выдержали напора, и Хук, не отводя взгляда от расширенных в ужасе глаз латника, вонзил алебарду в тело врага. Копейный наконечник, легко рассекший сталь вместе с кожаной подкладкой и надетой под доспех кольчугой, вошел в плоть, взрезал внутренности и ударился в позвоночник. Слабый стон француза потонул в оглушительном кличе Хука. Латника отбросило к стене. Насаженное на алебарду тело не давало высвободить оружие, и Хук, упершись сапогом в окровавленные доспехи, дернул алебарду что есть силы.

Клинок подался; латник бессильно упал на колени, и второго удара не потребовалось.

Хук развернулся, готовый к защите, однако бой почти иссяк. В окопе оказалось всего восемь французов. Должно быть, их оставил здесь основной отряд, направлявшийся к «Дикарке», а когда англичане начали лучный обстрел, про восьмерых попросту забыли. Их делом было вывести из строя пушку. Огромный топор, который для этого использовали, теперь лежал рядом с разбитой в щепки лебедкой, когда-то служившей для поднятия бревенчатого щита. Из восьмерых французов оставался в живых лишь один.

– Пушку топором не разбить! – насмешливо заметил Том Скарлет.

– Кто-нибудь ранен? – спросил Хук.

– Я лодыжку вывихнул, – доложил Хоррокс, едва дыша и тараща глаза то ли от удивления, то ли от страха.

– Заживет, – отмахнулся Хук. – Все здесь?

Все были на месте, и Уилл из Дейла уже несли к траншее с Мелисандой и своими шестью стрелками. Раненый француз, заскулив, подтянул ноги к животу. Из доспехов на нем была лишь кольчуга с подкладкой, и Уилл Склейт легко всадил ему в грудь топор. Льяная набивка поддоспешника выбилась наружу и немедленно пропиталась кровью, в прорехах виднелись клочья легких и раздробленные ребра, изо рта раненого сочилась кровь.

– Добейте, чтоб не мучился, – велел Хук. Лучники смотрели непонимающе. – Окаменели, что ли?

Хук, переступив через ближайший труп, вонзил наконечник алебарды в шею раненого, налег посильнее – и повторять приказ не пришлось.

Уилл из Дейла обвел взглядом следы побоища.

– Отвоевались, французские выродки! – произнес он в манере сэра Джона, стараясь говорить шутливо.

Мелисанда, застывшая у его плеча, молча глянула на умирающего француза, затем перевела взгляд на алебарду Хука и встретила глазами с Ником.

– Нечего было с нами идти, – бросил он.

– Мне нельзя в лагере, вдруг придет тот священник?

– Мы за ней приглядим, Ник, – вступился Уилл из Дейла. Наклонившись, он поднял ближайший факел, хотя на востоке уже разливалась заря и огни были не нужны. – Только посмотри, что они наделали!

Большим топором французы пытались разбить обручи, скрепляющие пушечное дуло. Два металлических обода им удалось прорубить насквозь, и теперь пушка была бесполезна: при выстреле она разлетится в куски, убив всех, кто рядом. Впрочем, Хука это не касалось.

– Обыщите французов, – велел он.

После первых стычек с врагом у убитых нашли серебряные цепи, монеты, пряжки и даже кинжал с украшенной камнями рукоятью. Все трофеи хранились в холщовом мешке из-под стрел, туда же теперь сыпали найденное в окопе.

– Дележом займемся позже, – объявил Хук. – Выбираемся. Луки к бою!

Он вскинул за плечо алебарду, подхватил уцелевший при падении лук, наложил стрелу на тетиву и вылез из окопа.

В серых сумерках, пронизанных полосами черного дыма, у окопа «Королевской дочери» и вблизи укрытия продолжалась битва. И окоп, и укрытие французам удалось занять, однако англичане, несущиеся со стороны лагеря, уже превосходили числом французский отряд и неуклонно теснили его. Раздался трубный призыв – сигнал французам прекращать бой и отходить к Гарфлёру. Бревна укрытия и подъемный щит перед пушечным дулом занимались огнем от зажженных французами костров, в мелькающих мечах латников то и дело отражалось пламя. Оглядевшись в поисках знамени сэра Джона, Хук увидел его отряд слева, у главной траншеи, – латники шли на левое крыло французам.

– Луки! – крикнул Ник, натягивая тетиву до уха.

Французы, получившие приказ возвращаться в город, не осмеливались повернуться спиной к англичанам и бились насмерть, пытались загнать отряд сэра Джона обратно в траншею и не подозревая, что с фланга они открыты.

– Целить точнее! – крикнул Хук: стрелы не должны попасть в своих.

Он отпустил тетиву и не успел вытащить вторую стрелу, как первая уже ударила в спину французам. Натягивая лук, он заметил, как вражеский латник, почуяв новую угрозу, обернулся в их сторону, – и в тот же миг Хук выпустил стрелу прямо ему в лицо. Враги, не в силах противостоять новой угрозе, пустились бежать.

Перед глазами Хука мелькнула арбалетная стрела, за спиной лучников ударило в землю каменное ядро от гарфлёрской пушки. Арбалетные стрелы летели криво и не попадали в намеченную цель. Хук успел подумать, что, должно быть, от неправильного хранения смялись кожаные лопасти, однако они сыпались густо, заполняя собой дымное пространство. Заметив на барбакане вражеского арбалетчика, Хук пустил в него стрелу и обернулся к своим:

– Прекратить стрельбу! Все к траншее!

Французы стремительно отступали, однако цель вылазки была достигнута: осадные укрепления удалось изрядно попортить. Три английские пушки, включая «Королевскую дочь», выведены из строя, парапеты по краям траншей сровнены с землей, погибли люди. Пока французские отряды перебирались через ров у побитого барбакана, с разрушенных городских стен в сторону англичан неслись глумливые выкрики и свист. Вслед французам еще летели стрелы, кое-кого сбросило на дно рва, но в общем вылазка удалась: английские укрепления полыхали огнем.

– Выродки! – только и повторял сэр Джон под насмешливые выкрики, несущиеся от города. – Напали на сонных! Выродки!

– «Дикарку» не тронули, – стоически отозвался Ник. – Хоть и сгубили «Избавителя».

– Мы их еще сгубим, чтоб им пусто было!

– И наших никого не задело, – добавил Хук.

– Мы их заденем, черт их дерит! – пообещал сэр Джон.

Осада и без того захлебывалась на глазах, а тут еще такая оплеуха... При виде пленного француза, которого столкнули в траншею, командующего передернуло, и Хуку показалось, что тут-то сэр Джон и выместит свою ярость, однако командующий заметил Мелисанду.

– Что ей тут делать, дерьмоголовый ты пень! – обрушился он на Хука. – Оторваться от бабы не можешь?

– Ник не виноват! – бесстрашно встряла Мелисанда. Она по-прежнему держала в руках арбалет, хотя ни разу из него не выстрелила. – Он меня прогонял!

Привычная галантность в обращении с женщинами взяла верх над гневом, и сэр Джон буркнул нечто похожее на извинение. Мелисанда в ответ зачастила по-французски, то и дело указывая на лагерь, и по мере ее рассказа к сэру Джону возвращалась прежняя ярость.

– Почему ты мне не сказал? – рявкнул он на Хука.

– О чем, сэр Джон?

– О священнике, что ей угрожал?

– За себя я бьюсь сам, – мрачно процедил Хук.

– Ну уж нет! – Сэр Джон вскинул руку в боевой перчатке и ткнул Ника в плечо. – Ты бьешься за меня, Хук, потому я тебе и плачу. А если ты бьешься за меня, то я бьюсь за тебя, ясно? Мы один отряд! – Последние слова сэр Джон крикнул так, что латники, стоявшие в траншее за полсотни ярдов, обернулись посмотреть. – Мы соратники! Кто задевает одного – тот задевает всех! Даже если твоя женщина пойдет нагая через всю армию, ее никто не посмеет тронуть невозбранно, потому что она с нами! Она из нашего отряда! Клянусь печенкой, я зарежу этого мерзкого святошу! Вырву из него позвоночник через глотку и скормлю мясо псам! Никому не позволю нам угрожать! Никому!

Сэр Джон, отчаявшись достать из-за стен улизнувшего врага, теперь жаждал хоть с кем-нибудь поквитаться, и обидчик Хука пришелся кстати.

Хук наблюдал, как Мелисанда кормит медом отца Кристофера. Священник сидел, опершись спиной на бочку из-под копченой сельди, привезенной из Англии и давно съеденной. Он похудел до костей, лицо побледнело и осунулось, но, несмотря на слабость, он все же выжил.

– Коббет умер, – сообщил ему Хук. – И Роберт Флетчер.

– Бедный Роберт! – вздохнул отец Кристофер. – А как его брат?

– Плох.

– Кто еще?

– Умерли Пирсон, Халл, Борроу и Джон Тейлор.

– Господь да будет к ним милостив! – Священник перекрестился. – А из латников?

– Джон Гэфри, Питер Данс, сэр Томас Питерс.

– Бог от нас отвернулся, – пробормотал отец Кристофер. – Твой святой с тобой говорит?

– Сейчас нет, – признался Хук.

Отец Кристофер вздохнул и на миг прикрыл глаза.

– Мы согрешили, – обреченно выдохнул он.

– Нам сказали, что Бог на нашей стороне, – упрямо возразил Хук.

– Мы этому верили. И пришли сюда, убежденные в своей правоте. А французы считали, что Бог за них. И теперь Он являет Свою волю. Нам не стоило сюда приходить.

– Правильно, – убежденно поддакнула Мелисанда.

– Гарфлёр сдастся, – настаивал Хук.

– Возможно, – кивнул отец Кристофер, пережидая, пока Мелисанда не вытрет струйку меда с его подбородка. – Если не подойдет войско на подмогу – да, когда-нибудь сдастся. И что? Сколько осталось от

нашей армии?

– Хватит и того, что осталось.

Отец Кристофер устало улыбнулся:

– Хватит для чего? Дойти до Руана и ввязаться в очередную осаду? Или захватить Париж? Да мы даже не отобьемся, если нагрянет французское подкрепление! Что тогда? Восстанавливать гарфлёрские стены и отплывать домой?.. Мы проиграли, Хук. Проиграли.

Ник не ответил. В теплом воздухе разнесся звук от выстрела английской пушки – одной из немногих оставшихся. Где-то в лагере мужской голос выводил песню.

– Нельзя же просто так уйти! – помолчав, пробормотал Хук.

– Можно. Столько денег ни за что! Лишь за один Гарфлёр... А во что обойдется восстановить стены? – Священник пожал плечами.

– Тогда, может, прекратить осаду? – угрюмо выговорил Хук.

Отец Кристофер покачал головой:

– Генрих на такое не пойдет. Ему нужна победа! Чтоб все знали, что Бог на его стороне! А снять осаду – значит признаться в слабости. – Священник, нахмурившись, помолчал. – Отец Генриха захватил престол силой. Если король окажется слаб, на трон могут покуситься другие.

– Не разговаривайте, ешьте, – вмешалась Мелисанда.

– Я уже сыт, детка.

– Вам нужно есть больше!

– В следующий раз. Вечером. Merci[23].

– Господь вас бережет, святой отец, – заметил Хук.

– Может, Он не пускает меня в рай? – слабо улыбнулся отец Кристофер. – Или дает мне время стать достойным священником?

– Вы и без того хороший священник! – горячо возразил Хук.

– Так и скажу святому Петру, когда он будет допытываться, достоин ли я рая. Спроси у Ника Хука, скажу я ему. Тогда он пожелает знать, кто такой Ник Хук, и я отвечу: а это такой разбойник, вор и, скорее всего, убийца, но все равно ступай и спроси.

– Я теперь честный человек, святой отец, – улыбнулся Хук.

– Ты недалеко от Царствия Небесного, юный Хук, и все же будем надеяться, что мы попадем туда не скоро. И уж точно обойдемся там без сэра Мартина.

– Он трус! – презрительно усмехнулась Мелисанда.

– Редко кто не струсит, имея дело с сэром Джоном, – тихо заметил отец Кристофер.

– Ему и сказать-то было нечего! – добавила Мелисанда.

Сразу после отбитой вылазки французов сэр Джон потащил Хука с Мелисандой в отряд лорда Слейтона и провозгласил на весь лагерь, что желающие смерти Хука могут убить его прямо там, не сходя с места.

– Кто хочет себе эту женщину? – громогласно вопрошал он. – Забирайте!

Стрелки лорда Слейтона, латники, челядь и все, кто случился в лагере – кто чистил доспехи, готовил

еду или просто отдыхал, – отвлеклись от дел, чтобы не пропустить представление.

– Забирайте ее! – бушевал сэр Джон. – Она ваша! Можете по очереди, как кобели на суку! Давайте, что застеснялись! Красотка хоть куда! Хотите ее поиметь? Запросто! – Сэр Джон подождал отклика, но никто не шевельнулся. Тогда он указал на Хука. – Забирайте женщину, вы все! Но сначала вам придется убить моего винтенара!

Все по-прежнему молчали и избегали встречаться взглядом с сэром Джоном.

– Кто тут подрядился тебя убить? – обернулся командующий к Хуку.

– Вон тот, – кивнул Ник на Тома Перрила.

– Иди-ка сюда, – поманил того сэр Джон. – Давай, убей Хука. Убьешь – отдам тебе его женщину.

Перрил лишь боязливо выглядывал из-за плеча Уильяма Сноболла. Как управляющий лорда Слейтона, тот имел некоторую власть, однако не осмеливался давать отпор самому сэру Джону Корнуоллу.

– Загвоздка только одна, – добавил сэр Джон, – чтобы получить женщину, вам сначала придется убить нас с Хуком. Так давайте же! Кто на меня?

Вытащив меч, сэр Джон ждал. Никто не сдвинулся с места, никто не раскрыл рта.

– Вот этот и есть тот священник? – ткнул командующий пальцем в сэра Мартина, не вылезающего из-за спины латников.

– Он самый.

– Меня зовут Джон Корнуолл! – гаркнул сэр Джон. – Кое-кто из вас меня знает. Хук – мой винтенар! Он мой человек, под моей защитой, как и эта девушка! – Обняв Мелисанду за плечи свободной рукой, концом меча он указал на сэра Мартина. – Ты, священник, выйди сюда!

Тот не пошевелился.

– Выйди-выйди, – кивнул ему сэр Джон. – Иначе я сам тебя вытащу.

Сэр Мартин с подергивающимся лицом выдвинулся боком из-за латников, то и дело оглядываясь, куда бы скрыться, однако сэр Джон рявкнул громче, и сэр Мартин не посмел послушаться.

– Он священник! – провозгласил сэр Джон. – Значит, ему и быть свидетелем обета. Клянусь вот этим мечом и костями святого Кредана: если с головы Хука упадет хоть волос, если на него нападут, ранят или убьют, я тебя найду и прикончу.

Сэр Мартин, глядевший на командующего как на ярмарочную диковину – то ли пятиногую корову, то ли бородатую женщину, – с той же озадаченной миной воздел руки к небу и запричитал:

– Прости ему, Господи, прости ему!

– Пастырь... – начал было сэр Джон.

– Рыцарь! – прервал его сэр Мартин с неожиданным жаром. – На одном коне дьявол, на другом Христос. Знаешь, что это значит?

– Еще бы! – Сэр Джон приставил меч к горлу священника. – Это значит, что, если кто-то из вас, дерьмобрюхих крысоедов, тронет Хука или его женщину, будете иметь дело со мной. Голыми руками выдерну ваши вонючие кишки через задницу и отправлю дрянные душонки в преисподнюю. С воплями и стонами. Убью сам лично!

В гробовой тишине сэр Джон со стуком задвинул меч в ножны. Он не сводил глаз с сэра Мартина, словно подстрекая того бросить вызов, однако священник уже витал мыслями в привычных грезах.

– Пошли, – бросил сэра Джон. Отойдя от лагеря за пределы слышимости, он расхохотался. – Ну что ж, дело улажено!

– Спасибо! – с явным облегчением выговорила Мелисанда.

– За что? Я лишь повеселился, детка.

– Ему и вправду такое в забаву, – заметил отец Кристофер, услышав рассказ о приключении. – Он получил бы еще больше удовольствия, вызови его кто-нибудь на поединок. Биться он любит.

– А что за святой Кредан? – спросил Хук.

– Саксонец. Норманны, придя в Англию, решили, что Кредану не место среди святых – он ведь был простым саксонцем-крестьянином, как ты, Хук. И хотели сжечь его кости. А те обратились в золото. Сэр Джон его любит, уж не знаю почему. – Священник наморщил лоб. – Он не так прост, как обычно прикидывается.

– Он добрый, – вставил Хук.

– Может, и добрый, – согласился отец Кристофер, – только гляди, чтоб он от тебя этого не слышал.

– Вы поправляетесь, святой отец.

– Да, благодаря Богу и твоей женщине, Хук. – Священник взял Мелисанду за руку. – Пора тебе стать благородным человеком и на ней жениться.

– Он и так благороден, – отозвалась Мелисанда.

– Значит, пора сделать его семейным, – улыбнулся отец Кристофер. Мелисанда взглянула на Хука и через мгновение кивнула. – Может, для того меня Господь и сберег. Надо вас повенчать еще до отплытия из Франции.

Судя по всему, отплывать из Франции предстояло скоро. Гарфлёр оставался непокоренным, английскую армию косила болезнь, время двигалось неумолимо. На дворе стоял уже сентябрь. Неделя-другая – и придут осенние дожди с холодами, урожай благополучно ссыплют в хранилища за крепостной стеной, и пора военных кампаний закончится. Времени оставалось все меньше.

Война, начатая Англией, грозила завершиться крахом.

В тот вечер Томас Эвелголд бросил Хуку огромный мешок. Ник отпрянул, чтобы не расплющило тяжестью, однако мешок оказался на удивление легким и лишь упруго отскочил, ударившись о плечо.

– Пакля, – пояснил Эвелголд.

– Пакля?

– Для зажигательных стрел. По пучку стрел каждому лучнику. Сэр Джон велел все приготовить к полуночи, а перед рассветом ждать в траншее. Белли уже варит смолу. – (Управляющий сэра Джона Эндрю Белчер, прозванный Белли, начальствовал над кухонной челядью и погонщиками.) – Зажигательные стрелы когда-нибудь делал?

– Нет, – признался Хук.

– Берешь стрелу с широким наконечником, привязываешь к головке горсть пакли, окунаешь в смолу и стреляешь навесом. Две дюжины на залп.

Эвелголд двинулся к остальным отрядам, а Хук принялся вытаскивать обмотку для стрел – в мешке оказались лохмотья немытой овечьей шерсти.

Ник разложил шерсть на семнадцать кучек, потом каждый из его лучников разделил свою долю на двадцать четыре клочка, по одному на стрелу. Шерсть приматывали к наконечникам кусками тетивы, выданными Хуком, а потом, выстроившись у котла Белли, окунали паклю в кипящую смолу и приставляли стрелы к пням или бочкам, чтобы вязкая смола затвердела.

– А что будет на рассвете? – спросил Хук у Эвелголда.

– Французы надрали нам задницу. Завтра наша очередь, – мрачно пожал плечами тот, словно не ожидая от вылазки ничего хорошего. – У тебя сегодня кто-нибудь умер?

– Коббет и Флетч. И Мэтсон долго не протянет.

Эвелголд выругался.

– Хороший лучник, а ради чего гибнет? – Сентенар плюнул в сторону костра и добавил: – Когда смола высохнет, надо взбить шерсть, чтобы легче загоралась.

Всю ночь в лагере царила суэта. К передней траншее, ближайшей к барбакану, таскали огромные вязанки дров, при виде которых становилось понятно, что замышляется на рассвете: барбакан окружала канава с водой и при атаке ее надо было чем-то заполнить.

Латникам сэра Джона приказали надеть полные доспехи. Из тридцати латников, отплывших из Саутгемптонской гавани в тот день, когда над флотом пронеслись лебеди в знак удачи, теперь в делогодились лишь девятнадцать. Шестеро умерли, остальных пятерых одолевали рвота, понос и лихорадка. Оставшимся в строю латникам помогали облачаться пажы и оруженосцы, которые пряжками пристегивали латы к кожаным поддоспешникам, натертым жиром – так металл ложился удобнее и двигался легче. Поверх налатников затягивали пояс для меча, хотя многие шли в атаку с алебардами или короткими копьями. Священник сэра Уильяма Портера выслушивал исповеди и раздавал благословение. Сэр Уильям приходился сэру Джону ближайшим другом и боевым побратимом. Они всегда дрались рука об руку, когда-то поклявшись защищать друг друга, при необходимости выкупать побратима из плена и в случае его гибели заботиться о вдове. Тонколицый и светлоглазый сэр Уильям, скорее походивший на ученого мужа, чем на воина, в доспехах выглядел неловко, словно природа предназначила его для библиотек или залов суда, а не для битв. Однако в мужестве человека, избранного в боевые соратники сэром Джоном, сомневаться не приходилось. Поправив шлем, он откинул забрало и коротко кивнул лучникам.

Те уже стояли наготове, в доспехах и с оружием. Большинство, как Хук, было одето в короткую кольчугу на подкладке, укрепленную стальными пластинами. Вместо шлема кое-кто предпочел кольчужный капюшон с оплечьем. Левую руку от ударов тетивы защищал наруч, на поясе висел меч, из трех сумок со стрелами в двух были зажигательные и в одной – простые. Вместо привычной алебарды некоторые прихватили боевой топор. На накидках у всех – будь ты лорд, рыцарь, латник или стрелок – красовался крест святого Георгия.

– Бог вам в помощь! – напутствовал сэр Уильям лучников, которые в ответ пробормотали положенную благодарность.

– И дьявол раздери французов! – присоединился к напутствию сэр Джон, воодушевленный в преддверии настоящего дела. – Много труда не потребуется! Всего-то – отобрать у вырождков барбакан! К завтраку обернемся!

Выданный Мелисандой ломоть хлеба с куском копченой грудинки Хук сжевал по пути к передовым укреплениям. Рассвет еще не брезжил, прохладный ветер доносил с востока запах соленых топей, заглушающий густую вонь мертвых тел. Шуршали при ходьбе стрелы в мешках, у осадных окопов и на защитных укреплениях Гарфлёра, где гарнизон, как обычно, восстанавливал разрушенное за день, горели

костры.

– Благослови вас Бог! – повторял священник, провожая лучников в путь. – Господь да пребудет с вами! Да сохранит вас Бог!

Французы, должно быть, почуяли неладное: городские катапульты перебросили через вал два огромных шара из досок и ветоши, обвязанные ивовыми прутьями и вымоченные в смоле и сере. Кувыркаясь в воздухе и рассыпая искры, они прочертили дугу в ночном небе и ударились о землю, брызнув во все стороны пламенем. Языки огня отразились в шлемах англичан, засевших в траншеях, и арбалетчики открыли стрельбу. Впрочем, стрелы либо пролетали над головой, либо попадали в парашет. Вслед стрелам с городских стен неслись выкрики и оскорбления, но то ли от усталости, то ли от растерянности французов они звучали неубедительно.

Передовая траншея англичан наполнилась лучниками. Тех, кто запасся зажигательными стрелами, поставили вперед, остальные ждали позади с вязанками дров. Атакой командовал сэр Джон Холланд, племянник короля, хотя и в этот раз, как при высадке на берег перед вторжением, его сопровождал приемный отец, сэр Джон Корнуолл.

– По моему сигналу – дать залп зажигательными стрелами! – распорядился младший сэр Джон. – И поджечь барбакан!

Вдоль траншеи через каждые несколько шагов стояли железные жаровни с горящим битумным углем, от которого веяло едкой вонью.

– Окружить гарнизон пламенем! Выкурить дымом, как крыс! – взывал сэр Джон Холланд к лучникам. – А когда их окутает дымом, закидаем ров и возьмем барбакан штурмом!

На словах все выглядело легко.

Оставшиеся невредимыми английские пушки были заряжены камнями, облитыми смолой, голландцы-пушкарники с горящими пальниками ждали сигнала. Защитники города утомились, вместе со стрелами иссякли и выкрики. Обе стороны ждали. В лагере пропел первый петух, за ним закукарекали другие. Пажи, держащие запасные вязанки стрел, ждали в окопах позади траншеи, где священники служили мессу и выслушивали исповеди. Солдаты поочередно становились на колени, принимая причастие и Божие благословение.

– Прощаются твои грехи, – шепнул священник и Хуку.

Тот надеялся, что это правда. Про убийство Роберта Перрилла он умолчал и, уже принимая причастие, засомневался, не выйдет ли ему боком такое жульничество. Он чуть было не выпалил признание, однако священник уже делал знак следующему, и Хуку пришлось отойти. Облатка прилипла к нёбу, он разразился внезапной молчаливой молитвой к святому Криспиниану. И вдруг подумал: а что, если и Гарфлёрю покровительствует святой, который просит у Бога смерти англичанам?..

В траншее зашевелились. Сквозь плотные ряды лучников шел король в полных боевых доспехах, только без шлема, на налатнике поверх яркого королевского герба выделялся крест святого Георгия. Кроме меча в ножнах при Генрихе был широколезвийный боевой топор. Как и прочие латники, он предпочитал обходиться без щита – латные доспехи и без того надежно предохраняли от ударов. Окованные железом щиты отходили в прошлое.

Король дружески кивал лучникам.

– Захватим барбакан – и город наверняка падет. Господь вам в помощь, – повторял он стрелкам, проходя вдоль траншеи в сопровождении оруженосца и двух латников. Приближаясь к Хуку, он продолжил: – Я буду с вами. Если Бог назначил мне править Францией – он нас защитит! Господь вам в

помощь! Будьте со мной, друзья, в правой битве за наши владения!

– Натянуть тетиву! – приказал сэр Джон Холланд, когда король прошел. – Теперь ждать недолго.

Хук, упершись концом лука в правую стопу, согнул цевье и накинул тетиву на верхний наконечник.

– Стрелять горящими стрелами! – рявкнул Томас Эвелголд. – До конца не натягивайте, иначе сожжете руку! Цельтесь выше! И дождитесь, пока смола не разгорится получше!

Небо делалось серым. Выглянув в щель между корзинами с землей, Хук различил побитый барбакан. Скрепленные железом брусья, когда-то составлявшие внушительную стену, расщепило и снесло пушечными ядрами, но гарнизон упорно менял сбитые бревна на новые, и теперь бастион походил на уродливый холм, ошетилившийся деревянными столбами. От бывшей сорокафудовой высоты осталась едва ли половина, и все же барбакан по-прежнему оставался серьезным препятствием: крутые стены, глубокий ров, верхняя площадка на полсотни арбалетчиков и латников. С развороченной стены свисали флаги с ликами святых и гербами, из-за бревен то и дело показывались головы в шлемах, на изуродованной снарядами верхушке солдаты ждали нападения.

– Начинать после залпа пушек! – напомнил лучникам сэр Джон Корнуолл. – Стрелять без перерыва! Если увидите, как кто-то гасит огонь, – убить выродка!

В ближайшей жаровне дрогнули угли, взметнулся язык пламени, посыпались искры. Рядом затих паж с хворостом в руках – его дело было бросить растопку на угли, чтобы вспыхнул огонь для зажигания смоляных стрел. Над береговыми топями в приливных бухтах, куда сбрасывали трупы, носились нормандские чайки, жиреющие на английских мертвецах. Пересохшим языком Хук по-прежнему чувствовал во рту так и не растворившуюся облатку.

– Теперь скоро, – сообщил сэр Уильям Портер, будто надеясь скрасить ожидание.

Послышался скрип. Обернувшись, Хук увидел слева рабочих, лебедкой поднимающих щит перед дулом ближайшей пушки. От глаз французов это тоже не укрылось, и в щит ударились арбалетная стрела, сорвавшаяся с городского вала. Пушкарь оттащил от дула корзину с землей, пушка выстрелила.

От взрыва пороха загорелась смола, которой было обито каменное ядро. Снаряд, вылетевший из дымовой завесы, казался сгустком тусклого пламени. Прорезав небо, он ударил в бастион.

– Пора! – крикнул сэр Джон Холланд.

Паж бросил хворост на жаровню, взметнулось яркое пламя.

– Следите, чтоб стрелы друг друга не касались! – предупредил Эвелголд лучников, окунувших в огонь первые стрелы.

Загрохотали остальные пушки, бревна на барбакане расщепило и вырвало из грунта, осыпалась часть земляной стены. Ник дождался, пока смоляной наконечник не займется пламенем, и наложил стрелу на лук. Опасаясь, что огонь прожжет ясеновое древко, он быстро натянул тетиву, поморщился, когда пламя опалило левую руку, высоко вскинул лук и выстрелил. Стрела рванулась с тетивы, затрепетала в воздухе, разбрасывая искры, и тяжело упала, не долетев до цели. Другие стрелы, тоже летящие непривычно медленно и неуклюже, ударялись в побитые бревна бастиона, который едва виднелся за пушечным дымом.

– Продолжать стрельбу! – крикнул сэр Джон Холланд.

Вытащив из поясной сумки лоскут, которым он обычно вошил лук, Ник обмотал им левую руку, чтобы пламя не обжигало кожу. Вторая стрела пошла твердо и на излете воткнулась в деревянный брус ограждения. Пущенные англичанами пылающие стрелы, пронзая рассветные сумерки, сыпались на врага

огненным дождем, барбакан пестрел мелкими очагами пламени. Заметив суету у наскоро сооруженного вала, Хук догадался, что защитники пытаются гасить огонь водой или землей, и выпустил по ним простую стрелу с широким наконечником. Когда в бастион вонзилась последняя горящая стрела, бревна уже занялись огнем, из сотни мест валил дым, в котором ярким пятном выделялось загоревшееся полотнище знамени. Еще три стрелы Ника полетели в сторону вала, как вдруг рядом в траншее запела труба и лучники с вязанками дров протиснулись мимо Хука, взобрались на парапет и устремились к бастиону.

– За ними! – скомандовал сэр Джон Холланд. – Стрелы с собой!

Лучники и латники повалили прочь из траншеи. Теперь Хук мог стрелять через головы передних прямо в арбалетчиков, немедленно сгрудившихся на бастионе у затянутого дымом парапета.

– Стрелы! – рявкнул он.

Подскочивший паж подал ему новый мешок. Всаживая стрелы во французов, казавшихся в густеющем дыму не более чем тенями, Ник услышал крики, доносящиеся от рва: лучников, заполняющих канаву вязанками, расстреливали французские арбалетки.

– За Гарри и святого Георгия! – крикнул сэр Джон Корнуолл. – Знаменщик!

– Здесь! – откликнулся оруженосец, назначенный носить знамя сэра Джона.

– Вперед!

Латники с боевым кличем ринулись за командующим через разбитое и сожженное поле, вслед устремились лучники. Труба не смолкала, справа и слева двигались другие отряды. Стрелки, заполнившие канаву вязанками, теперь стреляли по валу, откуда по-прежнему неслись арбалетные стрелы. Кто-то из людей сэра Джона вдруг схватился за живот и, беззвучно согнувшись, рухнул на землю с раскрытым ртом. Латник, графский сын, в окровавленном шлеме с торчащей из-под забрала стрелой, пошатнулся и упал на колени, однако через миг, оттолкнув протянутую Ником руку, встал и вновь побежал вперед.

– Кричите громче, сукины вы дети! – взревел сэр Джон, и нападающие нестройно разразились кличем к святому Георгию. – Громче!

Пушка на городской стене выплюнула клуб вонючего дыма. Перелетевший через поле каменный снаряд ударил случайного латника в бедро. Тот завертелся на месте, накладка мгновенно окрасилась кровью, а пушечное ядро все летело дальше, разрывая по пути чьи-то тела и брызгая каплями крови, пока не упало за болотами. У кого-то треснул натянутый до отказа лук, стрелок выругался.

– Не давать выродам опомниться! Убивать! – крикнул сэр Джон, прыгая на вязанки дров, заполнившие канаву.

Крики раздавались отовсюду. Первые нападающие уже перебирались через корявые вязанки под дождем из арбалетных стрел, с высокого вала на смельчаков летели камни и доски. С городской стены выстрелили еще две пушки. Ядра упали далеко позади англичан, никого не задело. В Гарфлэре пели сигнальные трубы, с вала сыпались арбалетные стрелы. Англичанам, подступившим к барбакану, уже не грозили снаряды из городских орудий, зато на виду у гарнизона оказывались те, кто пытался влезть на бастион с флангов.

Выпустив все стрелы в сгрудившихся наверху защитников барбакана, Хук поискал глазами паж – тщетно.

– Хоррокс! – окликнул он самого младшего из своих лучников. – Найди стрелы! Живо!

Наклонившись к незнакомому лучнику, истекавшему кровью, Ник вытащил из его сумки пучок стрел и одну сразу наставил на цевье, прижав большим пальцем. Английские знамена колыхались у подножия

барбакана, латники теснились у стен, пытаясь взобраться наверх между смоляными факелами, зажженными для того, чтобы дым затруднял французам обзор. Влезть на стену было все равно что вскарабкаться по осыпающемуся отвесному утесу, испускающему дым и пламя. С бастiona неслись воинственные кличи, вниз по стене летели камни. Хук успел заметить, как полетел наземь какой-то латник, которому камнем пробili шлем. Где-то в гуще схватки был и король – в дыму ярко выделялось королевское знамя. И Хук подумал, не Генрих ли летел сейчас вниз с проломленным шлемом. Что будет, если король погибнет? Впрочем, Хуку хватало и того, что Генрих сражается вместе с воинами: английский король не боится битв – не то что полубезумный монарх, вообразивший себя стеклянным и обматывающий тело подвязками из боязни разбиться.

Знамя сэра Джона теперь развевалось справа, там же плескался по ветру флаг сэра Уильяма Портера с изображением трех колоколов. Кликнув своих, Хук побежал ко рву, прыгнул и приземлился на труп латника, которому арбалетная стрела прошила кольчугу у шеи; меч и шлем с тела уже кто-то снял. Перескочив через шатающиеся вязанки, Хук рывком выбрался на другую сторону рва, затянутого густым дымом, выпустил три стрелы и наложил на цевье последнюю. Разгорающееся на бревнах бастiona пламя, предназначенное загораживать обзор защитникам, теперь мешало самим нападающим. Над головой свистели стрелы. Значит, паж все-таки нашли запасные мешки и добрались с ними до лучников, но Хук слишком настроился на атаку, чтобы возвращаться. Он перебежал вправо, лавируя между телами и не замечая сыплющихся арбалетных стрел, и наткнулся взглядом на сэра Джона, который опасно балансировал на торце скрепленных скобами бревен, откуда пытался разглядеть засевших выше французов. Кто-то из них, высунувшись из-за ограды, высоко занес камень, чтобы обрушить его на голову командующего, и Хук, замерев на миг, натянул тетиву и пустил стрелу прямо под мышку французу – тот медленно развернулся и рухнул внутрь ограды.

Порыв восточного ветра отбросил клубы дыма от правого фланга барбакана, открыв Хуку разлом – выемку в полуразрушенной башне, обращенной к морю. Вскинув на плечо лук, он схватил алебарду и с криком побежал вперед, а потом подпрыгнул и стал взбираться по стене барбакана, нащупывая ногой редкие уступы на крутой каменистой осыпи. Теперь, когда он оказался на правом краю разбитого форта, ему открылась южная стена Гарфлэра, окружавшая гавань. Французы на стенах тоже его заметили, в него полетели арбалетные стрелы, однако Хук успел нырнуть в разлом. Прикрытая обрушенными бревнами щель над каменным выступом оказалась тесной, не больше логова дикой собаки, Хуку едва хватало места повернуться. И что теперь? – мелькнуло в мозгу. Отовсюду неслись крики. Хуку показалось, что французы кричат громче – видимо, от уверенности в близкой победе. Высунувшись наружу, чтобы разглядеть сэра Джона, Ник вдруг оказался как в тумане: налетевший ветер заволок его убежище клубами густого дыма.

И все же Хук успел увидеть справа, ближе к передней части барбакана, три огромных бревна, скрепленные железными обручами. По обручам можно было взобраться наверх, как по лестнице, особенно под прикрытием дыма... Прыгнув на бревна, Хук повис на левой руке и нащупал подошвами ближайший обруч, потом выставил вверх алебарду, зацепился за верхний обруч – и подтянулся наверх. Его скрывал дым, и французы, занятые боем, его не увидели. Англичане пытались забраться на бастيون по передней, более пологой части стены. В них летели стрелы, камни и куски бревен, в ответ из-за дымной завесы на французов сыпались английские стрелы.

– Хук! – взревело внизу. – Хук, чтоб тебя! Вытяни меня наверх!

У подножия бревен стоял сэр Джон Корнуолл. Хук опустил алебарду, дал сэру Джону уцепиться за головку и вытащил его на бревна.

– Вздумал метить выше меня? – громыхнул сэр Джон. – Что ты тут делаешь, прах тебя побери! Твое дело – стрелять из лука!

– Хотел взглянуть на развалины с той стороны.

По бревнам уже ползло пламя, подбираясь к ногам командующего.

– Хотел взглянуть... – начал было тот и расхохотался. – Тут недолго и поджариться, тащи меня выше.

Хук вытянул его алебардой, в этот раз на самый верх, и теперь они сидели, как две мошки на разбитом горящем столбе. Французы их по-прежнему не видели, хотя от врага их отделял лишь парапет.

– Гос-споди ты боже мой и святые угодники, – выдохнул сэр Джон и снял с плеча алебарду. – Умрешь со мной, Хук?

– Похоже на то, сэр Джон.

– Молодец. Подтолкни меня наверх, вылезай сам – и пошли умирать красиво.

Хук, ухватив его сзади за пояс, дождался кивка и вытолкнул командующего наверх. Тот взлетел на парапет, перевалился через стену и разразился боевым кличем:

– Гарри и святой Георгий!

Во имя Гарри, святого Георгия и святого Криспиниана Хук рванул за ним вслед.

Глава восьмая

– Ты здесь не умрешь, – сказал святой Криспиниан.

Хук еле расслышал его голос за собственным криком – боевой клич он орал то ли от ужаса, то ли от ликования.

Хук с сэром Джоном уже добрались до остатков площадки на самом верху барбакана. После английских снарядов, разметающих земляную насыпь и каменную кладку, здесь остались одни бугры и рытвины. Задняя стена, обращенная к Лёрским воротам, сохранилась лучше и теперь прикрывала вершину от глаз гарфлёрских защитников, сгрудившихся на стенах. На площадку, где среди камней, земляных бугров и горящих бревен теснились латники и арбалетчики, Хук и сэр Джон выскочили с левого фланга, и сэр Джон обрушился на врагов, как карающий ангел.

Со стремительностью, принесшей ему славу самого грозного бойца на европейских турнирах, он отвешивал по два удара там, где противник едва успевал замахнуться на один. Хук умудрялся это заметить лишь потому, что время для него вновь замедлилось. Продвигаясь ближе к правому плечу сэра Джона, он вдруг с облегчением осознал, что святой Криспиниан вновь заговорил. Его святой снова ему покровительствует!.. Хук бросился вперед с алебардой наперевес. Сэр Джон двулезвийным боевым топором уже раздавал короткие жесткие удары – смять наколенник латника, взрезать живот арбалетчику, свалить латника с уже сломанным коленом... Еще одному латнику, направившему было меч на сэра Джона, Хук алебардой прорубил бок вместе с краем кирасы, латник отлетел назад, сбивая с ног остальных. Хук мощными ударами во всю свою силу лучника старался отбросить противника и смять подступающих, в боевом запале он что-то вопил, сам того не замечая. Сэр Джон с радостным кличем, пользуясь замешательством врагов, только и делал, что рубил, ранил и убивал.

Хук дернул алебарду на себя – и обнаружил, что наконечник застрял в доспехе жертвы.

– Держи! – крикнул сэр Джон и перебросил ему топор.

Лишь много позже, уже после битвы, Хук поразился хладнокровию командующего: в разгар боя уследить за Хуком, увидеть затруднение, мгновенно его разрешить – и это когда враги теснят со всех сторон! В миг, когда Хук перехватил топор, сэр Джон выдернул меч – любимый, тяжелый и крепкий, прорубающий стальной доспех – и принялся теснить нападающих, сбивая их с ног, пока Хук крошил врагов топором. Первым же ударом Хук рассек чей-то шлем, выдернув забрало, которое косо повисло на одном гвозде.

– Сталь – дешевка, – заметил сэр Джон, тыча мечом в лица врагов и не давая им подходить.

Хук двинул топором в забранный латами живот, фонтаном выплеснулась яркая кровь.

– Знамя! – взревел сэр Джон. – Знамя мое сюда!

Хук, широко уперев ноги в землю, погружал топор в ряды французов, которые уже почти не отбивались. Под ногами мешались тела упавших, перед лицом устрашающе мелькал яростный клинок сэра Джона. Никакой смельчак не решился вклиниться между топором и мечом, вместо этого защитники барбакана испуганно жались назад, в то время как задние давили на передних.

– Trois!^[24] – считал сэр Джон раненных и убитых им врагов. – Quatre!^[25] Подходите же, чертовы выродки! Я проголодался!

Топор Хука стал еще более опасен. Его лезвие сминало доспех, как лист пергамента, и вонзалось в плоть, как мясницкий нож. При каждом взмахе Хук морщился, и враги принимали это за ухмылку, еще

более страшную, чем само оружие. Плотнo подступившая толпа французoв не давала арбалетчикам целиться, задняя стена и клубы дыма заслоняли происходящее от стрелков, стоящих на башнях у Лёрских ворот. То и дело раздавались рев сэра Джона и бешеные крики Хука, с клинков лилась кровь. Хук уже не старался убивать. Он отталкивал врага назад и валил солдат на землю, чтобы загородить подступы. Кто-то из упавших двинул снизу мечом, но Хук, заметив выпад, отступил на полшага в сторону, с силой опустил топор на забрало латника, вминая стальную пластину в лицо, через миг вонзил топор в чей-то еще панцирь и тут же резким выпадом отбросил назад третьего французa, подобравшегося слишком близко.

– Знамя! – снова крикнул сэр Джон. – Чтобы эти выродки знали, кто их убивает!

Его знаменщик неожиданно перевалился через заднюю стену, за ним появились латники с львиным гербом сэра Джона на одежде.

– Убить выродков! – скомандовал сэр Джон.

Однако выродки уже не дожидались: одни вылезали наружу через расщелину в задней стене барбакана, другие карабкались вниз по лестнице или прыгали с крутого каменистого склона и пускались бегом к городским воротам.

Дым, по-прежнему окутывавший стену, тронули первые лучи солнца. Англичане с криками убивали последних защитников, не успевших скрыться. Кто-то из французских латников поднял над головой перчатку в знак подчинения победителю, но оказавшийся рядом лучник ударил его боевым молотом, другой пронзил концом алебарды.

– Хватит! – раздался чей-то голос. – Остановитесь! Хватит!

– Прекратить бой! – крикнул сэр Джон. – Прекратить, я сказал!

– Слава богу! – произнес первый голос.

И Хук увидел короля. Не выпуская из руки меча, тот рухнул на колени и перекрестился. Его налатник, с крестом святого Георгия поверх яркого герба, казался черным от копоти.

Стрела, выпущенная из стреломета, ударила в бревно со стороны города, стена задрожала.

– Погасите огонь! – велел Генрих, поднимаясь на ноги. Он стянул шлем и кожаный подшлемник, под которым короткие волосы слиплись от пота. – И кто-нибудь избавьте его от мучений! – Король указал на французa, который за минуту до того пытался сдаться: теперь он корчился и стонал, из-под кирасы сочилась кровь, из живота так и торчала алебарда.

Кто-то из латников вытащил нож, нащупал у шеи умирающего щель между доспехами и вонзил клинок в горло. Француз дернулся, сквозь проломленное забрало запузырилась кровь, тело вздрогнуло и застыло.

– Слава богу, – повторил король.

Какой-то лучник упал на колени. Хук подумал было, что для молитвы, но того просто вырвало. По задней стене били арбалетные стрелы – часто, как цепи при молотье, – оставляя прорехи на королевском знамени, свисающем теперь с барбакана.

– Сэр Джон, – произнес король, – я должен тебя поблагодарить.

– За то, что я исполнил свой долг, государь? – спросил тот, опускаясь на одно колено, и, указав на Хука, добавил: – Мне помогал этот лучник.

Хук тоже встал на колено. Король взглянул на него как на незнакомца.

– Благодарю вас всех, – коротко кивнул он и обернулся к свите. – Отправьте герольдов, велите городу

сдаться. И пошлите за водой, загасить пламя.

Пламя загасили, однако от внутреннего жара, насквозь пронизавшего бревна, древесина продолжала тлеть, вокруг бастиона веял удушливый дым. Теперь на верхней площадке неотступно находились лучники, в ближайшую ночь наверх втащили «Гонца» – пушку из тех, что поменьше, – и первым же выстрелом Лёрские ворота разнесло в щепки.

Герольды, подъехавшие к целым еще воротам сразу после взятия барбакана, терпеливо объясняли, что англичане не собираются рушить ворота и привратные башни, что падение Гарфлёра неизбежно и что гарнизону предлагается совершить благоразумное и, более того, почетное деяние – сдаться, чтобы предотвратить дальнейшие потери. Ибо в противном случае, объяснили герольды, по Божьей справедливости все мужчины, женщины и дети Гарфлёра будут отданы на произвол англичанам.

– Подумайте о своих красавицах-дочерях! – крикнул французским командующим последний из герольдов. – И ради них покоритесь!

Гарнизон, впрочем, и не думал покоряться, поэтому англичане рыли новые орудийные окопы – теперь уже на подступах к городу, – разбивали беззащитные Лёрские ворота, ровняли с землей привратные башни и рушили каменную арку. Защитники по-прежнему не сдавались.

Первые же порывы холодного осеннего ветра принесли дождь.

Болезнь не прекращалась, армия Генриха умирала в крови, рвоте и водянистом дерьме.

Гарфлёр оставался французским.

Все приходилось начинать заново. Вновь предстояло нападение – в этот раз на остатки Лёрских ворот. Чтобы отвлечь гарнизон от юго-восточного угла города, войска герцога Кларенса готовили штурм Монтивильерских ворот с противоположной стороны Гарфлёра.

На этот раз, сказал сэр Джон, войска войдут в город.

– Проклятые выродки, видите ли, не желают сдаваться! Ну так не мне вам рассказывать, что делают с выродками! У кого есть член – тех убивать, у кого нет – тех насиловать. Всё в городе – ваше! Все монеты, все пиво, все женщины! Ваши! А теперь вперед – брать свое!

И двойной штурм начался. Войска перебирались через засыпанные рвы, с неба дождем сыпались стрелы, трубы под равнодушным солнцем выпевали призыв к бою – вновь предстояла резня. Как и прежде, наступлением командовал сэр Джон Холланд: это значило, что люди сэра Джона Корнуолла шли в первых рядах. Развалины Лёрских ворот удалось взять мгновенно, а дальше наступление внезапно захлебнулось.

Ворота, за которыми когда-то тянулась тесная улочка с нависающими домами, теперь вели на пустырь. Гарнизон, очищая пространство для сражения, обрушил все дома и возвел позади новую баррикаду, защищенную от английских пушек остатками старой стены и ворот. Из «Гонца», водруженного на вершину барбакана, по заграждению уже выпустили несколько ядер, однако «Гонца» хватало лишь на три выстрела в день, а в промежутках французы успевали восстановить разрушенное.

Хотя лучники не прекращали обстрел, толку от него теперь было мало: в новой стене французы сделали щели и бойницы, удобные для арбалетчиков, но слишком узкие, чтобы целить по ним издалека. Хук, спрятавшись в развалинах старых ворот, подсчитал, что на каждого французского стрелка работало трое-четверо подручных, которые натягивали тетиву запасных арбалетов, и стрельба продолжалась непрерывно. Обычно арбалетчик делал два выстрела в минуту, однако здесь стрелы летели много чаще – и не только из бойниц, но и из высоких окон полуразрушенных домов за стеной. Глядя на это, Хук не мог

отделаться от мысли, что Суассон надо было защищать именно так.

– Пора вытаскивать пушку, – прорычал сэр Джон, укрывшийся в развалинах той же стены.

Однако вместо этого он повел своих лучников на приступ, обещая завалить врага стрелами. Обещание было выполнено, только арбалетчики продолжали стрелять. И если даже наконечник не пробивал доспехи, то солдата отбрасывало ударом, а когда полдюжины англичан наконец добрались до стены и попытались растащить в стороны камни и бревна, французы втащили на стену котел с кипящим рыбьим жиром и опрокинули его на нападающих. Лучники бросились обратно – кто прихрамывая, кто задыхаясь от жгучей боли. Вернувшийся с ними сэр Джон, в скользких от жира латах, опустился на камни и разразился потоком бессильных проклятий. Ликующие французы, высунувшись из-за новой стены, издевательски размахивали флагами, позади них курилось дымное марево – новые котлы кипящего масла ждали своих жертв. Камни, которыми английские катапульты пытались попасть в новую стену, перелетали через верх и падали где-то среди давно разрушенных домов.

Солнце поднялось выше, заливая землю жаром позднего лета, в обоих лагерях солдаты в доспехах изнывали от зноя. Мальчишки принесли воду и пиво. Латники, расположившиеся среди остатков Лёрских ворот, сняли шлемы. Волосы под ними прилипли к голове, лица лоснились от пота. Притаившиеся среди камней лучники временами стреляли по французам, стоило тем лишь показаться. Ни лучники, ни арбалетчики теперь не тратили стрелы даром, предпочитая выжидать и бить наверняка.

– Выродки! – выругался сэр Джон.

Заметив двух французов, вылезших убрать со стены тяжелую корзину с землей, Хук привстал и выпустил стрелу – одновременно с дюжиной других лучников. Оба француза упали, с ними свалилась и корзина. Разглядев за ней широкое пушечное дуло, Хук прижался к камням. Прогремел выстрел, воздух наполнился свистом и криками, посреди густого дыма, заполнившего пространство перед стеной, взметнулись обломки камней. Чей-то ужасающий вопль, постепенно затихая, перешел в стон.

– Боже, – выдохнул Уилл из Дейла.

– Ранен, Уилл?

– Нет, устал. Утомил меня этот городишко.

Вместо ядра французы зарядили пушку мелкими камнями, которые при выстреле разлетелись в стороны. Одному латнику камень насквозь пробил шлем, кто-то из лучников неверными шагами попятился к барбакану, зажав рукой пустую окровавленную глазницу.

– Мы тут перемрем, – помотал головой Уилл из Дейла.

– Ну уж нет! – яростно возразил Хук, не очень-то веря сам себе.

Дым постепенно развеялся, перед пушечным дулом в бойнице вновь появилась корзина с землей.

– Выродки, – повторил сэр Джон.

– Не отступать! – послышался голос короля.

Собрав всех латников, он намеревался взять стену массированным приступом. Гонцы принесли его приказ стрелкам, засевшим в развалинах старой стены.

– Лучники на фланги! – кричал посланец. – На фланги!

Французский трубач начал выдувать короткий резкий мотив: звучащие издевкой три бесконечно чередующиеся ноты.

– Прикончить выродка! – прорычал сэр Джон, хотя «выродка» надежно скрывала стена.

– Вперед! – крикнул король.

Задержав дыхание, Хук чуть двинулся вправо. Арбалетчики молчали. «Может, у них не так много стрел, – подумал Хук, – и они берегут их для следующего приступа...» Он остановился за обломком стены, и в этот миг французский трубач шагнул на баррикаду и поднес к губам трубу. Ник, встав в полный рост, оттянул тетиву к правому уху, отпущенная струна царапнула щиток на руке, стрела с гусиным оперением устремилась к цели – и узкий наконечник, вонзившись трубачу в горло, прошил шею насквозь и вышел со стороны затылка. Труба, едва успевшая взвизгнуть, резко смолкла, музыкант откинулся на спину. Над ним мелькнуло несколько английских стрел, но он уже падал за баррикаду, оставляя после себя лишь кровавую дымку и хриплый отзвук оборванного трубного клича.

– Молодец лучник, кто б ты ни был! – крикнул сэра Джон.

Хук выжидал. Становилось жарче. Солнце палило как в топке, небо затеняли лишь лохмотья дыма, поднимающегося над осажденным городом. Французы больше не стреляли, явно приберегая стрелы для следующего наступления. Священники, перебравшись через развалины старой стены, даровали последнее утешение убитым и умирающим, а за стеной, между разрушенными Лёрскими воротами и разбитым барбаканом, латники стекались под знамена командующих. Несмотря на то что войско в четыре сотни собиралось чуть ли не на глазах у французов, арбалетчики все же не выпустили по ним ни единой стрелы.

Мальчишка из пажей сэра Джона, с пышной белокурой шевелюрой и широко распахнутыми голубыми глазами, притащил лучникам два бурдюка воды.

– Нам бы стрел, парень, – попросил Хук.

– Принесу, – пообещал тот.

Хук отхлебнул из бурдюка.

– Почему латники не наступают? – спросил он, ни к кому не обращаясь.

Король уже собрал отряд для приступа, стрелки давно расположились на местах, однако ожидание странно затянулось.

– Прибыл гонец, – робко вставил паж.

Отпрыск знатного семейства, отданный в службу сэру Джону для обучения воинской науке, он когда-нибудь станет властным лордом в сияющих доспехах и будет восседать на жеребце, крытом богатой попоной, а пока он, одиннадцатилетний мальчишка, робел перед суровыми лучниками, которые со временем перейдут под его начало.

– Гонец?

– От герцога Кларенса, – добавил паж, забирая бурдюк.

Герцог, чей лагерь был разбит по другую сторону Гарфлёра, тоже вел наступление на город, хотя от дальних ворот не долетало ни звука.

– И что сказал гонец? – не отставал Хук.

– Что наступление провалилось.

– Помилуй бог, – досадливо поморщился Ник.

Значит, теперь король ждет, пока его брат соберет силы перед вторым нападением, и лишь тогда англичане пойдут на последний приступ в попытке одолеть строптивых французов с востока и запада. Нику с лучниками оставалось только ждать. Если Генрих послал брату новый приказ, гонец доведет его лишь часа через два: объехать город по дальней дороге, переправиться на лодке через запруженную реку...

– Чего сидим? – спросил Склейт, рослый силач-тугодум.

– Не знаю, – признался Хук.

Пот, струясь по лицу, щипал глаза, витающая в воздухе пыль оседала в горле, снова хотелось пить. От солнечного света, отраженного меловой поверхностью разбитых стен, туманился взгляд. Ник устало потянулся к луку и снял тетиву, чтобы не держать цевье согнутым.

– Нападать-то будем? – буркнул Склейт.

– Теперь, наверное, вместе с герцогом, – предположил Хук. – Когда тот пойдет на приступ со своего края. Часа через два, не раньше.

– Французам этого хватит, – угрюмо кивнул Склейт. – Встретят так встретят.

Гарнизон и впрямь успеет подготовиться. Пушки, арбалеты, стрелометы, кипящее масло – все будет ждать своих жертв, помеченных крестом святого Георгия на груди. Латники присели, отдыхая, пока король медлил с приказом. Яркие флаги беспомощно обвисли, Гарфлёр охватила странная тишина. Тянулось ожидание.

– Когда начнем приступ... – раздался голос сэра Джона, без опаски шагающего на виду у французских стрелков вдоль цепи затаившихся в развалинах лучников; арбалетчики, явно получившие приказ беречь стрелы, его не трогали, – когда начнем приступ, идите вперед! Не прекращая стрелять! Только вперед! Когда переберемся через стену, мне нужны лучники в первых рядах! Чтобы гнать выродков по улицам! Чтоб ни один из них не ушел! Лучники должны быть впереди! Нынче тот день, когда враги Генриха должны погибнуть! Так убивайте!

«Интересно, сколько англичан после этого уцелеет?» – подумал Хук. Армия, когда-то отплывшая из Саутгемптонской гавани, была и без того невелика, а сейчас? Осталась едва ли половина, и большинство людей больны – даже те, кто сидит сейчас в развалинах гарфлёрской стены в ожидании схватки с французами, которые наконец-то зашевелились перед боем. По слухам, французская армия многочисленна и сильна, полчища бойцов только и мечтают расправиться с наглыми захватчиками-англичанами. Впрочем, Бог, наславший на англичан болезнь, уже изрядно в этом преуспел...

– Скорей бы все кончилось, – проскрежетал зубами Уилл из Дейла.

– Или уж оставить им город, – поддакнул Том Скарлет. – Все равно, кроме дерьма, там ничего не осталось.

«Что, если приступ закончится неудачей? – продолжал размышлять Хук. – Что, если Гарфлёр так и не сдастся? Тогда остатки армии Генриха, потерпев поражение, вынуждены будут отплыть обратно в Англию. Поход, так торжественно начинавшийся среди ярких знамен и радужных надежд, на глазах захлебывается кровью, дерьмом и отчаянием...»

Очередной трубач за стеной принялся выдувать тот же издевательский мотив. Сэр Джон, меривший шагами пространство вдоль цепи лучников, обернулся и прорычал:

– Прикончить проклятого выродка! Пристрелить его! – Последние слова командующий выкрикнул в сторону стены, чтобы слышали французы.

Внезапно на стене кто-то появился – не трубач, который все выпевал ту же мелодию, спрятавшись за стеной, – а кто-то другой, безоружный. Встав в полный рост, он замахал англичанам обеими руками.

Вскочившие стрелки натянули луки.

– Нет! – зарычал сэр Джон. – Нет! Опустить луки! Не стрелять! Не стрелять!

Трубный звук дрогнул, сорвался и замер.

Человек на стене поднял пустые руки высоко над головой.

И внезапным, чудесным и удивительным образом все кончилось.

Солдаты гарфлёрского гарнизона не собирались сдаваться, зато не выдержали горожане. Их преследовал голод, от английских снарядов горели и рушились дома, болезнь расползалась все шире. Горожане видели, что город не выстоит, и знали, что мстительные враги, войдя в Гарфлёр, примутся насиловать их дочерей. Городской совет настоял на сдаче, а без поддержки арбалетчиков Гарфлёра и без пищи, приготовленной местными женщинами, гарнизон не мог продолжать бой.

Мессир де Гокур, возглавлявший оборону, попросил трехдневного перемирия, чтобы послать гонца к французскому королю – узнать, ожидать ли городу помощи. Если нет – он намеревался сдать Гарфлёр при условии, что английская армия воздержится от грабежей и насилия. Генрих согласился. Священники и лорды собрались у остатков Лёрских ворот, куда вышли и городские старейшины, и присутствующие принесли торжественную клятву соблюдать условия перемирия. После того как Генрих принял заложников в знак того, что гарнизон сдержит слово, вдоль городской стены проскакал герольд, выкликавший по-французски:

– Вам нечего опасаться! Король Англии пришел не убивать! Мы добрые христиане, Гарфлёр – не Суассон! Не бойтесь!

Над городом поднимался дым, затеняя летнее небо. Непривычно молчали пушки, не грохотали требушеты. Битва прекратилась. Правда, люди умирали по-прежнему: англичане все так же сносили трупы к бухтам и сбрасывали чайкам; болезнь казалась нескончаемой.

Помощь французам так и не приходила.

Хотя на востоке собиралась французская армия, в город доставили известие, что подкрепления Гарфлёру не предвидится. И в следующую субботу, в День святого Викентия, город сдался.

На холме за английским лагерем воздвигли шатер с тронном, задрапированным золотой парчой. В шатре, окруженном знаменами, собралась английская знать в лучших одеждах. Оруженосец держал на весу боевой шлем короля, увенчанный золотой короной. Лучники в два ряда выстроились на усеянном снарядами поле, образовав проход между шатром и разрушенными воротами, по обе стороны от прохода за спиной лучников толпились остатки армии Генриха – зрители нынешнего действия.

Король Англии, в тонком золотом венце и в налатнике с французским королевским гербом, безмолвно восседал на троне: наблюдал, выжидал и, видимо, раздумывал о дальнейших шагах. Высадившись в Нормандии, он в итоге сумел добиться сдачи Гарфлёра, однако такая победа стоила ему половины войска.

Хук стоял у Лёрских ворот, где сэр Джон выставил караул из десятка латников и сорока лучников. Сам командующий в начищенных до блеска доспехах восседал на огромном жеребце Люцифере, покрытом попоной с гербом хозяина. Гербовый лев, только из раскрашенного дерева, грозно высился и над шлемом сэра Джона. Рядом с латниками, тоже облаченными в доспехи, стояли лучники в кожаных куртках и заляпанных грязью штанах, каждый стрелок держал в руках моток грубой веревки, какой крестьяне обматывают шею корове, чтобы вести на рынок.

– С французами обращаться почтительно! – велел сэр Джон лучникам. – Они доблестно сражались! Они достойные воины!

– А я думал, они дерьмоголовые выродки, – вполголоса проронил Уилл из Дейла.

Сэр Джон, расслышав его слова, развернул Люцифера:

– Выродки и есть! Но дрались, как англичане! Значит, уважайте их, как англичан!

В проеме, где стену разрушили до основания, появилось три дюжины французов – босые, в простых льняных рубахах и штанах: так им велено было предстать перед английским королем.

– Петли! – приказал сэр Джон.

Хук и другие лучники принялись вязать петли на концах веревок. Сэр Джон, кивком подозвав оруженосца, бросил ему поводья и слез с высокого седла. Потрепав коня по морде, он пошел навстречу приближающимся французам.

Из толпы выделялся один – высокий горбоносый человек с короткой черной бородкой. Несмотря на бледность и явно болезненный вид, он, выводя защитников за стены побежденного города, из последних сил старался держаться достойно. К нему-то и направился сэр Джон. Бородатый, дав остальным знак подождать, в одиночку приблизился к командующему и замер в шаге от него – босоногий, в нелепых одеждах француз перед великолепным англичанином в сияющих латах и с богатым мечом на поясе. Сэр Джон, подняв забрало, что-то сказал, и двое обнялись.

Командующий, правой рукой обхватив француза за плечи, подвел его к лучникам.

– Это мессир де Гокур! – объявил он. – Все пять недель он возглавлял оборону и доблестно сражался! Он достоин большего, однако таково повеление короля, и мы обязаны подчиниться. Хук, дай сюда петлю!

Хук протянул веревку. Француз глянул на него оценивающе, и Ник не мог не склонить голову в знак уважения.

– Мне очень жаль, – сказал сэр Джон по-французски.

– Такова необходимость, – резко ответил Рауль де Гокур.

– В самом деле?

– Мы должны испытать позор, чтобы остальные французы знали, какая кара их ждет за неповиновение английскому королю. – Болезненно улыбнувшись, де Гокур оглядел войско, ожидавшее его униженного шествия к королевскому трону. – Впрочем, я сомневаюсь, что ваш король сможет напугать Францию больше прежнего. Вы зовете это победой, сэр Джон? – Француз кивнул на разрушенные стены, которые он так отважно защищал.

Вместо ответа сэр Джон поднял веревку, чтобы обвить петлей шею де Гокура.

– Позвольте, – остановил его тот. Взяв веревку из рук сэра Джона, он сам продел голову в петлю.

Убедившись, что на шею остальным французам тоже наброшены веревки, сэр Джон вскочил на Люцифера и, кивнув де Гокуру, прищепил коня и двинулся вперед по проходу между рядами английских солдат.

Французы шли молча. Пожилые купцы и молодые солдаты, рыцари и горожане – все они обвинялись в неподчинении королю Англии, и веревки на шее показывали, что теперь их жизнь зависит лишь от милости Генриха. Взойдя на холм, они робко склонили колени перед затянутым в парчу тронном, и Генрих остановил взгляд на пленниках. Ветер играл шелковыми знаменами и разносил над землей дым, поднимающийся от развалин города. Собравшиеся в шатре королевские приближенные молча ждали, когда Генрих объявит смертный приговор коленопреклоненным врагам.

– Я полноправный король французской державы, – наконец проронил Генрих. – Ваше сопротивление было бунтом и изменой.

Лицо де Гокура исказилось болью. Не ответив на обвинение в измене, он протянул королю тяжелую связку ключей.

– Ключи от Гарфлёра, государь, – объявил он. – Город в вашей власти.

– Ваше неповиновение, – продолжал король, не обращая внимания на жест де Гокура, – шло вразрез с законом человеческим и Божьим.

Кто-то из купцов постарше трясся от страха, у кого-то по щекам текли слезы.

– Однако Господь милостив, – величественно закончил Генрих и наконец принял ключи из протянутой руки де Гокура. – Милостивы будем и мы. Мы сохраним вам жизнь.

Когда над городом взвился флаг с крестом святого Георгия, английское войско разразилось ликующими криками. На следующий день Генрих Английский прошел босиком через весь город до собора Святого Мартина, где вознес Господу благодарение за победу. Однако многие из наблюдавших за смиренным шествием считали, что его триумф не так уж отличается от поражения. Слишком много времени потеряно под стенами Гарфлёра, слишком многих солдат унесла болезнь, слишком мало погожих дней осталось для продолжения военной кампании.

Английское войско вошло в город, полевой лагерь сожгли, катапульты и пушки втащили в Гарфлёр через разрушенные ворота. Люди сэра Джона разместились в домах, харчевнях и хранилищах у стены, огораживающей гавань, Хук нашел место на чердаке харчевни, называемой «Le raon»^[26].

– Le raon – это птица с большим хвостом, вот таким, – широко разведя руки, объяснила Мелисанда.

– Не бывает такого хвоста у птиц! – не поверил Хук.

– У le raon бывает!

– Должно быть, птица французская. В Англии таких нет.

Гарфлёр стал английским: с разрушенной колокольни собора Святого Мартина свисал флаг с крестом святого Георгия, к былым страданиям горожан прибавилось еще одно.

Их выслали из Гарфлёра.

Город, как объявил король, будет заселен англичанами – как некогда Кале, – и, чтобы освободить место для новых горожан, все мужчины, женщины и дети должны покинуть Гарфлёр.

Больных увозили на телегах, остальные шли пешком. Унылое шествие вдоль северного берега Сены сопровождали – для защиты горожан от грабежей и насилия – две сотни английских всадников: впереди латники, по бокам лучники.

Среди лучников был и Хук, вновь восседавший на Резвом – вороном мерине, который то и дело выказывал норы, так что Хуку приходилось жестко его обуздывать. Под свежeweыстиранным налатником, на котором крест святого Георгия поблек до мутно-розового цвета, на Хуке позвякивала добротная кольчуга, снятая с тела врага, голову покрывал выданный сэром Джоном кольчужный капюшон, а поверх него красовался широкополый шлем – тоже снятый с чьего-то тела. Широкие поля, которые хороши для защиты от верхнего удара мечом, Хук, как и все лучники, обрезал справа, чтобы не мешали натягивать тетиву до конца. На поясе у него висел меч, за плечом болтался зачехленный лук, к задней седельной луке был прикреплен мешок стрел. Справа, за вереницей горожан-беглецов, сужающаяся река поблескивала рябью под солнцем, слева простирались луга, скот с которых уже давно угнали англичане, выезжавшие добывать продовольствие для войска. За лугами поднимались пологие холмы, поросшие густыми, пока еще по-летнему зелеными лесами. Мелисанда осталась в Гарфлёре, зато провожать горожан поехал отец Кристофер верхом на Люцифере, могучем жеребце сэра Джона: командующий боялся, что конь застоится,

и отец Кристофер с удовольствием взялся его выгулять.

– Вам не стоило выезжать, святой отец, – заметил Ник.

– Ты заделался штатным лекарем, Хук?

– Вам ведь предписали отдых.

– Отдохнуть успеем и на небесах, – легко отозвался отец Кристофер. По-прежнему бледный, он вновь начал хоть что-то есть и теперь, окрепнув, почти не снимал рясу священника. – Во время болезни мне кое-что открылось, – добавил он с видимой серьезностью.

– Да? Что же?

– На небесах не будет дерьма, Хук.

– А женщины, святой отец? – засмеялся Ник.

– В изобилии, юный Хук, но одни лишь добродетельные!

– Значит, порочные соберутся у дьявола?

– В том-то и беда, – усмехнулся отец Кристофер. – Правда, я верю, что Господь все как-нибудь устроит к нашему удовольствию. – Священник широко улыбнулся – от радости, что жив, что прогуливается под теплым сентябрьским солнцем вдоль густых зарослей ежевики, растущих по краям дороги.

Вечером того дня, когда изгнанников выставили из Гарфлёра, на руанской дороге показался великолепный олень с новыми рогами. Хук счел это добрым знаком, однако отец Кристофер, взглянув на черные ветви высохшего вяза, указал и на дурную примету:

– Ласточки рано засобирались.

– К холодной зиме, – ответил Ник.

– Лето на исходе, Хук, а с ним и наши надежды. Улетим, как те ласточки.

– Обратно в Англию?

– Обратно к несвершенному, – печально вздохнул священник. – У короля полно долгов, которые нечем выплачивать. Вернись он домой с победой – никто бы о них не вспомнил.

– Мы победили, святой отец. Мы захватили Гарфлёр.

– Стаей волкодавов затравили одного зайца. А там, – кивнул на восток отец Кристофер, – собирается стая куда мощнее.

Кое-кто из той стаи появился уже к полудню. Передняя часть колонны изгнанников остановилась на лугу у реки, задние, подтянувшись, сгрудились вокруг передних, разглядывая препятствие: поперек дороги, ведущей к воротам окруженного стенами города, стояли вражеские всадники под единственным флагом – белым полотнищем с красным двуглавым орлом, выпустившим длинные когти. Французские латники, облаченные, как на битву, в сверкающие доспехи и яркие накидки, были в шлемах с поднятым забралом или вовсе без шлемов – признак того, что драться французы не собирались. Хук навскидку насчитал около сотни врагов. По условиям перемирия они должны были принять изгнанников и переправить их в Руан на баржах, причаленных у северного берега реки.

– Боже! – Отец Кристофер осенил себя крестом, не сводя глаз с орлиного знамени, которое вздымалось и опадало под ветром, гнавшим по реке мелкие волны. – Сам маршал!

– Маршал?

– Жан ле Менгр, мессир Бусико, маршал Франции. – Отец Кристофер перечислил имена и звания

медленно, в его голосе звучало восхищение.

– Не слышал про такого, – пожал плечами Хук.

– Во Франции у власти безумец, правящие герцоги молоды и своевольны, – объяснил священник. – Зато у наших врагов есть маршал, устрашающий и грозный.

Сэр Уильям Портер – боевой побратим сэра Джона Корнуолла, командующий английским отрядом, – с непокрытой головой поскакал приветствовать маршала, тот в ответ пришпорил жеребца ему навстречу. Мощный француз, сидя на высоком коне, возвышался над англичанином, до Хука донеслись обрывки их фраз и смех. Затем, следуя учтивому жесту сэра Уильяма, маршал Франции повернул коня к английским воинам. Не обращая внимания на горожан-французов, он медленно ехал вдоль неровного строя латников и стрелков.

Квадратное лицо, обрамленное стриженными темно-каштановыми волосами, поседевшими у висков, поразило Хука жестокостью и грубостью черт. Несмотря на рубцы и шрамы, военные и мирные сражения маршала явно не сломили. Это было лицо жесткое и мужественное – лицо воина. Проницательные темные глаза оглядывали солдат и коней, пытаясь определить, надолго ли хватит выносливости войска, губы застыли в мрачной усмешке. Глянув на отца Кристофера, маршал вдруг улыбнулся, и Хук почувствовал в нем ту силу, которая позволяла ему вести за собой других, воодушевляя их на победу.

– Священник на боевом коне! – удивленно выговорил маршал. – Наши ездят на смирных кобылках, а не на рослых жеребцах!

– У нас, англичан, так много боевых коней, что их хватает и для служителей Бога, мессир, – ответил отец Кристофер.

Маршал одобрительно оглядел Люцифера.

– Хороший жеребец, – кивнул он. – Чей?

– Сэра Джона Корнуолла.

– А! – обрадованно воскликнул маршал. – Засвидетельствуйте мое почтение сэру Джону! Скажите, что я рад его посещению Франции и надеюсь, что он увезет в Англию самые теплые воспоминания о нашей стране. Увезет как можно раньше.

Маршал улыбнулся отцу Кристоферу и перевел взгляд на Хука. С явным интересом оглядев его оружие и доспехи, он протянул руку в латной перчатке.

– Окажи мне честь, дай поддержать твой лук.

Отец Кристофер перевел просьбу Нику. Тот и сам все понял, лишь в замешательстве не знал, как поступить.

– Отдай ему лук, только сначала натяни, – посоветовал священник.

Ник расчехлил цевье, вставил нижний конец в левое стремя и накинуд петлю на верхний наконечник, чувствуя рукой упругую силу напряженного тисового древка. Порой ему казалось, что лук, на который натянули тетиву, становится живым и в ожидании выстрела отзывается трепетом на каждое прикосновение.

Маршал по-прежнему ждал, держа на весу руку в перчатке, и Ник протянул ему оружие.

– Какой большой лук, – осторожно выговаривая английские слова, сказал Бусико.

– Более мощных я, пожалуй, не видел, – подтвердил отец Кристофер. – Да и сам лучник очень силен.

Французские латники, сопровождавшие маршала, внимательно смотрели, как Бусико, взяв цевье в

левую руку, правой пробует тетиву. Почувствовав силу лука, маршал удивленно вскинул брови и уважительно посмотрел на Ника. Переведя взгляд обратно на цевье, он мгновение помедлил и затем вскинул лук так, будто на нем лежала воображаемая стрела. Маршал задержал дыхание и натянул тетиву.

Английские стрелки следили за ним с легкой улыбкой: натянуть такой лук до конца сумел бы лишь опытный лучник. Тетива дошла до середины и замерла. Бусико натянул лук снова, струна отходила все дальше и наконец дошла до губ. Хук видел, как напряглось от усилия лицо француза, однако Бусико, поморщившись, вновь потянул тетиву и все-таки довел ее до правого уха. Задержав натянутый лук в таком положении, маршал приподнял бровь и взглянул на Хука.

Тот, не выдержав, рассмеялся, и английские лучники разразились приветственными криками в адрес французского маршала. Тот медленно ослабил тетиву и вернул лук Нику, лицо его сияло удовольствием. Хук, улыбаясь, принял оружие обратно и слегка поклонился в седле.

– Держи, англичанин! – воскликнул довольный Бусико, кидая Хуку монету, и с улыбкой поскакал дальше, вдоль строя аплодирующих ему лучников.

– Я тебе говорил, – улыбнулся отец Кристофер. – Он такой.

– Еще и щедр, – заметил Хук.

Монета оказалась золотой, размером с шиллинг – годовое жалованье, не меньше. Он затолкал монету в кошель, где носил лишние наконечники для стрел и три запасные тетивы.

– Щедр и справедлив, – согласился отец Кристофер, – но упаси бог иметь его врагом.

– Меня тоже, – раздался чей-то голос, и Хук обернулся в седле: из толпы латников, сопровождавших маршала, на него смотрел мессир де Ланферель. Глянув на руку Хука с отрубленным мизинцем, он едва заметно улыбнулся. – Ты мне еще не зять?

– Нет, мессир, – ответил Хук и назвал имя Ланфереля отцу Кристоферу.

Француз испытующе поглядел на священника:

– Вы были больны, святой отец.

– Верно, – согласился тот.

– Может, такова Божья кара? Господь в Своем милосердии поразил англичан болезнью в наказание за грех вашего короля...

– Грех? – мягко переспросил отец Кристофер.

– Вторжение во Францию, – пояснил Ланферель и выпрямился в седле. Его умощенные волосы цвета воронова крыла гладкой волной ниспадали до талии, перехваченной поясом из серебряных пластин, по-прежнему красивое лицо стало еще смуглее от летнего солнца, из-за чего глаза казались необычно яркими. – Надеюсь, вы останетесь во Франции, святой отец.

– Это приглашение?

– Конечно! – улыбнулся Ланферель, блеснув белоснежными зубами. – Сколько у вас людей?

– Мы многочисленны, как песчинки на берегу морском, – беспечно отозвался отец Кристофер, – как звезды на тверди небесной и как блохи на лобке у французской шлюхи.

– Да и вреда от вас не больше, – усмехнулся Ланферель, ничуть не задетый словами священника. – Сколько вас? Меньше десятка тысяч? А больных, я слыхал, король отправляет обратно в Англию?

– Отсылает, – подтвердил отец Кристофер. – Потому что нам и без того достанет людей совершить

положенное.

Хук поразился осведомленности Ланфереля. Откуда бы ему знать о больных, отсылаемых в Англию? Впрочем, на холмах вокруг Гарфлёра наверняка достаточно соглядатаев, чтобы рассмотреть носилки с больными, переправляемые на английские корабли: флот наконец-то вошел в обнесенную городской стеной гавань.

– И еще ваш король вводит в город подкрепление, – продолжал Ланферель. – А сколько бойцов потребуется, чтобы защитить Гарфлёр с его разрушенными стенами? Тысяча? – Ланферель вновь улыбнулся. – Маловато войско, святой отец.

– Однако оно сражается, – парировал отец Кристофер, – а не дрыхнет в Руане, как ваше.

Голос Ланфереля вдруг сделался жестким.

– Зато наше войско и вправду сравнится числом с блохами на лобке парижской шлюхи! Очень надеюсь, святой отец, что вы все же не покинете Францию и отправитесь туда, где блохи вдосталь напьются английской крови. – Ланферель подобрал поводья и кивнул Хуку. – Передай Мелисанде привет. И кое-что еще. – Он повернулся в седле. – Жан! Venez! [\[27\]](#)

Оруженосец – тот самый, что тупо глазел на Мелисанду в лесу над Гарфлёром, – подскочил к господину и по его приказу стянул с себя яркий налатник с изображением знакомого Нику горделивого сокола на фоне солнечного диска. Мессир де Ланферель, сложив налатник вчетверо, бросил его Хуку.

– Если дойдет до битвы, пусть Мелисанда его наденет: такой защиты ей хватит. Я не хочу ее смерти. Прощайте, вы оба. – И француз поскакал вслед маршалу.

На следующий день над морем собрались облака. Медленно перетекая к Гарфлёру, они постепенно затянули небо над городом сплошной пеленой. Лучники наскоро латали разрушенные стены, возводя бревенчатые частоколы: они послужат временной защитой, пока из Англии не подспеют каменщики, которые восстановят вал. Болезнь находила все новые жертвы. Разрушенные улицы воняли испражнениями, которые липкой грязью стекали в Лезарду – реку, снова вольно текущую по каменному каналу через весь город до тесной зловонной гавани.

Король послал вызов дофину, предлагая биться в поединке, победитель которого унаследует французскую корону после безумного короля Карла.

– Дофин не примет вызова, – сказал сэр Джон, следя глазами за лучниками, которые вбивали в землю столбы, поддерживающие новый частокол. – Толстый ленивый выродок. Нашему Генриху с ним сражаться – все равно что волку идти против поросенка.

– А если дофин не согласится на поединок, что тогда, сэр Джон? – спросил Томас Эвелголд.

– Тогда придется возвращаться домой, – с сожалением бросил командующий.

О том же говорила вся армия. Близилась осенняя дожди, которые положат конец кампании, и даже захоти Генрих продолжить войну – его немногочисленному войску не выстоять против французского. Так считали мудрые опытные бойцы и добавляли, что только полный дурак может этого не учитывать.

– Будь у нас еще шесть-семь тысяч – уж мы бы пустили им носом кровь, – мстительно протянул сэр Джон. – Да куда там! Оставят гарнизон охранять эту дыру с дерьмом, а остальных отправят в Англию.

Подкрепление все еще прибывало, однако новых бойцов все равно не хватало на то, чтобы заменить всех погибших и больных. Лодки доставляли новичков в зловонную гавань, где они, растерянно ступая на сходи, во все глаза глядели на побитые крыши, разрушенные храмы и закопченные камни.

– Многим из нас скоро домой, – сказал своим сэр Джон. – Гарфлёр останутся защищать

новоприбывшие.

В голосе его слышалось недовольство. Захват Гарфлёра явно не оправдывал всех истраченных денег и потерянных жизней. Сэру Джону – и, по слухам, самому королю – хотелось большего, однако все прочие лорды, герцоги, графы, епископы и командующие в один голос убеждали короля вернуться в Англию.

– Выбора нет, – сказал Хуку Томас Эвелголд как-то вечером.

Лорды собрались на военный совет у короля, чтобы вбить истину в его честлюбивую голову, и вся армия ждала решения. Вечер был ясным, закатное солнце отбрасывало на гавань длинные тени. Хук с Эвелголдом сидели за столом во дворе харчевни, прихлебывая пиво. Его теперь привозили из Англии, поскольку все гарфлёрские пивоварни разбило снарядами.

– Придется возвращаться, – добавил Эвелголд, явно думая о жарких спорах, которые разгорались сейчас в ратуше рядом с собором Святого Мартина.

– Может, нас оставят как часть гарнизона? – предположил Хук.

– Боже упаси! – воскликнул Эвелголд и перекрестился. – Да французская армия отвоюет этот городишко и глазом не моргнет! В три дня разнесут наши частоколы и тут же всех перебьют.

Хук, глядя на море, не ответил: в гавань входил корабль на длинных веслах (вечер выдался безветренным), вокруг мачты и двух высоких золоченых надстроек кружились чайки.

– «Святой Дух», – кивнул в сторону корабля Эвелголд.

«Святой Дух» построили на королевские деньги совсем недавно, чтобы поддержать вторжение во Францию, однако теперь на нем перевозили больных в Англию. Корабль подходил все ближе к пристани. Хук видел людей на палубе – меньше, чем в прошлый раз: похоже, последнее подкрепление.

– Сюда нас везли на полутора тысячах кораблей. Для обратного пути хватит и меньше, – горько усмехнулся Эвелголд. – Только лето зря потратили.

Солнце отсвечивало бликами от вызолоченных надстроек «Святого Духа», люди на палубе не сводили глаз с берега.

– Добро пожаловать в Нормандию, – буркнул Эвелголд. – А как твоя женщина – вернется в Англию?

– Да.

– Вы вроде жениться собирались?

– Вроде собирались.

– Отложи до Англии, Хук.

– Почему?

– Англию Бог не оставил. Не то что эту проклятую дыру.

Сентенары и латники подтягивались к пристани – забрать тех из новичков, кто принадлежал к их отрядам. Подошедший сюда же Уильям Сноболл, сентенар лорда Слейтона, приветливо кивнул Нику.

– Не ожидал вас здесь увидеть, мастер Сноболл, – признался тот.

– Почему?

– А кто ж тогда будет управляющим, пока вы здесь?

– Джон Уиллетс. Он без меня справится. Его светлость решил, что здесь я нужнее.

– У вас ведь опыт, – вставил Эвелголд.

– Что есть, то есть, – согласился Сноболл, – и еще его светлость хотел, чтоб я приглядывал за... – сентенар запнулся, – ну, сам знаешь.

– За сэром Мартином? – понял Хук. – А его-то он зачем сюда послал?

– А ты как думаешь? – буркнул Сноболл.

– Надеется на это?.. – Хук сделал рукой режущий жест у горла.

– Надеется, что сэр Мартин помолится за наши души, – сухо ответил Сноболл и, очевидно опасаясь, что сболтнул лишнего, отошел дальше к причалу.

Хук смотрел, как «Святой Дух» подходит к пристани.

– А к нам новички ожидаются? – спросил он Эвелголда.

– Понятия не имею, сэр Джон ничего не говорил.

– Он места себе не находит.

– Потому что он сумасшедший, умом тронутый! – покачал головой Томас Эвелголд. – Ему нужен поход по Франции! Он ненормальный! Хочет, чтоб мы все погибли! Ему-то ничего не грозит!

– Почему не грозит?

– Убить-то его не убьют, даже если мы двинемся дальше во Францию и нарвемся на битву. Знатных не убивают, Хук, их берут в плен! Нас с тобой никто не бросится выкупать, нас просто прирежут, зато их светлостей поселят в удобный замок и дадут жратвы и баб. Сэра Джона ничто не заботит, он хочет драки. Про себя-то он знает, что уцелеет в бою. Ему бы про нас подумать. – Эвелголд отхлебнул пива. – Ладно, все равно ничего не выйдет. Ко Дню святого Мартина будем уже дома.

– Король настроен на поход, – возразил Хук.

– Король умеет считать не хуже нас с тобой, – отмахнулся сентенар. – Так что никаких походов не будет.

С борта «Святого Духа» полетели причальные канаты, их тут же подхватили на берегу, судно подошло к пристани. По спущенным сходням на берег начали выходить новички. Лучников оказалось около шестидесяти, все с зачехленными луками, мешками для стрел и с узелками пожитков. Все выглядели непривычно чистыми, на налатниках ярко выделялся еще не вылинявший крест святого Георгия. С ближайших сходней спустился священник, встал на колени прямо на пристани и перекрестился. За ним остановились четверо лучников с гербом лорда Слейтона – полумесяцем и звездами; у одного из-под шлема выбивались непослушные золотистые вихры. Хук на секунду не поверил собственным глазам, но тут же вскочил и закричал:

– Майкл! Майкл!

Тот поднял глаза и заулыбался.

– Младший брат, – объяснил Хук Эвелголду и помчался к Майклу.

Они обнялись.

На оклик Уильяма Сноболла, звавшего Майкла, Хук обернулся:

– Он придет позже, мастер Сноболл, дайте ему освоиться. Где вас разместили?

Сноболл пробурчал указание, где искать людей лорда Слейтона, и Хук, пообещав сентенару доставить туда брата, притащил Майкла к столу и налил ему кружку пива. Томас Эвелголд оставил их одних.

– Как ты тут оказался? – спросил Хук.

– Лорд Слейтон послал сюда последних лучников, – улыбнулся Майкл. – Решил, что надо вам помочь. Я даже не знал, что ты здесь!

Потом они обменивались новостями. Хук упомянул, что Роберта Перрила убили при осаде (хотя и не стал говорить, как именно), а Майкл сказал, что их бабка умерла. Хука это известие ничуть не огорчило.

– Старая злобная ведьма, – обронил он.

– Как ни крути, она о нас заботилась.

– О тебе. Не обо мне.

Потом из харчевни вышла Мелисанда, ее представили Майклу, и Хука вдруг охватило внезапное, безудержное и прежде незнакомое ощущение счастья: с ним два самых любимых человека, в карманах полно денег, мир прекрасен... Французская кампания, правда, скоро закончится без мало-мальски ощутимой победы, и все же Хук был счастлив как никогда.

– А если тебя к нам в отряд? – спросил он брата. – Надо узнать у сэра Джона.

– Лорд Слейтон вряд ли разрешит, – ответил Майкл.

– Ну, спросить-то можно...

– А что тут затевается?

– Кажется, сколько-то бедолаг оставят охранять город, а остальных отправят домой.

– Домой? – нахмурился Майкл. – Нас ведь только привезли!

– Не знаю, так говорят. Лорды сейчас решают, что делать, но все равно осень – не время для долгих походов, да и французская армия слишком сильна. Нас отправят домой.

– Не хотелось бы, – улыбнулся Майкл. – Я что, плыл сюда затем, чтоб меня отослали обратно? Я хочу в битву!

– Не надо, – удивляясь сам себе, отрезал Хук.

Мелисанда, тоже озадаченная, глянула на него с любопытством.

– Не надо? – переспросил Майкл.

– Битва – это кровь. Взрослые мужчины кричат «мама!», вокруг крики и боль, и люди в железе пытаются тебя убить.

Майкл ошеломленно уставился на Ника.

– Нам всегда говорили, что наше дело – лишь стрелять, – пробормотал он.

– Мы и стреляем. Только потом, брат, ты оказываешься с ними лицом к лицу. И видишь их глаза. И убиваешь людей собственными руками.

– У Николаса это хорошо получается, – вставила Мелисанда.

– Не всем такое дано, – добавил Хук, подозревая, что открытому, доверчивому Майклу неостанет жесткости, чтобы просто подойти и убить.

– Ну хоть один бой, – с тоской протянул Майкл. – Маленький...

На закате Хук проводил Майкла к постройкам у Монтивильерских ворот, где расположились на постой люди лорда Слейтона. Когда братья вошли во двор купеческого дома, отведенного лучникам, старые знакомые притихли. Сэра Мартина поблизости не было. Мрачный Том Перрил, в задумчивости сидящий у стены, посмотрел на Хуков ничего не выражающим взглядом. Уильям Сноболл почувал неладное

и встал.

– Майкл будет с вами, – громко объявил Хук. – Сэр Джон Корнуолл велел передать, что мой брат под его защитой.

Сэр Джон такого, конечно, не говорил, но никто из людей лорда Слейтона об этом не узнает.

Том Перрил издевательски хмыкнул, однако промолчал. Уильям Сноболл, подойдя, остановился напротив Хука.

– Его никто не тронет, – подтвердил он.

– Никто никого не тронет! – эхом отозвался чей-то голос.

У ворот стоял сэр Эдвард Дервент, начальник над лучниками лорда Слейтона, захваченный в плен во время налета на подкоп и освобожденный после сдачи города. Одетый в лучшие одежды – должно быть, присутствовал на королевском совете, – он вышел на середину двора.

– Никто никого не тронет! – повторил он. – Никаких драк между собой, биться будете с французами!

– А как же домой? – озадаченно спросил Сноболл.

– Никаких «домой». Король желает войны, а желания короля должны исполняться.

– Мы остаемся? – недоверчиво переспросил Ник. – Здесь, в Гарфлёре?

– Нет, Хук, отправляемся в поход, – мрачно ответил сэр Эдвард, явно не одобряя такого решения. Однако королем был Генрих, а королевские желания, по словам самого же сэра Эдварда, должны исполняться.

Король желал воевать.

Значит, армия двинется дальше, вглубь Франции.

Часть третья

К Реке мечей

Глава девятая

Тяжелые подводы было велено в путь не брать, а все необходимое тащить на себе, на выючных лошадях и на легких повозках. Для быстроты передвижения, как объяснил сэра Джон.

– Гордыня, – позже сказал Хуку отец Кристофер. – Гордыня, и больше ничего.

– Гордыня?

– Тащиться обратно в Англию и предъявлять один Гарфлёр в оправдание потраченных денег? Королю такое не по нраву. Ему мало пнуть эту шавку Францию, надо еще накрутить ей хвост...

Шавка Франция пока дремала. Соглядатаи доносили, что вражеская армия растёт, однако вокруг Руана стояла совершенная тишь. Поэтому король Англии решил показать миру, что поход от Гарфлёра до Кале его не страшит.

– Не так уж тут далеко, – объяснил своим людям сэра Джон. – Неделя пути.

– А какая нам польза от недельного похода по Франции? – спросил Хук отца Кристофера.

– Никакой, – честно ответил священник.

– Тогда зачем?

– Явить величие. Показать, что французы беспомощны.

– И при этом идти без подвод?

Отец Кристофер усмехнулся:

– Чтоб беспомощные французы нас не догнали. Вот был бы удар, а, Хук? Двести тяжелых подвод слишком замедлят путь, придется оставить их здесь. Только кони и шпоры, и дьявол раздери отстающих.

«Слушать меня! – вспомнил Хук голос сэра Джона, ворвавшегося в „Le раон“ и грохнувшего рукоятью меча по пивной бочке. – Никто не спит? Все слышат? С собой брать еды на восемь дней! И все стрелы, сколько можете нести! Оружие, доспехи, стрелы и еда – больше ничего! У кого увижу что другое, кроме оружия, доспехов, стрел и еды, забью лишнее ему в брюхо и вытащу через зад! В походе идем быстро!»

– Все повторяется, – заметил отец Кристофер на следующее утро.

– Как так? – не понял Ник.

– Что ты знаешь из прошлого, Хук?

– Что моего деда убили и отца тоже.

– Как меня умиляют счастливые семьи! Нет, Хук, вспомни времена прадедов, когда королем был третий из Эдуардов. Он тоже приплыл в Нормандию и решил быстренько пройти маршем до Кале, да только его перехватили на полдороге.

– И убили?

– Боже милостивый, нет, конечно! Он побил французов! Про Креси-то ты слышал?

– Еще бы!

Любой стрелок слышал о битве при Креси – битве, в которой английские лучники победили цвет французского рыцарства.

– Славная битва, в которой Бог был за англичан. Однако Господне благоволение переменчиво.

– Вы думаете, Он не за нас?

– Я подозреваю, что Он за победителей, Хук.

Ник, затачивавший на камне наконечники стрел, мгновение помолчал, обдумывая слова священника. Он вспомнил, как в детстве старики рассказывали о Креси и Пуатье, где на врага обрушивался ливень английских стрел, – и торжествующе поднял в руке узкий наконечник.

– Если встретим французов – мы победим, – убежденно заявил он. – Продырявим их доспехи стрелами.

– У меня есть горестное подозрение, что король думает так же, – мягко ответил священник. – Он и вправду верит, что Бог за нас. Его брат явно убежден в обратном.

– Который из братьев? – спросил Хук.

И герцог Кларенс, и герцог Глостер были здесь же, при войске.

– Кларенс. Он отплывает в Англию.

Ник нахмурился: многие говорили, что герцог Кларенс знает военное дело даже лучше старшего брата.

– А что герцогу за причина? – спросил Хук, оглядывая наконечник: отточенное долгими усилиями острие, когда-то заржавленное, теперь сияло чистым металлическим блеском. Хук смочил пальцы и расправил оперение стрелы.

– Подозреваю, что ему не нравится решение брата. Официально считается, что герцог нездоров, однако для больного он выглядел на редкость цветущим. Кроме того, если Генриха убьют, корона перейдет к Кларенсу.

– Нашего Гарри не убьют! – горячо возразил Хук.

– Попадись мы в руки французам – убьют запросто, – насмешливо отозвался священник. – Правда, Генрих все же слушается советов. Его убеждали возвращаться в Англию, он настаивал на походе к Парижу, в результате мы направляемся в Кале. И дай нам бог добраться до него раньше, чем до нас доберутся французы.

– Вы говорите так, будто мы удираем.

– Не совсем удираем. Но почти. Вспомни красавицу Мелисанду.

– Мелисанду? – озадаченно нахмурился Ник.

– Французы собрались у ее пупка, Хук, а мы засели на правой груди. Теперь наше дело – бежать до левого соска и надеяться, что к ложбинке между грудями французы подоспеют не раньше нас.

– А если успеют?

– Тогда ложбинка станет долиной смерти, так что молись, Хук, чтобы мы быстрее шли, а французы дольше спали.

– Не то время, чтоб думать об удобстве! – громыхал тогда в харчевне сэр Джон. – Нельзя везти стрелы в бочках, потому что бочки не на что грузить! И к черту кожаные диски! Вязать стрелы в пучки, поплотнее!

У стрел в пучках сомнется оперение, точный выстрел уже не сделаешь. Зато плотно связанные стрелы можно прицепить к седлу или нагрузить на выючную лошадь, так что выбора не было. Стрелы вязали в пучки два дня: король велел брать все стрелы, какие есть, а это значило, что их будут сотни тысяч. Стрелами до отказа загрузили легкие повозки, которые предназначались в поход, но даже этого оказалось мало: всему войску, включая латников, было велено приторачивать вязанки стрел к задней луке седла. Пять тысяч лучников, выступивших в поход, за одну лишь минуту выпускают шестьдесят или семьдесят тысяч стрел, а за минуту ни одно сражение не выиграть.

– Сколько ни есть стрел – их все равно не хватит, – ворчал Томас Эвелголд. – Придется швырять во французов камнями.

В Гарфлёре оставили сильный гарнизон из трех сотен латников и почти тысячи лучников, хотя всех коней – за исключением вышколенных боевых жеребцов, принадлежащих латникам, – король велел взять в поход и нагрузить стрелами. Стрел в Гарфлёре тоже не хватало, однако новые защитники города со дня на день ожидали корабль со стрелами из Англии, где сейчас срочно тесали ясеновые древки, ковали наконечники и готовили оперение.

– Поход будет спешным! – зычно выкрикивал священник, который за день до выступления армии шествовал по Гарфлёру со свитком пергамента, останавливаясь на каждой улице и зачитывая королевский указ, чтобы довести королевскую волю до каждого. – Не растягиваться, не отставать! Собственность Церкви священна! За расхищение церковной собственности – повешение! С нами Господь, мы должны показать, что владеем Францией по Его милости!

– Все слышали? – рявкнул сэр Джон, как только священник двинулся на следующую улицу. – Церковную собственность не трогать! Монашек не насиловать! Богу это не понравится, и мне тоже!

Тем же вечером в соборе Святого Мартина отец Кристофер обвинил Хука с Мелисандой. Мелисанда не сдержала слез. Хук, преклонив колени перед алтарем с тающими свечами, мечтал услышать голос святого Криспиниана, однако святой молчал. Еще Хук жалел, что не позвал в церковь младшего брата, хотя звать было некогда: отец Кристофер категорически заявил, что пора венчаться, и притащил Хука с Мелисандой в собор.

– Да не оставит вас Господь, – закончил священник краткую церемонию.

– До сих пор не оставлял, – ответила Мелисанда.

– Значит, молитесь, чтобы Он пребывал с вами и дальше: сейчас нам нужна Божья помощь. – Отец Кристофер обернулся и поклонился алтарю. – Нужна как никогда, – добавил он тревожно. – Бургундцы вышли в поход.

– Нам на помощь? – спросил Хук.

Времена, когда в налатнике с бургундским крестом он смотрел, как французы вырезают целый город, теперь казались слишком давними.

– Нет, – ответил отец Кристофер. – На помощь Франции.

– Но... – начал было Хук и тут же примолк.

– Семейная ссора забыта. Теперь они объединились против нас.

– И все-таки мы выступаем в поход?

– Король упорствует, – невесело выговорил священник и, помолчав, продолжил: – Мы малое войско на краю большой страны. Но хотя бы вы двое теперь соединены навечно. Вас не разлучит даже смерть.

– Слава богу, – выдохнула Мелисанда и перекрестилась.

В следующий, восьмой день октября – вторник, праздник святой Бенедикты – армия выступила в поход.

Под чистым ясным небом войско двинулось вдоль береговой линии на север. Армия удалялась от города, провонявшего дерьмом и смертью, и Хук почувствовал, как оживает боевой дух солдат. Одни без видимых причин улыбались, другие беззлобно задирали друзей, кто-то, дав шпоры коням, пускался в галоп единственно из удовольствия проскакать по открытому полю.

Сэр Джон Корнуолл командовал авангардом, и его отряд шел в голове колонны. Знамя сэра Джона развевалось на ветру между крестом святого Георгия и флагом Святой Троицы, все три штандарта охраняли латники, позади которых ехали четверо барабанщиков, выбивающих постоянный ритм. Лучники держались впереди, разведывая дорогу и высматривая врагов. В первый же день те устроили засаду, однако никто из людей сэра Джона не пострадал. Французы выскочили из Монтивильера, окруженного стенами города рядом с дорогой, лишь пропустив хорошо вооруженный и бдительный передовой отряд. Из леса посыпались арбалетные стрелы, полтора десятка латников налетели на колонну. Несмотря на бурный отпор, двух англичан им удалось убить и дюжину взять в плен.

После этого французы не показывались, словно вновь погрузившись в дрему, и английские латники со временем перестали надевать доспехи, которые теперь везли на вьючных лошадях. Разноцветные куртки и развевающиеся перед каждым отрядом знамена делали колонну похожей на праздничное шествие. Женщины, пажы и слуги ехали позади латников, ведя с собой запасных лошадей, нагруженных, как и повозки, доспехами, едой и вязанками стрел. Хук, время от времени оборачиваясь в седле, видел позади тонкую дымку пыли, поднимающейся над невысокими холмами и густым лесом. Пыль стояла по всему пути колонны, изгибающемуся между небольшими полями по направлению к реке Сомме. Войско казалось Хуку значительным, хотя на деле насчитывало менее десяти тысяч воинов, и выглядело большим лишь из-за коней, которых вместе с вьючными было двадцать тысяч.

К воскресенью за невысокими тесными холмами, по которым шла армия, открылись пологие долины. Сэр Джон сказал, что неплохо бы в тот же день дойти до Соммы, главного препятствия на пути англичан. После переправы через реку войску останется лишь трехдневный переход до Кале.

– Значит, битвы не будет? – спросил брата Майкл.

Отряд лорда Слейтона тоже шел в авангарде. Сэр Мартин и Томас Перрил явно старались не попадаться на глаза сэру Джону и его людям.

– Говорят, что не будет, – ответил Ник. – Хотя кто знает...

– Французы не станут нам мешать?

– До сих пор ведь не пытались. – Хук, с другими лучниками сэра Джона ехавший на полмили впереди колонны, кивнул на безлюдную равнину. – Может, они только рады, что мы уходим? Решили оставить нас в покое?

– Ты уже был в Кале, да? – Майкл не переставал удивляться тому, что старший брат побывал так далеко и повидал так много.

– Станный городишко. Необъятная стена, огромная крепость и тесная груда зданий. Зато оттуда можно отплыть домой, Майкл. Домой!

– Только-только приехать успел... – с тоской протянул Майкл.

– Может, нас привезут сюда на следующий год, довершить начатое. Гляди! – указал Хук вперед, на мерцающее пятно среди коричневых, золотистых и желтых листьев. – Должно быть, река.

- Или озеро, – пожал плечами Майкл.
- Местность, что мы ищем, называется Бланштак.
- Вот же придумали имечко, – усмехнулся Майкл.
- В Бланштаке есть брод. Переправимся – и считай что дома.

Хук обернулся на стук копыт: к нему галопом скакали сэр Джон с полудюжиной латников. Командующий, с непокрытой головой и в одной кольчуге, осадил Люцифера.

- Видел, Хук? – оживленно кивнул он влево, где за гребнем низкого холма виднелось море.
- Что именно, сэр Джон?

Командующий указал мелкий белый выступ на морском горизонте:

- Гри-Нэ! Серый Нос, Хук!
- Что такое Серый Нос?

– Мыс, всего полдня пути от Кале! Видишь, как мы близко!

– Три дня верхом?

– На Люцифере – два. – Командующий потрепал гриву жеребца и обернулся посмотреть на равнину. – Там река?

– Похоже на то, сэр Джон.

– Значит, Бланштак где-то рядом! То самое место, где третий Эдуард переходил через Сомму по пути на Креси! Может, с ним шел и твой прадед, Хук?

– Он был пастух, сэр Джон. За всю жизнь ни разу не стрелял из лука.

– Зато метал камни из пращи, – добавил Майкл, хоть и робел от присутствия командующего.

– Как Давид с Голиафом, да? – откликнулся сэр Джон, не отводя взгляда от мыса. – Слышал, тебя повенчали, Хук?

– Да, сэр Джон.

– Женщины это любят, – мрачно протянул командующий, но тут же оживился. – А мы любим женщин! Она хорошая девушка, Хук. – Он вновь взгляделся в клочок земли на горизонте. – Ни единого француза!..

– Вон там всадник, – тихо заметил Майкл.

– Там – кто? – бросил сэр Джон.

– Вон там, – указал Майкл на заросли примерно в миле впереди. – Всадник, господин.

Сэр Джон, вглядываясь в деревья, молчал.

– Верно, сэр Джон, – подтвердил Хук, разглядевший неподвижного всадника в тени густых деревьев.

– Выродок за нами следит. Можешь его оттуда выкурить, Хук? Он наверняка знает, где эти чертовы французы стерегут брод. Только не дай ему уйти, а выгони на нас.

Хук оглядел равнину в поисках путей, чтобы обогнуть всадника и остаться незамеченным.

– Наверное, получится, сэр Джон.

– Тогда за дело.

Взяв с собой брата, Скойла-лондонца и Тома Скарлета, Хук поскакал назад, к приближающейся

армии, и затем вниз по пологому склону, укрывшему всадников от француза. Там он свернул с дороги на восток и, пришпорив Резвого, пронесся галопом через луг, скрытый от глаз француза рощей и высокими кустарниками. Участки полей разгораживались не заборами, а канавами, через которые кони легко перепрыгивали, в ложбинах между возвышенностями четверо лучников оставались незамеченными. Хук вновь повернул на север. Справа крестьянин пахал поле. Два вола с трудом тащили большой плуг, глубоко погруженный в землю – озимую пшеницу сеяли глубже летней.

– Дождя бы ему! – крикнул на скаку Майкл.

– Не поможет! – отозвался Хук.

Кони вынеслись на пологий пригорок. Открылся вид на долину. Лучники оказались ровно там, где планировал Хук. Пока не сворачивая в заросли, скрывавшие француза, он продолжал двигаться к северу, чтобы отрезать всадника от Соммы. Если, конечно, всадник еще не ускакал. Наверняка он окажется не более чем местным землевладельцем, захотевшим поглазеть на вражескую армию. Впрочем, дворяне должны знать об окрестных новостях куда больше землепашцев, и сэр Джон, решивший допросить француза, явно на это рассчитывал.

Резвый, утомившись скачкой, тяжело дышал, и Хук натянул поводья.

– Луки к бою! – скомандовал он, расчехляя оружие. Уперев цевье одним концом в стремя, он натянул тетиву.

– Нам вроде не велено его убивать, – заметил Том Скарлет.

– Если он из дворян, – Хук не сомневался, что так и есть: француз был конным, – то мечом он владеет хорошо. Только приблизься – снесет тебе голову и глазом не моргнет. А против стрелы мечом не помашешь, ведь так? – Ник наложил стрелу на лук и прижал ее к цевью большим пальцем левой руки.

Потрепав коню шею, он вновь пришпорил Резвого. Теперь лучники приближались к лесу с обратной стороны. Хук видел, что сэр Джон остался на том же пригорке, откуда заметили француза: чтобы не спугнуть врага и не выгнать его из укрытия. Однако француз то ли почуял опасность, то ли уже увидел что хотел. Внезапно он развернулся и дал шпоры коню, направляясь на север, к реке.

– Нелегкая его побери, – ругнулся Хук.

Сэр Джон, заметив отъезжающего француза, немедленно пришпорил коня и поскакал вперед вместе с латниками, однако французский конь шел явно резвее утомленных английских лошадей.

– Точно не догонят, – заметил Скойл.

Хук, не ответив, развернул Резвого и дал шпоры. Француз скакал по тропе, уходившей вправо: если выйти наперерез, можно его перехватить. Хук знал, что нагнать всадника ему не удастся, зато оставался шанс приблизиться на лучный выстрел. Француз, обернувшись в седле, увидел Хука с лучниками и погнал коня вперед. Хук тоже пришпорил Резвого, копыта быстрее застучали по жесткой земле. Увидев, что всадник вот-вот скроется за деревьями, Хук натянул поводья, выдернул ноги из стремян и соскочил на землю. Оступившись, он упал на одно колено, но тут же вскинул лук и натянул тетиву.

– Слишком далеко! – крикнул Скойл, натягивая поводья. – Побереги стрелу!

– Далеко, не достанешь, – согласился Майкл.

Хук, сжимая в руке тяжелый лук, не думал о цели. Глядя на далекого всадника, он лишь знал, куда должна вонзиться стрела. Он натянул тетиву до конца и отпустил, струна ударила по незащищенному левому запястью, и стрела, на мгновение дрогнув в воздухе, устремилась к цели.

– Не долетит шагов на двадцать, – заметил Том Скарлет.

Стрела прочертила в воздухе дугу, белое оперение, мелькнув, сделалось едва различимой точкой в осеннем небе. Далекий всадник гнал лошадь галопом, не подозревая, что стрела с широким наконечником уже начала стремительно снижаться. Француз обернулся на преследователей – и в этот миг широкоглавая стрела ударила коню в брюхо, распоров тело до крови и мяса. Конь резко дернулся от внезапной боли, всадник потерял равновесие и свалился с седла.

– Господи Иисусе! – только и вымолвил изумленный Майкл.

– Вперед!

Хук, подобрав поводья, вскочил в седло и пришпорил Резвого, не сразу найдя стремяна, так что побоялся и сам слететь на землю. Успев вдеть правую ногу в стремя, он увидел, что француз снова влезает на лошадь. Стрела Хука не убила ее, лишь ранила, однако животное истекало кровью: наконечники с широкими зубцами на то и делались, чтобы глубоко взрезать плоть, и чем скорее француз гнал лошадь, тем больше крови она теряла.

Всадник уже приближался к спасительной роще, где можно скрыться среди деревьев. Хук, выскочив на дорогу под теми же деревьями, увидел француза в сотне шагов впереди. Конь его двигался из последних сил, оставляя на земле кровавый след. Заметив преследователей, француз соскользнул с седла и кинулся бежать в лес.

– Non! [\[28\]](#) – крикнул Хук, остановив Резвого.

Хук, уже наложив на лук следующую стрелу, держал всадника на прицеле, и при виде стрелы, готовой сорваться с натянутого лука, француз обреченно кивнул. Он был при мече, но без доспехов. Хук, приблизившись, разглядел дорожную одежду: тонкое сукно, плотный лен, – дорогие сапоги. Всадник – лет тридцати, широколицый, с аккуратно подстриженной бородкой – не отводил от стрелы светлых зеленых глаз.

– Стой, где стоишь, – велел ему Хук.

Неизвестно, понимал ли француз по-английски, но натянутый лук и стрела с тонким жалом говорили сами за себя, и француз остался на месте, рядом с умирающим конем. Конь жалобно заржал, его передние ноги подломились, и он упал на тропу. Всадник, присев рядом, потрепал рукой его морду и что-то тихо проговорил.

– Ты чуть было его не упустил, Хук! – крикнул, подъезжая, командующий.

– Так и есть, сэр Джон.

– Ну так посмотрим же, что известно этому выродку. – Сэр Джон соскочил с седла и кивнул на французского коня. – Кто-нибудь, поимейте жалость, прикончите животное!

Ударом алебарды в лоб с конем было покончено, и сэр Джон принялся беседовать с пленником. На изысканную любезность командующего француз отвечал пространными репликами, приводившими сэра Джона в явное смятение.

– Коня для мессира Жюля! – обернулся командующий к лучникам. – Мы едем к королю.

Мессира Жюля проводили к Генриху, армия остановилась.

Авангарду оставалось лишь пять миль до переправы у Бланштака, путь от которой до Кале займет всего три дня. И когда через восемь дней после выхода из Гарфлёрра армия вступит в Кале, Генрих сможет похвастаться если не победой, то хотя бы посрамлением французов. Теперь все зависело от переправы через широкий приливный брод у Бланштака.

А его уже стерегли французы.

Шарль д'Альбре, коннетабль Франции, стоял на северном берегу Соммы, и пленник сэра Джона – приближенный коннетабля – рассказал, что брод заставлен заостренными шестами и на другом берегу англичан ждет войско в шесть тысяч человек.

– Переправляться бесполезно, – мрачно бросил сэр Джон тем вечером. – Выродки поспели раньше.

«Выродки» перегородили подступы к реке, и с наступлением ночи на дальнем берегу Соммы зажгли походные костры французов, охраняющих Бланштакский брод.

– Реку можно перейти лишь при отливе, – объяснил сэр Джон. – И даже тогда мы можем идти только по два десятка в ряд. А двадцать латников против шести тысяч не выстоят.

Все надолго примолкли, и лишь отец Кристофер осмелился задать вопрос, на который не отваживался никто другой из опасения услышать ответ:

– Так что же нам делать, сэр Джон?

– Искать другой брод, что еще.

– Где, во имя всего святого?

– Дальше от моря.

– Двигаться к пупку... – пробормотал отец Кристофер.

– Что? – Командующий воззрился на священника как на помешанного.

– Ничего, сэр Джон, ничего! – помотал головой отец Кристофер.

Английской армии, у которой осталось еды на три дня, предстояло идти вглубь Франции в поисках переправы. Если брод не найдется – гибель неизбежна. Если найдется, то гибель все равно где-то рядом: поход затянется, за это время французы очнутся от спячки и выйдут встретить врага. Проскочить вдоль берега не удалось, теперь Генриху с остатками армии придется уходить вглубь страны.

На следующее утро, под серым пасмурным небом, войско двинулось к востоку.

Надежда, прежде поддерживавшая армию, постепенно сменялась отчаянием. Болезнь вновь давала о себе знать, всадники то и дело спрыгивали с коней, отбегали к краю дороги и скидывали штаны. Замыкающим отрядам приходилось ехать сквозь густую вонь. Над колонной висело угрюмое молчание. С океана то и дело налетал дождь, вымачивая солдат до нитки.

Все мосты были уничтожены, каждый брод через Сомму перегораживали заостренные колья, на дальнем берегу стояла охрана. Французы тенью следовали за англичанами – не та огромная армия, что собиралась у Руана, а меньший отряд, вполне способный отбить попытку англичан переправиться через загороженный брод. Конные латники и арбалетчики каждый день маячили на северном берегу Соммы, продвигаясь вровень с англичанами, идущими по южному. Сэр Джон с отрядом латников то и дело пускался в бешеный галоп, надеясь опередить французов у очередного брода, но каждый раз враг уже ждал на месте – французы успели выставить гарнизоны у каждой переправы.

Еды не хватало. Мелкие, не защищенные стенами городá под угрозой нападения выставляли англичанам корзины с хлебом, сыром и копченой рыбой, однако армия, идущая дальше вглубь Франции, становилась все голоднее.

– Нельзя, что ли, вернуться в Гарфлёр? – ворчал Томас Эвелголд.

– Тогда получится, что мы бежим от французов, – ответил Хук.

– Уж лучше сбежать, чем сдохнуть...

Враги показывались и на южном берегу реки, по которому шли англичане. Мелкие, в шесть-семь человек, отряды французских латников следили за проходящей колонной с южных холмов и с приближением англичан исчезали. Время от времени кто-то из французов поднимал копье в знак готовности сразиться в поединке. Если англичанин принимал вызов, враги пускали коней галопом, железные наконечники копий лязгали по доспехам противника, и один из участников поединка вылетал из седла. Однажды двое пронзили друг друга, и оба умерли, насаженные каждый на вражеское копье. Временами французские отряды в сорок – пятьдесят латников нападали на слабый участок колонны и, убив нескольких англичан, галопом пускались прочь.

Французы, опередившие колонну, тоже не дремали: чтобы урожай не доставался англичанам, зерно из амбаров и хранилищ переправляли в Амьен – город, который английское войско миновало в день, назначенный для прибытия в Кале. Сумки и мешки, в которых англичане везли продовольствие, теперь пустовали. Проезжая мимо вознесенного над городом белокаменного Амьенского собора, промокший под моросящим дождем Хук думал о запасах еды за городскими стенами. Его, как и всех в английском войске, мучил голод.

На следующий день разбили лагерь у крепости на меловом утесе. Латники сэра Джона схватили двух вражеских рыцарей, подобранных слишком близко к авангарду. Пленники хвастливо расписывали, как французская армия расправится с жалким войском Генриха, и без опаски повторяли похвальбы перед самим Генрихом. После этого сэр Джон передал лучникам королевский приказ:

– Завтра утром каждому вырезать кол длиной с лучное цевье. Кто сможет – длиннее! Толщиной с руку. И заострить с обоих концов.

Капли дождя шипели, попадая в костер. На ужин лучникам Хука достался заяц, убитый из лука Томом Скарлетом и зажаренный в костре Мелисандой, и лепешки из толченого овса и желудей, которые Мелисанда испекла на камнях, ограждавших огонь. Голод от этого не стих, горсть орехов на всех и пара твердых зеленых яблок тоже не прибавили сытости. Вместо давно закончившихся пива и вина пили родниковую воду. Мелисанда, закутанная в огромную кольчугу Хука, теперь сидела прижавшись к мужу.

– Коля? – осторожно переспросил Томас Эвелголд.

– Французы, чтоб им гнить в аду, придумали, чем вас победить. – Сэр Джон подошел к самому большому костру. – Победить вас, лучников! Они вас боятся! Слышите меня?

Лучники молча смотрели на командующего. Дождевые капли стекали по полям его кожаной шляпы и по складкам толстого кожаного плаща, в руках он держал укороченное копье, каким латники сражаются в пешем бою.

– Мы слушаем, сэр Джон! – отозвался за всех Эвелголд.

– Из Руана пришло предписание! – объявил сэр Джон. – Маршал Франции придумал план! По нему полагается сначала перебить вас, лучников, а потом прикончить остальных.

– А знатных взять в плен, – тихо, чтоб не услышал сэр Джон, добавил Эвелголд.

– Французы собирают рыцарей. Кони будут в боевой защите, всадники – в лучших доспехах, – продолжал командующий. – В миланской броне! Уж вы-то о ней знаете.

Хук слышал, что броня из какой-то местности под названием Милан считается лучшей в мире, ее не пробивает даже узкий тяжелый наконечник стрелы. Правда, такую броню мало кто мог себе позволить из-за дороговизны. Говорили, что полные миланские доспехи стоят около сотни фунтов – больше, чем десятилетнее жалованье лучника, и недостижимая роскошь для большинства латников, которые и сорок фунтов в год считали богатством.

– На закованных в доспехи конях и в миланской броне они нападут на вас, лучников! С копьями и булавами! – не умолкал сэр Джон. Лучники слушали внимательно, пытаясь представить себе, как огромные кони в железных наглавниках и боевых пополах, поднимаясь на дыбы, сминают охваченный паникой строй. – Из тысячи всадников дай вам бог уложить сотню! Остальные вырежут вас до единого. Одна надежда – заостренный кол!

Сэр Джон поднял укороченное копье и показал лучникам. Уперев задний конец копья в покрытую палой листвою землю, он наклонил древко, так что обитый железом наконечник пришелся на высоту груди.

– Надо уставить древко в землю, – объяснил командующий. – Когда коня проткнет острием, всаднику в миланских доспехах некуда будет деваться. Поэтому завтра утром всем срезать колья. По одному на каждого. И заострить с обеих сторон.

– Завтра, сэр Джон? – недоверчиво переспросил Эвелголд. – Враги так близко?

– Они могут поджидать где угодно. Поэтому начиная с завтрашнего утра в дневных переходах не снимать кольчуги, ехать в шлемах, держать тетиву сухой и иметь наготове колья.

На следующее утро Ник срезал дубовый сук и алебардой заострил с обеих сторон.

– Когда отплывали из Англии, нам только и твердили, что лучшего войска, чем наше, никто не видывал, – проворчал Уилл из Дейла. – А теперь что? Сырая тетива, лепешки из желудей да колья, будь они неладны!

Длинный дубовый кол только мешал ехать верхом, кони устали, вымокли и измучились от голода, дождь налетал сзади порывами, превращался в ливень, вспенивал поверхность реки. Дальний берег стерегли французы. Упорно и неотступно.

По приказу короля авангард повернул от реки на длинный мокрый склон, наверху которого открылось ровное плато.

– Куда мы теперь? – спросил Хук, когда река скрылась из виду.

– Бог знает, – ответил отец Кристофер.

– А вам Он этого не говорит?

– А твой святой?

– Ни слова.

– Значит, лишь Бог и знает. Только Он.

На глиняном плато дорога вскоре превратилась в грязное месиво, без конца поливаемое дождем. Похолодало. Деревьев на плато оказалось мало, жечь костры было не из чего. Той ночью лучники из какого-то отряда пустили в костер заостренные колья, чтобы согреться. Наутро их наказали плетью на виду у всего войска, винтеному отрезали уши.

Французские всадники, по-прежнему наезжавшие с юга, почуяли, что армия Генриха близка к отчаянию: изможденные латники на голодных конях уже не обращали внимания на призывно поднятые вражеские колья. Французы, осмелев, с каждым разом подъезжали все ближе.

– Не тратьте стрелы! – велел лучникам сэр Джон.

– Одним французом меньше убивать в бою! – возразил Ник.

Командующий устало улыбнулся:

– Это дело чести, Хук. – Он кивнул на одинокого француза всего в полумиле от них, гарцующего с

поднятым копьём в надежде, что кто-то из англичан примет вызов. – Он ищет доблести и готов биться со мной или другим рыцарем. Благородная цель.

– Избавляющая от стрелы? – насмешливо спросил Ник.

– Да, Хук. Не убивай его. Он смелый малый.

«Смелые малые» один за другим подъезжали в тот день к строю, однако никто из англичан не принял вызова. Расхрабрившиеся французы подтягивались с каждым разом все ближе и, высматривая среди англичан знакомых – бывших соперников по рыцарским турнирам в Европе, – перекидывались с ними словом-другим. Всего их появлялось не больше дюжины разом, и один из таких вдруг направил горячего вороного жеребца, легко гарцующего по вязкой земле, прямо к первым рядам.

– Сэр Джон!

Всадником оказался мессир де Ланферель, чьи черные волосы, намокшие под дождем, гладко лежали по спине.

– Ланферель!

– Если я дам овса твоему коню, скрестишь со мной копьё?

– Если дашь овса – моим лучникам будет ужин! – откликнулся командующий.

Ланферель рассмеялся. Сэр Джон, свернув с дороги, подъехал к французу, они дружелюбно разговорились.

– Будто приятели, – заметила Мелисанда.

– Может, они и вправду приятели, – предположил Хук.

– А в битве друг друга убьют?

– Англичанин! – Ланферель вдруг повернул коня к лучникам. – Сэр Джон говорит, ты женился на моей дочери?

– Так и есть, – ответил Хук.

– Без моего благословения? – с удовольствием откликнулся Ланферель и обернулся к Мелисанде. – Не забыла про налатник, что я тебе дал?

– Нет.

– Будет битва – надень, – напомнил француз.

– Неужели он меня спасет? – с горечью отозвалась девушка. – В Суассоне даже ряса послушницы меня не защитила!

– К черту Суассон, детка, – отмахнулся Ланферель и кивнул на медленно движущуюся грязную колонну. – Что было в Суассоне, случится теперь и с ними, англичане обречены! А я тебя спасу.

– Для чего?

– Для той судьбы, которую тебе назначу. Ты глотнула свободы, и куда она тебя завела? – Ланферель белозубо улыбнулся. – Может, забрать тебя прямо сейчас? Пока мы не перерезали все английское войско?

– Я останусь с Николасом, – ответила девушка.

– Ну и оставайся с проклятыми англичанами, – бросил Ланферель. – А когда твоего Николаса прикончат, я тебя заберу.

Француз развернул жеребца и, обменявшись последними словами с сэром Джоном, поскакал на юг.

– Проклятые англичане? – переспросил Ник.

– Так вас называют французы, – ответила Мелисанда и взглянула на сэра Джона. – Мы и вправду обречены?

Командующий невесело усмехнулся:

– Все зависит от того, нагонит ли нас французская армия, а если нагонит – сумеет ли победить. Пока что мы живы.

– Неужели нас догонят?

Сэр Джон указал на север:

– Французы шли по северному берегу, чтобы не дать нам переправиться, и теснили нас туда, где ждет большая армия. А здесь река сворачивает к северу. Длинным изгибом. Мы спокойно срежем путь по долине, а французам придется огибать излучину. На это уйдет три-четыре дня, а мы подойдем к реке уже завтра! Никаких французов на северном берегу еще не будет. И когда найдем брод или паче чаяния мост – тут же переберемся через Сомму и поскачем к харчевням Кале. Мы будем уже дома!

Однако на следующий день англичане прошли даже меньше обычного. Травы для лошадей уже не было, овса тоже, и каждый день все больше всадников спешили и вели ослабших коней в поводу. Маленькие городки – подобные тем, что в первую неделю давали войску продовольствие, – захлопывали ворота перед носом врага и отказывали в помощи, зная, что англичанам некогда штурмовать городские стены, даже изрядно обветшалые. Глядя вслед уныло удаляющейся колонне, горожане молили Бога послать смерть обессиленному врагу.

Гневить Бога Генриху не хотелось. И потому за день до ухода с плато обратно в долину Соммы, когда кто-то из местных священников заявил о пропаже дарохранительницы, король приказал войску остановиться. Сентенары и винтенары получили приказ обыскать людей. Пропавшая дарохранительница – сосуд из позолоченной меди, в котором хранились освященные облатки для причастия, – явно не имела большой ценности, однако Генрих вознамерился ее найти.

– Наверняка ее стянули ради хлеба, – предположил Том Скарлет. – Облатки сожрали, а сосуд выкинули.

– Ну что, Хук? – требовательно спросил сэр Джон.

– Ни у кого из наших нет.

– Какая-то вшивая дарохранительница! – прорычал командующий. – Чума ее побери! Так, святой отец?

– Как скажете, сэр Джон, – отозвался отец Кристофер.

– Из-за одной паршивой жестянки рисковать тем, что французы нас догонят!

– Если найти пропажу, Господь нас наградит, – уверил отец Кристофер. – Глядите, Он уже прекратил дождь!

С началом поисков дождь и вправду перестал, и слабые лучи солнца, с трудом пробивающиеся сквозь пелену туч, заиграли на раскисшей от влаги земле.

А потом нашлась дарохранительница.

Ее спрятали в рукав куртки кого-то из лучников – запасной куртки, свернутой и притороченной к луке седла, хотя сам лучник клялся, что и куртку, и дарохранительницу видит впервые.

– Виновные всегда отпираются, – склонился к Генриху королевский капеллан. – Повесьте его,

государь.

– Повесим, – с готовностью согласился король. – Пусть все видят! Вот что будет с теми, кто согрешит против Бога! Повесить его!

– Нет! – крикнул Хук.

Потому что лучником, стоявшим перед королем и свитой, был его брат Майкл.

Которого ждала веревка.

Королевская стража подтащила Майкла к подножию старого вяза, где, не сходя с коней, уже ждали король с придворными. Здесь же стоял и деревенский священник, заявивший о пропаже дарохранительницы. Войско, которому велели присутствовать, обступило вяз широким кругом, хотя задним не удавалось разглядеть происходящее из-за спины тех, кто оказался в первых рядах. Два стражника в кольчугах, покрытых налатниками с королевским гербом, вытолкали к дереву Майкла. Руки ему связали, хотя он, ошеломленный и сбитый с толку, и не думал сопротивляться.

– Нет! – снова крикнул Ник.

– Заткнись! – рявкнул Томас Эвелголд.

Слышал король возглас Хука или нет – он не показал вида: непреклонное, словно высеченное из камня, лицо не дрогнуло.

– Он... – начал было Хук, пытаясь объяснить, что его брат не способен украсть, но Эвелголд, мгновенно развернувшись, двинул кулаком Хуку в живот так, что у того перехватило дух.

– В следующий раз сломаю челюсть, – пообещал Эвелголд.

– Мой брат... – прохрипел Хук, пытаясь вздохнуть.

– Заткнись! – прорычал из переднего ряда сэр Джон.

– Ты оскорбил Господа и подверг опасности все войско! – хрипло выговаривал Майклу король. – Разве можно надеяться на Божью помощь, если мы нарушаем Его заповеди? Из-за тебя в опасности судьба всей Англии!

– Я ничего не крал! – взмолился Майкл.

– Из чьего он отряда? – спросил Генрих.

Сэр Эдвард Дервент выступил вперед.

– Из лучников лорда Слейтона, государь, – ответил он, склоняя сидящую голову. – Я не верю, что он вор.

– Дарохранительница была у него?

– Ее нашли среди его пожитков, – осторожно ответил сэр Эдвард.

– Куртка не моя, государь! – вставил Майкл.

– Ты подтверждаешь, что дарохранительница найдена среди его вещей? – не отступал король от сэра Эдварда, не обращая внимания на юного светловолосого лучника, упавшего на колени.

– Да, государь, хотя я не знаю, как она туда попала.

– Кто ее обнаружил?

– Я, государь, я! – Сэр Мартин, в заляпанной грязью рясе, утеревшей всякий цвет, выбрался из толпы и

бухнулся на одно колено. – Он хороший мальчик, государь, и добрый христианин.

Сэр Эдвард, перевозноси он Майкла хоть целый день, не поколебал бы короля ни на миг, однако слово священника весило больше. Генрих подобрал поводья и склонился с седла:

– Ты утверждаешь, что он не брал дарохранительницу?

– Он... – заикнулся было Хук, но тут же, получив от Эвелголда кулаком в живот, согнулся пополам.

– Дарохранительницу нашли в его вещах, государь, – заявил сэр Мартин.

– Значит?.. – Король в замешательстве осекся: священник, только что высказавшийся в защиту Майкла, теперь отстаивал обратное.

– Сосуд найден среди его вещей, государь, это неоспоримо, – самым скорбным тоном произнес сэр Мартин. – Его деяние повергает меня в печаль, наполняет горечью сердце.

– И приводит меня в ярость! – бросил Генрих. – И, кроме того, навлекает на нас Божий гнев! Мы рискуем потерять Его благоволение из-за какой-то медной безделицы! Повесить лучника!

– Государь! – воскликнул Майкл, но не увидел ни жалости, ни сочувствия – ни надежды.

Петлю набросили ему на шею, и двое стражников потянули конец веревки, перекинутой через сук.

Брат Ника, хрипя и задыхаясь, отчаянно забился, но мало-помалу метание перешло в дрожь и судороги, хрип сменился резкими всхлипами и затем окончательно стих. Все заняло двадцать минут, король следил за каждым движением и, лишь убедившись, что вор больше не дышит, отвел взгляд от тела. Сойдя с коня, он на глазах всего войска преклонил колено перед изумленным деревенским священником и громко обратился к нему по-английски, хотя тот явно не понимал чужого языка.

– Мы испрашиваем прощение у тебя и у всемогущего Бога! – Генрих, держа дарохранительницу обеими руками, протянул ее напуганному священнику.

Тот взял сосуд дрожащими пальцами, на лице проступило удивление: наполненная королевскими монетами дарохранительница оказалась много тяжелее, чем обычно.

– Тело не трогать! – распорядился Генрих, поднимаясь с колен. – И вперед! Пора двигаться!

Король взялся за поводья, вставил ногу в стремя и легко вскочил в седло. Когда он, сопровождаемый свитой, поскакал вперед, Хук подошел к телу брата, оставшемуся висеть на дереве.

– Что ты задумал, прах тебя побери? – грозно спросил сэр Джон.

– Похоронить брата, – ответил Ник.

– Чертов ты идиот, Хук! – рявкнул командующий и ударил Ника в лицо рукой в латной перчатке. – Кто ты такой?

– Он невиновен! – уверенно заявил Хук.

На этот раз сэр Джон ударил сильнее, ободрав лучнику щеку до крови.

– Не важно, виновен или нет! – прорычал командующий. – Бог ждал жертвы, и Он ее получил. Может, смерть твоего брата сохранила нам жизнь!

– Он не вор, он сроду ничего не крал! Он честный!

Рука в латной перчатке ударила в другую щеку.

– Королевские приказы не обсуждаются! – отрезал сэр Джон. – Король велел не хоронить – значит, не хоронить! Радуйся, что не висишь рядом с братом и моча не стекает у тебя по ногам. Садись на коня и

вперед!

– Священник солгал!

– Твои дела ни меня, ни тем более короля не касаются. Или ты садишься на коня, или велю отрезать тебе уши.

Хук взобрался в седло. Остальные лучники держались от него подальше, чуя, что удача от него отвернулась. Рядом ехала лишь Мелисанда.

Отряд сэра Джона ушел далеко вперед. Хук, подавленный и оцепенелый, даже не замечал, что обгоняет отряд лорда Слейтона, и лишь когда Мелисанда зашипела, он заметил лучников, когда-то бывших его товарищами. Томас Перрил торжествующе осклабился и указал на свой глаз, напоминая Хуку, что подозревает его в убийстве Роберта Перрила, а сэр Мартин, окинув взглядом Мелисанду, уставился на Хука и не мог сдержать улыбки при виде слез Ника.

– Ты их всех убьешь, – пообещала ему Мелисанда.

«Если раньше не постараются французы», – подумал Хук. Теперь они спускались по склону холма к Сомме, где английское войско отчаянно надеялось отыскать мост или переправу.

Вновь начался дождь.

Глава десятая

Бродов через Сомму оказалось даже два, оба незащищенные. Французы, следовавшие за английским войском по северному берегу, еще не обогнули длинную излучину, и глазам англичан, добравшихся до обширной топи на берегу Соммы, открылось лишь пустое пространство за рекой.

Первые дозорные, высланные оглядеть переправу, доложили, что броды по-прежнему пригодны, хотя река и поднялась из-за дождей. Однако перейти через болото можно лишь по насыпным дамбам – двум параллельным дорогам длиной в милю, разрушенным французами. В середине каждой насыпи зиял огромный провал, так что часть пути пришлось бы идти по гиблой засасывающей трясине. Дозорные, благополучно перешедшие болото в обе стороны, рассказывали, что их кони вязли в жиже выше колена – перетащить по такой трясине повозки лучше и не пытаться.

– Значит, будем восстанавливать дамбы, – решил король.

Работы заняли чуть не весь день. Солдатам приказали разобрать на бревна ближайшую деревню, чтобы было чем мостить дорогу. Из брусьев, стропил и балок соорудили настил, сверху его покрыли вязанками тростника и хвороста и засыпали землей. Арьергард, охраняющий войско на случай внезапного нападения с юга, остался без дела: немногочисленные французские всадники, издали наблюдавшие за англичанами, не пытались вмешиваться.

Мостить дорогу Хуку не пришлось – передовой отряд отправили за реку еще до начала работ. Оставив коней при войске, солдаты дошли до обрыва насыпи, где пришлось спрыгивать в болото и вброд пробираться к дальнему участку дамбы, который выводил к реке. И дальше они двинулись через Сомму, держа луки и мешки со стрелами над головой. Хука при входе в реку передернуло: плавать он не умел, и, когда вода поднялась до пояса и затем выше, до груди, его захлестнуло страхом, – правда, дно тут же стало подниматься к берегу. Грунт оказался довольно твердым, хотя кое-кто оскальзывался, а одного латника сбило течением, и тяжелая кольчуга утянула его под воду. Хук уже пробирался сквозь тростник и вскоре по короткому глинистому обрыву вылез на северный берег. Первые англичане перебрались через Сомму.

Сэр Джон приказал лучникам пройти полмили к северу, где между двумя широкими пастбищами вились изгороди и каналы.

– Если сунутся французы – убить, – жестко бросил сэр Джон.

– Думаете, подоспеет армия? – спросил Томас Эвелголд.

– Та, что не пускала нас за реку? Она-то долго не задержится. А вот основное войско... Один Бог знает. Пусть бы они подольше верили, что мы еще на южном берегу.

Даже если нагрянет меньшее войско, подумал Хук, все равно авангард из немногих лучников его не остановит. Присев на сухую ольху у канавы с водой, он задумался, глядя на север. Все-таки он был плохим братом. Никогда не приглядывал за Майклом, как нужно, а жизнелюбие и доверчивый нрав брата, говоря по правде, изрядно раздражали. Ник кивнул присевшему рядом Томасу Скарлету, чей брат-близнец погиб от меча Ланфереля.

– Жаль, что так с Майклом, – неловко выговорил Скарлет. – Хороший был парень.

– Это да, – согласился Хук.

– И Мэт тоже.

– И Мэт. Хороший лучник.

– Да уж...

Оба в молчании не сводили глаз с севера. Сэр Джон сказал, что если подойдет французское войско – первыми появятся конные дозоры, однако никакие всадники поблизости не показывались.

– Майкл вечно дергал тетиву при выстреле, – сказал Хук. – Сколько ни учи – все равно отпускал рывком. В цель так не попадешь.

– Верно.

– Так и не научился. А дарохранительницу, будь она проклята, он не крал.

– По нему не скажешь, что вор.

– Он не вор! А чьих рук дело – я знаю. И еще перережу кое-кому глотку.

– Лучше не рискуй, Ник.

Тот поморщился:

– Если французы нас догонят – добром не кончится. Так какая разница, повесят меня или прирежут...

Хуку внезапно привиделись лучники, в мучениях умирающие перед воротами суассонской церкви. Его передернуло.

– Как ни крути, реку-то мы перешли, – твердо проговорил Скарлет. – Что хорошо, то хорошо. Далеко еще?

– Отец Кристофер говорит, неделя пути. Или, может, на день-два больше.

– Полмесяца назад говорили то же самое, – тоскливо выдохнул Скарлет. – Ну да ладно. Поголодаем еще недельку.

Джефри Хоррокс, младший из лучников, принес полный шлем лесных орехов.

– Там вся изгородь из лещины, – пояснил он. – Раздать в отряде, винтенар?

– Раздай, парень. Скажи, что это ужин.

– И завтрашний завтрак, – добавил Скарлет.

– Будь у нас сеть – наловили бы воробьев, – заметил Хук.

– Пирог с воробьями!.. – мечтательно протянул Том Скарлет.

Повисла тишина. Дождь прекратился, резкий ветер пронизывал лучников до костей. Черные скворцы плотной, похожей на змеящуюся тучу стаей снялись с насиженного места и перелетели за два поля от англичан. Позади Хука, далеко за рекой, солдаты восстанавливали дамбу.

– Все-таки он уже взрослый.

– Что ты сказал, Том? – очнувшись от полудремы, переспросил Хук.

– Я молчу, – отозвался Скарлет. – Провалился в сон, ты меня разбудил.

– Он был славный парень, – вновь раздался голос. – Теперь он на небесах.

Святой Криспиниан! – понял Хук, и глаза заволокло слезами. Святой его не оставил!

– На небесах нет ни слез, ни болезней, – продолжал святой. – Ни смерти, ни господ, ни голода. Майкл теперь счастлив.

– У тебя там как, Ник, все в порядке? – спросил Скарлет.

– Да, – откликнулся Хук.

Уж кто-кто, а Криспиниан про братьев понимал больше других: мученичество и смерть он принял на двоих с братом – Криспином, и теперь они оба там же, где Майкл. Какое-никакое, а утешение...

Наконец насыпи восстановили, и на северный берег потянулись две длинные вереницы: лошади, повозки, лучники, слуги, женщины... Король, в сияющих доспехах и короне, вынесся галопом к канаве, у которой сидел Хук. Десятка два придворных, удержав коней, устремили взгляды к северному горизонту. Однако французская армия, неотступно следовавшая за англичанами по северному берегу, осталась далеко позади, ни один враг не показывался на глаза. Англичане, перейдя через реку, оказались на территории герцога Бургундского, хотя она тоже принадлежала Франции. И теперь между войском и Англией не оставалось никаких крупных преград. Если не вмешается французское войско.

– Идем дальше, – велел военачальникам Генрих.

Снова идти на северо-запад. К Кале. К Англии. Под надежную защиту.

Широкая Сомма осталась позади, и на следующий день король объявил передышку усталому, больному и голодному войску. Дождь стих, сквозь легкие облака проглянуло солнце. В лесистой местности дров было хоть отбавляй, и лагерь вскоре запестрел одеждой, развешенной для просушки на жердях и кольях. Командующие выставили стражу, однако французы не появлялись, словно позабыв об английской армии. Солдаты рассыпались по лесу в поисках орехов, грибов и ягод. Хук понадеялся было добыть кабана или оленя, но животные, как и вражеское войско, куда-то пропали.

– Мы, похоже, оторвались от французов, – встретил Хука, вернувшегося с пустыми руками, отец Кристофер.

– Король наверняка так и думает, – кивнул Ник.

– Почему?

– Давать нам целый день передышки...

– Наш милостивый Генрих настолько обезумел, что чуть ли не мечтает попасть в руки к французам.

– Обезумел? Как французский король?

– Нет, тот и вправду сумасшедший, – качнул головой священник. – А наш всего лишь убежден, что Господь к нему милостив без меры.

– Это называется безумием?

Отец Кристофер не ответил: к ним подошла Мелисанда и молча прильнула к Хуку. Такой похудевшей Ник ее еще не видел. Впрочем, сейчас всю армию изматывал голод. И болезнь. Хука с Мелисандой она обошла, зато другие так и мучились поносом, в лагере царил вонь. Хук обнял жену, привлёк к себе теснее и неожиданно ощутил, что дороже ее нет никого в целом свете.

– Дай бог, чтоб французы нас не догнали, – выговорил он.

– Наш король на это и надеется. Наполовину, – ответил отец Кристофер. – А на вторую половину надеется оправдать Господню милость.

– Вот что вы зовете безумием...

– Излишняя уверенность опасна. Во французском войске, Хук, тоже кое-кто уверен, как и Генрих, что Бог на их стороне. И они тоже полны добродетели – молятся, подают милостыню, исповедуются, клянутся не повторять грехов. Прекрасные люди. Неужели их уверенность – заблуждение?

– А вы как думаете, святой отец?

Священник вздохнул:

– Если б я понимал Божьи замыслы, Хук, я бы понимал все на свете, потому что Бог есть все: звезды и песок, ветер и безветрие, перепел и ястреб-перепелятник. Он все знает, Ему известна и моя судьба, и твоя. Понимай я все на свете, кем бы я был?

– Богом, – ответила Мелисанда.

– А Им-то я быть не могу, – ответил отец Кристофер. – Лишь Бог способен объять все сущее. И потому остерегайся людей, уверенных, что знают Божью волю. Они подобны коню, думающему, что он управляет всадником.

– А наш король?

– Он уверен в особой Господней милости. Возможно, так оно и есть. В конце концов, он король, получивший благословение и помазанный на царство.

– Бог возвел его на престол, – добавила Мелисанда.

– На престол его возвел отцовский меч, – едко отозвался священник. – Хотя, конечно, тот меч направлял сам Господь. – Отец Кристофер перекрестился и заговорил тише: – И все же кое-кто считает, что его отец не имел прав на трон. И что грехи отцов падают на детей.

– Вы хотите сказать... – начал было Хук и прикусил язык: от разговора все опаснее веяло государственной изменой.

– Я молюсь лишь об одном, – твердо ответил священник, – чтоб Бог позволил нам добраться до Англии прежде, чем французы нас нагонят.

– Они потеряли наш след, святой отец. – Хук и сам хотел бы этому верить.

Отец Кристофер тихо улыбнулся:

– Французы могут не знать, где мы находимся, зато им точно известно, куда мы идем. Искать нас не обязательно – можно лишь обогнать и ждать, пока мы не наткнемся на них сами.

– А мы тут отдыхаем целый день, – мрачно бросил Хук.

– Именно. Значит, будем молиться, чтобы враг отстал не меньше чем на два дня пути.

Наутро войско двинулось дальше. Хук вместе с другими дозорными отъехал на две мили вперед авангарда, высматривая французов. Дозоры были ему в удовольствие: можно кинуть заостренный кол на повозку и скакать налегке впереди всей армии. Вновь сгущались тучи, ветер делался холоднее. На рассвете, когда лагерь проснулся, трава стояла белая от инея, правда быстро растаявшего. Березовые листья отсвечивали золотом, дубовые – бронзой, многие из деревьев и вовсе облетели. Низкие пастбища лежали полузатопленными после недавних дождей, на распаханых под озимь полях серебрилась вода, заполнившая глубокие борозды. Отряд Хука ехал мимо деревень по дороге, оставленной скотогонами, там и тут замечая пустые хлева и амбары: ни живности, ни зерна. Кто-то явно знал, что англичане пойдут именно здесь, и убрал все с их пути, а заодно исчез и сам: враг на глаза не показывался.

В полдень пошел дождь – мелкая морось, проникающая сквозь мельчайшие отверстия в одежде. Мерин Хука Резвый ступал неторопливо: ни у него, ни у остальной армии не осталось сил для спешных переходов. На возникший по пути городок с хвастливо развешенными на стенах знаменами Хук едва взглянул и двинулся дальше во главе отряда, оставив позади город вместе с его валами и укреплениями. И тут он внезапно увидел, что армия обречена.

За невысоким пригорком лежала широкая травянистая равнина, на поросшем лесом дальнем краю,

плавно поднимающемся к горизонту, виднелся церковный шпиль. Пастбища пустовали, от края до края равнины шрамом тянулся след – предвестие гибели англичан.

Хук придержал Резвого, не в силах отвести глаз от земли.

С востока на запад равнину перерезала широкая полоса грязи, на которой не осталось ни единой травинки. В бесчисленных следах, оставленных лошадиными копытами, стояла вода, вместо земли перед Хуком лежало грязное месиво – взрытое, изборожденное, развороченное. Через долину прошла армия.

«Огромная армия», – понял Хук. Многие тысячи лошадиных следов, совсем свежих и настолько четких, что местами видны даже отпечатки подковных гвоздей. На западе, куда ушла армия, Хук никого не разглядел: перед ним лежал лишь безлюдный путь, по которому прошло несчетное войско. У дальнего края равнины след сворачивал к северу.

– Боже милостивый! – пораженно выдохнул Том Скарлет. – Да этих вырождаков тут тысячи и тысячи...

– Скачи назад, – велел Хук Питеру Скойлу. – Найди сэра Джона и расскажи.

– О чем? – не понял тот.

Хук вспомнил, что Скойл жил в Лондоне.

– Как по-твоему, что это такое? – кивнул он на изъезженную землю.

– Грязь, – пожал плечами Скойл.

– Скажи сэру Джону, что враг здесь прошел самое большее день назад.

– Правда?..

– Скачи! – гаркнул Хук и повернулся обратно к следам.

Многие тысячи копыт превратили долину в болото. В Англии Нику приходилось видеть дороги, по которым гнали коров на лондонскую бойню, и огромные стада поражали тогда его детское воображение, однако здесь перед ним лежал путь, истоптанный куда более многочисленной толпой, чем стадо обреченных на смерть животных. Не иначе как сюда согнали всех мужчин Франции, а заодно и Бургундии, и прошли они не далее как день назад. Значит, где-то к северу или западу отсюда, по пути к Кале, англичан ждало огромное войско.

– Должно быть, нас выслеживали, – сказал Хук.

– Боже милостивый, – повторил Том Скарлет и перекрестился.

Оба лучника разом глянули на дальние леса – не мелькнет ли случайный блик на латных доспехах. Однако все было спокойно. И все же Хук не сомневался, что за измученной английской армией тенью следуют вражеские разведчики.

Сэр Джон, прискакавший с дюжиной латников, молча оглядел следы и затем, как до него Хук, посмотрел на запад и север.

– Значит, они здесь, – произнес он чуть ли не безнадежно.

– Это не та меньшая армия, что шла за нами вдоль реки, – уточнил Хук.

– Еще бы, дьявол их раздери! – прорычал командующий, глядя на истоптанные поля, и язвительно добавил: – Вот она, мощь Франции, Хук!

– Наверняка за нами следят, сэр Джон.

– Побриться бы тебе, Хук, – хрипло бросил командующий. – Выглядишь как бродяга.

– Слушаюсь, сэр Джон.

– Еще бы выродкам за нами не следить! Стало быть, знамена вперед! К черту! Всех к черту! – гаркнул сэр Джон, отчего Люцифер дернул ушами. – К черту французов, вперед!

Выбора, впрочем, не оставалось. Враг по-прежнему не показывался, однако на следующий день стало ясно, что местоположение англичан французы прекрасно знают: на дороге их ждали французские герольды в ярких налатниках и с белыми жезлами – знаками должности. Хук, вежливо их поприветствовав, вновь послал за сэром Джоном, тот проводил всех троих герольдов к королю.

– И чего хотели эти придурки? – спросил Уилл из Дейла.

– Пригласить нас к завтраку, – ответил Хук. – Свиная грудинка, хлеб, жареная гусиная печенка, гороховый пудинг, доброе пиво.

– Да я хоть родную мать удавлю за миску бобов, – усмехнулся Уилл, – одних бобов!

– Бобы, хлеб и грудинка, – с тоской выдохнул Хук.

– Жареный бычий бок, – подхватил Уилл. – И чтобы сок капал...

– Сгодится и краюха хлеба, – ответил Хук.

Он подумал, что трое французов здесь наглядятся многого. Хотя герольды и считаются сторонними наблюдателями и незаинтересованными посланниками, они не замедлят рассказать французским командующим и о солдатах, которые то и дело кидаются на обочину, спешно сдергивая штаны, и об измученных конях, и о грязном, промокшем и притихшем войске, медленно плетущемся к северо-западу.

– Нас вызывают на бой, – сказал отец Кристофер Хуку и его лучникам после отъезда герольдов. Священник, разумеется, знал о подробностях встречи. – Все было необычайно учтиво: обменивались галантными поклонами, говорили очаровательные комплименты, согласились, что погода на редкость неприятна, а потом гости объявили вызов.

– Как мило с их стороны, – буркнул Хук.

– Условности тоже важны, – с укором произнес священник. – В приличном обществе не танцуют с дамой, не спросив ее согласия. Вот теперь коннетабль Франции, герцог Бурбонский и герцог Орлеанский приглашают нас на танец.

– Кто они? – спросил Том Скарлет.

– Коннетабль – Шарль д'Альбре, и молись, Том, чтоб тебе не оказаться с ним в паре. Да и с герцогами тоже. Кстати, Хук, герцог Бурбонский твой давний знакомец.

– Мой знакомец?..

– Он командовал армией, взявшей Суассон.

– Боже! – вырвалось у Хука, он снова вспомнил истекающих кровью лучников с выколотыми глазами.

– И у каждого из герцогов войско больше, чем вся наша армия, – продолжил отец Кристофер.

– И что, король принял их приглашение? – спросил Хук.

– О, чрезвычайно охотно! Он обожает танцевать. Правда, Генрих отказался назначить место бала: сказал, что французы и так найдут нас без малейшего труда.

И теперь, поскольку французы легко найдут английскую армию и бой может завязаться в любую минуту, король приказал войску ехать в полном вооружении, в доспехах и налатниках. Впрочем, все загрязнилось и поржавело настолько, что вряд ли могло впечатлить или тем более испугать врага.

Французы по-прежнему не появлялись.

Прошел День святой Кордулы – британской девы, убитой язычниками, – и День святого Феликса, обезглавленного за отказ передать врагам священные книги. Армия находилась в походе уже две недели. Затем настал праздник архангела Рафаила. Отец Кристофер сказал, что он один из семи архангелов, предстоящих престолу Господню.

– А знаешь, что за день завтра? – спросил Хука священник в День святого Рафаила.

Хуку пришлось поразмыслить, но ответ все равно вышел неуверенным:

– Кажется, среда?

– Нет, – улыбнулся отец Кристофер, – завтра пятница.

– Стало быть, я знаю, что завтра пятница, – улыбнулся Хук. – Опять заставите есть рыбу, святой отец. Может, жирную форель? Или угря?

– Завтра, – мягко произнес священник, – праздник святых Криспина и Криспиниана.

– Господи! – Сердце Хука словно обдали ледяной водой – то ли страхом, то ли надеждой на то, что в такой день непременно произойдет что-то хорошее и важное.

– Подходящий день для молитв, – подсказал священник.

– Я помолюсь, святой отец, – пообещал Хук и принялся выполнять обещание в ту же минуту.

«Дай нам дожить до твоего дня и не встретить французов, – молился он святому Криспиниану, – и я буду знать, что мы уцелеем. Дай нам уйти, доведи до дому! Укрой нас от глаз французов, ослепи их, чтоб нас не увидели! – И Хук присовокупил сюда же молитву святому Рафаилу, покровителю слепцов. – Доведи нас до дому невредимыми, – молился он и, на случай если вернется в Англию, пообещал святому Криспиниану совершить паломничество в Суассон и пожертвовать в собор денег, чтоб хватило на алтарный покров, порезанный когда-то Джоном Уилкинсоном. – Только доведи нас до дому, – молился он, – доведи до дому невредимыми!»

И в тот же день, в праздник святого Рафаила, в четверг, 24 октября 1415 года, молитвы Хука получили отклик.

Дозорные передового отряда во главе с Хуком ехали по обсаженной деревьями дороге, вьющейся среди невысоких крутых холмов и быстрых рек. Их вел местный сукновал, знающий хитросплетения здешних троп. Дорога на Кале шла западнее, но идти по ней было нельзя: она вела к Эздену – окруженному стенами городу на берегу речушки, мост через которую охранялся барбаканом, – и потому проводник выбрал путь к другой переправе.

– Как перейдете реку, ступайте на север, – сказал он. – Не сворачивайте – и тогда найдете дорогу. Вы меня понимаете?

Проводник явно боялся лучников, а еще больше латников в накидках с королевским гербом, которые неотступно держались к нему вплотную и обсуждали, можно ли доверять французу-сукновалу.

– Понимаю, – ответил Хук.

– Идите на север, не сворачивайте, – настойчиво повторил француз.

Дорога вывела к равнине, где на южном берегу реки лежала какая-то деревушка.

– La Rivière Ternoise [\[29\]](#), – пояснил проводник и затем указал на дальний берег, за которым возвышались крутые холмы. – Поднимайтесь туда, там дорога на Сен-Омер.

– Сен-Омер?

– Да, – подтвердил сукновал.

И Хук припомнил, как они с Мелисандой шли в Сен-Омер, откуда до Кале было рукой подать. Так близко, подумал он. Испуганный сукновал говорил что-то еще, и Хук, услышавший только половину, попросил повторить.

– Местные зовут реку Тернуазу Рекой мечей.

От такого названия Хука передернуло.

– Почему?

– Они сумасшедшие. Обыкновенная речка, – пожал плечами сукновал.

Несмотря на недавние дожди, река была мелкой, и рыцарь, который командовал латниками, приказал Хуку вести лучников через брод и дальше вверх по склону.

– Подождете нас на вершине, – заключил он.

Хук, дав знак лучникам, послушно направил Резвого в поток Реки мечей, вода которой едва доходила коням до брюха. По крутому дальнему склону усталые лошади карабкались медленно. Дождь прекратился, хотя с темнеющего неба то и дело брызгало моросью. Низкие тучи становились все чернее, восточный горизонт словно затянуло сажей.

– Ливень грянет – только держись, – заметил Хук.

– Похоже на то, – опасливо откликнулся Уилл из Дейла.

Тяжелый плотный воздух казался враждебным.

Хук успел подняться лишь до середины холма, как вдруг целый отряд латников, вспенивая воду, проскакал через реку и устремился вслед за ним по склону. Обернувшись в седле, Хук увидел, что к дальнему берегу Тернуазы приближается вся колонна, словно армию обуял внезапный приступ спешки. Сэр Джон в сопровождении знаменщика вихрем пролетел мимо Хука к вершине, четко прочерченной на фоне темного неба, мгновением позже за ним пронесся сам король на коне цвета ночи.

– Чего это они? – спросил Том Скарлет.

– Кто их знает, – пожал плечами Хук.

Король со свитой и добрая половина латников, остановившись на вершине, теперь глядели куда-то на север.

Хук, выбравшись на холм, посмотрел туда же.

Склон перед ним спускался к деревне, лежащей в небольшой зеленой долине, от деревни дорога шла в гору, к широкому свежевспаханному плато, по краям поросшему густым лесом. На западе, под хмурым небом, виднелись торчащие из-за леса зубчатые стены небольшой крепости, на башне развевался флаг с неразличимым из-за дальности гербом.

Что-то в пейзаже показалось Хуку знакомым, и внезапно он вспомнил.

– Я здесь уже был, – произнес он, ни к кому не обращаясь. – Вместе с Мелисандой.

– Да? – безучастно отозвался Том Скарлет.

– Мы тут наткнулись на всадника, – продолжал Хук, не отрывая глаз от северного горизонта. – Он сказал, как это место называется. Но я не помню.

– Как-нибудь да называется, – с отсутствующим видом пробормотал Скарлет.

Англичане, въезжающие вслед за ними на вершину, тоже замирали. Мало кто решался выговорить хоть слово, многие крестились.

Потому что перед ними – многочисленный, как песчинки на морском берегу и звезды на небе, – стоял враг. На дальнем конце распаханного поля собрались войска Франции и Бургундии: несметные полчища воинов под гордо реющими яркими знаменами – тоже бесчисленными.

Мощь Франции преградила дорогу к Кале, закрыв англичан в ловушке.

Генрих, граф Честерский, герцог Аквитанский, правитель Ирландии и король Англии, при виде врага словно исполнился новыми силами.

– Строиться в боевой порядок! – Он погнал коня вдоль края собирающейся армии. – Слушаться командующих! Они знают, где вам стоять, стройтесь под их знамена! С милостью Божьей сегодня вступим в битву! Строиться в боевой порядок!

Солнце садилось за нависающие тучи, а французская армия все еще собиралась под знамена, густеющие как лес.

– Если под каждым знаменем командующий, – пробормотал Томас Эвелголд, – а у него хотя бы десяток солдат – сколько там народу?

– Тысячи, будь они прокляты, – отозвался Хук.

– А там у каждого не десяток, – продолжал сентенар, – далеко не десяток. Наверняка сотня, а то и две.

– Боже милостивый, – выдохнул Хук и попытался было счесть флаги, но тут же бросил: слишком много, не исчислить. Ясно было лишь то, что врагов много, а английская армия невелика. – Помоги, Господи! – вырвалось у него, и он вновь содрогнулся, вспомнив кровь и вопли на улицах Суассона.

– Да уж, без помощи тут никак, – отрывисто бросил Эвелголд и повернулся к своим лучникам. – Нам на правый фланг. Спешиться! Колья и луки к бою! Глядеть веселей! Коней отдать пажам – живо, живо! Шевели костями! Смерть ждать не будет!

Войско взбиралось на плато по пологому склону, оставив коней пастись за деревней. Врага из долины не было видно, однако, выбравшись на вспаханное поле, Хук вновь разглядел бесчисленные ряды, и к нему вернулся страх. Перед ним стояла настоящая армия – не ослабленная болезнями горстка беглецов, а великолепное многочисленное войско, готовое наказать врага, дерзнувшего вторгнуться во Францию.

Передовой отряд англичан теперь выстроился на правом фланге, его замыкали лучники, к которым присоединилась половина стрелков из центральных отрядов. Другая половина влилась в арьергард, расположенный слева. Оба фланга теперь состояли из лучников, в центре выстроились латники.

– На лошадиной ярмарке народу и то больше, – пробормотал Том Скарлет, указывая на жалкий строй латников – их не набралось бы и тысячи.

Стрелки были многочисленнее, больше двух тысяч на каждом фланге.

– Колья! – Вдоль строя лучников проскакал рыцарь в зеленой накидке. – Втыкайте в землю колья!

Сэр Джон, оставив своих латников, подошел к готовившим колья стрелкам.

– Будем ждать, не нападут ли французы первыми, – пояснил он. – Если нет – наступаем на рассвете.

– А почему не сбегать, пока темно? – спросил кто-то.

– Я этого вопроса не слышал! – громко объявил сэр Джон и пошел дальше вдоль строя, подбадривая солдат перед ожидающимся нападением французов.

Лучники стояли неплотно – не то что латники, выстроившиеся плечом к плечу в четыре шеренги. Стрелкам нужен простор для выстрела, и поэтому после команды они отошли от латников на несколько шагов вперед и расступились шире. Хук с лучниками сэра Джона встал в переднем ряду, где насчитал около двух сотен стрелков, остальные рассыпались дюжиной шеренг позади и вколотили в землю колья острием к французам. Притупившиеся при вбивании концы вновь заострили.

– Каждому стоять впереди вкопанного кола! – прокричал рыцарь в зеленом налатнике. – Чтобы враг их не заметил!

– Ну не слепые же они, – усмехнулся Уилл из Дейла. – Уж наверняка разглядели, чем мы тут занимаемся.

Французы, стоя в полумиле от англичан, выжидали. К ним прибывали все новые отряды всадников в цветных налатниках, яркие знамена четко выделялись на фоне грозного темнеющего неба. Большинство французов толпилось возле видимых на горизонте палаток, сколько-то сотен подъехали ближе к югу – посмотреть на английскую армию.

– Выродки наверняка над нами хохочут, – сплюнул Том Скарлет. – До колик.

Ближайшие из французов, остановившись всего в четверти мили, прогуливали коней по полю или стояли на месте, разглядывая небольшое английское войско. В тусклом вечернем свете лесные заросли справа и слева казались совсем черными. Кое-кто из лучников, вкопав колья, уходил в лес, чтобы опорожнить кишки в густых зарослях боярышника, падуба и лещины; остальные разглядывали французов. Хук решил, что Том Скарлет прав. Врагам только и оставалось, что хохотать: на каждого англичанина и без того приходилось по четыре-пять французов, а отряды к северной оконечности поля все прибывали. Хук опустил коленом на влажную землю, осенил себя крестным знаменем и принялся молиться святому Криспиниану. Молились и другие: на поле виднелись десятки коленопреклоненных лучников и латников. Среди обреченного на гибель войска ходили священники, раздавая благословение. Хук, открыв глаза и разглядев на поле французов, представил себе их презрительный хохот при виде жалкой армии, которая вначале бросила им вызов, затем попыталась скрыться, а теперь оказалась в ловушке.

– Спаси нас, – молился он святому Криспиниану, не получая никакого отклика: должно быть, молитва терялась где-то в пустой темной бездне, открывающейся за грозными тучами.

Дождь припустил уже всерьез. Ветер стих, холодные капли сыпались на лучников густо и злобно, так что стрелки спешно снимали тетиву с луков и прятали ее под шапки и шлемы, чтобы не промокла. Английские герольды выехали вперед строя, навстречу французским, и Хук увидел, как они кланяются друг другу, не сходя с коней. Чуть погодя английские герольды поскакали обратно, серых коней от копыт до брюха покрывала грязь.

– Сегодня боя не будет, – принес весть сэр Джон. – Остаемся на месте. Костров не жечь! Не шуметь! Враг снизойдет до битвы завтра поутру, так что постарайтесь поспать. Сегодня боя не будет!

Командующий поскакал дальше вдоль строя лучников, его голос постепенно растворился в яростном шуме дождя.

Хук все еще стоял на одном колене.

– Я буду сражаться в твой день, – сообщил он святому, – в твой праздник. Не оставь нас. Сохрани Мелисанду. Сохрани нас всех, прошу тебя, молю во имя Отца. Доведи нас до дому невредимыми.

Ответа не последовало, до ушей Хука донесся лишь шум ливня и дальний раскат грома.

– На коленях ползаешь, Хук? – издевательски осведомился Том Перрил.

Хук встал и повернулся к врагу, однако Том Эвелголд уже втиснулся между двумя лучниками.

– Хочешь поговорить с Хуком? – с вызовом спросил он у Перрила.

– Хочется верить, завтра ты выживешь, Хук, – бросил тот, не обращая внимания на Эвелголда.

– Надеюсь, завтра выживем мы все, – ответил Хук.

Несмотря на лютую ненависть к Перрилу, ему не хотелось затевать драку в дождливых промозглых сумерках.

– Остались кой-какие счета, – продолжил Перрил.

– Это точно, – согласился Хук.

– Ты ведь убил моего брата, – заявил Перрил, не сводя глаз с Хука. – Не признаешься, но ведь убил! И смерть твоего братца ничего не искупает. Я кой-что обещал матери, и ты-то знаешь, что это за клятва.

Со шлема Перрила стекали капли дождя.

– Вы должны простить друг другу, – вмешался Эвелголд. – Завтра битва, нам не до вражды – врагов и так всем хватает.

– Я обещал, – упрямо повторил Перрил.

– Матери? – не утерпел Хук. – Обещания шлюхам считаются клятвой?

Физиономию Перрила перекосило, однако он сдержался.

– Ей вся ваша семейка поперек горла, мать только и ждет, пока вы перемрете. А ты остался последний.

– Французы, скорее всего, завтра ее и осчастливят, – заметил Эвелголд.

– Или они, или я, – кивнул Перрил, не сводя глаз с Хука. – Но я не стану тебя убивать, пока не кончится бой, – вот что я хотел сказать. Ты и так со страху помираешь, – осклабил он, – тебе не до того, чтоб за спину оглядываться!

– Ты свое сказал, – прервал его Эвелголд. – Теперь вон отсюда.

– Перемирие? – предложил Перрил, словно сентенара тут и не было. – До конца битвы?

– Я не буду тебя убивать до конца битвы, – согласился Хук.

– И сегодня тоже, – добавил Перрил.

– И сегодня тоже.

– Ну так спи спокойно, Хук. Может, это твоя последняя ночь на земле, – бросил Перрил и повернулся прочь.

– За что он тебя ненавидит? – спросил Эвелголд.

– Еще с деда повелось. Просто вражда. Просто ненависть между Перрилами и Хуками.

– Ну, завтра к вечеру вас обоих уже не будет, – мрачно заявил сентенар. – Да и никого из нас. Так что перед битвой исповедуйся и причастись. Твои сегодня в карауле вторыми, заступаешь после Уолтера. Идти до середины поля, – сентенар кивнул на распаханную землю, – не шуметь. Ни криков, ни песен, ни музыки.

– Почему?

– Откуда я знаю, прах тебя побери? Если шуметь будет рыцарь или латник – король отберет у него

коня и доспехи, если лучник – ему отрежут уши. Приказ короля. Так что ступай в караул, и Бог тебе в помощь, если нагрянут французы.

– Ночью ведь не нагрянут?

– Сэр Джон сказал, что не должны. Но велел выставить караулы. – Эвелголд пожал плечами, словно считал, что от караулов не будет проку, и, не говоря больше ни слова, ушел.

Пока не сгустилась тьма, французы все подъезжали посмотреть на врага, но смеха за дождем было не слышно. Назавтра наступал праздник святых Криспина и Криспиниана – последний день жизни, как считал Хук.

Ливень не переставал всю ночь. Под холодными потоками дождя сэр Джон Корнуолл перебежал к дому в Мезонселе, где располагался Генрих. В задымленной комнатухе сидели младшие братья короля – Хамфри, герцог Глостерский, и Томас, герцог Йоркский, – и никто не знал, где искать короля Англии.

– Должно быть, он молится, сэр Джон, – предположил Йорк.

– Бога сегодня просто заваливают молитвами, ваша светлость, – мрачно отозвался тот.

– Влейте и свой голос в общую какофонию, – ответил герцог.

Внук Эдуарда Третьего и кузен Ричарда Второго – того самого, чей трон узурпировал отец нынешнего Генриха, – Йорк сумел доказать свою преданность сыну узурпатора и теперь из-за набожности, какой отличался и сам Генрих, пользовался безграничным доверием короля.

– Возможно, его величество испытывает настрой своих воинов, – добавил он.

– Настрой у воинов какой надо, – кивнул сэр Джон. В присутствии герцога, из-за учености и набожности выглядящего слегка отчужденно, он ощущал некоторую неловкость. – Они продрогли, промокли, отчаялись, измучились голодом и болезнью – и все же завтра будут сражаться как бешеные псы. Не хотел бы я оказаться их врагом.

– Вы бы посоветовали... – начал было Хамфри Глостерский, но запнулся и решил не продолжать.

Сэр Джон догадался, что за вопрос повис в воздухе: посоветовал бы он королю бежать под покровом ночи? Разумеется, не посоветовал бы, но вслух командующий этого не сказал. Король не станет скрываться. По крайней мере, сейчас. Сейчас Генрих уверен в особой Божьей милости и утром будет ожидать от Него доказательств в виде чуда.

– Вашим светлостям пора облачаться в доспехи, – заметил сэр Джон. – Я вас оставлю.

– Передать что-нибудь его величеству? – спросил герцог Йоркский.

– Пожелание Божьего благословения, – ответил сэр Джон.

На деле он приходил посмотреть на настрой Генриха, хотя и не сомневался в королевской решимости.

Попрощавшись с герцогами, он вернулся в коровник, где ему устроили ночлег. Какой бы тесной и вонючей ни была доставшаяся ему лачуга, другим повезло еще меньше: войску пришлось ночевать на стылом ветру, под ливнем с громом и молниями.

Дождь колотил по ветхой крыше, просачивался сквозь солому и капал на пол, где еле тлеющий огонь больше дымил, чем грел. Оружейник Ричард Картрайт, спокойным благородным лицом больше похожий на священника, чем любой священник, уже ждал командующего.

– Вы позволите, сэр Джон? – спросил он со своей обычной старомодной вежливостью.

– Приступайте, – кивнул сэр Джон, бросая к огню промокший плащ.

Доспехи, которые командующий снял только вечером, уже были высушены, отчищены от ржавчины и отполированы. Сухими лоскутами, хранившимися в мешке из конской шкуры, Картрайт принялся вытирать плотно облегающие штаны и куртку сэра Джона, некогда сшитые в Лондоне из тонкой оленьей кожи и стоившие целое состояние.

Командующий, стоя с вытянутыми руками, по обыкновению ушел в свои мысли и не обращал внимания на молчаливого Картрайта, втирающего в оленью кожу целые пригоршни шерстяного воска, чтобы доспехи легче скользили по коже и не затрудняли движений. Сэр Джон, вспоминая турниры и битвы, подумал о том боевом азарте, который обычно ощущался перед боем, однако сейчас он не чувствовал ни азарта, ни волнения. Стучал по крыше дождь, резкий ветер забрасывал в дверь холодные брызги.

«А ведь тысячи французов сейчас точно так же облачаются на битву, – подумал сэр Джон. – Многие тысячи. Слишком многие».

– Вы что-то сказали, сэр Джон? – переспросил Картрайт.

– Я?..

– Должно быть, я ослышался, сэр. Не угодно ли поднять руки?

Картрайт перекинул через его голову короткую, до бедра, плотную безрукавную кольчугу с широкой проймой, не стесняющей движений.

– Прошу простить, сэр Джон, – прошептал, как всегда в такую минуту, Картрайт, опускаясь на колени и принимаясь шнуровать края кольчуги между ногами своего господина.

Сэр Джон не ответил.

Картрайт молча пристегнул набедренники. Их передние половины чуть находили на задние, и сэр Джон подвигал ногами, проверяя, как легли детали. Подгонки не потребовалось: Картрайт превосходно знал свое дело. Затем оружейник прикрепил наголенники и наколенники и надел на хозяина стальные башмаки, пристегивающиеся к наголенникам.

Выпрямившись, Картрайт завязал на сэре Джоне кожаную юбку с нашитым на нее кольчужным полотном, поверх которого внахлест крепились стальные полосы, защищающие пах. Сэр Джон подумал о лучниках, пытающихся уснуть под проливным дождем. К утру они будут усталыми, мокрыми и продрогшими, но все равно пойдут на битву – в этом командующий не сомневался. До него донесся скрежет камня по металлу: бойцы затачивали мечи, топоры и стрелы...

Настал черед наспинника и нагрудника – самых тяжелых частей доспехов, сделанных, как и вся защита, из бордоской стали. Картрайт привычными пальцами закрепил пряжки, а затем, пристегнув наручи и налокотники, с поклоном подал сэру Джону латные перчатки, кожа с внутренней стороны которых была срезана для того, чтобы боец чувствовал ладонью рукоять. Поверх уязвимых мест на стыке нагрудника и наспинника легли оплечья, сверху кирасы Картрайт укрепил нашейник. Несмотря на то что щель между кирасой и шлемом многие закрывали кольчужным воротом капюшона, сэр Джон предпочитал хорошо подогнанный стальной нашейник, хотя при попытке повернуть голову всякий раз раздраженно хмурил брови.

– Не ослабить ли пряжки, сэр Джон?

– Нет-нет.

– Руки, с вашего позволения, – деликатно напомнил Картрайт.

Накинув на командующего льняной налатник, он помог сэру Джону продеть руки в широкие проймы

и разгладил вышитый герб – коронованного льва, поверх которого красовался крест святого Георгия.

Картрайт стянул налатник боевым поясом и подвесил на место любимый меч сэра Джона.

– Доверите ли мне ножны поутру, сэр Джон? – спросил он.

– Разумеется. – Командующий никогда не брал в бой ножны, чтобы не запнуться о них ногой. Перед битвой меч с оголенным клинком будет крепиться в ременной петле.

Оставалось лишь застегнуть кожаный подшлемник. Повертев в руках шлем, сэр Джон вернул его Картрайту.

– Снимите забрало, – велел он.

– Но...

– Снимите!

Однажды на лионском турнире сэр Джон в мечевом бою ухитрился ударом опустить забрало противника, закрыв ему обзор, отчего враг стал легкой добычей. «Завтра, – подумал командующий, – любому англичанину нельзя рисковать даже малостью».

– Враг, без сомнения, располагает арбалетами, – почтительно напомнил Картрайт.

– Снимайте.

Сняв забрало, Картрайт с легким поклоном вручил шлем сэру Джону – командующий наденет его позже, и Картрайт пристегнет пряжки шлема к оплечьям. Пока же сборы закончились.

Дождь все лил. Где-то во тьме заржала лошадь, ударил гром. Командующий взял в руки пурпурно-белый шелковый шарф – дар жены – и, коснувшись его губами, продел шелковую полосу в узкую щель между кирасой и нашейником. Обматывать шарф вокруг шеи, как делали другие, он не любил: однажды, ухватившись за шарф своего противника, он сумел стащить того с седла и убить. А завтра, если кому-то удастся зацепить пурпурно-белую полосу, она легко выскользнет, и сэр Джон останется невредим. Нельзя рисковать даже малостью.

Сэр Джон согнул и разогнул руки, убеждаясь, что доспехи подогнаны как нужно, и невесело улыбнулся:

– Благодарю вас, Картрайт.

Оружейник склонил голову и произнес слова, которые повторял с самого первого дня, когда ему пришлось надевать на господина доспехи:

– Сэр Джон, вы облачены для битвы.

Впрочем, к битве сейчас облачались и тридцать тысяч французов.

– Тебе надо уходить, – сказал Хук Мелисанде. – Нынче же ночью. Бери все наши деньги и что еще можешь унести – и уходи.

– Куда?

– Постарайся найти отца.

Они сидели в английском лагере, раскинутом в низине к югу от плато. В деревенских домишках расположились лорды, оттуда до Хука временами доносился стук молотов по стали – оружейники последними штрихами подправляли дорогостоящие латы. В нескончаемом шуме дождя звук ударов казался резче обычного. К востоку от деревни сгрудились повозки, на их колесах плясали отсветы немногих

костров, уцелевших под ливнем. Из низины французов было не разглядеть, но их близкое присутствие выдавал свет костров, тускло отражающийся от низких туч. Внезапно тучи озарились разветвленной молнией, ударившей в восточную часть леса, мгновением позже раскатился гром, словно выстрел чудовищной пушки.

– Я решила остаться с тобой, – упрямо проговорила Мелисанда.

– Мы идем на смерть.

– Нет, – не очень уверенно возразила она.

– Ты ведь разговаривала с отцом Кристофером, – жестко продолжал Хук. – А он беседовал с герольдами. Он говорит, у французов тридцатитысячное войско. А нас всего шесть тысяч.

Мелисанда прильнула к Хуку теснее, пытаясь поглубже спрятаться под укрывающий их плащ. Дуб, к которому они прижимались спиной, от дождя почти не спасал.

– Мелисанда была замужем за королем Иерусалима, – прошептала она.

Хук не ответил: пусть выскажет все, что ей хочется.

– А когда король умер, – продолжала девушка, – все вокруг хотели, чтобы вдова ушла в монастырь и провела жизнь в молитвах. А она отказалась! Стала королевой – и еще какой!

– Ты моя королева. – Комплимент вышел неуклюжим, Мелисанда оставила его без внимания.

– В монастыре у меня была подруга. Старше меня. Намного. Сестра Беатриса. Она советовала мне уйти. Говорила, что у меня должна быть своя жизнь. Я не верила. А потом пришел ты. И теперь я поступлю так же, как королева Мелисанда. Сделаю то, что мне хочется. – По ее телу прошла дрожь. – Я останусь с тобой.

– Я лучник, – невесело выговорил Хук. – Просто лучник.

– Нет! Ты винтенар. А завтра, может, станешь сентенаром – кто знает? И когда-нибудь тебе пожалуют земли. У нас будет своя земля.

– Завтра День святого Криспиниана, – ответил Хук после безуспешной попытки вообразить себя землевладельцем.

– И он тебя не забыл! Завтра он будет с тобой! – уверенно заявила Мелисанда.

Хук надеялся, что так и случится.

– Сделай мне одолжение, – попросил он. – Надень налатник, что дал тебе отец.

Девушка помолчала, затем Хук почувствовал, как она кивнула.

– Хорошо, – пообещала она.

Из темноты раздался голос Томаса Эвелголда:

– Хук! Бери своих и ступай в дозор, пора! – Сентенар помолчал, ожидая ответа. Мелисанда прижалась к мужу. – Хук! – снова окликнул Эвелголд.

– Иду!

– Мы еще увидимся до того, как... – Голос Мелисанды прервался.

– Мы еще увидимся, – ответил Хук и поцеловал жену. Укрыв ее плащом, он еще раз крикнул Эвелголду: – Иду!

Лучников будить не пришлось: под проливным дождем, да еще в грозу с громом, никто не спал.

Недовольно ворча, стрелки потянулись вслед за Хуком на пологий склон, поднимающийся к распаханному плато, и там долгое время блуждали, пытаясь найти дозорных, которых им полагалось сменить. Наконец в ста шагах от вкопанных в землю заостренных кольев Хук обнаружил Уолтера Мэгота и его лучников.

– Скажи, что оставил для меня большой костер и горшок похлебки! – вместо приветствия крикнул Мэгот.

– Похлебка гуще некуда: ячневая крупа, говядина и пастернак. И пара репок в придачу.

– Французов временами слышно, – доложил Мэгот. – Коней выгуливают. Если приблизятся – пойте, отойдут дальше.

Хук взгляделся в северную сторону плато. Несмотря на дождь, французские костры горели ярко, их пламя мелькало на тронутой дождевой рябью поверхности воды, заполнявшей борозды от плуга. Отблески того же огня освещали французов, выведших коней в поле.

– Готовят коней к утру, – предположил Хук.

– Хотят на нас напасть, погляди ты, – отозвался Мэгот. – Прямо с утра. Все эти крепкие парни на крепких конях.

– Значит, молись, чтобы ливень перестал.

– Боже, пусть дождь кончится! – жарко взмолился Мэгот. Под дождем тетива неминуемо промокнет и обвиснет, ослабив луки. – Не мерзни, Ник, – пожелал напоследок Мэгот и повел свой отряд к лагерю, где их ждал уют не намного больший, чем в открытом поле.

Хук сидел, съезжившись под проливным дождем и ветром. Прорезавшая небо молния ударила в равнину позади вражеского лагеря, в ее внезапном свете Хук увидел французские палатки и знамена. Слишком много палаток и знамен, слишком много воинов для одной битвы. Где-то заржал конь – один из сотен, которых выгуливали сейчас по полю. Когда слуги с конями приближались, Хук слышал чавкающий звук от копыт, вязнущих в грязи. Пару раз французы подходили слишком близко, но после оклика Хука сворачивали прочь. Время от времени дождь слабел, шум делался тише, и из вражеского лагеря до Хука доносились хохот и пение. У англичан было тихо. Хук знал, что в обоих лагерях многие не уснут – из-за ливня или из-за ожидания битвы. При мысли о том, что предстоит на рассвете, Хук содрогнулся. «Будь с нами», – взмолился он святому Криспиниану и тут же вспомнил Суассонский собор и священника, который сказал, что возносимые за других молитвы более действенны. Тогда Хук помолился о том, чтобы Мелисанда и отец Кристофер пережили безумие наступающего дня.

Резкая белая молния пронзила тьму, над головой ударил раскат грома, дождь разразился с новой силой – плотный и злобный, затмивший даже огни французских костров.

– Кто идет? – вдруг крикнул Том Скарлет.

– Свои! – откликнулся голос.

Новая вспышка молнии осветила латника в кольчуге и ножных латах, идущего со стороны английского лагеря. При свете молнии Хук успел заметить, что накидки на латнике нет, а голова закрыта вместо шлема широкополой кожаной шляпой.

– Кто такой? – требовательно спросил Хук.

– Суон, – назвалсЯ пришедший. – Джон Суон. Вы из чьего отряда?

– Сэра Джона Корнуолла, – ответил Хук.

– Будь все наши бойцы такими же, как сэра Джон, французам осталось бы только сбежать! – В грохоте

ливня Суону приходилось напрягать голос почти до крика.

Никто из лучников не ответил.

– Луки натянуты? – спросил пришедший.

– В такую погоду, господин? Нет, конечно! – ответил Хук.

– А если дождь будет лить и утром?

Хук пожал плечами:

– Укоротим тетиву и будем стрелять, но бечева растянется.

– А там и порвется, – добавил Уилл из Дейла.

– Потому что растреплется, – пояснил Том Скарлет.

– И что нас ждет утром? – спросил Суон.

Он присел ближе к лучникам, которых присутствие чужака явно стесняло.

– Вам лучше знать, господин, – отозвался Хук.

– А вы сами как думаете? – не отступал Суон.

Повисла неловкая тишина: никто из лучников не собирался делиться опасениями. Из французского лагеря донесся взрыв хохота и радостные крики.

– Французы к утру напьются, – продолжил Суон. – А мы встретим их трезвыми.

– Ага, потому что у нас пива нет, – не удержался Том Скарлет.

– Так что же, по-вашему, будет утром? – настаивал Суон.

Вновь повисло молчание.

– На нас нападут пьяные французы, – в конце концов ответил Хук.

– А потом?

– А потом мы их будем убивать, – пожал плечами Том Скарлет.

– И выиграем битву? – добивался своего Суон.

Снова никто не ответил. Хук недоумевал, с чего вдруг какому-то латнику вздумалось отыскивать дозорных и так усиленно вытягивать их на разговор.

– На все Божья воля, господин, – осторожно ответил Ник, не дождавшись ответа от других.

– Бог на нашей стороне, – с нажимом произнес Суон.

– На то и надеемся, господин, – неуверенно отозвался Том Скарлет.

– Аминь, – вставил Уилл из Дейла.

– Бог за нас, – с еще большей силой повторил Суон. – Потому что правда на стороне нашего короля. Даже если завтра распахнутся адские врата и на нас кинутся сатанинские полчища – все равно мы выиграем битву. Бог на нашей стороне.

И тут в памяти Хука всплыл давний солнечный день в Саутгемптонской гавани, когда над замершим в ожидании флотом пролетели два лебедя. Ник вспомнил, что лебедь – гербовый символ Генриха, короля Англии.

– Вы верите? – требовательно допытывался человек, назвавшийся именем Суон – лебедь. – Верите,

что король справедлив в своих притязаниях?

Лучники по-прежнему молчали.

– Не знаю, так ли уж справедлив король, – жестко ответил Хук. Он наконец узнал голос.

На несколько мгновений повисла тишина, и Ник почувствовал, как собеседник напрягся от скрытого гнева.

– Почему? – с пугающей холодностью спросил латник по имени Суон.

– Потому что в день перехода через Сомму король повесил лучника, обвиненного в краже.

– Лучник украл церковный сосуд, – пренебрежительно ответил Суон, – и заслужил казнь.

– Он не крал дарохранительницу, – возразил Хук.

– Точно, не крал, – подтвердил Том Скарлет.

– Он не вор, а король его повесил, – безжалостно продолжал Хук. – А казнить невинного – грех. Так с чего Богу быть на стороне грешника? Что скажете, господин? Разве Бог станет покровительствовать королю, который убивает невинных?

Вновь воцарилась тишина. Дождь немного стих, из вражеского лагеря слышалось пение, затем хохот. Во французских палатках, должно быть, горели фонари: холщовые пологи светились желтым.

Латник по имени Суон пошевелился, скрипнули латные накладки на ногах.

– Если лучник был невиновен, – тихо сказал он, – значит король совершил несправедливость.

– Лучник был невиновен, – настойчиво повторил Хук. – Могу поклясться собственной жизнью.

Он помолчал, раздумывая, не слишком ли далеко зашел, и решил рискнуть:

– Да что там, я готов прозакладывать жизнь короля!

Послышался резкий вдох – латник от неожиданности втянул в себя воздух, однако не сказал ни слова.

– Честный был парень, – подтвердил Уилл из Дейла слова Хука.

– Даже суда не было! – возмущенно поддержал его Том Скарлет. – Дома-то хоть слово дают сказать в оправдание, прежде чем повесить!

– Точно! – подхватил Уилл из Дейла. – Мы, как-никак, англичане, есть же у нас какие-то права!

– Вы знаете имя того лучника? – после недолгого молчания спросил Суон.

– Майкл Хук, – тут же отозвался Ник.

– Если он был невиновен, – проговорил латник медленно, словно еще обдумывал произносимый ответ, – король закажет по нему заупокойные мессы и внесет пожертвование на поминальные службы. И сам будет ежедневно молиться о душе убиенного Майкла Хука.

Еще одна разветвленная молния ударила в землю, и Хук разглядел у носа короля темный шрам от стрелы, когда-то под Шрусбери вонзившейся в щеку Генриха.

– Он был невиновен, господин, – повторил Хук. – А священник, обвинивший его, солгал. Из-за давней семейной вражды.

– Значит, будут мессы и поминальные службы. И Майкл Хук попадет в рай по молитвам короля, – заключил Генрих. – А завтра, с Божьей помощью, сразимся против французов и научим их уважать Бога и англичан. Мы победим. Держи. – Король протянул Хуку полный кожаный бурдюк. – Вино, согреться в ночи.

И король двинулся прочь, громко хлюпая по грязи латными башмаками.

– Станный малый, – заметил Джефри Хоррокс, когда латник по имени Суон уже не мог их расслышать.

– Хорошо, если выйдет, как он сказал, – вставил Том Скарлет.

– Проклятый дождь, – пробурчал Уилл из Дейла. – Когда ж он кончится, чтоб его...

– Как же победить-то завтра? – спросил Скарлет.

– Просто целься лучше и надейся на то, что Бог тебя любит, – ответил Хук, отчаянно желая, чтобы святой Криспиниан хоть что-нибудь сказал, однако тот по-прежнему хранил безмолвие.

– Если эти выродки до нас доберутся... – начал было Том Скарлет и замолк.

– Что, Том? – переспросил Хук.

– Ничего.

– Да говори уж.

– Я хотел сказать – давай я убью тебя, а ты меня, пока нас не начнут пытаться, да только это несбыточно, да? Ну, если я тебя убью, ты ведь не сможешь меня прикончить, ты же будешь труп... – Скарлет, вначале серьезный, под конец не сдержался и захохотал, и через миг вместе с ним хохотали остальные, хотя никто толком не знал почему.

«Смех покойников, – подумал Хук. – Хотя лучше уж покойникам хохотать, чем лить слезы».

Лучники пустили по кругу вино, которое так никого и не согрело. Чуть погодя забрезжил серый, как кольчуга, рассвет. Отойдя по нужде в восточную полосу леса, Хук увидел позади стволов деревушку. Ночевавшие в сараях и амбарах французы уже седлали коней и выдвигались ближе к главному лагерю. В дальней части плато, где пестрели вымокшие вражеские знамена, уже строилось войско.

Англичане занимались тем же. Девятьсот латников и пять тысяч стрелков вышли с рассветом на поле Азенкура, распаханное глубокими бороздами под зимнюю пшеницу, – поле, где уже стояли тридцать тысяч французов.

Готовые к сражению в День святого Криспина.

Часть четвертая

День святого Криспина

Глава одиннадцатая

Рассвет выдался холодным и серым. Редкие брызги еще срывались с неба, но Хук видел, что ночной ливень уже не вернется. Мелкие клочья тумана жались к мокрым деревьям и заполненным водой бороздам на пашне.

Английские барабанщики выбивали бойкий ритм, время от времени вступали трубы. Музыканты теснились позади центрального строя, где рядом с королевским штандартом – самым большим во всем войске – реяли на высоких древках крест святого Георгия, знамя Эдуарда Исповедника и флаг Святой Троицы. Над передовым отрядом и арьергардом, выстроенными по краям, развевались знамена их командующих, над латниками Генриха – еще полсотни флагов, однако они не шли ни в какое сравнение с плотными рядами полотняных и шелковых знамен, выставленных французами.

– Сколько там флагов? Можешь посчитать? – спросил Томас Эвелголд, надеясь определить численность вражеского войска. – Если под каждым знаменем два десятка солдат...

Под чьими-то флагами стояло меньше двадцати воинов, под другими – намного больше, однако Эвелголд надеялся, что такой подсчет даст в среднем верную картину. Флаги, правда, были настолько многочисленны и торчали так тесно, что даже Хук с его острым зрением не мог вычленить хоть один из нескончаемой общей массы.

– Выродков тысячи и тысячи, а еще арбалетчики, чтоб им пусто было... – тоскливо протянул Эвелголд, глядя на французский строй: арбалетчики стояли по флангам, за спиной латников.

– Ждите! – прокричал стрелкам седой рыцарь на забрызганном грязью мерине – один из многих, кто подъезжал к строю передать приказ или поделиться советом. – Ждите! Стрелять только по моему сигналу! – Латник воздел в руке толстый жезл, обернутый зеленой тканью и увенчанный золотым навершием. – Пока не брошу жезл – не стрелять! Следите за жезлом!

– Кто это? – спросил Хук у Эвелголда.

– Сэр Томас Эрпингем.

– А кто он?

– Латник, который бросит жезл.

– Жезл я подкину высоко! – крикнул сэр Томас. – Вот так!

С силой брошенный жезл взлетел в пропитанный дождем воздух и перевернулся в вышине. Рыцарь, потянувшись было его поймать, промахнулся. Хук так и не решил, считать ли это дурной приметой.

– Подними, Хоррокс, – велел Эвелголд. – Да гляди веселей!

Хоррокс кинулся бегом, но заполненные водой борозды и раскисшие гряды между ними не давали двигаться, ноги вязли по щиколотку. Добравшись наконец до зеленого жезла, стрелок отдал его седовласому рыцарю, тот поблагодарил и двинулся дальше вдоль строя лучников, повторяя для остальных тот же приказ.

– Лемех, должно быть, пустили глубоко, – заметил Эвелголд.

– Под озимую пшеницу, – отозвался Хук.

– А она-то при чем?

– Под озимую распахивают глубже.

– Вот уж пахать никогда не приходилось, – покачал головой Эвелголд: до получения должности винтенара он был кожевником.

– Осенью пашут глубоко, весной мелко, – объяснил Хук.

– Да уж, этим вырождакам не придется рыть нам могилы, – невесело буркнул Эвелголд. – Клади в борозды да закапывай...

– Небо проясняется, – заметил Ник.

На западе, где едва выступали над лесом невысокие стены крепости Азенкур, свет делался ярче.

– Ну хоть тетива не промокнет. Значит, убьем сколько-то вырождаков прежде, чем они нас прирежут.

Враг превосходил англичан числом не только знамен, но и музыкантов. Английские трубачи время от времени выдували короткие бравые сигналы, а затем умолкали, давая место барабанщикам, выстукивавшим все тот же резкий настойчивый ритм. Французские же трубы не стихали ни на миг, их пронзительные вопли, то опадающие, то визгливо взлетающие, звенели в холодном воздухе и навязчиво лезли в уши. Основное войско французов было пешим, как и английское, хотя на обоих вражеских флангах выделялись отряды конных рыцарей с выставленными в небо копьями. Чтобы согреть коней, крытых длинными попонами с вышитыми гербами, всадники то и дело прогуливали их перед строем.

– Скоро нападут, не задержатся, – кивнул в их сторону Том Скарлет.

– Может, да, – отозвался Хук, – а может, и нет.

Он разрывался между желанием ввязаться наконец в бой, который прекратит затянувшуюся пытку, и мечтой благополучно оказаться дома, в Англии, в теплой постели.

– Не натягивать тетиву, пока не начнется битва! – Эвелголд повторил предупреждение уже в пятый или шестой раз, но никто из лучников сэра Джона даже не повернул головы. Все лишь поеживались от холода и не сводили глаз с французов. – Черт! – прошипел вдруг сентенар.

– Что? – очнулся Хук.

– Наступил в дерьмо.

– Говорят, это к удаче.

– Тогда поплясать в нем, что ли...

Там и тут священники служили мессу, и лучники один за другим подходили исповедать грехи и принять причастие. Король на виду у всех преклонил колено перед кем-то из своих капелланов, стоящих напротив центрального строя.

Еще раньше, на рассвете, Генрих объезжал войско на своем белом жеребце – выстраивал людей на позиции и кое-где проверял, надежно ли вбиты в землю колья. Золоченая королевская корона, надетая поверх шлема, в тусклом свете сумрачного утра казалась неестественно яркой.

– Бог на нашей стороне, друзья! – крикнул он тогда стрелкам. Увидев, что те почтительно преклоняют колени, он дал знак подняться. – Бог за нас! Верьте!

– Может, Бог умножит английское войско? – раздался голос какого-то смельчака из лучников.

– Зачем? – весело спросил король. – Нам хватит и Божьего покровительства! У нас достанет воинов исполнить Божью волю!

Теперь, вернувшись выслушать мессу и принять причастие, Хук отчаянно желал, чтобы король оказался прав.

Ник опустился на колени перед отцом Кристофером, поверх рясы облаченным в успевшую заляпаться ризу, расшитую белыми голубями, зелеными крестами и корнуолловскими червлеными львами.

– Я согрешил, святой отец. – И Хук признался в том, о чем никогда прежде не говорил на исповеди: в том, что убил Роберта Перрила и намерен убить Томаса Перрила и сэра Мартина. Слова давались с трудом, но Ника подстегивала мысль – почти уверенность, – что нынешнего дня ему не пережить.

Руки священника, наложенные на голову Хука, дрогнули.

– Почему ты совершил убийство?

– Перрилы убили моего деда, моего отца и брата.

– А теперь одного из них убил ты сам, – сурово проговорил отец Кристофер. – Ник, это надо прекратить.

– Я их ненавижу, святой отец.

– Тебе предстоит битва. Поэтому ступай отыщи своих врагов, попроси у них прощения и примиришься. – Хук не ответил, и священник продолжил: – Другие сегодня так и делают – идут примиряться с врагами. Ступай и ты.

– Я обещал, что не убью его во время сражения.

– Этого мало, Ник. Неужели ты хочешь предстать пред судом Божиим с ненавистью в сердце?

– Я не могу с ними примириться. Они убили Майкла.

– Христос прощал Своих врагов, мы должны следовать Его примеру.

– Я не Христос, святой отец. Я Ник Хук.

– И Господь тебя любит, – вздохнул отец Кристофер и осенил крестом голову Ника. – Тебе нельзя убивать этих двоих. Таково Божье повеление. Понятно? На битву можно идти, только истребив ненависть в сердце. Тогда Господь будет к тебе милостив. Обещай мне не замышлять убийств, Ник.

Решение далось не без внутренней борьбы. Помолчав, Хук отрывисто кивнул.

– Я не стану их убивать, святой отец, – нехотя проговорил он.

– Ни сегодня, ни завтра, никогда. Обещаешь?

Вновь повисла пауза. Хук вспомнил долгие годы вражды и въевшуюся в разум ненависть, вспомнил свое отвращение к сэру Мартину и Тому Перрилу... Потом подумал о сегодняшней битве – и понял, что, не дав клятвы, требуемой отцом Кристофером, он никогда не попадет в рай. Он коротко кивнул:

– Обещаю.

Отец Кристофер сжал его голову ладонями:

– Вот тебе епитимья, Николас Хук: покажи себя метким лучником в нынешней битве. Во имя Бога и короля. Те absolvo^[30]. Прощаются твои грехи. Теперь взгляни на меня.

Хук поднял глаза. Дождь окончательно стих. Священник, достав уголек, что-то написал на лбу Ника.

– Вот и хорошо, – сказал он, закончив.

– Что это, святой отец?

Отец Кристофер улыбнулся:

– Я написал на твоём лбу «IHC Nazar» [\[31\]](#). Кое-кто верит, что это спасает от напрасной смерти.

– Что это значит, святой отец?

– Это имя Христа – Назарянин.

– Напишите его и на лбу Мелисанды.

– Конечно, Хук, обязательно. А теперь прими Тело Христово.

Хук приобщился Святых Даров и затем, как делали другие по примеру короля, положил на язык щепотку влажной земли и проглотил ее вместе с облаткой – в знак покорности смерти, в знак того, что принимает землю с той же готовностью, с какой земля приняла бы его самого.

– Надеюсь, мы еще увидимся, святой отец, – сказал Хук, надевая шлем поверх кольчужного капюшона.

– Я молюсь о том же, – откликнулся священник.

– Дерьмоголовым придуркам пора нападать, – пробурчал Уилл из Дейла, когда Хук вернулся к своим.

Однако строй французов, заполнивший всю ширину плато от леса до леса, стоял недвижно и не выказывал ни малейшего намерения наступать. Враг ждал.

Английские герольды в великолепных налатниках, не выпуская из рук белых жезлов, доскакали до середины поля, где их встретили герольды Франции и Бургундии, и вся группа отъехала к кромке леса, остановившись у полуразваленного сарая с заросшей мхом крышей. Оттуда они вместе будут наблюдать за боем, а в конце объявят победителя.

– Скорей бы уже, выродки вонючие! – рявкнул кто-то из строя.

Враг не двигался. Трубы взвизгивали по-прежнему, но войско в стальных доспехах и не думало выступать: французы ждали. Кони в ярких пополах, которых выгуливали перед строем, заслоняли собой арбалетчиков, зато в центре ряда, куда угодил случайный солнечный луч, Хук разглядел орифламм – алое зубчатое знамя. Значит, пленников не будет. Значит, убивать будут всех.

– Эвелголд! Хук! Мэгот! Канделер! – Сэр Джон Корнуолл встал перед строем лучников. – Ко мне! Все четверо!

Хук вместе с сентенаром и остальными винтенарами вышел вперед. Ступать по глубокой пашне было мучительно: глинистая почва, превратившаяся в тягучую рыжую глину, немилосердно липла к подошвам. Сэру Джону, облаченному в полные латные доспехи – шестьдесят фунтов стали, – приходилось и вовсе отшатываться в сторону при каждом шаге, чтобы вытащить из липкой грязи ногу в тяжелом стальном башмаке. Отойдя от строя шагов на сорок, командующий остановился.

– Не упускайте случая увидеть свой отряд со стороны, как его видит враг. Поглядите.

Хук обернулся. Перед ним стояла английская армия – покрытая грязью, заросшая ржавчиной, промокшая и измученная. Центр войска составляли три отряда, каждый в три сотни латников; средним командовал король, дальним правым – лорд Камойс, левым – герцог Йоркский. Между тремя отрядами стояли лишь две небольшие группы стрелков, зато фланги состояли сплошь из лучников. Эти два фланговых отряда, вкопавшие в землю колья, располагались под углом к центральной части войска – чтобы пущенные ими стрелы летели с боков к центру.

– Что будут делать французы? – спросил сэр Джон.

– Атаковать, – мрачно выговорил Эвелголд.

– Атаковать кого и почему? – не отставал сэр Джон. Никто из четверых лучников не ответил: они лишь оглядывали малочисленную армию и недоумевали, какого ответа ждет от них сэр Джон. – Думайте! – рявкнул командующий, переводя взгляд ярко-синих глаз с лица на лицо. – Вы французы! Живете у себя в загаженном доме с сырыми стенами: под полом крысы, на чердаке мыши. Чего больше всего не хватает?

– Денег, – предположил Хук.

– Значит, при наступлении нацелитесь куда?

– На знамена, – кивнул Томас Эвелголд.

– Потому что там-то и собраны деньги, – подтвердил сэр Джон. – Выродки вывесили орифламму – да кто им поверит! Им нужны пленники. Побогаче. Им нужен король, или герцог Йоркский, или Глостер, или я – им нужен выкуп! Лучников убивать – никакой выгоды, нападать будут на латников. Пойдут туда, где знамена, но кто-то может напасть и на вас, тогда ваше дело – стрелами сгонять их в центр. Ясно? Сбивайте их фланги к центру. А там-то они мимо меня не пройдут.

– Если стрел хватит, – с сомнением произнес Эвелголд.

– Сделайте так, чтоб хватило, – решительно обернулся к нему сэр Джон. – Потому что, если кончатся стрелы, будете биться врукопашную. Их этому учили, вас – нет.

– Вы нас натаскивали, сэр Джон, – возразил Хук, вспомнив зимние упражнения с мечом и алебардой.

– Ну, ты хоть что-то умеешь, а остальные лучники? – язвительно осведомился сэр Джон.

Хук, глядя на замерших в ожидании стрелков, и сам понимал, что против французских латников им не выстоять: швецы и кожевники, сукновалы и плотники, мясники и мельники – все они были ремесленниками, овладевшими ценным навыком: натянуть до уха тетиву тисового лука и послать стрелу в смертельный полет. Их учили убивать, но никто из них не привычен к боям, не закален в турнирах, не обучен с детства владеть клинком. На многих вместо доспехов лишь стеганая куртка, у кого-то нет даже такой малой защиты.

– Не дай бог, чтобы французы на них налетели, – заключил сэр Джон.

Никто из стрелков не ответил. Все думали о том, что будет, когда закованные в сталь французские латники ринутся их убивать. Хука передернуло, но тут же его внимание отвлекла группа из пяти всадников, под флагом английского короля скачущих к французам.

– Чего это они, сэр Джон? – спросил Эвелголд.

– Король их послал предложить мир, – ответил командующий. – Если французы отдадут корону Генриху, мы согласимся их не убивать.

Эвелголд молча воззрился на сэра Джона, словно не поверил услышанному. Хук подавил смешок, сэр Джон пожал плечами.

– Они не примут условий – значит будет битва. Правда, никто не сказал, что они пойдут в наступление.

– А что, не пойдут? – переспросил Мэгот.

– Нам надо в Кале. Так что, возможно, придется срезать путь и пройти сквозь французскую армию.

– Боже милостивый, – выдохнул Эвелголд.

– Они хотят, чтобы мы напали сами? – спросил Мэгот.

– На их месте я бы этого и желал, – ответил сэр Джон. – Тащиться по раскисшему полю им хочется не

больше нашего, да им это и не нужно. А у нас выбора нет: либо идти в Кале, либо сдохнуть от голода. Поэтому, если они не нападут, атаковать придется нам.

– Боже милостивый, – повторил Эвелголд.

Хук попытался представить, каково будет преодолеть полмили вязкой, липкой и скользкой грязи.

«Пусть бы французы напали сами», – подумал он. По телу пробежала дрожь: холод, голод и усталость давали о себе знать. Волнами нахлынул страх, схватило живот. Не только у него, судя по всему: солдаты то и дело шныряли в лес опорожнить кишки.

– Мне надо в лес, – сказал он.

– Если прихватило, садись, где стоишь, – бросил сэр Джон и, обернувшись к строю лучников, крикнул: – В лес не бегать! – Он опасался, что от страха кому-нибудь придет в голову отсидеться за деревьями. – Кому приспичит – опорожняться на месте!

– Помирать тоже, – добавил Том Эвелголд.

– И отправляться в ад в вонючих штанах, какая разница? – прорычал сэр Джон, затем оглядел Эвелголда с винтенарами и проговорил спокойно и веско: – Бой еще не проигран. У нас есть лучники, у французов их нет.

– Зато стрел у нас маловато, – вставил Эвелголд.

– Значит, не тратьте впустую, – отмахнулся командующий от сомнений сентенара и тут же хмуро взглянул на Хука. – Хоть бы против ветра, что ли, встал...

– Простите, сэр Джон.

– Вам-то проще, – ухмыльнулся тот, – а представь, если в полных доспехах... К концу дня уж точно будем благоухать не розами и лилиями. – Командующий посмотрел на вражеский строй, взгляд синих глаз выхватил орифламму. – И еще. Не брать пленных, пока не прикажем. Сначала надо убивать.

– Вы думаете, дело дойдет до пленных? – недоверчиво переспросил Эвелголд.

Сэр Джон будто не слышал вопроса.

– Если брать пленных сразу, нарушится и ослабнет строй. Сначала надо драться и убивать, так чтобы выродки лишились сил, а уж потом гоняться за пленными и мечтать о выкупах. – Он хлопнул Эвелголда по колючужному плечу. – Скажи своим, ужинать будем припасами из французских обозов!

«Или нас зачислят на довольствие к дьяволу», – мысленно добавил Хук. С трудом выдирая ноги из грязи, он доковылял до отряда, по-прежнему стоящего вдоль линии вкопанных кольев. На одном правом фланге кольев торчало больше двух тысяч – пешие воины двигались между ними свободно, зато для коней острый частокол был непреодолимой преградой.

– Что сказал сэр Джон? – встрял Уилл из Дейла.

– Что ужинать будем французской едой.

– Он думает, нас возьмут в плен? – с сомнением переспросил Уилл.

– Нет. Считает, что мы победим.

Невеселые смешки, раздавшиеся в ответ, Хук предпочел не заметить и перевел взгляд на вражеский строй. В передних рядах стояли пешие латники, уставив в небо железные наконечники копий. Войско и не думало трогаться с места, однако англичане ждали. Французские всадники по-прежнему выгуливали коней. Те вязли копытами в мягкой грязи, и кое-кто из рыцарей предпочел увести их на травянистые

пастбища за лесами. Солнце взбиралось все выше, облака рассеивались. Королевские гонцы, посланные предложить мир, встретились с группой французов и вернулись обратно, по войску разнесся слух, что враг согласен пропустить англичан в Кале, однако затем слух опровергли.

– Если выродки не хотят биться, – заметил Том Скарлет, – то так и будут торчать там целый день.

– Нам надо мимо них пройти, Том.

– Господи, ну почему мы не смылись ночью? Можно ведь было вернуться в Гарфлёр...

– Король на это не пойдет.

– Да почему? Ему помереть, что ли, хочется?

– Ему покровительствует Бог, – ответил Хук.

Том поежился:

– Тогда чего бы Богу не послать нам приличный завтрак?

Женщины принесли то небольшое, что осталось к нынешнему дню.

– Возьми половину, – сказал Хук Мелисанде, отдавшей ему овсяную лепешку.

– Нет, это тебе, – запротестовала она.

Овес уже тронула плесень, но Хук все равно съел половину и отдал остальное жене. Пива не было, вместо него Мелисанда принесла речной воды в старом кожаном бурдюке; вода отдавала гнилью.

Стоя рядом с Хуком, Мелисанда смотрела на ряды французов.

– Так много, – тихо сказала она.

– Стоят и не двигаются, – ответил Хук.

– И что будет?

– Придется нападать.

Девушка вздрогнула.

– Как по-твоему, отец тоже там?

– Конечно.

Она не ответила. Ожидание все длилось. Барабаны и трубы не смолкали, однако музыканты явно выдохлись, музыка постепенно гасла. До Хука временами долетало пение малиновок, скрытых в деревьях. Листва уже местами облетела, и голые ветви, торчащие на фоне серого неба, походили на виселицы. На мокрой пашне между замершими в ожидании армиями копошились дрозды, выискивая в земле червей. Хук вспомнил дом, и коров на дойке, и звуки оленьего гона в лесу, и короткие осенние сумерки, и огни в домах...

Внезапный шум заставил его очнуться. Король в сопровождении одного лишь знаменщика выехал вперед и теперь приближался к правому флангу, где стояли лучники. Белый конь, чувствуя ненадежность опоры, высоко поднимал копыта. Генрих снял увенчанный короной шлем, и легкий ветер взъерошил его каштановые волосы, сделав двадцативосьмилетнего короля еще более юным на вид. В нескольких шагах от первого ряда кольев Генрих остановил коня, и сентенары велели лучникам снять шлемы и преклонить колени. Король, на сей раз приняв знак почтения, дождался, пока две с половиной тысячи стрелков опускались на землю.

– Лучники Англии! – воззвал он и помедлил, увидев, что стрелки подбираются ближе, чтобы лучше

слышать.

У многих на плече висел зачехленный лук и алебарда, кое-кто прихватил топор или утяжеленный свинцом молот. У большинства при себе был меч, а у некоторых из оружия оставались лишь лук и нож. Глядя на обнажившего голову короля, кто-то из лучников спешил снять шлем, другие откидывали кольчужные капюшоны.

– Лучники Англии! – повторил Генрих. Голос его дрогнул, он помолчал. Ветер шевелил гриву коня. Наконец король заговорил, голос зазвучал уверенно и чисто. – Сегодня мы сражаемся за мои притязания. Французы отказывают мне в праве на корону, дарованную Богом! Враг уверен, что может нас одолеть! Французы мечтают взять меня в плен и протащить по улицам Парижа на потеху толпе. – Лучники возмущенно зароптали, и Генрих, переждав, продолжил: – Наши враги угрожали отрубить пальцы всем англичанам, способным натянуть лук! – Ропот сделался громче и злее. Хук вспомнил суассонскую площадь, где отрубание пальцев было только началом кровавого действия. – И всем лучникам-валлийцам! – добавил король, вызвав оживление в рядах стрелков. – Враг уверен, что ему это удастся, но французы забыли Господню волю! Забыли святого Георгия и святого Эдуарда, наших защитников! И нам покровительствуют не только они! Нынче праздник святых Криспина и Криспиниана, которые вопиют об отмщении за зло, причиненное им в Суассоне.

Генрих вновь помедлил, но большинству лучников название Суассон ни о чем не говорило, и солдаты молчали, внимательно ожидая продолжения.

– Нам выпал случай отомстить французам за содеянное зло, и вы знаете не хуже меня, что сегодня мы лишь орудия в руках Бога. Он направляет ваши луки и стрелы, Он пребывает в ваших сердцах и душах. Бог сохранит нас невредимыми и уничтожит наших врагов! – Король вновь умолк, пережидая шум, и затем повысил голос: – С вашей помощью и полагаясь на вашу силу – мы победим!

На мгновение повисла тишина, затем раздались ликующие крики.

– Я предлагал врагам примирение, – продолжил Генрих. – Отдайте мне то, что принадлежит мне по праву, сказал я им, и воцарится согласие. Но их сердцам противен мир, в их душах нет милосердия. Вот почему мы пришли на это поле, где восстановится справедливость!

Впервые за все время король оторвал взгляд от толпы коленопреклоненных лучников и посмотрел на глинистое плато, разделяющее две армии.

– Я привел вас сюда, на французскую землю, – заговорил он, вновь обернувшись к лучникам. Голос зазвучал напряженнее. – Но я вас здесь не оставлю! Милостью Божьей я ваш король, но сегодня я вам ровня – не больше и не меньше! Сегодня я сражаюсь за вас и вручаю вам свою жизнь!

Генриху вновь пришлось замолчать: лучники разразились криками. Подняв руку в латной перчатке, король ждал, пока не стихнет шум.

– Если вы здесь погибнете, погибну и я! Я не сдамся в плен! – Вновь послышались одобрительные крики стрелков, и вновь король поднял руку, дожидаясь тишины. Затем на его лице появилась уверенная улыбка. – И все же меня не возьмут в плен и не убьют, ведь я прошу лишь одного: чтобы сегодня вы сражались за меня так же, как я стану биться за вас!

Простертой вперед правой рукой он повел вдоль строя лучников, словно надеясь охватить их всех. Конь шарахнулся в сторону, король сдержал его жестом опытного наездника.

– Сегодня я сражаюсь за ваши дома, за ваших возлюбленных, жен и детей, за ваших отцов и матерей, за ваши жизни и вашу Англию!

Ликующие возгласы стрелков, должно быть, долетели до северного края поля, где по-прежнему

развевались яркие знамена над французским войском.

– Сегодня мы братья! Мы, уроженцы Англии и Уэльса! И я клянусь копьем святого Георгия и голубем святого Давида Валлийского – вы вернетесь домой победителями, с именами, покрытыми славой! Я ваш король, но в этот день я ваш брат, и клянусь бессмертной душой: я не оставлю своих братьев! Да сохранит вас Бог, братья мои! – С этими словами король развернул коня и поскакал к латникам, чтобы подбодрить их перед битвой.

– Да он всерьез верит, что мы победим! – пробормотал Уилл из Дейла.

На северном конце поля ветер взметнул полосу алого шелка, и орифламма затрепетала в небе поверх вражеских копий. Пленных не брать...

Французы по-прежнему не двигались с места. Лучники уселись прямо на промокшую землю, кое-кто умудрился даже уснуть. Священники все еще принимали исповедь и отпускали грехи.

– Не отходи от обоза, – велел отец Кристофер Мелисанде после того, как угольком написал на ее лбу спасительное имя Иисуса.

– Хорошо, святой отец.

– И не расседывай кобылу, – посоветовал священник.

– Чтобы можно было сбежать?

– Да.

– И надень отцовский налатник, – добавил Хук.

– Ладно, – пообещала ему девушка и достала налатник из мешка с остальными пожитками. – Дай нож, Ник.

Взяв протянутый ей кинжал из тех, что выдавали лучникам, Мелисанда отрезала от подола полосу и вручила мужу.

– Это тебе.

– Надеть? – уточнил Хук.

– Конечно, – подтвердил отец Кристофер. – Истинному воину подобает носить ленту своей дамы.

Священник указал на английских латников – у многих шею обвивал шелковый платок или шарф. Хук обмотал ленту вокруг шеи и обнял Мелисанду.

– Ты слышала, что сказал король. Бог на нашей стороне.

– Хорошо, если Бог об этом знает, – ответила девушка.

– О том и молюсь, – добавил отец Кристофер.

Внезапно послышался шум от движения всадников, но не со стороны французов, которые по-прежнему не собирались нападать, а от английского строя, вдоль передней линии которого скакали латники.

– Выступаем вперед! – крикнул один, приблизившись к правому флангу. – Коля забрать с собой! Выступаем!

– Друзья! – Король, выехавший из строя, привстал на стремях и призывно махнул рукой. – Вперед!

– О господи, – только и выдохнула Мелисанда.

– Возвращайся к обозу, – велел ей Хук и принялся выворачивать тяжелый кол из топкой почвы. – Ступай, любимая. Со мной ничего не случится. Не родился еще тот француз, что меня убьет.

Он и сам не очень верил в то, что говорил, однако ради жены даже выдавил улыбку. Вновь свело кишки, от страха по телу пошел озноб, но, несмотря на слабость и дрожь, Хук вытащил из земли кол и вскинул его на плечо.

Не оборачиваясь больше к Мелисанде, он пошел вперед, на каждом шагу увязая в густой грязи, как и любой солдат из войска. Англичане двигались невозможно медленно, с трудом выдирая ноги из сырого цепкого грунта и шаг за шагом одолевая пространство.

А французы просто смотрели. И ждали.

– Будь у них хоть капля ума, напали бы прямо сейчас, – буркнул Эвелголд.

– Может, и нападут, – взглянув на врага, ответил Ник.

Французские латники, что выгуливали коней, теперь отходили к флангам. Правда, слишком спокойно и неторопливо. Трубы выпевали все тот же сигнал: французов явно устраивало, что англичане решили плестись через все поле. Мысли Хука скакали, как заяц в весенней траве. Неужели ночью к лучникам приходил сам король?.. На запасной тетиве середина осталась неукрепленной... Неужто король и вправду станет молиться за Майкла?.. А смерть придет быстро?.. Пирс Канделер, внезапно разразившись потоком ругательств, скинул башмаки и пошел босиком. Хук вспомнил лучника, повешенного им в Лондоне: интересно, было ли старику так же страшно, когда он глядел на подступающих к Хомилдонскому холму шотландцев? А сколько других лучников служили королю и сражались то с шотландцами, то с валлийцами, то друг с другом – и вечно, вечно с французами...

Нынешние французы и не думали шевелиться. Недвижность, с которой они наблюдали за малочисленным английским войском, добровольно ползущим на их мечи и копья, выглядела пугающей.

Левая нога Хука глубоко увязла в липкой жиже. Он оставил сапог в земле, тут же скинул второй и пошел босиком, как другие. Так оказалось легче.

– Если выродки двинутся вперед – сразу останавливаемся, натягиваем луки и вкапываем колья! – предостерегающе крикнул Эвелголд.

Однако враг и не думал выступать. Французское войско все разрасталось, с востока подходили новые отряды. Конные латники, стоящие на обоих флангах, даже не пытались пришпорить коней в железных наглавниках и стеганых пополах, лишь просто глядели на англичан, подняв забрало шлемов и устремив в небо неподвижные копья.

Хука одновременно сотрясал озноб и прошибал пот. Поверх кольчуги с кожаной подкладкой на нем была надета стеганая куртка – достаточная защита от меча, но не от копейного удара. А уклоняться от копья, увязая в густой грязи, – дело бессмысленное...

– Не спешить! – приказал чей-то голос.

Стрелки далеко обогнали латников. Те, отягощенные доспехами, с трудом продирались сквозь вязкую пашню. И все же войско упорно приближалось к французам, и лес по обе стороны от поля подступал плотнее, так что англичане теперь заполнили пространство от леса до леса. Французские, английские и бургундские герольды направили коней в сторону французского войска, держась на равном расстоянии от обеих армий.

– Проклятье! – прорычал Эвелголд. – Далеко еще он будет нас тащить?

Послышался приказ лучникам вкапывать колья. До врага оставалось чуть больше двухсот шагов. На

таком расстоянии ставили самые дальние мишени во время состязаний лучников, и на Хука нахлынули воспоминания о давних летних днях: шуты, пляшущие медведи, толпы народу подбадривают возгласами целящихся стрелков...

– Коля вкапывать крепче! – крикнул чей-то голос.

Кол Хука легко вошел в мягкий грунт. Оглянувшись на французов, так и не сделавших попытки выдвинуться вперед, Ник снял с плеча алебарду и пару раз ударил по колу, вогнав его глубже в землю. Затупившийся при этом конец кола Хук заново выправил ножом и лишь тогда достал лук из чехла, сшитого из конской шкуры. Остальные лучники тоже вкапывали колья и натягивали луки. Зацепив древко за нижнюю часть кола, Ник согнул цевье и накинуд петлю тетивы на верхний наконечник лука. Затем достал стрелы и воткнул перед собой в землю: с узким наконечником – слева, полдюжины широких – справа. Прикоснулся губами к луку там, где темная полоса дерева соединялась со светлой. Помолится Богу и святому Криспиниану. Сердце билось в груди пойманной птицей, во рту пересохло, левую ногу свело судорогой. А французы все не двигались, и святой Криспиниан не отвечал на молитвы.

Лучники стояли неплотно: колья не образовывали тесной линии, а неровными рядами торчали на пространстве размером с ту рыночную площадь, где Генрих жег и вешал лоллардов. Между любыми соседними кольями оставалось место шириной в пару шагов – достаточно для пешего, но всаднику не повернуться. Ряды лучников тянулись широкой полосой, задние стрелки не видели врага из-за спины передних, но все понимали, что видеть врага не обязательно: попасть во французов, отстоящих на двести шагов, можно, только стреляя высоко в воздух. Хук, оказавшийся в первом ряду, заметил Томаса Перрилла, который вколачивал кол в нескольких шагах за ним. Сэр Мартин не появлялся. При мысли о том, что священник мог остаться в лагере, Хука передернуло, однако беспокоиться о Мелисанде времени не было: Том Эвелголд уже выкрикивал лучникам приказ повернуться к французам.

Хук подумал было, что те решили наступать, но враг по-прежнему не двигался с места. В центре длинным плотным строем стояли спешенные латники в ярких накидках поверх отполированных доспехов, на флангах теснились два войска конных рыцарей с копьями. Шелковые флаги ярко выделялись на фоне серого неба. В самом центре войска, где знамена теснились гуще, ветер развевал орифламму, неотступно напоминающую англичанам, что пощады не будет.

Тщетно пытаюсь найти среди французов мессира де Ланфереля, Хук разглядел оружие. Мечи, копья, алебарды, боевые топоры, боевые молоты – некоторые с острым концом в виде соколиного клюва, булавы – простые и с шипами... Вновь свело живот. Прикрыв на миг глаза, Ник вознес страстную молитву к святому Криспиниану, затем наложил на цевье стрелу с широкими лезвиями и пошире уперся босыми ступнями в скользкую землю.

– Господи Иисусе, – выдохнул Томас Скарлет.

– Боже, – прошептал Уилл из Дейла.

Сэр Томас Эрпингем, с развевающимися на ветру седыми волосами, выехал вперед английского войска на небольшом коне, опасливо ступавшем по липкой грязи. Позади него остался строй латников – девять сотен воинов, выстроенных в четыре шеренги. В центре стоял король, в начищенных до блеска латах и в драгоценной короне поверх боевого шлема. Сэр Томас, одетый в зеленый налатник с крестом святого Георгия, повернул коня к английскому войску и несколько мгновений помедлил.

– Не оставь меня! – вслух воззвал Хук к святому Криспиниану, отчаянно желая услышать ответ, но Криспиниан молчал.

– Целься! – вполголоса приказал Томас Эвелголд.

Хук вскинул цевье и натянул пеньковую тетиву до правого уха, чувствуя напряженную мощь согнутого древка. Он целился в коня какого-то француза, оказавшегося напротив. Впрочем, Ник понимал, что стрела может угодить в выбранную цель лишь по большому везению: окажись француз на полсотни шагов ближе, сомневаться бы не пришлось, а на предельном расстоянии будет удачей, если стрела отклонится всего на четыре-пять футов. Правая рука, держащая струну натянутой, чуть дрогнула.

Пять тысяч лучников натянули луки одновременно, наставив во врага пять тысяч стрел.

Над лесами Трамкура вихрем темного дыма взвилась стая скворцов и, прошелестев крыльями, исчезла так же внезапно, как появилась. Французы в строю опустили забрала, теперь вместо лиц Хук видел лишь безликую сталь.

– Господи, помоги, – прошептал кто-то из лучников, увидев, как сэр Томас поднимается на стремянах.

Сэр Томас Эрпингем высоко подбросил зеленый жезл, и тот перевернулся в воздухе, блеснув золотым навершием на фоне пасмурного неба.

– Готовсь! – крикнул сэр Томас в нависшей над Азенкурским полем тишине. – Стреляй!

Жезл упал.

Хук отпустил тетиву.

Стрелы взмыли в небо.

Сначала зазвенела тетива: пять тысяч пеньковых струн, натянутых на ясеновые луки, зазвучали разом, словно аккорд дьявольской арфы. Затем прошелестели стрелы – как вздох ветра, скользнувшего по оперениям и стихшего, когда вихрь стрел взмыл в серое небо, будто стая скворцов. Хук, потянувшись за следующей стрелой, не мог отвести глаз от пяти тысяч стрел, которые двумя грозowymi тучами затмили небеса, на мгновение замерли в верхней точке – и неотвратимо устремились вниз.

В Пикардии настал Криспинов день.

На миг воцарилась тишина.

Затем стрелы посыпались на французский строй. Сталь грохотала по стали, как исполинский град, насланный самим дьяволом.

И тогда раздались первые вопли боли – раненый конь, в круп которого угодила стрела с широким наконечником, взвился на дыбы и рванулся вперед, вскинув в седле закованного в латы наездника. Другие кони устремились вслед, всадники взялись пришпоривать лошадей, и при виде атакующей конницы все французское войско разразилось криками:

– Монжуа Сен-Дени!

– Святой Георгий! – взревел кто-то из англичан, и вся армия подхватила клич. – Святой Георгий!

Латники, дразня французов, трубили в охотничьи рога, шум перерос в гул, звуки труб взвивались до неба.

В которое летела вторая стрела Хука.

Жильбер, мессир де Ланферель, стоял в переднем ряду французского войска – среди восьми тысяч таких же спешенных латников, которые составляли первый из трех французских полков. Гербовая накидка с изображением солнца и сокола прикрывала отполированные, но уже местами забрызганные грязью доспехи, на боку висел длинный меч, на плече – ошетилившаяся шипами булава, в руках Ланферель

сжимал укороченное семифутовое копье с ясеновым древком и стальным наконечником. Голову покрывал застегнутый у подбородка кожаный капюшон, под который были подвернуты длинные волосы, поверх надетого на капюшон кольчужного наголовника с оплечьем красовался итальянский боевой шлем. Ланферель из-под поднятого забрала следил за смехотворно малой английской армией.

Французы смотрели на битву как на увеселение. Этот английский Генрих, посмевавшийся пригнать свою жалкую армию из Нормандии в Пикардию в надежде посрамить врага и нагло протащить по Франции английские знамена, теперь оказался в ловушке. Ланферель, наблюдавший за врагом с рассвета, насчитал в рядах англичан всего тысячу латников. Число казалось таким несоразмерно малым, что Ланферель перепроверял вновь и вновь: делил строй на четверти, считал головы и умножал на четыре. И все равно каждый раз выходил тот же итог. Около тысячи латников против трех победоносных французских полков, каждый не меньше восьми тысяч воинов... Правда, у англичан были еще фланги.

Лучники.

Толпы лучников, не поддающиеся счету: разведчики называли число от четырех до восьми тысяч. И у каждого лучника длинный тисовый лук и мешок стрел со стальным жалом, способным с близкого расстояния пробить даже самую лучшую броню. Латные доспехи Ланфереля выгибались замысловатыми линиями, чтобы стрелы скользили по касательной, и все же удачно пущенная стрела могла попасть в цель. И потому Жильбер, владыка ада, мессир де Ланферель, не разделял веселости своих соотечественников. Он ни секунды не сомневался, что французские латники вмиг перебьют английских, но добраться до их жалкой горстки можно лишь сквозь шквал английских стрел.

Ночью, пока остальные напивались, мессир Ланферель посетил астролога – знаменитого мэтра из Парижа, способного, как говорили, видеть будущее, – и присоединился к длинной очереди тех, кто жаждал встречи с провидцем. Хмурый бородатый предсказатель, закутанный в подбитый мехом черный плащ, принял от него золото и после длительных вздохов и стенаний объявил, что грядущее принесет Ланферелю славу.

– Вам предстоит убивать, мессир. Вы будете сеять смерть и стяжаете славу и богатства.

Тогда, выйдя из палатки астролога под потоки ливня, Ланферель почувствовал досаду. В том, что ему предстоит убивать, он и сам не сомневался, но он не столько жаждал перебить англичан, сколько мечтал захватить пленных. И теперь перед ним, в центре вражеского строя, под высоко развевающимися знаменами стоял английский король. Захватить в плен Генриха – и выкуп годами будут собирать по всей Англии: вот о чем грезил каждый из французов, разглядывая заодно герцогов и прочих владетельных лордов, с каждого из которых можно содрать целое состояние.

Однако между мечтой и действительностью стояли лучники.

А Жильбер, мессир де Ланферель, хорошо знал мощь тисового лука.

Потому-то при виде англичан, двинувшихся в мучительный переход через поле между Трамкуром и Азенкуром, Ланферель крикнул коннетаблю, что с наступлением нельзя тянуть. Продираясь вперед по распаханному плато, англичане рассредоточились – и вместо армии, выстроенной в боевой порядок, врагу вдруг предстала заляпанная грязью толпа, с трудом ползущая по слякоти.

– Выпускайте конницу! – вновь крикнул Ланферель маршалу Бусико и коннетаблю д'Альбре.

Конные рыцари стояли на обоих флангах французского войска. Мощным боевым коням в железных наглавниках и стеганых нагрудниках ничего не стоило налететь на лучников с боков, смять строй и безжалостно растоптать, однако большинство всадников выгуливали коней на травянистых лугах за лесом, и прочим оставалось лишь смотреть, как приближается английское войско.

– Командую здесь не я, – ответил Ланферелю маршал Бусико.

– А кто?

– Не я, – мрачно бросил Бусико, явно опасаящийся лучников не меньше, чем Ланферель.

– Дьявол всех раздери! – выругался Ланферель, когда приказа так и не последовало. Латники, выстроив коней, молча наблюдали, как англичане подбираются все ближе. – Кто тут распоряжается? Черт возьми, есть тут командующие?

Перед битвой никто не обратился к французам с ободряющей речью – не то что Генрих: Ланферель видел, как английский король задержался перед строем, воодушевляя своих людей на битву.

А кто воодушевит французов? Ни коннетабль, ни маршал не распоряжались полностью всей армией: эта честь, судя по всему, принадлежала то ли герцогу Брабантскому, то ли юному герцогу Орлеанскому. Он только что прибыл на место битвы и теперь с удовольствием наблюдал за продвижением англичан, явно подсчитывая размеры выкупа с будущих пленных. Поэтому никакого приказа французские всадники так и не получили.

Ланферель, едва веря своим глазам, следил, как англичан подпускают на расстояние лучного выстрела. У французов были и арбалетки, и сколько-то лучников, обученных стрелять из тисового лука, и небольшие пушки, уже заряженные и готовые к выстрелу. Но оставленные в ожидании всадники загораживали собой и пушки, и стрелков, так что у французов оставались в бездействии даже арбалеты, бьющие на большее расстояние, чем луки.

«Боже милостивый!» – подумал Ланферель, глядя, как вражеские лучники безнаказанно вбивают в землю колья. Происходящее походило на безумие. Английским лучникам, которых давно пора было разметать по полю и перебить, позволили подойти на лучный выстрел и вкопать в податливую землю колья, которые не пропустят всадников! И теперь стрелки, стоя в пределах досягаемости арбалетов, спокойно натягивали луки.

– Потрясающе, – бросил Ланферель, ни к кому не обращаясь. – Она входит, обнажается, ложится, раздвигает ноги, а мы все стоим и смотрим.

– Мессир? – переспросил оруженосец.

Ланферель не ответил.

– Забрала! – крикнул он своему отряду – шести десяткам латников, затем обернулся проследить, все ли закрыли забрала, и лишь тогда опустил свое.

Его миг окутала тьма. Мгновением раньше он ясно видел врагов и даже сверкающую корону Генриха поверх шлема, а теперь обзор перекрылся стальным щитком с двумя десятками отверстий (мелких, чтобы не прошла стрела даже с самым тонким жалом), и приходилось водить головой из стороны в сторону, пытаясь хоть что-то разглядеть.

И все же он заметил одинокого всадника напротив английского войска.

И увидел подброшенный в небо жезл.

И услышал команду: «Готовсь! Стреляй!»

Он опустил голову, словно встречая поток яростного ветра, и при звуке взлетающих в небо стрел сжался, стиснув зубы, – и в этот миг стрелы посыпались на французский строй.

Стальные наконечники с ужасающим скрежетом ударили по стальным доспехам, кто-то вопил от внезапной боли, сам Ланферель почувствовал толчок в плечо, и, хотя латный наплечник отразил стрелу,

француза развернуло в сторону одной силой удара. Вторая стрела угодила в копьё. Ланферелю передалась дрожь древка, но самой стрелы он не видел. Какой-то идиот в заднем ряду оставил забрало открытым, и теперь вокруг стрелы, свалившейся с неба прямо ему в рот, бурлила кровь, заливавшая дыхательное горло. Немногие стрелы ударяли в землю, какие-то отскакивали от лат. Слева от Ланфереля заржал и вздыбился конь.

– Монжуа Сен-Дени! – слышались кличи, и Ланферель, дернув головой в попытке разглядеть происходящее, увидел сквозь отверстия забрала, что конные латники наконец выступают вперед.

Тут же раздался еще один клич из середины войска, где развевалась орифламма, и весь первый полк двинулся на врага.

– Монжуа! – Голоса внутри шлемов казались оглушительными.

Ланферель едва мог пошевелиться: закрытая доспехами левая нога увязла в грязи. С трудом ее вытащив, он сделал первый шаг вперед. Покрытые грязью стальные фигуры – ни клочка живой кожи на виду – с тяжелым грохотом шли на строй англичан, чье охотничье улюлюканье несло навстречу врагу, как вой разъяренных бесов, преследующих христианские души.

И тогда на французов обрушился второй ливень стрел.

Насланный дьяволом град застучал по стали, слышались вопли.

И французы наконец перешли в наступление.

Всадники были первыми. Хук заметил вздыбленного коня и латника, откинувшегося в седле так, что его копьё с вымпелом на наконечнике описало круг на фоне неба, и затем увидел, как конь скрылся в лавине других, ринувшихся в наступление. Всадники прищипоривали коней, перехватывали копыта наперевес, выкрикивали боевой клич, из-под огромных копыт летели комья земли. Жеребцы трясли отяжелевшей от доспехов головой, с ненавистью топта неровную землю, – и вновь раз за разом вонзались в бока шпоры, чтобы послать коней вперед, на врага.

Конная атака обычно начинается медленно: всадники идут вплотную друг к другу, стремя в стремя, и нападают на врага единым строем. Лишь в последнюю минуту можно дать шпоры и послать коня в галоп. Однако в этот раз всадники погнали коней сразу же, произвольно пытаясь скорее преодолеть рыхлую пашню и уйти от града стрел. Приказа к наступлению не было – французов подстегнул первый залп лучников, – и теперь на правый фланг англичан неслись лишь три сотни латников, на левый нацелилось даже меньше. Остальные всадники из тех двух тысяч, что должны были нападать на англичан, по-прежнему выгуливали коней.

А лучники то и дело натягивали и отпускали тетиву.

Хук брал стрелы с широкими лезвиями: доспехи ими не пробить, зато они легко прошьют стеганый нагрудник на коне – особенно сейчас, когда кони приблизились. И поэтому стрелы летели уже не в небо, ослабевая в полете, а с каждым разом все ниже над землей, прямо в грудь скачущим коням. На миг Хуку показалось, будто от стрел нет никакого проку, как вдруг какой-то конь споткнулся и упал, утянув в грязь всадника с копьём. Неистовое ржание коня смешивалось с воплями латника, прижатого к земле лошадиным телом, сзади на них наскочил еще один конь – и второй всадник, выбитый из седла, перелетел через конскую голову. Хук вновь натянул тетиву, выбрал цель – крупного жеребца с лохматыми щетками над копытом – и всадил стрелу ему в бок, рядом с подпругой седла. Жеребец шарахнулся в сторону, сбивая с ног ближайшего коня, а следующая стрела Хука уже зарывалась по самое оперение в очередной конский нагрудник. Вопли, топот копыт, звон тетивы – не меньше дюжины коней уже бились на земле. Одни

силились встать на ноги, другие взбивали копытами грязь, на которую лилась кровь из вскрытых артерий. Уилл из Дейла всадил узкую стрелу в горло какому-то латнику, того ударом откинуло назад, затем швырнуло на переднюю луку, опущенное копье француза уперлось наконечником в борозду и выдернуло всадника из седла. Жеребец с белыми от бешенства глазами, мелькнувшими сквозь железную защиту на морде, поскакал дальше, утаскивая за собой застрявшего в стремени седока, и вдруг, получив стрелу в глаз, завалился на бок, сбив с ног еще двух коней.

Лучники стреляли быстро. Для всадников расстояние было коротким, однако вязкая грязь замедляла бег, и за минуту, пока французы доскакали до правого фланга английского строя, стрелки успели выпустить больше четырех тысяч стрел. В коней стреляли только те, кто стоял в первых рядах, остальные не видели поля из-за спины передних и продолжали стрелять навесом, посылая стрелы в пешех латников.

Чей-то обезумевший жеребец, из распоротого брюха которого лилась кровь, шарахнулся назад и ринулся в центр французского войска, где стояли латники, за ним в панике понеслись другие. Кто-то из тех латников, кому путь перегородили конские трупы и корчащиеся на земле тела, сдержал лошадь – и стал легкой мишенью для лучников: стрелы вонзались в коней, как топор мясника в тушу, отовсюду несло ржание, всадники натягивали поводья.

И все же несколько коней доскакали до английского строя.

– Назад! – раздался крик сентенаров. – Назад!

Первые ряды лучников отступили назад, за колья, не прекращая стрельбы. Хук подхватил горсть стрел с тонким наконечником и пустил одну в латника. Тяжелая дубовая стрела, пущенная с двадцати шагов, ударилась жалом о доспех и отскочила. Хук выстрелил снова, на сей раз в коня.

И в этот миг французы обрушились на правый фланг англичан.

Правда, опущенные забрала перекрывали обзор, кони в стальных наглавниках не видели ничего вокруг. И французы, наскочив на правый фланг, в действительности наскочили лишь на колья. Первый жеребец, которому кол вонзился в грудь, жалобно заржал, полилась кровь. Всадник, мало что видя сквозь шлем, пытался пронзить копьем пустой воздух. Во всадника и коня летели стрелы, оба извивались от боли, не прекращался вопль. Какой-то конь сумел пробраться сквозь первый ряд кольев, но при виде второго дернулся в сторону и, поскользнувшись в липкой жиже, полетел на землю вместе с латником.

– Мой! – крикнул Томас Эвелголд, бросаясь вперед с алебардой наперевес.

Размахнувшись, он ударил свинцовым молотом по шлему латника, затем опустился на колени, откинул забрало и всадил кинжал в глаз врагу. Латник дернулся и затих. Конь попытался было встать на ноги, но Эвелголд оглушил его алебардой, затем перехватил древко и ударом лезвия разрубил наглавник вместе с черепом.

– Оттесняйте врага назад! – скомандовал сентенар.

Нападение французов закончилось провалом. Конники, призванные разогнать стрелков, гибли от английских стрел, а колья удерживали на расстоянии тех, кто уцелел. Кое-то из латников уже скакал к своим, преследуемый дождем стрел. Оставшиеся без всадников лошади, обезумев от боли, бросались назад, сминая французский строй. Какой-то латник, демонстрируя чудеса смелости, отбросил копье и с мечом наголо попытался провести коня между кольями. Но пронзенный стрелами конь рухнул на колени, а тонкая стрела, пущенная меньше чем с десяти шагов, насквозь прошла кирасу всадника, который так и остался сидеть, свесив мертвую голову, верхом на подыхающем коне – на потеху английским лучникам.

Страх, к удивлению Хука, куда-то пропал, в жилах бурлило возбуждение, в мозгу неотступно звенел тонкий пронзительный голос. Вернувшись к врытому в землю колу, Хук подхватил стрелу. Всадников

удалось отбросить, но главное нападение французов еще только готовилось. Враг приближался пешком – закованный в латы воин не так уязвим, как конь. Поверх голов развевались яркие знамена, но выстроиться ровно французам не удавалось: на их ряды то и дело в панике кидались раненые кони. Кто-то из латников падал под копыта, кто-то пытался восстановить нарушенный строй. Войско шло медленно, спотыкаясь и оскальзываясь на неровной земле. Хук выбирал цель, натягивал тетиву и выпускал стрелы одну за другой, пеньковая струна шла за рукой с обманчивой легкостью. Вокруг него теснились другие лучники, пробивающиеся в первые ряды, чтобы целить во французов.

А враг все шел на английский строй, где стоял король с латниками. Обезумевшие кони то и дело сминали шеренги французов, английские стрелы находили свою цель – и все же враг приближался. В первых рядах держались высшие сановники Франции, над головой которых развевались кичливые знамена. Восемь тысяч пеших латников шли биться с девятью сотнями.

И тогда выстрелила французская пушка.

Мелисанда молилась. Вместо слов выходил отчаянный безмолвный плач – мольба о помощи, возносимая в серое небо, от которого не исходило никакого утешения.

Обозные телеги, место которых было рядом с армией на плато, по большей части остались внизу, у деревушки Мезонсель, где король провел часть ночи перед битвой. При королевских повозках стояли в охране десятки латников и двадцать лучников, слишком больные или увечные, чтобы выйти на битву. Мелисанду привел к обозу отец Кристофер. Он сказал, что там ей будет безопаснее, чем рядом с полем битвы. Священник не забыл написать на ее лбу загадочные буквы «IHC Nazar».

– Они сохраняют тебе жизнь, – пообещал он девушке.

– Напишите и себе тоже, – напомнила Мелисанда.

Отец Кристофер улыбнулся.

– Моя жизнь в руке Господней, детка, – ответил он, осеняя себя крестом. – Тебя Он защитит. Лучше никуда отсюда не отходи.

Священник оставил ее с женами других лучников, устроившимися между двумя повозками для стрел, и убедился, что ее кобыла оседлана и привязана здесь же. Затем отец Кристофер, вскочив на одного из коней сэра Джона, поскакал вверх, где стояли армии. Проводив его взглядом до гребня холма, Мелисанда начала молиться. Молились и жены других лучников, служивших сэру Джону.

Молитва Мелисанды постепенно обретала смысл, невнятный плач о помощи перерастал в мольбу к Пресвятой Деве. Мелисанда старалась выбирать слова. Ник добрый, говорила она Матери Иисуса, и сильный, только изредка мрачнеет и злится, поэтому помоги ему, дай сил, пусть он выживет.

Вот и вся молитва – чтобы муж остался жив...

– А если французы нагрянут, что делать? – спросила Матильда Кобболд.

– Бежать, – ответила одна из женщин, и в этот миг от поля, скрытого за гребнем холма, донесся многоголосый рев – клич к святому Георгию.

Женщины не расслышали слов, возглас говорил им только о том, что на поле происходит что-то важное.

– Помоги нам, Господи, – выдохнула Матильда.

Мелисанда открыла мешок со своими вещами, чтобы взять отцовский налатник, но наткнулась на инкрустированный слоновой костью арбалет, который Ник отдал ей уже почти три месяца назад, и

вытащила его наружу.

– Пойдешь сражаться в одиночку? – подмигнула Матильда.

Мелисанда лишь улыбнулась. Страх и волнение мешали говорить: от происходящего на поле зависела ее дальнейшая жизнь, однако повлиять на исход битвы она ничем не могла, оставалось только молиться.

– Поднимись наверх, девочка, пристрели пару выродков, – кивнула ей Нелл Канделер.

– До сих пор взведен, – удивленно заметила Мелисанда.

– Кто взведен? – переспросила Матильда.

– Арбалет. Я из него так и не выстрелила.

Мелисанда задержала взгляд на арбалете, вспоминая тот день, когда погиб Мэт Скарлет, – день, когда она направила оружие на собственного отца. С тех пор арбалет оставался взведенным, и она ни разу об этом не вспомнила. Девушка потянулась было к спусковому крючку, но неожиданно для себя бросила арбалет обратно в мешок и вытащила свернутый налатник. Задержав взгляд на яркой вышивке, она протянула руки, чтобы набросить налатник через голову. И вдруг поняла, что, пока Ник в бою, ей нельзя носить вражеский герб. Откуда-то пришла уверенность, что она не увидит Ника, если оставит у себя налатник. Нужно было от него избавиться.

– Схожу к реке, – сказала она.

– Можешь мочиться здесь, кто мешает, – откликнулась Нелл Канделер.

– Мне надо пройтись, – ответила Мелисанда и, подхватив тяжелый мешок, пошла к югу, прочь от обозов и армий, мимо пасущихся на осенней траве выючных лошадей.

Вначале она хотела бросить налатник в Тернуазу и посмотреть, как его будет уносить течением, однако до Реки мечей было слишком далеко, и Мелисанда направилась к соседней речушке. Полноводная и быстрая после ночных дождей, та бежала мимо небольших полей и рощ, лежащих к югу за деревней. Присев на берегу, под желто-золотыми ольховыми листьями, девушка положила мешок, закрыла глаза и обеими руками протянула перед собой налатник, словно приношение.

– Не оставь Ника, – прошептала она, – пусть он останется жив.

Бросив отцовский налатник в речку, она, не отводя глаз, смотрела, как его уносит потоком. Чем дальше уплывет – тем целее будет Ник.

В этот миг ударила французская пушка, широко раскатившийся звук отозвался дрожью по всей долине. Обернувшись, Мелисанда глянула на север.

И увидела ухмыляющегося сэра Мартина – долговязого, тощего, с прилизанными к черепу седыми волосами.

– Вот и свиделись, крошка, – плотоядно осклабился он.

На берегу царил безлюдье, взывать о помощи было не к кому.

Над горизонтом поднялось дальнее облако дыма от выстрела.

– Надо же, ни души рядом! Только ты и я! – с kloкочущим всхлипом, обозначающим смех, проговорил сэр Мартин, подобрал рясy и шагнул к Мелисанде.

Глава двенадцатая

Дым от пушки взметнулся над левым флангом французов.

При виде каменного ядра Хук не сразу понял, что произошло, лишь следил глазами за странным темным шаром: подскакивая над полем, мелькающая точка летела в его сторону. Вдруг от звука выстрела дрогнуло небо, птицы с оглушительным криком взлетели с деревьев, и пушечное ядро задело голову стрелка в нескольких шагах от Хука.

Череп лучника разлетелся фонтаном крови и костными осколками, а каменное ядро летело все дальше, оставляя за собой марево кровавых брызг. Под конец оно угодило в болото шагах в двухстах за английским строем, едва не задев оседланных коней, которых держали в поводу пажы латников.

– Черт бы их подрал, – с отвращением плюнул Том Скарлет: с его лука оползли густые потеки разбрызганного мозга.

– Стреляй, не жди, – бросил Хук.

– Нет, ты это видел? – со злобным удивлением переспросил Скарлет.

Хук видел. Видел мертвых и агонизирующих коней, видел тела всадников, а за ними – толпу спешенных латников, приближающихся к английскому войску. Совсем близко свистели арбалетные стрелы – к счастью, редкие: арбалетчики стояли за самым дальним отрядом и не могли точно целиться, а многие и вовсе не видели врага. С приближением первого полка, заполнившего все пространство между лесами Трамкура и Азенкура, французские арбалетчики совершенно потеряли англичан из виду и перестали стрелять.

Первый французский полк растянулся по пашне от леса до леса, но пространство между деревьями сужалось, и французам приходилось тесниться: и без того неровные ряды, смятые обезумевшими конями, теперь сжимались, места становилось все меньше, зато английские стрелы по-прежнему летели в цель.

Хук стрелял не переставая. Он уже потратил целый пучок стрел и крикнул, чтобы принесли еще: мальчишки с новыми вязанками то и дело сновали между лучниками, но стрел нужно было сотни тысяч. Пять тысяч лучников делали в минуту шестьдесят тысяч выстрелов, а при наступлении конницы стрелы летели еще чаще. Сейчас кое-кто сохранил тот же темп, но Хук предпочел сыпать стрелами реже: чем ближе подходит враг, тем точнее должен быть каждый выстрел.

Ник теперь брал наконечники с широкими лезвиями: латные доспехи они не пробьют, зато опрокинут латника назад, а каждый упавший будет создавать помеху на пути других. Французы продирались не только сквозь грязь, но и сквозь нескончаемый поток стрел. Хук то и дело слышал удары наконечников о сталь, и латники, которым до англичан оставалось еще полторы сотни шагов, пригибались, словно клонимые ветром – ветром, несущим стальной град.

Томас Брютт, под пальцами которого порвалась тетива, ругнулся и, глянув на беспорядочно завертевшуюся стрелу, полез за новой струной. К тому времени в каждом из вражеских знамен уже торчало по дюжине стрел. Хук выбрал латника в ярко-желтой накидке, прицелился, отпустил тетиву – и латник, опрокинутый стрелой, отлетел назад. Вражеский строй сделался еще более беспорядочным: на пути латников попался лежащий на боку раненый конь, бьющий копытами в предсмертных судорогах, и латники, пытаясь держаться от него подальше, теснились друг к другу, ломая шеренги. Вокруг Хука то и дело глухо щелкала тетива, стрелы затмевали небо. Лучники по большей части стреляли в тех латников, что двигались прямо на них, и шедшие в первых рядах французы, чтобы уберечься от шквала стрел, норовили вжаться вглубь строя. Задние лучники, которым загораживали обзор передние, мало-помалу перебрались

в густой подлесок Трамкурского леса и выстроились вдоль кромки деревьев, откуда поливали стрелами французский фланг.

Самые отважные из французов стремились добраться до врага поскорее, более благоразумные предпочитали держаться за спиной смельчаков. На глазах Хука ровный строй латников превращался в три рванных клина, их острия были нацелены на флаги, развевающиеся в центре каждого из трех английских отрядов: латники шли на латников. Французы, как предполагал Хук, надеялись в трех местах прорвать английский строй и разметать войско, сея вокруг кровавый хаос и смерть. Он мельком взглянул на север. Теперь, когда французский строй сузился, арбалетчикам ничего не стоило начать обстрел флангов, но французские стрелки стояли едва ли не дальше, чем вначале, будто потеряв интерес к битве.

Хук вытащил стрелу с тонким наконечником и отыскал глазами прежнего латника в ярко-желтой накидке. Он натянул лук, отпустил тетиву и вытащил следующую стрелу. Латник уже падал на колени. Значит, тонкие наконечники все-таки прошивают доспехи. Хук не уставал сыпать стрелами во французский строй, медленно надвигающийся на англичан. Он целил в передние ряды врагов. Одни стрелы отскакивали от лат, другие, ударив в доспехи под прямым углом, прошивали броню насквозь. Французы валились на землю, преграждая путь задним рядам, и все же огромная, закованная в латы толпа продолжала двигаться вперед.

– Дайте стрел! – крикнул кто-то из лучников.

– Стрелы сюда! – поддержал его другой.

У Хука оставалась последняя дюжина. Враг подошел уже на сотню шагов, но стрел не хватало, приходилось стрелять реже. Хук натянул тетиву, выбрал жертву в черном налатнике и выстрелил. Стрела вонзилась сбоку в закрытый шлем. Латника с торчащей из мозга стрелой повело в сторону, он угодил копьём в соседнего рыцаря и тут же упал на колени, а потом и вовсе растянулся в грязи во весь рост. Следующая стрела отскочила от чьей-то кирасы. Хук выстрелил снова, уже способный различить цвет налатников и гербов приближающихся французов. Пустив стрелу в какого-то латника с золотой короной вокруг шлема, он тут же выбрал себя: воин такого ранга уж точно мог себе позволить лучшие доспехи. Стрела отскочила от лат. Рыцарь, правда, зашатался от удара, но его тут же поставил на ноги знаменщик. Следующим выстрелом, нацеленным чуть ниже, Хук ранил кого-то в бедро. Оставалась последняя стрела. Держа ее на луке, Ник оглядел вражеский строй. Все тысячи стрел, выпущенных во французов, принесли врагу не так много вреда. И хотя войску то и дело приходилось перелезать через тела сотоварищей, все же поле по-прежнему кишело живыми, заляпанными грязью, облаченными в латы французами, которые с копьями, мечами, боевыми топорами и булавами неотступно шли на малочисленное английское войско, шаг за шагом преодолевая проклятую пашню. Хук выбрал какого-то здоровяка, который выдавался прыти больше других, и пустил в него последнюю стрелу. Наконечник, прошив стальную кирасу, ударил в грудь, задел ребро и пронзил легкое. Бурлящий поток крови, вырвавшись через горло, заполнил шлем и брызнул наружу из отверстий забрала.

– Стрел сюда! – взревел Хук.

Но тщетно: немногие стрелы, сбереженные для последнего выстрела, оставались лишь у лучников из задних рядов. Стрелки, превратившиеся в зрителей, стояли среди кольев, в нескольких ярдах от французов, которым до английских латников оставались считанные шаги.

Лучники сделали свое дело. Теперь наступал черед латников.

Французы, наконец избавленные от шквала стрел, с хриплым кличем кинулись на врага.

Мессир де Ланферель, которому ничего не стоило в полных латных доспехах вскочить на коня или

протанцевать с дамой (не для того, чтобы лишний раз поразить дам, обожающих мужчин в латах, а чтобы блеснуть изяществом и гибкостью, которыми и без лат обладал далеко не каждый), сейчас двигался с трудом. Ступни на каждом шагу вязли в топкой грязи, местами его засасывало чуть не по колено, и тогда, чтобы высвободить ногу, приходилось опираться на соседа. Он пытался наступать в заполненные водой борозды, дно которых было тверже поверхности поля, но сквозь мелкие отверстия закрытого шлема едва мог разглядеть землю. Открывать забрало он не решался: вокруг то и дело сыпались стрелы. Одна ударила ему в лоб, он потерял равновесие и упал бы, не подхвати его кто-то из латников. Другая стрела, летевшая в грудь, пропорола накидку и проскрежетала по кирасе, оставив царапину на стальной поверхности. Доспехи выдержали оба удара, но так везло явно не всем. Под сыплющимися с неба стрелами то и дело раздавались стоны, вопли и крики о помощи. Ланферель, даже не видя падающих тел, чувствовал, что строй сминается: латники, отшатываясь от летящих стрел, теснили его слева, сжимая ряды. Латы гремели о латы, его притиснули к соседу справа так, что стало невозможно двинуть рукой с копьем, и Ланферель взревел, пытаясь освободиться и вырваться на шаг вперед. Водя головой из стороны в сторону, сквозь отверстия в шлеме он пытался хоть что-то разглядеть в маячившей впереди серой толпе. Англичане стояли с поднятыми забралами: еще бы, если в тебя не летят стрелы, можно позволить себе видеть врага! Зато случись поднять забрало Ланферелю – любой лучник из тех, что стояли в центральном строю между латниками, тут же возблагодарит Бога за удобную мишень.

В шлеме было душно. Ланферелю, который считал себя сильным и выносливым, переход через пропитанную водой пашню давался с трудом: дыхание стало хриплым, по лицу струился пот. Левая нога проехала по грязи, он упал на правое колено, выпрямился, побрел дальше – и тут же, споткнувшись, растянулся во весь рост, на этот раз рядом с трупом латника. Поднявшись с помощью двух солдат, Ланферель, измазанный с ног до головы, попытался левой рукой вытереть забрало, в отверстиях которого застряли сырые комья земли, но отчистить густую грязь латной перчаткой оказалось невозможно. Только дойди, сказал он себе, только дойди, а там начнется бой. Биться – не то что бродить по заболоченной пашне. Уж убивать-то Ланферель умел. Яростным усилием он вырвался из тесного строя, высвобождая руки и оставляя место для размаха, и вновь повел головой, через оставшиеся отверстия пытаясь разглядеть поле. Прямо перед ним развевалось знамя с английским королевским гербом, нагло присвоившим французские лилии. Герб пересекали три серебряные полосы, каждая с тремя червлеными кругами. Узнав герб Эдуарда, герцога Йоркского, Ланферель подумал, что Йорк вполне сгодится в пленники: герцогский выкуп принесет пленившему целое состояние. Такая мысль не могла не взбодрить. Усталые ноги Ланфереля словно налились новой силой. Английский строй маячил уже совсем рядом.

– Ты здесь, Жан? – хрипло крикнул Ланферель оруженосцу.

– Да!

Ланферель собирался ударить в англичан копьем, а потом, пока враг будет отходить после удара, отбросить громоздкое копье и крошить врага булавой, висящей сейчас на плече, а если та переломится, то схватить запасную у оруженосца. Ланферель внезапно воодушевился: поле перешли, шквал стрел пережили, враг явно заждался его копья... В этот миг тонкая стрела, пущенная с фланга, ударила в забральное отверстие, и глаза Ланфереля залил внезапный свет: стрела пронзила стальное забрало, царапнула переносицу и, ободрав скулу и едва не угодив в правый глаз, застряла в шлеме.

Левой рукой он вырвал стрелу. В зазубренное отверстие хлынул свет, но обзор увеличился не намного. Слева послышался шум. Ланферель успел заметить падающего латника, из-под шлема которого пеной бурлила кровь, и тут же перевел взгляд вперед: до герцога Йоркского оставались считанные шаги. Перехватив копье свободной левой рукой, Ланферель бросился вперед, меся латными башмаками последние ярды грязи, и с боевым кличем, в котором смешались ярость к непокорному врагу и ликование

оттого, что атаку лучников удалось пережить, выскочил к рядам англичан.

Сэра Джона Корнуолла тоже обуревала ярость.

С самого дня высадки во Франции он командовал передовым отрядом: выводил войско к Гарфлёру, первым штурмовал непокорный город, возглавлял переход от Сены до нынешнего пикардийского плато. А теперь командование авангардом передали герцогу Йоркскому. На взгляд сэра Джона, набожный королевский родич мало годился в вожди.

И все же приказы теперь отдавал Йорк, а командующему, стоявшему ближе к правому отряду, оставалось лишь с этим смириться, что, впрочем, не препятствовало сэру Джону ненавязчиво пояснять латникам, чем и как нужно встретить французов. Враги подходили все ближе. Навстречу им, от флангов к центру, летели плотными потоками стрелы, несущие кровь и смерть. Не смея поднять забрала, полуслепые французы неуклюже оскальзывались в грязи, и в ожидании врага сэр Джон замер на месте, держа наготове копье, меч и алебарду.

– Слушать меня! – крикнул он. Формально он обращался к собственным латникам, но во всем войске вряд ли нашелся бы идиот, способный послушаться самого сэра Джона Корнуолла, когда дело доходит до битвы. – Когда французы подойдут ближе, на последних шагах они кинутся вперед. Чтобы ударить сильнее и сразу нас разбить. Когда скажу – всем отступить на три шага! Все слышат? По команде отступить на три шага!

Он не сомневался, что, помимо его отряда, приказ выполнят еще латники сэра Уильяма Портера, с которыми он успел провести краткие учения. На последних шагах враг ринется вперед, целя в англичан копьями. Если в этот миг отступить, то первые мощные удары лишь пронзят воздух и, пока враг соберется с силами, можно ударить в ответ.

– Ждать моей команды! – крикнул сэр Джон, на мгновение ощутив беспокойство: скользкая земля все же опасна. Однако в итоге он счел, что врагам отступить будет проще.

Англичане стояли в три шеренги, вокруг герцога Йоркского строй углублялся до шести рядов. Йорк, лицо которого приняло озабоченное выражение, не повернул головы на голос сэра Джона и продолжал смотреть прямо перед собой. Кончик его меча, выкованного из бордоской стали, касался земли.

– Как только враг подойдет, – крикнул сэр Джон, искоса взглядывая на герцога, – уходите от удара! Отступайте назад! Французы растеряются – и тогда нападайте!

По виду Йорка было непонятно, внял ли он совету. Герцог по-прежнему смотрел на французский строй, рассыпающийся на глазах: латники на флангах, пытаясь держаться дальше от стрел, жались к центру, а передовых сносило ближе к правому крылу англичан – туда, где развевались знамена самых знатных командующих, вождов будущих пленников, за которых можно получить щедрый выкуп. Но даже при всей беспорядочности строя первый полк французов оставался мощной силой: закованная в латы, ошетилившаяся мечами и копьями стальная волна, сметающая все на своем пути и не замечающая стрел, походила на быка, не замечающего роя слепней. Кто-то из врагов падал, замедляя путь другим, и все же на одного англичанина приходилось восемь французов. Сэр Джон следил, как уплотняется и сжимается строй, как толкают и отпихивают друг друга латники. Одним не терпелось вырваться в первые ряды и скорее добраться до знатных пленников, другие осторожничали и скрывались за спиной идущих впереди. И при этом все без исключения мечтали о выкупах, богатствах и победе.

– Бог тебе в помощь, Джон, – явно волнуясь, проговорил сэр Уильям Портер, вставший ближе к другу.

– Я верю, что Бог дарует нам победу! – громко сказал сэр Джон.

– Было бы славно, если бы Он даровал англичанам еще тысячу латников.

– Ты слышал, что говорил король, – повысив голос, ответил сэр Джон. – Нам хватит и того, что есть! Зачем делить победу с другими? Мы англичане! Даже будь нас вполовину меньше, и того бы хватило, чтобы перебить дерьмоголовых шлюхиных детей!

– Господи, помоги! – вздохнул сэр Уильям.

– Делай, как я говорю, Уильям, – спокойно сказал сэр Джон. – Подпусти их ближе, отступи – и бей. Свалишь одного – создашь преграду другому. Понял?

Сэр Уильям кивнул. Французы подошли уже настолько, что оба войска могли распознать противника по гербовым цветам. Правда, французские налатники густо покрывала грязь, и чуть ли не из каждого торчало самое малое по паре стрел.

– А потом убивай второго, – продолжал сэр Джон. – И не мечом, меч тут бесполезен. Луки вырождков алебардой: оглушай, ломай ноги, руби череп. Свалишь второго – и третьему до тебя придется тянуться через два трупа.

– Копьем, наверное, лучше, – задумчиво проговорил сэр Уильям.

– Тогда бей в забрало. Самое слабое место в доспехах. Пусть помучаются.

Французам оставалось всего полсотни шагов. С флангов в приближающегося врага еще летели редкие стрелы. Лучники, стоявшие между отрядами в центре войска, готовились уйти и освободить место латникам. Сдвинув ряды, те образуют единую укрепленную линию защиты. Пока же последние стрелы еще разили французов. Один, со стрелой в животе, упал на колени и откинул забрало, извергая рвоту пополам с кровью, и тут же упал в грязь, под ноги шедших следом.

– Мы стоим в три шеренги, – продолжал сэр Джон. – А у французов строй – двадцать рядов. Задние будут напирать на передних, толкая их на наши копья. – Он неожиданно улыбнулся. – И, кроме того, Уильям, у нас давно вышло все вино, поэтому мы трезвые. А у них наверняка пол-армии навеселе. Так что Бог за нас.

– Ты в это веришь?

– Верю ли? – рассмеялся сэр Джон. – Да я это знаю! А теперь всем приготовиться!

Шум нарастал, со стороны французов неслись боевые кличи. Слева от сэра Джона враги плотной толпой подступали к королевскому знамени, вознеся над строем зловещую алую орифламму. Сэр Джон перевел глаза на центр, где французы, нацелившись на удар, разразились кличем, ускорили шаг и пустились чуть ли не бегом, в погоне за победой выставив вперед копья.

– Монжуа Сен-Дени! Монжуа! – неслись крики.

Англичане встречали врага улюлюканьем, как охотники, загнавшие зверя.

– Пора! – взревел сэр Джон. – Пора!

Сэр Мартин толкнул Мелисанду в грудь, опрокинув ее под росшие на берегу деревья.

– Вот и славно, – осклабился священник. – Так и лежи, будь умницей. Не вздумай! – При ее попытке отползти он угрожающе поднял руку, и Мелисанда замерла. Сэр Мартин ухмыльнулся и полез в кошель на поясе. – У меня с собой нож. Где-то тут был. Такой хороший ножик... Ага, вот! – Он показал ей короткий клинок. – Приставь нож себе к горлу, говорит Писание, если жаден ты. А я жаден, жаден, да только не хочу резать тебе горло, детка. Ну зачем тебе валяться в крови, это так неприятно! Поэтому будь умницей и лежи

тихо, скоро все кончится. – Он хохотнул и опустился на колени, обняв ногами ее тело. – И все-таки надо тебя раздеть. Нагота священна, детка. В наготе истина, сказал наш Господь и Спаситель.

Выдуманная когда-то цитата по-прежнему звучала ему отголоском евангельской истины. Сэр Мартин, ухмыльнувшись, опустил левую руку на грудь вскрикнувшей Мелисанды, в его глубоко посаженных глазах мелькнуло безумие. Девушка не смела двинуться: нож приближался к ее горлу. Рукой она незаметно нащупала мешок и осторожно потянула к себе.

– А кто отлучит нас от любви Божьей? – по-прежнему ухмыляясь, хрипло спросил сэр Мартин и левой рукой сжал ворот Мелисанды. – Это вопрос из Священного Писания, детка: кто отлучит нас от любви Божьей? Кто отлучит меня от тебя, а? Ни скорбь, говорит Господь, ни теснота, ни гонение, ни голод... Ты меня слушаешь?

Мелисанда кивнула. Подтянув мешок еще на дюйм, она нащупала отверстие.

– Слова самого Господа, – не умолкал священник, на сей раз полагаясь на подлинный текст Писания, – донесенные до нас блаженным апостолом Павлом. Ни опасность, ни меч не отторгнут нас от любви Божьей, говорит апостол, ни нагота!

Он резанул ткань коротким ножом и, на миг оскалившись, разорвал платье до пояса.

– Боже правый, – благоговейно протянул сэр Мартин, не сводя глаз с обнажившейся груди Мелисанды. – Нагота не оградит тебя от любви Божьей, детка, – так обещает Писание. Радуйся, что я с тобой, детка, ликуй!

Он убрал ногу и теперь стоял на коленях рядом с Мелисандой. Рванув льняную ткань донизу, священник упоенно воззрился на белоснежную кожу под платьем. Мелисанда, запустив правую руку в мешок, не двигалась.

– Мы пребывали в наготе, крошка, пока женщина не принесла грех в мир, и теперь будет только справедливо наказать женщину за тот первый грех. Правильно?

Порыв ветра донес до них шум и крики с плато, и священник метнул взгляд в сторону поля. Мелисанда сунула руку глубже в мешок, пытаясь нащупать короткую стрелу, но сэр Мартин тут же повернулся, и девушка застыла недвижно.

– У них там свои игры, пусть дерутся, они это любят. Все равно победят французы – их ведь тысячи! Твой Ник сдохнет, детка. Сдохнет на французском мече. Потому что ты тоже из французов. Славная французская красotka. Жаль только, Ник и не узнает, что я покарал тебя за грехи. Женщина принесла в мир грех, женщину надо наказывать. Нику, конечно, хорошо бы перед смертью знать, что я тебя наказал, но что поделаешь, не выйдет – так уж судил милостивый Господь. Мой Томас, должно быть, тоже умрет – жаль, он малый что надо, но у меня полно других сыновей. Может, ты мне родишь еще одного? – От этой мысли он расплылся в ухмылке и принялся подбирать рясу. – Я-то не умру. Французы не убьют священника, они ведь не хотят отправиться в ад. А если ты будешь сговорчивой, детка, ты тоже не умрешь. Я оставлю тебе жизнь, и ты родишь мне сына. Может, назвать его Томасом? Точно! Раздвинь-ка ноги!

Мелисанда не пошевелилась, но священник пнул ее колени раз-другой – и втиснул между бедрами ногу в сапоге.

– Наш Генри притащил сюда войско и всунул его в дьяволов горшок с дерьмом, – продолжал сэр Мартин. – Теперь им осталось только сдохнуть. Все умрут, все, уцелеем лишь мы с тобой, детка, лишь мы с тобой, так что будь со мной полюбезнее. – Он задрал рясу выше пояса и ухмыльнулся Мелисанде. – Хорош, да? Прими его получше, детка.

Он втиснул колени между ее ног.

– Как давно я об этом мечтал! – не умолкал сэр Мартин, склоняясь над девушкой. – Как давно!

Конвульсивно дернувшись, он склонился вперед и оперся левой рукой о землю. Правую, с зажатым в ней ножом, он по-прежнему не отнимал от горла Мелисанды. Второй кошель, на кожаном шнуре болтающийся вокруг шеи вместе с деревянным крестом, свесился вперед; священник раздраженно поморщился:

– Только мешает, да, детка? Сейчас оно нам ни к чему. – Рукой с зажатым в ней ножом он снял с шеи кошель и крест и бросил их на землю. В кошеле что-то звякнуло, сэр Мартин ослабил. – Французское золото, детка. Золото, что я нашел в Гарфлэре. И если ты меня приласкаешь, я дам тебе монетку или даже две. Ты ведь меня приласкаешь? Сделаешь мне приятное? Будешь умницей?

Мелисанда просунула ладонь глубже в мешок и нащупала арбалет.

– Да, – ответила она испуганным голосом.

– Еще бы! – хрипло отозвался сэр Мартин, снова приставляя нож к ее горлу. – Еще бы.

Сэр Джон отступил назад. Двух шагов вполне хватило. Сначала он засомневался, не поспешил ли с приказом, потом побоялся, что приказ запоздал: грязь оказалась слишком глубокой. И все же он высвободил увязшие в земле ноги и шагнул назад в тот миг, когда французы, приняв маневр за бегство, с боевым кличем кинулись на англичан. Вражеские копья ударили в пустой воздух, инерция выбила французов из равновесия, и в это мгновение сэр Джон сделал выпад.

– Вперед! – крикнул он. – Наступай! – И ударил копьем ближайшего латника, вонзив железный наконечник врагу в пах.

Англичане, как и французы, дрались укороченными копьями, но английские оказались длиннее, и французы теперь не могли подступиться к врагу. Копье сэра Джона ударило в латную защиту, командующий налег сильнее – и успел увидеть, как насаженный на копье латник сгибается пополам. Вытащив копье из падающего тела, сэр Джон встретил ударом следующего врага.

Французы, чья первая атака пришлась мимо цели, растерялись. Уставшие после перехода через поле, они едва могли вытащить ноги из грязи, и теперь то и дело валялись на колени от ударов англичан. Сэр Джон с силой вонзил копье в забрало какого-то француза во втором ряду и опрокинул врага навзничь, затем бросил копье и отвел назад правую руку:

– Алебарду!

Оруженосец вложил древко ему в руку.

Теперь можно было сражаться.

В голову сэру Джону ударилось копье. На его шлеме не было забрала, и француз решил выбить противнику глаза, но острие лишь скользнуло по стали. Сэр Джон, шагнув вперед, коротко вскинул алебарду и рассек французу шлем. Враг свалился в грязь, к другим таким же, и сэр Джон для надежности двинул в каждый шлем молотом, торчащим на обухе алебарды. Прежний латник, пронзенный копьем сэра Джона, попытался встать, но командующий тут же рубанул его прикрытую кирасой спину и крикнул оруженосцу:

– Открой ему забрало, убей!

Покрепче упершись ногами в землю, сэр Джон принялся разить врагов.

Враги уже мешали сами себе. Первые ряды французов валялись в крови, и следующим приходилось перелезать через мешанину тел и брошенного оружия. В другое время такая преграда мало кого

задержала бы, но сейчас сзади напирали, и латников, карабкающихся через трупы, уже ждали английские булавы, копья и алебарды.

– Бей врага! – взревел сэр Джон. – Бей! Убивай!

Доспехи на плечах, оружие в руке – он вновь ощутил восторг битвы: восторг быть неистовым, грозным и непобедимым. Тяжелый молот на обухе делал свое дело. Пусть он не годился пробивать латы, зато, чтобы оглушить или изувечить врага, хватало одного удара.

Сэру Джону, с его молниеносной стремительностью, теперь казалось, что французы движутся невыносимо медленно. Он успевал следить сразу за тремя-четырьмя и, выбирая одного, уже знал, как убьет двоих следующих. Враги подступали, он кожей ощущал их страх. Булавы, топоры и мечи французов оказывались бесполезными: теснимые задними шеренгами, латники валились на тела убитых, прямо под удары англичан. Трупов собралось уже столько, что сэру Джону пришлось перебраться через тела, и теперь англичане атаковали французов – девять сотен шли против восьми тысяч, но эти девять сотен спокойно шагали, где удобно, никем не теснимые в спину.

Француз в заляпанных грязью латах, когда-то начищенных до серебряного блеска, метнулся с мечом на сэра Джона, но клинок лишь бессильно скользнул по закрытой набедренником ноге. Латник слева от командующего ударил в сияющий вражеский шлем молотом, отчего француз рухнул, как забитый бык, а сэр Джон уже вонзал копейный наконечник алебарды в лицо следующего врага, на накидке которого красовался сноп пшеницы. Острие, пройдя через забрало, вонзилось в зубы и нёбо, тело в это время толкнули сзади, пронзенная голова задралась вверх. Сэр Джон, оставив добивать жертву латнику, ударил алебардой по чьему-то закрытому шлему, увенчанному перьями.

– Ну, ко мне, выродки! – крикнул он с хохотом. – Жду!

Он даже не задумался, что кое-кто из французов жаждет прославиться убийством или пленением самого сэра Джона Корнуолла. Он видел лишь врагов, с которыми злую шутку сыграла раскисшая земля и их собственные забрала, так как сквозь них невозможно было разглядеть преграду. Короткие удары алебарды укладывали наземь подступающих французов, увеличивая преграду для следующих.

– Держитесь плотнее! – крикнул своим сэр Джон, бросив взгляд на латника по левую руку и на сэра Уильяма, неотступно держащегося справа.

Плечом к плечу, чтобы враг не прорвал строя, латники сэра Джона, уже переступив через первые ряды французов, дрались так, как он их учил. Вторая шеренга англичан шла позади, поднимая вражеские забрала и приканчивая раненых ударом кинжала в глаз или в рот, чтобы упавшие не пытались достать противника с земли. Французы при виде клинка извивались в грязи, пытаясь увернуться от удара, и умирали в судорогах, а новые латники все подступали под молоты, топоры и копья. Уже не опасаясь стрел, кое-кто из врагов поднял забрало – и ближайший француз получил в лицо алебардой от сэра Джона, который, провернув копейное жало в глазнице, вырвал окровавленный клинок и теперь краем глаза следил, как латник, мечась в дикой предсмертной боли, валится под ноги другим, мешая французам подступать ближе. Сэр Уильям Портер бил копьём в лица врагов, одним ударом сшибая их с ног и оставляя доканчивать дело соседнему латнику, орудующему боевым молотом. Обычно спокойный и серьезный, сэр Уильям теперь рычал и ревел.

– Клянусь, Уильям! Вот где наслаждение! – крикнул сэр Джон.

Шум не прекращался – сталь грохотала о сталь, вопли сливались с боевыми кличами. Сваленные грудями французские трупы мешали врагу атаковать. Любой перебравшийся через тела неминуемо наткался на английские мечи и копья. Сэр Джон в поиске твердой опоры, сам того не заметив, ступил правой ногой на шлем раненого француза. Забрало погрузилось в грязь, вязкая жижа хлынула внутрь

шлема, француз с хрипом дернулся и замер. Сэр Джон, глумясь, призвал врагов подойти ближе и тут же сам шагнул вперед, вождедя смерти и крови.

– Бей их! Бей!

Он с новой силой обрушился на французский строй, прорубая место для своих латников и разя врагов с молниеносностью, снискавшей ему славу самого грозного турнирного бойца в Европе. Копейным жалом алебарды он пронзал набрюшники, прикрывающие пах, а когда враг с воплем сгибался от боли, обрушивал на него топор или молот и оставлял француза латникам, милостиво дарующим смерть упавшим врагам. Удары, успевающие задеть доспехи самого сэра Джона, были редкими и слабыми, лишь раз кто-то из французов чуть было не обрушил на него алебарду, но переломившееся древко спасло командующего от удара. Разразившись боевым кличем, сэр Джон рубанул француза алебардой по ногам, метя лезвием в наколенник. Француз, уже падая, в ответ попытался достать врага остатком древка, но сэр Джон ударил молотком по вражескому шлему – и сталь не выдержала, из-за забрала брызнула кровавая жижа. Стараниями сэра Джона и его латников разрыв в рядах французов углублялся, все больше трупов ложилось под ноги англичан.

Сэр Джон, увлеченный битвой, не видел, как слева от него замертво упал герцог Йоркский.

При начале наступления французы в первую очередь ударили в авангард англичан и, потеряв сотню латников, добрались до отряда короля Генриха. Шедший в первых рядах Жильбер, мессир де Ланферель, краем глаза заметил, как слева от него английский строй отступил от первого удара, однако герцог Йоркский с отрядом стояли на месте, орудуя копьями. Ланферель отклонился, пропуская чей-то копейный наконечник, скользнувший по кирасе, – и ударил копьем в ближайшее лицо, не защищенное забралом.

– Ланферель! – крикнул он. Англичане должны знать своего противника. – Ланферель!

Отбив вражеское копье, он скинул с плеча булаву и принялся разить ею направо и налево. Здесь, на поле битвы, было не до турнирных учтивостей и фехтовальных изяществ. Здесь оставалось сечь и рубить, убивать и ранить, сея ужас среди врагов. Ланферель обрушил шипастую булаву на герцогского латника, раздробив шлем вместе с черепом, следующего врага отбросил назад – и справа увидел герцога, совсем близко, но прежде пришлось обернуться и убить нападавшего слева англичанина.

– Сдавайтесь! – крикнул Ланферель опустившему забрало Йорку.

Ответом был взмах герцогского меча, звякнувшего по латам француза, и Ланферель, ударив булавой в плечо герцогу, потянул ее к себе, так что Йорк потерял равновесие и растянулся во весь рост на земле.

– Он мой! – крикнул Ланферель. Его охватил боевой восторг – ликование воина, побеждающего врагов. – Он мой!

Ланферель стоял над упавшим Йорком, уперев ногу герцогу в спину, и убивал всякого, кто совался на выручку. Четверо латников, с алебардами наперевес, прикрывали Ланфереля с боков и убивали подступающих англичан, осыпая их оскорблениями.

– Знамя добыть! – рявкнул Ланферель.

Большое герцогское знамя украсит главный зал его замка – повесить его на закопченные балки под галереей, и пусть себе пленный герцог любит им каждый день...

– Смерти жаждешь? – крикнул он герцогскому знаменщику, но англичане, оттеснив того на безопасное расстояние, подступили к Ланферелю.

Он отбивал их удары, разил наотмашь, сбивал с ног тяжелой булавой – и то и дело кричал своему отряду, чтобы прикрывали спину. Отряду приходилось сдерживать напор своего же войска, подступающего

сзади, и солдаты отбрасывали прочь собратьев-французов, освобождая Ланферелю пространство для размаха булавы, готовой разить любого, кто подступится. Четверо латников Ланфереля подступили с алебардами к английскому строю, такому узкому, что Ланферель решил его прорвать и обойти центр с тыла. Повезло захватить герцога – отчего бы не пленить и короля...

Устремившись вперед, он чуть не упал, споткнувшись о тела, наваленные у ног герцога Йоркского, и начал было расчищать себе дорогу, как вдруг копье английского латника ударило его в нагрудник и отбросило назад.

– Мерзавец! – взревел Ланферель, нацеливаясь окровавленной булавой в лицо англичанину, когда услышал предупреждающий вопль и глянул влево, где англичане теснили французов вспять, угрожая зайти ему в тыл.

Решив, что он еще успеет прорвать вражеский строй, Ланферель вновь попытался ринуться вперед, но мертвые тела преграждали дорогу, а англичане вдруг двинулись навстречу, задевая его латы копьями, алебардами и булавами, – и ему оставалось лишь отступить, на время отказавшись от мысли прорваться сквозь английский строй.

Он шагнул назад, оставив герцога Йоркского лежать лицом в грязи – оглушенного, вдавленного в землю, захлебнувшегося в кровавой луже. Англичане, перешагивая через него, подступали к Ланферелю и его знамени, украшенному соколом и солнцем, и французам приходилось оттеснять их тяжелыми короткими ударами. Не зная о гибели герцога, он лишь сожалел, что Йорка придется временно оставить. Вдруг слева, в глубине французского войска, он заметил знамя с коронованным львом и решил, что выкуп за сэра Джона Корнуолла тоже придется кстати.

– За мной! – взревел он и принялся прорубать путь к сэру Джону.

Справа от Ланфереля, у четырех королевских знамен, кипела битва. Десятки французов, мечтающих о чести захватить в плен самого короля, столкнулись с тем же отпором, что и остальные. Передние латники, обессиленные переходом по вязкой пашне и израненные градом английских стрел, сразу же пали под алебардами, молотами и булавами королевской охраны. Теперь нападающие, спотыкаясь об их тела, то и дело нарывались на удары алебард, хотя по-прежнему шли вперед. Французское копье пробило набрюшник младшего королевского брата – Хамфри, герцога Глостерского, – и, когда удар в пах сбросил его в глубокую борозду, французы ринулись захватывать герцога в плен, однако Генрих, встав над раненым братом, двуручным мечом разил врага, не подпуская никого к телу. Он намеренно дрался мечом – оружием, достойным королей. Когда меч оказывался бессилен против молотов и алебард, Генрих не показывал виду – он знал, что Бог на его стороне. Бог укреплял его и давал силы, и даже когда французская алебарда со звоном ударила в коронованный шлем – Бог его сохранил: лишь отскочил зубец от короны да слегка помялась сталь, но шлем уцелел, кожаный подшлемник смягчил удар, и Генрих не потерял сознания. Вонзив меч французам под мышку, король разразился боевым кличем:

– Святой Георгий!

Генриха Английского переполняла дарованная Богом радость. Никогда в жизни он не чувствовал Божьего присутствия так ясно, и к тем, кого убивал, испытывал почти сострадание – ведь они гибли по Божьей воле. Телохранители, не отходящие от Генриха, одного за другим убили восемнадцать французов, которые лишь накануне торжественно клялись убить или пленить английского короля. Эти восемнадцать, связанные друг с другом клятвой, приблизились к королю вместе – и вместе же умерли: их сплетенные окровавленные тела теперь преграждали путь тем, кто еще лелеял мечту сделать короля своим пленником. Кто-то из французов, выкрикнув вызов, двинул шипастой булавой в сторону короля, но тот в дальнем выпаде вонзил конец меча в прорезь вражеского шлема, и булава опустилась на ближнего к

королю латника. Другой латник, выбросив вперед алебарду, вонзил копейное жало в горло французу, по обитой железом рукояти густо заструилась кровь. Враг упал на колени, и король втиснул меч в щель забрала, раздирая французу губы и язык. На шлем смельчака обрушилась чья-то алебарда, смявшая сталь и раскроившая череп, и короля, который вытащенным из забрала мечом уже отбивал вражеское копье, обдало кровью.

– Святой Георгий! – крикнул он, всеми жилами чувствуя поток божественной силы.

В глазах француза с копьем, глядевшего на короля сквозь открытое забрало, Генрих увидел страх, затем – когда копье вырвали из рук – молчаливую мольбу о пощаде, но врагам короля Бог не судил милосердия, и Генрих полоснул француза мечом по лицу, взрезав оба глаза. Кто-то из телохранителей молотом пробил шлем ослепленного врага, прибавив еще одно тело к груде тех, что не давали французам подойти к английскому строю.

Англичане выдерживали натиск. Местами тяжелые французские латники оттеснили шеренги назад, однако строй не рассыпался, и теперь его защищал целый вал убитых и раненых французов. Кое-где линия выгибалась дугой – там англичане, тесня врага, шли в наступление.

И тогда французы, которым не оставалось пути вперед, начали растекаться к флангам.

Где у лучников кончились стрелы.

– Хочешь, умирай, а хочешь – сражайся.

Далекий голос звучал беззаботно, словно говорящего совершенно не волновала судьба Николаса Хука.

– Черт бы их побрал, Ник, они подходят, – дернулся Том Скарлет.

Лучники, отойдя за самый дальний ряд кольев, смотрели, как французы сминают английский строй. Когда угрожающе тонкая линия англичан выдержала натиск и остановила врага, лучники разразились радостными криками. Зато теперь враг повернул туда, где стояли колья.

– Либо биться, либо умирать, – сказал Ник, бросая лук наземь: стрелы кончились, а без стрел лук бесполезен.

– Значит, биться, – отозвался голос, и Хук узнал грубый голос святого Криспина.

– Ты здесь! – с облегчением воскликнул он вслух.

– Здесь, здесь, – откликнулся Том Скарлет. – Рад бы куда-нибудь деться, да некуда.

– Еще бы нам здесь не быть, – хрипло бросил святой Криспин. – Самое время для мести. Так что бейся, мерзавец! Чего ждешь?

Хук следил за французами. Они расползались к флангам не ради того, чтобы обойти английский строй и нагнать с тыла, а просто чтобы сбежать подальше от кровавой бойни, шум которой доносился слева. Однако вскоре кому-нибудь из французов придет в голову напасть на легковооруженных лучников и все-таки зайти в тыл королевскому отряду.

– Чего ждешь? – требовательно спросил святой. – Исполняй Божью волю! Убивай выродков!

Хука от страха пробрала дрожь. К кольям неверной походкой приближался француз с окровавленным наплечником и бессильно болтающейся левой рукой.

– Что делать, Ник? – спросил Скарлет.

Хук снял с плеча алебарду.

– Убивать! – крикнул он. – Бить проклятых выродков! Святой Криспин! Убивать!

Крик Хука словно развязал руки лучникам, которые с боевыми кличами кинулись между кольев на французский фланг. Стрелки, вооруженные алебардами, мечами и боевыми молотами, шли на врага по большей части босыми, ни у кого не было ножных доспехов, мало кто мог позволить себе панцирь, зато в грязи они двигались быстрее французов.

– Бей! – взревел Эвелголд, и лучники подхватили клич.

Серый воздух вдруг словно наполнился боевым азартом, внезапной жаждой истребить людей, обещавших отрубить лучникам пальцы. И англичане с валлийцами, чья сила закалялась долгими годами стрельбы из лука, двинулись убивать французских дворян.

Не отвлекаясь на раненого француза, Хук бросился на здоровяка в ярко-красном налатнике, замахнувшись мечом так, что сэр Джон при виде этого не преминул бы презрительно поморщиться. Здоровяк уклонился от удара и ринулся на Хука с копьем наперевес, но Хука инерцией пронесло мимо. Здоровяк обернулся вслед, Уилл из Дейла сзади оглушил его ударом молота по шлему, и француз свалился в грязь. Джефри Хоррокс, склонившись над здоровяком, поднял его забрало и ударил в глаз длинным тонким ножом. Хук рубанул алебардой латника в черно-белой накидке, тот свалился на спину, и Хук двинул обухом по руке, держащей меч, тут же кто-то из стрелков огрел латника по шлему свинцовым боевым молотом. Французы, увязая в раскисшей земле, не могли толком уходить из-под ударов, зато лучники, подвижные и легкие, без труда увертывались от французских мечей и копий, бивших в пустой воздух. Стрелы на врагов уже не сыпались, и французы поднимали забрала. Хук быстро выяснил, что наконецником алебарды легко попасть в глаза и отбросить врага в сторону, под молот кого-нибудь из стрелков. В руках лучников утяжеленные свинцом алебарды, булавы и молоты имели силу поистине убойную и с легкостью сминали шлемы и крушили кости под латами. Стрелки, кому не досталось молотов, хватили вражеские алебарды и булавы и уже понимали, что дело пойдет легко. Другие лучники, подтягиваясь от дальних рядов кольев, присоединялись к драке.

Это была драка. Трактирная потасовка, рождественская футбольная игра, куда две деревни сходятся оттащить, вздуть и отдубасить друг друга, только на этот раз игру вели свинцом, железом и сталью. Два-три лучника наваливались на латника, сбивали с ног или оглушали молотом, кто-то один наклонялся докончить дело и всаживал нож врагу в лицо. Быстрее всего получалось убить ударом в глаз, и французы, увидев занесенный клинок, молили о пощаде, но острие ножа, на миг упруго запнувшись у глазного яблока, пронзало глазницу, и вопль жертвы постепенно стихал – клинок входил в мозг, выплескивая лишь толику крови. Не переставая звенели английские трубы. В центре строя, где бились латники, сталь грохотала о сталь, с флангов доносились крики лучников, добывающих врага.

Месть свершилась. У Хука не выходил из головы Суассон, и он знал, что оба святых его не оставляют: нынче их праздник и они отплатят Франции за резню, учиненную в их городе. Хук бил наконецником алебарды в лица французам, и если враг уклонялся – Хук лезвием цеплял врага за плечо и тянул на себя, пока француз, увязший ногами в грязи, не падал вперед. Тогда молот на обухе алебарды опускался на шлем; одним французом становилось меньше. Сотни лучников сейчас занимались тем же, и распаханное поле между лесами превращалось в сплошное месиво тел, засеянные пшеницей борозды напивались кровью.

Убитых и раненых французов набралось так много, что Хуку, чтобы добраться до врага, приходилось карабкаться по трупам. Том Скарлет, крепыш Уилл Склейт, Уилл из Дейла и остальные лучники шли за ним, воя, как стая демонов. В Хука ткнули мечом, но кольчуга погасила удар, и огромный злобный Склейт пристукнул напавшего обухом топора. Еще одного ударом алебарды уложил Хук, Уилл из Дейла тут же топором рассек врагу латный набедренник; из разрубленной ноги хлынула кровь. Кто-то из лучников

гвоздил шлемы булавой, одним ударом сокрушая сталь вместе с черепом. Какой-то француз, которому раздробили молотом ногу, стоял на коленях, вопя, что сдается и предлагает выкуп. Но его никто не слушал, и ближайший лучник прикончил его ударом ножа в глаз. Хук кричал, не замечая собственного крика, страх в нем сменился яростью, как и у остальных: заляпанные грязью и кровью босые стрелки с ревом наступали на врагов.

Французский рыцарь в богатом парчовом налатнике отбил удар Тома Скарлета и отвел назад булаву, чтобы раскроить череп дерзкому лучнику, однако топор Хука вонзился ему в затылок, прорубив стальной нашейник. Стоило лишь Хуку высвободить топор – и рыцарь свалился на землю, а Хук уже всаживал копейное жало в бок следующему латнику, которому деревенский крепыш Склейт тут же всадил молот между ног, и вопль француза разнесся над всем кровавым полем Азенкура.

Латник в заляпанной грязью кольчуге и с голубой лентой вокруг шеи упал на колено, сорвал с правой руки латную перчатку и протянул ее Хуку. До латника оставалось четыре или пять шагов, и Хук уже примерялся поудобнее раздробить его шлем с сияющим серебряным львом, как вдруг до него дошло желание латника.

– Пленники! – крикнул Хук. – Пленники!

Он вырвал перчатку из руки француза и велел ему снять шлем. Приказа брать пленных никто не давал, а сэр Джон перед битвой настойчиво предупредил всех, что захватывать пленников можно лишь после того, как король объявит о победе, но Хука это не заботило. Враг сдавался.

Все больше и больше французов вздымали над головой латные перчатки, сбрасывали в грязь шлемы и позволяли увести себя прочь с поля.

– Что с ними делать-то? – спросил Уилл из Дейла.

– Связывать руки, – велел Хук. – Тетивой!

Первый полк французов теперь отступал. Слишком многие погибли, а у живых не оставалось сил для сражения, так обильно окропившего кровью распаханное поле. Хук, опершись на алебарду, следил глазами за лучником в потемневшем от крови синем налатнике. Подобрал где-то чекан с острием в виде соколиного клюва, он добивал теперь раненых французов, прорубая шлемы изогнутым шипом на длинном древке: конец клюва легко прошивал сталь и вонзался в череп.

– Все равно что скорлупу разбивать! – крикнул он, ни к кому не обращаясь. – Выродки! Выродки!

Он убивал всех французов подряд, не переставая вскрикивать. Раненые молили о пощаде, но изогнутый клюв не знал покоя. Хук не находил в себе сил вмешаться. Лучник, казалось, забыл обо всем, кроме необходимости убивать, и гвоздил врагов ударами, даже когда жертва уже не дышала. Над кем-то из французских латников застыл мастиф, лающий на стрелка, однако тот прикончил и psa, и хозяина.

– Пальцы мне отрубить? – завизжал он, обращаясь к жертве и занося чекан над уже прорубленным шлемом. – А может, тебе член отрубить?

Он вдруг выставил два пальца, которыми натягивал тетиву, и, обращаясь к трупам, дернул рукой снизу вверх.

– Вот это отрубить? Выродки!

– Боже милостивый, – выдохнул Том Скарлет, босой, в коротких штанах и кольчуге, с ног до головы измазанный кровью и грязью. – Боже милостивый...

Там, куда сумел дойти враг, теперь тянулся длинный вал трупов. Первый полк французов, уstraшенный таким исходом, повернул прочь. Англичане, изнуренные и пресыщенные битвой, их не

преследовали. За рядами кольев англичане и валлийцы, связывая пленных, озадаченно оглядывали друг друга, словно дивясь тому, что выжили.

Когда вновь раздался трубный сигнал, Хук обернулся на север. От края поля на англичан шел второй полк французов, числом не уступающий первому.

Битва начиналась заново.

– Им там не выжить, – сказал сэр Мартин. – Гибнуть будут толпами. Наверняка ты уже вдова. – Он ухмыльнулся, показав желтые зубы. – Я слышал, вы повенчались? Зачем, детка? Жениться – дело благородных, куда там твоему Хуку. Впрочем, теперь все равно. Ты вдова, детка. И прехорошенькая! Лежи и не вздумай дернуться. «Муж есть глава всякой жены», – говорит Писание – святое Слово Божье, так что твое дело – мне подчиняться. Что это у тебя на лбу? – внезапно нахмурился священник.

– Благословение, – ответила Мелисанда.

Она наконец нашла стрелу и теперь пыталась уложить ее в желоб, но в мешке ощупать арбалет – задача не из легких, а уж вставить стрелу на место... Сэр Мартин, стоя на коленях между ее ногами, склонился вперед, опершись левой рукой о землю, а правую опустил между ее бедер. С губ его поползла струйка слюны.

– Не нравится. – Он вдруг высвободил правую руку и потянулся стереть угольную надпись на лбу Мелисанды. – Не нравится мне это благословение. Хочу видеть тебя красоткой. А ну, не шевелись! Или ударить?

– Я не шевелюсь, – ответила Мелисанда, хотя отчаянно силилась приподняться и сдвинуть с себя давящий вес.

Священник, оставив попытки стереть надпись со лба, снова втиснул руку между ее ног. Мелисанда вскрикнула.

– Жена есть слава мужа, – осклабился сэр Мартин. – Таково священное слово всемогущего Господа. Значит, будем делать ребенка, да?

Правильно ли установлена стрела – убеждаться не было времени: арбалет вместе с мешком Мелисанда развернула в тот миг, когда приподнявшийся сэр Мартин уже готов был на нее обрушиться.

– Ave Maria, – выдохнул он. – Ave Maria...

Мелисанда, вдвинув мешок между телами, нажала спуск.

Ничего не произошло.

Арбалет слишком долго пролежал взведенным, спусковой механизм заржавел. Мелисанда вскрикнула, слюна сэра Мартина шлепнулась ей на лицо, палец на крючке снова дернулся – и предохранитель наконец отпустил тетиву. Стальная дуга в мешке со звоном распрямилась, посылая вперед короткую толстую стрелу.

Сэра Мартина словно что-то приподняло, глаза расширились, рот округлился от ужаса.

Он заорал, как кабан при холощении, хлестнувшая из его паха кровь обдала Мелисанду горячей волной. Кожаное оперение стрелы застряло у мочевого пузыря, наконечник торчал между ногами. Мелисанда, отчаянно изгибаясь, силилась отползти подальше, но орущий сэр Мартин вцепился в ее платье, как в спасение. Оставив одежду у него в руках, она рванулась прочь, и священник скорчился на влажной земле, с воплями пытаясь заткнуть пах разорванной тканью.

– Ты сдохнешь, – бросила девушка, склонившись над священником и глядя в налитые кровью глаза. – Кровью истечешь. Вот тогда я и посмеюсь.

Раздался еще один вопль – на этот раз со стороны деревни, и Мелисанда увидела, как у обоза собираются чужаки: одни уже метались среди телег, другие с мотыгами и топорами подступали вдоль берега – местные крестьяне, жаждущие поживы. Какой-то из них, заметив Мелисанду, потрусил к ней с тем же голодным огнем в глазах, какой она видела у сэра Мартина.

Одежды на ней не было.

И Мелисанда вспомнила о налатнике.

Взглянув на сэра Мартина, корчащегося в агонии, она подхватила его кошель с монетами и свой мешок – и прыгнула в реку.

Глава тринадцатая

Мессир де Ланферель исходил проклятиями. Валяющийся рядом латник в мятом окровавленном шлеме и с оторванной по колено ногой не переставал стонать, кровь из ноги медленными толчками выплескивалась на чей-то труп.

– Священника... – простонал латник. – Ради бога, священника.

– Не до священников! – злобно бросил Ланферель.

Вместо булавы он схватил алебарду – оружие более жестокое, каким только и вырывать у врага победу при таком разгроме. Ланферель прекрасно понимал, что произошло: французы, измотанные переходом через пашню и толком ничего не видящие из-за опущенных забрал, стали для английских латников легкой добычей. Однако с той же ясностью он понимал, что латников слишком мало – на всю ширину поля строй не растянуть. А у лучников, стоящих по краям, кончились стрелы.

Ланферель открыл лицо, с трудом перекинув искореженное забрало через козырек, и скомандовал:

– Уходим влево.

Никто из латников не ответил. Первый французский полк уже отступил шагов на двадцать. Англичане, словно по уговору, остались на месте, никто не кинулся преследовать врага. Обе армии устали. Воины, опершись на оружие, переводили дух, пространство между войсками по всей длине было завалено горами тел в доспехах – мертвые и раненые лежали вповалку, одни поверх других. Латы, накануне отполированные до блеска, а теперь изрядно побитые, покрывала грязь и кровь. Среди трупов валялись знамена, кое-кто из англичан собирал их и складывал позади строя, куда увели пленных. Орифламма, так грозно возвещавшая о намерении французов не щадить врага, куда-то исчезла.

Глянув на англичан, передававших из рук в руки бурдюки с водой и вином, Ланферель внезапно почувствовал жажду.

– Где вино? – спросил он оруженосца.

– В лагере, господин. Вы не приказывали его брать.

– А мочишься ты тоже по приказу? Черт, воняет от тебя! Обделался, что ли?

Оруженосец – далеко не единственный, чьи кишки не выдержали ужасов битвы, понуро кивнул, сжавшись под презрительным взглядом господина.

– Уходим влево! – вновь крикнул Ланферель.

Так и не добравшись до сэра Джона, он решил повести свой отряд на легковооруженных лучников: булавы и алебарды в их руках много безобиднее тисовых луков и ясеневых стрел. Если перерезать лучников, то можно провести отряд между кольев и ударить в спину английским латникам.

– Бой не проигран! – крикнул он своим. – Он еще не начинался! У лучников вышли стрелы! Самое время убивать! Все меня слышат? Убивать!

На северном конце поля запели трубы. Второй полк французов, пока еще в сияющих латах и с нерастерзанными знаменами, двинулся пешком через болотистую пашню, взрытую копытами коней и стальными башмаками восьми тысяч латников первого полка. Новые восемь тысяч миновали группу английских, французских и бургундских герольдов, наблюдающих за сражением с опушки Трамкурского леса, и уже подступали к месту битвы. Ланферель, чтобы не попасть между войсками, поспешил убраться на дальний фланг вместе с одиннадцатью латниками: если его отряд прорвется к стрелкам, решил он, то

подкрепление придет само.

– Драться лучники не умеют, – бросил он латникам. – Простонародье: кто швец, кто корзинщик. Машут топорами как попало. Не нападайте первыми: пусть замахнутся, тогда отводите удар и убивайте. Понятно?

Латники закивали. Понять было несложно. Однако поле воняло кровью, орифламма исчезла, с десяток именитых французов погибли или сгинули. Ланферель знал, что победа приходит только к тем, кто в нее верит. И теперь ему предстояло настроить своих людей на успех, а потом пробиться сквозь английский строй и добыть для Франции победу.

Англичане при виде подступающих французов выстроились в шеренги и подняли оружие. Второй полк, поравнявшись с первым, разразился кличем:

– Монжуа Сен-Дени! Монжуа!

– Святой Георгий! – полетело от англичан вместе с издевательским улюлюканьем, каким охотники встречают загнанную дичь.

Второму полку путь к англичанам преграждали останки первого, и новоприбывшим оставалось лишь подталкивать их вперед. Свежие силы французов, продираясь сквозь топкую грязь с копьями наперевес, теснили измотанных первой битвой латников на груды тел и дальше на копья и алебарды англичан. Среди грохота стали, криков умирающих и отчаянных взвизгов трубы восемь тысяч латников подступили к месту битвы.

Как раз в тот миг, когда Ланферель приблизился к лучникам.

Женщины и слуги пустились бежать прочь от обоза – в гору, к распаханному плато, где стояло английское войско. Крестьяне, толпой налетев на телеги, теснили друг друга в надежде на легкую поживу.

Река, в которую прыгнула Мелисанда, оказалась полноводной после недавних ливней, холодной и грязной. С трудом преодолевая стремительный поток, девушка пробиравась сквозь нависающие над водой ветки, пока наконец не наткнулась на налатник, зацепившийся за ветку ивы. Схватив его, она вылезла на берег, то и дело цепляясь за колючки шиповника и ожигаясь крапивой, и натянула накидку через голову. Мокрый холодный холст неприятно облеплял тело, зато прикрывал наготу. Мелисанда медленно двинулась на север, держась позади зарослей ежевики и лещины, – и вдруг увидела коней.

Полсотни или больше всадников, остановившись к западу от деревни, наблюдали за английским лагерем. Знамени не было – Мелисанда все равно не распознала бы герб, – однако ей было ясно, что малочисленная английская армия не станет держать в тылу такое количество всадников. Значит, они французы. Мелисанда, сама французенка, воспринимала их как врагов и потому сжалась в кустах, чтобы яркий налатник не бросился в глаза.

Ее вдруг охватила тревога: налатник, прикрывавший наготу, ощущался как тяжесть, на сердце делалось беспокойно.

– Прости! – взмолилась она Богоматери. – Прости, что надела налатник! Спаси Ника!

Никакого отклика она не почувствовала – в голове звенела тишина.

Она нарушила клятву. Она обещала Деве не носить налатник, считая, что стоит ей надеть отцовский герб – и Нику не миновать смерти. А теперь солнце и сокол красовались у нее на груди, и Дева не отвечала на призыв – зарок был нарушен. Мелисанду, мокрую и продрогшую, вдруг затрясло.

Ник неминуемо погибнет, она в этом не сомневалась.

И она сорвала с себя налатник, чтобы Ник остался жить.

Сжавшись от холода и страха, она шептала молитву, а на севере – позади всадников, за деревней, за краем неба – вновь разносились звуки сражения.

– Убивали французов прежде – убьем и сейчас! – крикнул Томас Эвелголд. – За Англию!

– За Уэльс! – подхватил кто-то.

– За святого Георгия!

– За святого Давида Валлийского!

С боевыми кличами стрелки кинулись на нового врага. После первого разгрома французов кое-кто уже подсчитывал суммы выкупа за пленных – те, без шлемов и со связанными руками, сидели теперь позади кольев под присмотром лучников, из-за ран оставшихся в тылу. Остальные стрелки устремились вперед – убивать новых врагов и брать новых пленников.

Лучники налетели единым вихрем. Уже наловчившись опрокидывать наземь вязнувших в грязи латников, они обрушились на французский фланг, гвоздя шлемы молотами и добивая врагов ударом ножа в глаз. От груды поваленных тел неслись стоны, дальше поле кишело закованными в сталь латниками: задние ряды теснили передние – те, спотыкаясь о трупы, пытались перебраться через тела и попадали под молоты и ножи лучников и все же неотступно двигались вперед. У одних на шее болтались золотые и серебряные цепи, великолепные доспехи других указывали на богатство или высокий сан владельца. Таких лучники брали в плен: убивали спутников жертвы и, окружив латника, как стая охотничьих псов, угрожали и запугивали до тех пор, пока жертва не сдергивала с руки латную перчатку.

– Подходи, выродок! – ревел Том Скарлет латнику с красным лебедем на гербе и с золотыми бляхами на красном бархатном поясе.

Шлем украшала серебряная окантовка, под поднятым забралом блестели голубые глаза. Протиснувшись между телами, латник двинул копьем в живот Скарлету, Том отбил удар алебардой. Второй француз, с таким же красным лебедем на налатнике, рубанул по алебарде широким мечом, но тот лишь отскочил от обитой железом рукояти. Скарлет, выставив вперед алебарду, стукнул наконечником в стальной нагрудник с красным лебедем: копейщик отступил, зато мечник вновь замахнулся. Скарлет едва успел отбить удар рукоятью, как вдруг возникший рядом Уилл Склейт с ревом взмахнул над французом алебардой и легко сокрушил стальной шлем, словно тот был сделан из пергамента. Из разваленного шлема мечника брызнули мозги и кровь, и силач Склейт потянул на себя алебарду с молотком на обухе.

– Оставь второго, Уилл! Он богатый! – крикнул Том Скарлет.

Враг вновь занес копье. Скарлет успел ухватить древко рукой и рвануть на себя: копейщик споткнулся и упал, и Скарлет, зацепив его за нижний край шлема, оттащил француза за спины лучников. Пока Уилл Склейт вместе с дюжиной стрелков сэра Джона гвоздил молотом остальных, Скарлет развернул француза лицом к себе.

– Богатый?

Копейщик смотрел на врага с ненавистью, и Скарлет, вытащив нож, приставил острие к левому глазу француза.

– Если богатый, останешься жить. Если бедный – умрешь.

– Je suis le comte de Pavilly, – признался пленный. – Je me rends! Je me rends![\[32\]](#)

– Богатый или нет? – добивался своего Скарлет.

– Том, сзади! – крикнул Хук: на Скарлета шел француз.

Том обернулся, и в этот миг граф де Павийи, метнувшись снизу, вонзил нож ему в пах. Скарлет захрипел, граф ударил снова – на этот раз в живот, взрезая и кромсая плоть. Тут алебарда Уилла Склейта мелькнула в воздухе, словно коса, и вонзилась графу в лицо, ломая остатки зубов и вгоняя обломки внутрь черепа. Графская кровь смешалась с кровью Скарлета, два тела – богача и бедняка – рухнули на землю. Склейт выдернул алебарду из мешанины стали и костей – и вдруг внезапный натиск французов отбросил его назад.

Хука тоже оттеснили латники.

Французы клином втиснулись в строй лучников. Прежде те побеждали лишь потому, что оказались подвижнее врага и нападали раньше французов, теперь же враг нашел способ их одолеть. Французы подступали строем, плечо к плечу, и нападали первыми, так что англичанам оставалось лишь отбивать удары. Стоило лучнику поскользнуться или при широком замахе потерять равновесие – в воздухе мелькал вражеский клинок, и англичанин оседал в грязь, где его забивали булавами.

– Убивать! – крикнул сеньор де Ланферель, шедший во главе отряда. – По одному! Бог даст время перебить всех! Монжуа Сен-Дени!

Ланферель не сомневался в победе. Французы – в панике поддавшиеся англичанам, как бессловесный скот на бойне, – теперь проникались его спокойствием и уверенностью, чувствуя наконец, что кто-то принял ответственность за их судьбы.

Хук заметил яркий налатник с солнцем и соколом.

– Том, сзади! – крикнул он Скарлету, еще успев увидеть, как латник в красно-белой накидке метнулся с земли, однако дальше смотреть было некогда: перед ним стоял Ланферель.

Француз занес алебарду, и Хуку пришлось отступить, чтобы удар не сбил его с ног. При следующем шаге он чуть не упал, угодив ногой в борозду, но за спиной оказался наклонно врытый кол, и Хук устоял. Он двинул алебардой в сторону Ланфереля, однако француз, отведя удар, вновь кинулся вперед. Хук отшатнулся было за кол, но заостренный конец впился в стеганую куртку, и Хук, пригвожденный к месту, в панике замер.

– Шагни вперед, – велел святой Криспин.

Хук с силой рубанул перед собой алебардой, пытаясь потверже упереться ногами в раскисшую землю. Ланферель, не ожидавший нападения, отвел руку с оружием. Лезвие Хуковой алебарды лишь скользнуло по доспеху француз, зато при выпаде куртка отцепилась от кола, и Хук отступил назад: клинок кого-то из латников Ланфереля, занесенный над рукой Хука, бесцельно рубанул пустое пространство.

– Мечтал с тобой увидеться, – бросил Ланферель.

– Не терпится сдохнуть? – прорычал Хук.

Ему пока удалось выжить, страх слегка притупился. Он отбил два чьих-то меча, нацеленные на незащищенные ноги, ему на помощь подоспели Том Эвелголд и Уилл из Дейла.

– Том погиб, – доложил Уилл, отводя топором чье-то копье.

– А Мелисанда? – спросил Ланферель.

– Насколько я знаю, жива, – ответил Хук.

Ланферель вновь отбил его выпад, но Хук замахивался не в полную силу и поэтому не потерял равновесия. Он тут же ударил Ланфереля обухом по руке – удар вышел слабым; француз улыбнулся:

– Она жива, а ты покойник.

Ланферель принялся сыпать короткими, тщательно выверенными ударами то в корпус, то в ноги, так что Хук не мог ни защититься, ни ударить в ответ – оставалось лишь отступать. Лицо Ланфереля, несмотря на запекшуюся кровь у виска, было пугающе спокойным. Француз не отводил взгляда от глаз Хука, и Ник знал, что стоит пропустить удар – и смерти ждать не придется. Том Эвелголд явно думал о том же: оттолкнув чье-то копьё и увернувшись от меча, он подскочил к Ланферелю справа и, держа алебарду наперевес, как копьё, с проклятием кинулся вперед, целя копейным наконечником французам в набрюшник, чтобы клинок, пронзив латы и кольчугу, взрезал врагу низ живота. Ланферель, в последний момент вздернув тупой конец древка, отвел вражескую алебарду, так что удар пришелся в нагрудный панцирь: миланская броня выдержала натиск, лезвие соскользнуло, и Ланферель, резко дернув головой, ударил поднятым забралом в лицо Эвелголду. Кто-то из французских вонзил меч сентенару в бедро и провернул клинок. Том Эвелголд оступился, из ноги и из разбитого носа хлынула кровь. Удар в лицо его ослепил, сентенар не увидел нацеленного в лицо наконечника французской алебарды. Падая, Эвелголд резко вскрикнул, чей-то топор, прорубив кольчугу и куртку, вонзился ему в живот – и французы, осторожно ступая по грязи, двинулись дальше сквозь колья, направляясь к английским тылам.

– Подходи ближе! – крикнул Хуку святой Криспин.

– Не могу.

Том Эвелголд корчился в судорогах, кто-то из французских латников ткнул ему в живот мечом. Хлынула густая кровь, через мгновение сентенар затих. Французы шли вслед Ланферелю плотной стеной, клин все утолщался, и, хотя лучники сопротивлялись изо всех сил, враг все же продвигался вперед. Колья лишь помогали французам не оскальзываться в жидкой грязи, и англичане мало-помалу отступали. Хук пытался было собрать и выстроить стрелков, чтобы отразить натиск, но без доспехов лучникам было не одолеть хорошо обученных латников, и, хотя до полного разгрома еще не дошло, англичан все неотступнее теснили назад.

Хук пытался выстоять. Обмениваясь ударами с Ланферелем, он понимал, что победить стремительного противника ему не удастся: Ланферель уступал Хуку в силе, зато ударами сыпал быстрее.

– Жаль Мелисанду, – заметил Ланферель. – Ей будет тебя не хватать.

– Выродок, – прорычал Хук, целя во француза алебардой.

Ланферель отбил удар, но Хук, отводя оружие назад, зацепил алебардой лезвие его топора и во всю мощь потянул на себя. В глазах Ланфереля мелькнуло удивление, он отпустил древко. Хук едва устоял на ногах.

– Женщины, правда, недолго помнят о потере, – продолжал француз. – Найдет себе другого...

Он подхватил с земли чужую алебарду, нагнувшись так быстро, что Хук не успел напасть, а когда сообразил, было уже поздно.

– Или отправлю ее обратно в монастырь, – договорил Ланферель, – пусть будет невестой Христовой.

Француз, усмехнувшись, принялся орудовать новой алебардой.

– Уйди с дороги! – рявкнул святой Криспин.

– Я буду драться! – крикнул в ответ Хук, отчаянно желая лишь одного – прикончить ненавистного Ланфереля. – Я его убью!

Он шагнул было вперед, но алебарда, мелькавшая перед Хуком с быстротой кнута, не давала подойти.

– С дороги, черт тебя раздери! – взревел чей-то голос, явно не святого Криспина.

Хука бесцеремонно отбросили в сторону – и сэр Джон Корнуолл с латниками, держа копья наперевес, обрушились на французов: стальные копейные жала против латных доспехов. Хук, шатаясь, отступил к Уиллу Склеиту, который гвоздил французов молотом. Ланферель, разразившись кличем, бросился в атаку, за ним, продираясь по грязи, кинулись остальные. Чья-то алебарда стукнула Хука по шлему, и он, нетвердо стоявший на ногах, рухнул наземь. Удар, хоть и несильный, отдавался звоном в голове. Лезвие, скользнув по шлему, прорубило куртку на плече почти до кольчуги. Француз уже отводил алебарду, чтобы вонзить копейный клинок Хуку в живот или грудь, но Ник, приподнявшись, всадил алебарду в пах врагу. Как и тот удар, что свалил Хука наземь, толчок вышел несильным, но его хватило, чтобы француз скорчился от внезапной боли. Когда Уилл из Дейла вздернул Хука на ноги, тот нацелился на французского копейным жалом и с криком всадил оружие во врага: клинок, вонзившись в грудь, прорвал кольчужный капюшон и вышел у горловины панциря. Вдавлив клинок глубже в грудную клетку, Хук увидел, как кровь, заполнившая нижнюю часть вражеского шлема, хлынула наружу через отверстия забрала. Чей-то меч ударил Хуку в правый бок, но кольчуга выдержала, и Ник, развернув алебарду вместе с висящей на ней жертвой, сбил нападавшего с ног.

Теперь, держа умирающего перед собой, как таран, Хук ринулся на французов. Склеит и Уилл из Дейла бросились вслед, крича:

– Святой Георгий!

– Святой Криспин! – орал Хук, тесня ряды французов телом раненого.

Он попробовал высвободить алебарду – изо рта жертвы хлынула кровь. Кто-то ударил Хука пикой, но идущий следом Джефри Хоррокс двинул нападавшего молотом: утяжеленное свинцом железо глухо стукнуло в шлем, француз откинул голову и осел в грязь. Раненый, висевший на Хуковой алебарде, наконец свалился, и освобожденный от обузы Хук принялся рубить врагов направо и налево.

– Бей мерзавцев! Бей! – кричал он.

За ним шли лучники, с появлением сэра Джона давшие волю боевой злости.

Сэр Джон дрался с Ланферелем, обмениваясь стремительными ударами, за которыми невозможно было уследить. Английские латники нападали с обеих сторон так яростно, что воины Ланфереля бессознательно отступали назад, заботясь лишь о том, чтобы отбиться от новых врагов. Кто-то при этом спотыкался о лежащие позади трупы и падал, и тогда англичане, с искаженными от усилий лицами, всаживали в противников копья и пробивали доспех топорами. Внезапная атака ввергла французов в панику, они пытались отходить – и попадали в руки лучников, окруживших их с флангов. Тогда понеслись крики о сдаче, кто-то в знак поражения сдирал с рук латные перчатки.

– Слишком поздно, – ухмыльнулся Уилл из Дейла навстречу вражескому латнику и рубанул топором по плечью, рассекая кирасу до ребер.

Другой француз в покореженных латах полз на четвереньках по грязи, харкая кровью и обливаясь слезами из невидящих глаз, покуда ближайший лучник не опрокинул его на землю и не прикончил ударом ножа. Юный Хоррокс забивал до смерти какого-то графа, гвоздя его алебардой по спине и выкрикивая оскорбления.

Оставался лишь Ланферель, все еще бьющийся с сэром Джоном, и по молчаливому соглашению английские латники не вмешивались. Оба противника, крепко уперев ноги в землю, сыпали ударами, не уступая друг другу в силе и стремительности – два прославленных победителя европейских турниров, француз и англичанин, привыкшие к пышным почестям, восхищению женщин, ярким флагам и рыцарской

учтивости. Теперь они дрались посреди трупов, под стоны и крики раненых, на поле, пропитавшемся дерьмом и кровью.

Исход определила случайность. Ланферель в обманном выпаде взмахнул алебардой слева от сэра Джона, мгновенно выпрямился и ударом вынудил противника отступить вправо. Под ногу сэру Джону попало копыто издохшего жеребца. От тяжести оно дрогнуло, сэр Джон, поскользнувшись, упал на колено – и Ланферель, молниеносный как змея, перевернул алебарду и гулко ударил сэра Джона по шлему. Англичанин, во весь рост растянувшись поверх окровавленной конской туши, судорожно пытался найти опору и подняться на ноги, когда Ланферель занес алебарду для последнего удара.

И сделал выпад.

Французов, выживших после первой атаки, второй полк теперь теснил на англичан, ожидающих врага за валом убитых и умирающих латников. Слишком многие из высшей французской знати теперь превратились в груды мертвых или истекающих кровью тел с раздробленными костями, вырванными внутренностями, вытекшими из помятых шлемов мозгами, выколотыми глазами и взрезанным чревом. Одни рыдали, другие взывали к Богу, жене или матери, но так и не получали утешения ни от женщин, ни от Бога.

Король Англии шел вперед. Отбросив с пути чей-то труп, лежавший поверх двух других, он повел войско на врага, посмеявшегося не принять назначенного Богом государя. Латники следовали за ним, круша измотанных и вязнувших в грязи французов алебардами, булавами и молотами, наваливая новые груды трупов, оставляя за собой окровавленные и искалеченные тела раненых, тщетно взывающих о помощи. Несмотря на оклики тех, кто советовал королю не рисковать собой, Генрих шел во главе войска – в помятом и изрубленном шлеме с отломанным зубцом золотой короны, но полный священной радости от лицезрения поверженных врагов, гибель которых он считал свидетельством Божественного провидения. Пашня под ногами превратилась в сплошное кровавое болото, латники брели в месиве из грязи, дерьма и крови, сражались и гибли – и душа Генриха воспаряла к небу: Бог был на его стороне. Черпая силу в этой уверенности, английский король вел войско на врага.

Ланферель, с силой размахнувшись, сделал выпад, как вдруг чья-то алебарда жестко и мощно зацепила его за левый наплечник и потянула назад, нацеленный удар пришелся мимо сэра Джона. Ланферель, устояв на ногах, развернулся к новому врагу и вдруг замер.

Алебарда, которой его оттащили от сэра Джона, теперь оказалась приставленной к его рту, копейный наконечник прижимал губу к зубам. Напротив Ланфереля стоял Хук.

– В прошлый раз, когда вы дрались, он дал тебе встать, – напомнил Хук. – Может, отплатишь тем же?

– Мы в бою, а не на турнире, – сдавленно проговорил француз: приставленная к зубам алебарда мешала говорить.

– А если бой – что мне мешает тебя прикончить?

Сэр Джон поднялся с земли, но не вмешивался, лишь наблюдал за происходящим.

– Мелисанда тебя не простит, – ответил Ланферель и, увидев сомнение в глазах Хука, подобрался было для удара, но стальное жало уперлось в зубы, поранив верхнюю десну.

– Давай попробуй, – пригрозил Хук.

Сэр Джон не сводил глаз с обоих.

- Только попробуй, – повторил Хук, не отрывая взгляда от лица француза. – Сэр Джон, он вам нужен?
- Он твой, Хук.
- Ты мой, – сообщил Хук Ланферелю.
- Je te rends[33], – признал тот, выпуская из рук алебарду.
- Шлем долой, – велел Ник, отводя окровавленный клинок от лица француза.

Ланферель снял шлем, кольчужный капюшон и кожаный подшлемник, длинные черные волосы рассыпались по спине. Отдав торжествующему Хуку правую перчатку, француз позволил увести себя в тыл, где лучники стерегли остальных пленных.

- Не связывай мне руки, – попросил враз осунувшийся Ланферель.
- С чего вдруг?
- Я знаю, что такое честь, Николас Хук. Я сдался в плен и даю слово, что не буду вступать в бой и не попытаюсь сбежать.
- Тогда жди здесь.
- Буду ждать, – пообещал француз.

Хук крикнул пажу, чтоб Ланферелю принесли воды, и вернулся на поле, где в очередной раз стихала битва. Второму полку повезло не больше первого: пополнив груды трупов новыми телами, уцелевшие французы потянулись через пашню к северному концу поля, оставляя за собой погибших, раненых и пленных. Сотни пленных. Герцоги, графы, бароны и рыцари в заляпанных грязью и кровью налатниках стояли в тылу английского войска и, едва веря своим глазам, наблюдали, как остатки двух французских полков бредут прочь с поля битвы.

Оставался третий полк. Под развевающимися на ветру знаменами латники, садясь на коней, посылали оруженосцев за длинными пиками.

- Стрелы, – шепнул Хуку святой Криспиниан. – Тебе понадобятся стрелы.

День еще не закончился.

Мелисанда ждала.

Английские повозки с имуществом стояли в деревне Мезонсель и на промокших окрестных пастбищах. Несколько телег ползли вверх по склону: пажи и слуги вели вьючных лошадей на защиту английской армии, сражавшейся на плато. Осталось ли что-то от армии – Мелисанда не знала. Сначала она видела, как с плато к Мезонселю потянулись редкие воины – судя по движениям, раненые. Чуть погодя стали появляться другие, не похожие на спасающихся от врага беглецов: то в деревню вели пленных. Паники Мелисанда не заметила – значит англичане держались твердо и не пытались бежать с поля боя, хотя она каждый миг боялась увидеть, как с плато на равнину хлынет поток воинов, спасающихся от одержимых местью французов.

Вместо этого французские всадники явились с запада. Ворвавшись в деревню, они первым делом перерезали пажей и затем, спешившись, принялись грабить английский обоз. Крестьян, пришедших раньше, они оттеснили прочь. Трех десятков англичан – латников и раненых стрелков, оставленных стеречь лагерь, оказалось слишком мало, чтобы отбить нападение: выпустив все стрелы в крестьян, они отступили на плато, к армии, за ними последовали женщины. Отыскав дом, где ночевал король, всадники прикончили священника и двух пажей, охранявших ценности, и принялись грабить. Кто-то, накинув на

плечи алую мантию с меховой оторочкой, водрузил на голову корону и принялся расхаживать взад-вперед под дружный хохот остальных.

Мелисанда не понимала происходящего. Закрыв глаза и скорчившись на земле, она молилась, чтобы Ник не погиб.

Хук был жив.

Два французских полка отступали по раскисшей пашне, оставляя за собой груды тел в измазанных грязью латах. Третий полк, меньше прежних, но все же превосходящий силы англичан, готовился к бою. Латники садились на коней. Запели трубы. Всадники, держа пики стоймя, тронули коней вперед и через несколько шагов остановились: между ними и противником еще оставались спешенные французы, наступать было рано.

– Стрелы! – командовал своим Хук.

– Нету! – тут же отозвался Уилл из Дейла.

– Есть! – крикнул Ник.

Подхватив лук, он вскинул его на плечо и повел свой отряд на поле, усыпанное трупами французов. Между телами в изобилии торчали стрелы: у тех, что ударились острием в прочные латы, наконечник безнадежно затупился или погнулся, зато другие вполне годились для выстрела. Неповрежденные наконечники со сломанных стрел Хук тут же пересекал на уцелевшие древки. Заодно он обыскивал тела французов. Найдя на ком-то серебряную цепь, он бросил ее в мешок со стрелами. Латники тоже бродили между трупами – оттаскивали мертвых от живых, приводили в чувство выгодных пленников и убивали тех, кто был слишком беден для выкупа или слишком изранен, чтобы выжить.

Хук потянул на себя стрелу с серым оперением, застрявшую в чьем-то налатнике, и француз, которого Ник считал мертвым, внезапно шевельнулся, застонал и повернул к лучнику голову. Откинув вражеское забрало, Хук увидел полные страха глаза.

– Aidez moi[34], – произнес француз, задыхаясь.

Хук не увидел ни ран, ни пробоин в доспехе, но, когда он попробовал приподнять француз, тот вскрикнул и потерял сознание от боли, Хуку оставалось только уложить его обратно. Взяв стрелу, он двинулся дальше.

– Ник! – позвал Уилл из Дейла.

Хук вскинул голову. Сквозь остатки двух полков, бредущих с поля, навстречу англичанам пробирался одинокий всадник – невысокий и хрупкий, в полных латных доспехах, но с одним мечом вместо оружия и на пегой кобылке вместо боевого коня. Поверх белого налатника с двумя нарисованными алыми секирами посверкивала на шее тяжелая золотая цепь. Откинув забрало, всадник оглядывал тела, словно кого-то искал. Увидев рассматривающих его лучников, он придержал коня.

– Выродок нарывается, – предположил Уилл из Дейла.

– Нет, просто смотрит, – отмахнулся Хук. – Совсем слабак, пусть его.

Он подобрал стрелу, затем другую и вновь взглянул на всадника. Тот вдруг вытащил меч из ножен и дал шпоры коню.

– А может, и нарывается. – Ник скинул с плеча лук, упер нижний конец в чью-то кирасу под ногами и накинул тетиву на верхний наконечник.

Всадник вновь остановился, на этот раз шагах в двадцати от лучников, вглядываясь в мешанину доспехов и трупов. Словно замороженный, он долго не отводил глаз от тел, сваленных одно поверх другого, затем внезапно выпрямился. Высоким голосом выкрикнув боевой клич, он пришпорил пегую лошадку и направил ее прямо на Хука. Кобыла рванула вперед, из-под копыт полетели комья грязи.

– Вот же дурак, – злобно сказал Ник.

Выбрав стрелу с тонким наконечником, он уложил ее на тетиву и вскинул лук – одновременно еще с дюжиной лучников. Он надеялся, что всадник отвернет в сторону, но тот неслся вперед, целя мечом прямо в него. Хук не задумывался. Тетива отошла к правому уху, Хук отследил поступь лошади и движение всадника, выхватил взглядом открытое забрало и необычно яркие глаза – и отпустил тетиву.

Стрела прошла через правый глаз, голову всадника ударом откинуло назад. Меч упал, кобыла замедлила шаг и растерянно остановилась шагах в четырех от Хука.

Лучники разразились торжествующим криком. Мертвый всадник медленно свалился с седла, мягко скользя вбок и внезапно обрушившись на землю грудой доспехов.

– Уведи лошадь, – велел Ник Хорроксу.

Подойдя к трупу, он вытащил стрелу из разбитой глазницы, чтобы снять с шеи всадника толстую золотую цепь, – и замер. На цепи висела подвеска – толстый, оправленный в серебро диск из белоснежной слоновой кости, на котором красовалась фигурка антилопы, вырезанная из черного янтаря.

– Дурак. Глупыш-несмышлениш... – Хук снял с мальчишки слишком большой для него шлем и взглянул в искаженное лицо сэра Филиппа де Руэля.

– Совсем малец! – удивился Хоррокс.

– Мелкий глупыш, вот он кто, – ответил Хук.

– А что он тут делал?

– Смелость показывал, прах его побери.

Хук снял с Филиппа тяжелую золотую цепь и подошел к тому месту, где мальчишка вглядывался в груды тел. Там, поваленное на два чьих-то трупа, лежало тело в пропитанном кровью налатнике – на ярко-алом фоне Хук с трудом разглядел контуры двух алых секир. Горло под откинутым шлемом было рассечено до самого позвоночника.

– Он пришел искать отца, – бросил Ник Хорроксу.

– Ты-то откуда знаешь?

– Знаю. Дурак несчастный. Просто пришел искать отца...

Хук швырнул подвеску в мешок, выбрал стрелу с тонким наконечником и повернулся к английскому строю.

Король в зазубренном шлеме и в налатнике, рассеченном ударами вражьих клинков, взбирался на своего белого мерина, чтобы лучше видеть врага. На дальнем конце поля, позади бредущих к лагерю остатков французского войска, Генрих разглядел третий полк французов с поднятыми пиками. И напомнил себе, что у английских лучников кончились стрелы.

Гонец принес известие о том, что французы напали на обоз, и король обернулся в седле, чтобы оглядеть войско. Сотни воинов сторожили французских пленных, которых явно было больше, чем латников в его армии. Генрих окинул взглядом строй: там, где в начале битвы стояло девять сотен латников, теперь осталась лишь тонкая шеренга – слишком многие из латников и стрелков, захватив в плен французам, ушли

их стеречь. Кое-кто из лучников, правда, вышел в поле собирать стрелы. Король одобрительно кивнул, хоть и знал, что набранных стрел все равно не хватит на всех коней третьего полка. От Генриха не ускользнуло, что какой-то безумец-француз вздумал напасть на лучников. Поморщившись от криков, которыми стрелки встретили гибель смельчака, король вновь обратил взор к армии.

В войске царил беспорядок. Генрих знал, что стоит врагу пойти в атаку – строй выправится, однако сейчас в тылу у англичан оказались сотни пленных, годных в битву. Хотя у них отобрали шлемы и оружие, им ничего не стоило напасть сзади: руки связаны не у всех, свободные запросто развяжут остальных, и сотни врагов бросятся на опасно поредевший строй англичан. С теми французами, что грабили сейчас лагерь, можно было подождать: главное – отбить третью атаку французских рыцарей, а для этого понадобится каждый клинок его немногочисленной армии. Как бы долго ни пришлось врагам пробираться верхом через устланное трупами поле, рано или поздно они его одолеют, и длинные вражеские пики ударят в англичан. Генриху нужны были воины.

А воины смотрели на короля, прикрывшего глаза, и понимали, что он возносит молитву к своему суровому Богу, который до сих пор спасал английскую армию. Генрих молился о том, чтобы Божье милосердие не иссякло, и пока он шептал молитву – ответ пришел сам собой. Ответ настолько удивительный, что на миг король замер. Затем, напомним себе, что с ним говорил сам Господь, Генрих открыл глаза.

– Убейте пленных, – приказал он.

Латник из ближайшего окружения воззрился на короля, подозревая, что ослышался.

– Государь?..

– Убейте пленных!

Тогда пленники не смогут напасть на англичан, а стерегущие их воины отправятся на битву.

– Убить пленников! Всех! – крикнул Генрих, рукой в латной перчатке указывая на пленных врагов. Кто-то из латников наскоро прикинул – французов захватили около двух тысяч. Генрихов жест указывал на них всех. – Убить! – повторил король.

Французская орифламма призывала к беспощадности. Значит, пощады не будет.

Пленные должны умереть.

Сеньор де Ланферель мрачно бродил позади английского строя. Окинув взглядом восседающего на коне Генриха в побитом шлеме, он отвел глаза и вдруг увидел герцога Орлеанского, племянника французского короля. Пленного герцога в окровавленном налатнике держал за руку лучник в одежде с королевским гербом. Юный Орлеан, всегдашний красавец и умница, теперь выглядел понурым и больным.

– Мессир... – Ланферель опустился на одно колено.

– А вы из-за чего? – убитым голосом спросил герцог.

– Грязь, – ответил Ланферель, поднимаясь.

– Боже мой... – Юноша содрогнулся – вряд ли от боли (тяжелых ран ему не причинили), скорее от стыда. – Алансон погиб. Бар и Брабант тоже. И Санс.

– Архиепископ? – переспросил Ланферель, которого смерть князя Церкви поразила больше, чем гибель трех самых высокородных герцогов Франции.

– Его просто выпотрошили, Ланферель. Выпустили кишки. И д'Альбре погиб.

– Коннетабль?

– Погиб, – подтвердил герцог. – Бурбона взяли в плен.

– Боже милостивый! – выдохнул Ланферель, потрясенный отнюдь не известием о гибели коннетабля Франции и пленении герцога Бурбонского, победителя Суассона, а зрелищем того, как к герцогу Орлеанскому подводят маршала Бусико, лучшего воина во всей Франции.

Бусико, глянув на Ланфереля и герцога, покачал седой головой.

– Похоже, мы просто обречены на английское гостеприимство, – буркнул он.

– В прошлый раз меня содержали вполне прилично, – заметил Ланферель.

– Вам что, собирать выкуп второй раз? – потрясенно спросил Бусико. Его белый налатник с алым двуглавым орлом запятнался кровью, отполированные прошлой ночью доспехи покрывали царапины и грязь. Маршал сокрушенно оглядел остальных пленных. – И каково там?

– Кислое вино, неплохое пиво, – ответил Ланферель. – И дождь, разумеется.

– Дождь, – горько повторил Бусико. – Он-то нас и погубил. Дождь и грязь.

Маршал с самого начала был против того, чтобы вступать в битву с войском Генриха: английских лучников он опасался при любой погоде. Пусть себе бредут в Кале, говорил он тогда, а французам лучше бросить силы на отвоевание Гарфлёра. Однако юные горячие герцоги вроде Орлеана настояли на битве.

Бусико ощутил прилив желчи и острое желание обрушить обвинения на герцога, но сдержался.

– Климат, значит, в Англии неприветливый, – вместо этого произнес он. – А женщины?

– Женщины наоборот, – ответил Ланферель.

– Без женщин не обойтись, – заметил маршал Франции, разглядывая пасмурное небо. – Сомневаюсь, что Франция соберет нам выкуп, скорее придется торчать в Англии до смерти, надо же будет как-то проводить время.

Ланферель подумал о Мелисанде – где она сейчас... Ему вдруг безудержно захотелось ее увидеть, перемолвиться словом. Однако рядом сновали лишь незнакомые женщины, разносящие воду раненым. Священники обращались к воинам с последним утешением, лекари склонялись над изувеченными бойцами, перерезали пряжки доспехов, снимали покореженную сталь с размозженной плоти и придерживали умирающих, заходящихся в агонии. Увидев одного из своих бойцов, Ланферель предоставил герцога и маршала их стражам и, подойдя, склонился над латником, левая нога которого была чуть не полностью разрублена ударами топора. Кто-то перевязал бедро тетивой, но из разодранной раны все равно сочилась густая кровь, выплескиваясь с каждым ударом пульса.

– Сочувствую, Жюль, – сказал Ланферель. Латник мотал головой из стороны в сторону, кровь из закушенной губы капала на подбородок. – Ты не умрешь, – пообещал Ланферель, зная, что говорит неправду.

Заслышав яростные крики, он повернул голову и не поверил своим глазам. Английские лучники убивали пленных. На миг Ланферель заподозрил, что лучники сошли с ума, однако тут же разглядел, что ими командует латник в одежде с королевским гербом. Пленники, хоть и со связанными руками, пытались бежать. Стрелки их настигали и перерезали горло кинжалом, к месту бойни бежали новые лучники с ножами наготове. Кто-то из латников оттащивал пленных в сторону, не теряя надежды поживиться с выкупа. Самых знатных и ценных пленников – вроде маршала Бусико и герцогов Орлеанского и Бурбонского – ограждали от расправы, остальных же безжалостно убивали. Ланферель понял: английский король боится, что при наступлении третьего полка пленники нападут с тыла, и потому приказал их

перерезать. Такое решение, хоть и здоровое, поразило француза. Увидев приближающихся лучников, он потрепал своего бойца по плечу:

– Прикинься мертвым, Жюль.

Другого способа отвлечь расправу не было: без оружия никого не защитишь. Ланферель поспешил на поиски сэра Джона: тот сумеет оградить его от лучников, а если командующего найти не удастся – можно попробовать добежать до Трамкурского леса и спрятаться в гуще боярышника.

Французы пытались защищаться, но оружия у пленных не было, и лучники, легко переступая по грязи, валили их алебардами хладнокровно и сноровисто. Кто-то из пленников попытался добраться до английских коней – около тысячи стояло под седлами на южном краю поля, – однако пажы, приставленные стеречь скакунов, вскочили верхом и отогнали беглецов туда, где шла резня. На поле царила паника, лилась кровь, слышались крики – одних убивали, других тут же подгоняли к месту бойни. Со всех сторон стекались все новые лучники, пленные пускались бежать через вязкую грязь в поисках спасения, но спасения не было.

Не было его и для Ланфереля. Он сумел добраться до правого фланга английского строя, где у края леса уже занялся огнем домик егеря, из гущи пламени и дыма неслись вопли гибнущих. Лучники, поджегшие дом, при виде Ланфереля кинулись за ним, и он свернул к северу, но между ним и знаменами сэра Джона, развевающимися над строем, оказался еще отряд стрелков. К огромному своему облегчению, Ланферель узнал высокую фигуру и смуглое лицо Николаса Хука.

– Хук! – крикнул он. Лучник не услышал. – Мелисанда!

Ланферель надеялся, что имя дочери перекроет визг и вопли. Вновь зазвучали трубы, собирая англичан под знамена.

– Хук! – отчаянно взревел Ланферель.

– Зачем тебе Хук? – спросил кто-то рядом, и Ланферель, обернувшись, увидел четверых стрелков. – Ты его знаешь? – продолжал высокий тощий лучник с длинным подбородком, держащий в руке окровавленную алебарду.

Ланферель попятился.

– Отвечать будешь? – настаивал лучник, ступая вслед за Ланферелем и ухмыляясь при виде его испуга. – Ты, поди, из богатых? Коль так – оставим жить. Если очень-очень богат.

Лучник полоснул алебардой по ногам француза, рассчитывая прорубить колено и повалить врага, однако тот успел отступить на шаг и не споткнуться в грязи; клинок его не задел.

– Я богат, – без особой надежды признался Ланферель, пытаясь стать поустойчивее. – Очень богат.

– Да он знает английский! – сообщил стрелок спутникам. – Богатый, да еще и говорит по-нашему.

Он выбросил вперед алебарду, копейное жало ударило в набедренник, но сталь выдержала, наконечник лишь скользнул по бедру.

– Так зачем ты звал Хука? – спросил стрелок, отводя оружие для следующего удара.

Ланферель примирительно поднял руки:

– Я его пленник.

Высокий стрелок захихикал:

– Наш Ник? Добыл богатенького пленника? Нет, так не пойдет!

Он нацелил алебарду в грудь Ланферелю, и тот сделал шаг назад, вновь умудрившись не оступиться. Он беспомощно огляделся вокруг в надежде подхватить с земли чье-нибудь оружие. Англичанин, заметив страх на его лице, откровенно ухмыльнулся. Стеганая куртка, надетая на лучнике поверх кольчуги, в нескольких местах была рассечена клинком, так что шерстяная набивка свисала наружу окровавленными клочьями. Красный крест святого Георгия полинял от дождя, отчего налатник с изображением солнца и звезд казался кроваво-красным.

– Незачем Нику Хуку богатеть! – рявкнул лучник и замахнулся алебардой, чтобы опустить ее на незащищенную голову Ланфереля.

И в этот миг француз увидел меч. Короткий, дешевый, неуклюжий меч перевернулся в воздухе. На мгновение Ланферелю показалось, что оружие нацелено в него. И вдруг он понял, что меч брошен ему в подмогу. Клинок, описав круг, перелетел через плечо стрелка, и Ланферель, дотянувшись, успел схватить рукоять. Лезвие алебарды, движимой недюжинной силой лучника, уже устремилось вниз, Ланферелю не оставалось времени отбить удар – он метнулся вперед, уходя из-под топора, и всем весом тела, облаченного в латы, ударил стрелка в грудь, опрокидывая его назад. Древко алебарды стукнуло француза по левой руке, занесенный меч Ланфереля резанул по мешку со стрелами на боку англичанина. Кто-то из остальных стрелков нацелился во врага алебардой, но Ланферель отбил удар и с обычной своей стремительностью полоснул мечом по лицу высокого лучника. Тот отлетел в сторону с окровавленным носом и рассеченной щекой, и Ланферель вновь отступил, нацелив клинок на противника.

Теперь перед французом стояли трое. У двоих, правда, не хватало духу драться, так что оставался один – высокий. Оглянувшись, стрелок увидел приближающегося Хука.

– Мерзавец! – рявкнул он Нику. – Ты дал ему меч!

– Он мой пленник, – ответил тот.

– Король приказал пленных убить!

– Так убей его, Том, – кивнул Хук, явно получая удовольствие от происходящего. – Убей!

Том Перрил, повернувшись обратно к французу, увидел бешенство в глазах Ланфереля, припомнил стремительность, с которой тот отводил удары, и опустил алебарду.

– Убей его сам, Хук, – осклабился он.

– Мессир, – обернулся Хук к Ланферелю, – этому человеку обещали денег, если он изнасилует вашу дочь. Он своего не добился. Но пока он жив, Мелисанде грозит опасность.

– Тогда убей его, – предложил Ланферель.

– Нельзя, я дал обет Богу.

– Зато я не давал никаких обетов. – Ланферель махнул мечом перед носом Тома Перрила, вынуждая лучника отступить.

Перрил испуганно уставился на Хука, не скрывая удивления, затем перевел взгляд на француз. Тот улыбался. Слабый дешевый меч в его руке не шел ни в какое сравнение с алебардой, зато любой боец позавидовал бы той беспечной уверенности, с которой Ланферель шагнул к англичанину.

– Убейте его! – заорал Перрил своим подручным, но те не сдвинулись с места, и Перрил отчаянно взмахнул алебардой, целя Ланферелю в живот.

Француз легко и небрежно отвел удар, затем поднял меч и сделал единственный выпад.

Клинок вонзился Перрилу в глотку, хлынула кровь. По языку, медленно вывалившемуся изо рта, густо

заструился поток крови, проливаясь на меч и пятная руку Ланфереля, не защищенную боевой перчаткой. На миг двое застыли недвижно, затем Перрил, не сводя глаз с убийцы, осел на землю, и Ланферель, выдернув меч, перебросил его Хуку.

– Довольно! Довольно! – Вдоль английского войска, оглашая приказ, скакал латник в одежде с королевским гербом. – Прекратите убивать! Остановитесь! Довольно!

Хук, бредя обратно к строю, поднял взгляд к серым тучам над пашней Азенкура.

Перед английской армией простиралось поле, усыпанное телами убитых и раненых. Трупов было явно больше, чем всех воинов Генриха перед сегодняшней бойней. Изуродованные и окровавленные тела в доспехах лежали бесчисленными грудами – растоптанные, истерзанные, смятые. Люди и кони, брошенное оружие, поверженные флаги, погибшие надежды. Поле, засеянное озимой пшеницей, принесло кровавую жатву.

В дальнем его краю, позади трупов, позади агонии и рыданий, поворачивал к северу третий французский полк.

Французское войско уходило прочь, оставляя Азенкур, торопясь скрыться от смехотворно малой армии, превратившей мир в кровавое месиво.

Все было кончено.

Эпилог

Ясный и холодный ноябрьский день наполнился звоном церковных колоколов, радостными криками и звуками песен.

Хук прежде не видел таких толп. Лондон чествовал короля и его победу. Из водяных башен лилось вино, на перекрестках красовались бутафорские замки. Хоры из мальчиков, стариков и девочек, изображающих ангелов, пророков и невинных дев, распевали хвалебные гимны. Король в простом платье, без короны и скипетра, ехал по улицам, за ним следовали знатнейшие из пленников – герцоги Орлеанский и Бурбонский, маршал Франции, еще герцоги и бесчисленные графы, встречаемые добродушными насмешками толпы. Рядом с конными лучниками, охраняющими пленных, сновали мальчишки, сиюсь дотянуть руку и коснуться зачехленных луков и вложенных в ножны мечей.

– Ты там был? – не отставали они от лучников. – Ты там был?

– Был, – отвечал Хук, уже удаляясь от процессии, криков, гимнов и кружащих в воздухе белых голубей.

С четырьмя спутниками он свернул в узкие улочки к северу от Чипсайда. Отец Кристофер уводил всадников все дальше в проулки, такие тесные, что ехать пришлось друг за другом, то и дело наклоняя голову, чтобы не удариться о нависающие верхние этажи дощатых домов. На Хуке была кольчуга, две пары штанов для тепла, стеганая куртка и сапоги, снятые под Азенкуром с убитого французского графа. Поверх одежды красовался новый налатник с львиным гербом сэра Джона Корнуолла, шею облегла золотая цепь – знак сентенарской должности. Шлем из миланской стали, лишь слегка оцарапанный ударом топора, был прицеплен к седельной луке, с пояса свисал бордоский меч с вырезанной на рукояти фигуркой коня – гербовым знаком француза, некогда владевшего и мечом, и шлемом.

– Я там был, – кивнул Хук встречному мальчишке в лохмотьях и добавил: – Мы все там были.

Вслед за отцом Кристофером он свернул за угол, пригнулся под свисающей со стены веткой плюща – знаком виноторговца – и выехал на тесную зловонную площадь, вдоль которой тянулись открытые сточные канавы. На северной стороне площади стояла церквушка – убогая, с глинобитными стенами и хлипкой дощатой колокольней. Треснувший колокол в меру сил добавлял грохота к буйной разноголосице, славящей победу Англии.

– Здесь, – указал на церквушку отец Кристофер.

Хук спрыгнул с коня и, шлепком отогнав очередного любопытного сорванца, помог спешиться Мелисанде. Поверх синего бархатного платья – подарка леди Бардольф, жены градоправителя Кале, – на ней был белый полотняный плащ, подбитый шерстью и отороченный лисьим мехом. Безногий нищий на деревянных подпорках заковылял к девушке, она опустила монету в протянутую руку и вошла в церковь следом за Хуком и отцом Кристофером.

– Ты там был? – подскочил сорванец к всаднику, последним слезавшему с коня.

– Был, – ответил Ланферель.

Он бросил монету Уиллу из Дейла, который остался стеречь коней, и последовал за остальными.

Земляной пол церквушки, устланный тростником, был замощен лишь на клиросе, внутри царил полумрак: высокие здания, выстроенные вокруг площади, загораживали свет. Священник, увидев трех мужчин и богато одетую женщину, прекратил звонить в колокол и с видимой робостью вышел к незнакомцам. Узнав отца Кристофера, облаченного в дорогое черное одеяние, священник вздохнул

свободнее.

– Вы вернулись, святой отец? – спросил он с удивлением.

– Я же сказал, что приду, – мягко ответил тот.

– Тогда вы все желанные гости.

Главным алтарем здесь служил деревянный стол, покрытый ветхой льняной тканью. На нем стояло золоченое медное распятие и два пустых подсвечника. Позади алтаря висела кожаная занавесь с изображением двух ангелов, коленопреклоненных перед Богом. Четверо пришедших, коротко припав на колено, перекрестились, затем отец Кристофер, взяв Хука за локоть, подвел его к южной стене церкви. Второй алтарь оказался еще беднее первого: обветшалый стол без покрова и подсвечников, лишь с одним деревянным распятием, на котором одна нога у Христа отломилась, и Он висел на кресте одноногим. На кожаной занавеси за алтарем была нарисована женщина в белом платье – белая краска облезла и выцвела, желтый нимб почти осыпался.

Хук не сводил глаз с женщины. Ее узкое лицо, насколько его можно было разглядеть в полутьме сквозь потрескавшуюся краску, казалось печальным.

– Как вы узнали, что она здесь? – спросил Хук отца Кристофера.

– Я задавал вопросы, – улыбнулся священник. – Всегда найдется какой-нибудь знаток, осведомленный о лондонских диковинах.

– Диковинах? – переспросил мессир де Ланферель.

– Меня заверили, что это единственный храм Святой Сары во всем городе.

– Именно так, – подтвердил приходской священник – изнуренный человек со следами оспы на лице, дрожащий от холода в поношенной рясе.

– Сара? Французская святая? – мимолетно улыбнулся Ланферель.

– Возможно, – ответил отец Кристофер. – Одни называют ее служанкой Марии Магдалины, другие говорят, что она приютила Магдалину в своем доме во Франции. Не знаю.

– Она была мученица! – резко перебил их Хук. – Она погибла здесь, совсем близко, от руки злодея. Я не сумел ее спасти.

Он кивнул жене. Мелисанда, опустившись на колени перед алтарем, достала из-под плаща кожаный кошель и положила к распятию.

– Саре, святой отец, – сказала она священнику.

Тот, развязав кошель, взглянул на Мелисанду почти с ужасом, словно боясь, что она вдруг передумает и возьмет золото обратно.

– Монеты я забрала у того, кто изнасиловал Сару, – объяснила ему Мелисанда.

Священник упал на колени и перекрестился.

Накануне с ним говорил отец Кристофер, который после беседы уверил Хука, что отец Роджер прекрасный человек.

– Прекрасный человек и глупец, конечно.

– Глупец? – переспросил Хук.

– Он верит, что кроткие наследуют землю. Верит, что Церковь должна печься о больных, кормить голодных и одевать нагих. Кстати, ты знаешь, что я нашел твою жену совершенно нагую?

– Вечно вам везет, святой отец. А что же должна Церковь?

– Печься о богатых, кормить жирных и одевать епископов попышнее, что же еще? А отец Роджер все лелеет мечту о Христе Спасителе. Говорю же: глупец, – мягко закончил тогда отец Кристофер.

Хук тронул священника за плечо:

– Отец Роджер!..

– Да, господин?

– Я не господин, я лишь лучник. Это тоже вам. – Хук протянул ему толстую золотую цепь с фигуркой антилопы на подвеске. – На деньги, что за нее выручите, сделайте алтарь святым Криспину и Криспиниану.

– Хорошо, – кивнул отец Роджер и слегка нахмурился: Хук не спешил выпускать из пальцев редкостную цепь.

– И каждый день, – продолжал лучник, – служите мессу за душу убиенной Сары.

– Хорошо, – повторил священник.

Хук по-прежнему не торопился отдавать подвеску.

– А молиться за твоего брата? – напомнила Мелисанда.

– За Майкла молится король, этого довольно, – ответил Хук. – Ежедневную мессу за Сару, святой отец.

– Я все исполню, – кивнул отец Роджер.

– Она была из лоллардов, – испытующе взглянул на него Хук.

По губам отца Роджера скользнула загадочная улыбка.

– Тогда я буду служить за нее мессу дважды в день, – пообещал он, и Хук отпустил цепь.

Звонили колокола. В городских аббатствах, церквях и соборе звучал *Te Deum* – благодарственная песнь Богу. Англичан, отплывших некогда в Нормандию и загнанных в ловушку в Пикардии, ждала там почти неминуемая смерть, грозившая и королю, и армии.

Англию спасли стрелы.

Хук с Мелисандой свернули на западную дорогу – домой.

Историческая справка

Битва при Азенкуре – одно из наиболее заметных событий в истории средневековой Европы. Ее известность далеко превзошла принесенную ею пользу. В долгом соперничестве между Англией и Францией лишь Гастингс, Ватерлоо, Трафальгар и Креси^[35] могут сравниться с Азенкуром в славе. Можно сомневаться, была ли битва при Пуатье более значительной (или победа более полной), можно спорить, был ли триумф Вернейля более удивительным, и, уж конечно, Гастингс, Гохштедт, Виттория, Трафальгар и Ватерлоо имели гораздо большее влияние на ход мировых процессов, однако Азенкур до сих пор остается для Англии легендарной битвой. В день 25 октября 1415 года (битва при Азенкуре случилась задолго до перехода на новое летосчисление, современная годовщина приходится на 4 ноября) произошло нечто столь поразительное, что слава об этом событии не иссякает уже почти шестьсот лет.

Славу Азенкура можно было бы счесть случайностью, причудой истории, превознесенной гением Шекспира, однако факты свидетельствуют о том, что это сражение в самом деле потрясло всю Европу. Многие годы спустя французы называли 25 октября 1415 года *la malheureuse journée* (прискорбный день). Даже после изгнания англичан из Франции они припоминали *la malheureuse journée* с болью – битва при Азенкуре стала для Франции трагедией.

Впрочем, она чуть не стала трагедией для Генриха V и его немногочисленной, но хорошо вооруженной армии. При отплытии войска из Саутгемптонской гавани главной целью войны виделся быстрый захват Гарфлёра, после чего планировалось предпринять рейд вглубь Франции в надежде вынудить французов к битве. Победа стала бы (по крайней мере, для набожного Генриха V) свидетельством того, что Бог поддерживает его притязания на французский престол. Возможно, такая победа действительно облегчила бы ему путь к трону. При обычном состоянии войска в этих надеждах не было бы ничего несбыточного, однако осада Гарфлёра затянулась, и армия Генриха едва не вымерла от дизентерии.

Описание осады в романе в целом соответствует истине, я позволил себе единственную вольность – обвал подкопа напротив Лёрских ворот. Такого подкопа не вели, этого не позволила бы почва. Все подземные ходы делались лишь войском герцога Кларенса, осаждавшим Гарфлёра с востока, и все они были уничтожены встречными подкопами французов. Однако мне хотелось показать – пусть и не вполне исторически достоверно – те ужасы, с которыми солдаты сталкивались в сражениях под поверхностью земли. Гарфлёр защищался великолепно, что в немалой степени было заслугой Рауля де Гокура, одного из командующих гарнизоном. Его стойкость, задержавшая англичан у Гарфлёра, позволила Франции собрать армию много больше той, которая смогла бы выступить против войска Генриха в случае более раннего (например, в начале сентября) завершения осады.

Гарфлёр в конце концов сдался, и это спасло его от разграбления и прочих ужасов, подобных тем, что в 1414 году последовали за падением Суассона – еще одним событием, потрясшим Европу, хотя здесь потрясение было вызвано варварством самой же французской армии по отношению к соотечественникам. Ходили слухи, будто город предали подкупленные врагом английские наемники. Этим объясняется появление в романе вымышленного сэра Роджера Паллейра. Однако в контексте Азенкурской кампании Суассон важен своими покровителями – святыми Криспином и Криспинианом, чей праздник приходится на 25 октября. Для многих в тогдашней Европе события Дня святого Криспина в 1415 году явились свидетельством небесной кары за ужасы Суассона в 1414-м.

Здравый смысл заставляет предположить, что Генриху не стоило продолжать кампанию после сдачи Гарфлёра, достаточно было поставить в новообретенном порту английский гарнизон и отплыть домой в

Англию. Однако фактически это значило бы признать свое поражение. Потратить немалые деньги и взамен обрести лишь нормандскую гавань – не такой уж успех. Как бы ни была неутешительна для французов потеря Гарфлёра, обладание городом не давало Генриху сколько-нибудь серьезных аргументов для урегулирования дел с Францией. Да, город стал английским (на ближайшие двадцать лет), но его осада отняла слишком много драгоценного времени, а необходимость оставить в разрушенном городе английский гарнизон еще больше ослабила армию Генриха, так что ко времени выступления в поход лишь половина войска оставалась на ногах. И все же Генрих предпочел поход. Отвергнув добрый совет прекратить кампанию, Генрих приказал поредевшему, охваченному недугом войску выступить из Гарфлёра в Кале.

На первый взгляд задача не была такой уж невыполнимой: расстояние в 120 миль конная армия, в которой не было ни единого пешего воина, могла пройти дней за восемь. Поход не имел целью разграбление земель. У Генриха не было ни технических средств, ни времени осаждать попадавшиеся по пути огражденные города и крепости (куда укрывали бы от англичан все ценное). Но это не было и классическим *chevauchée*^[36] – опустошительным набегом вглубь территории, когда английская армия сметала все на своем пути в надежде спровоцировать французов на бой. Сомневаюсь, что Генрих надеялся вынудить французов драться. Несмотря на горячую веру в Божью помощь, он не мог не видеть слабость войска. Возжелай он битвы, разумнее было бы идти напрямик вглубь страны, а не двигаться вдоль берега. Мне кажется, он просто дразнил врага. Вынужденный после бесплодной осады униженно возвращаться в Англию без ощутимого успеха, он просто хотел унижить французов зрелищем того, как английская армия безнаказанно шествует через их страну.

Все вышло бы, как он задумал, не окажись переправы у Бланштака охраняемыми. Чтобы добраться до Кале за восемь дней, нужно было как можно скорее пересечь Сомму, но французы перекрыли броды, и Генрих в поисках переправы был вынужден идти вглубь территории. Восемь дней растянулись на восемнадцать (или шестнадцать – хронисты ужасающе небрежны при указании даты выхода армии из Гарфлёра), кончилось продовольствие, французы наконец собрали войско и двинулись наперерез злосчастным англичанам.

Так смехотворно малая армия Генриха встретила врага на Азенкурском плато в День святого Криспина 1415 года, незаметно для себя шагнув прямиком в легенду.

В 1976 году, когда сэр Джон Киган создавал свою великолепную книгу «Лик битвы» (Sir John Keegan. The Face of Battle), он еще мог написать: «К удовольствию военного историка, ход событий Азенкурской кампании однозначен и прост... в сведениях о составе обеих армий почти отсутствует обычный буйный хаос неопределенности».

К сожалению, от былой уверенности не осталось и следа – если не в отношении хода событий, то уж точно в отношении состава армий. В 2005 году профессор Энн Карри, авторитетный специалист по Столетней войне, опубликовала книгу «Азенкур: новая история» (Anne Curry. Agincourt: A New History). После детальных доводов она выдвинула предположение, что армии отличались по численности не так сильно, как считалось прежде. Обычно принято полагать, что 6 тысяч англичан бились против 30 тысяч французов, однако доктор Карри сводит количество к 9 тысячам англичан против 12 тысяч французов. Если это правда, то слава Азенкурского сражения оказывается надуманной – ведь она зиждется на несопоставимости размера армий. Шекспиру было бы непростительно писать о «горсточке счастливых»^[37], будь французов почти такая же «горсточка».

Сэр Джон Киган совершенно прав, упоминая традиционный «буйный хаос неопределенности» при попытке оценить численность войск в средневековых сражениях. Нам повезло иметь описания битвы, составленные свидетелями, мы располагаем рассказами современников, записанными недолгое время

спустя, но их сведения о численности войск чудовищно разнятся. Английские хронисты, определяя количество французов, называют числа от 60 до 150 тысяч, французские и бургундские источники говорят о войске величиной от 8 до 50 тысяч. Самые надежные свидетели оценивают французскую армию в 30, 36 и 50 тысяч, внося свой вклад в «буйный хаос неопределенности», только усугубленный доктором Карри. В конце концов я предпочел считать верным общепринятое мнение, согласно которому в битве участвовало около 6 тысяч англичан против примерно 30 тысяч французов. Должен отметить, что это не было результатом моих научных изысканий: я лишь полагался на чутье, говорившее мне, что реакция современников отразила некую необычность Азенкурской битвы, а главная необычность в свидетельствах – несоразмерность численности войск. Английский священник, находившийся на поле боя, говорил о тридцати французах на одного англичанина – очевидная гипербола, но она неоспоримо свидетельствует в пользу традиционного мнения, что Азенкурская битва воспринималась современниками как исключительное событие именно из-за явного неравенства армий. И все же я не ученый, и отвергать выводы доктора Карри казалось безрассудством.

В один год с публикацией труда доктора Карри была издана книга Джулиет Баркер «Азенкур» (Juliet Barker. Agincourt), которая оказалась живым, исчерпывающим и убедительным описанием кампании и битвы. Джулиет Баркер отдает должное выводам доктора Карри, однако вежливо и твердо их отмечает. Поскольку исследовательские достоинства ее труда не менее ценны, чем литературные, и поскольку Джулиет Баркер, подобно доктору Карри, основывалась на данных французских и английских архивов, я был рад получить такое свидетельство того, что чутье меня не подвело. Читателям, желающим узнать больше об Азенкурской кампании и сражении, будет нелишним ознакомиться со всеми тремя упомянутыми книгами: «Лик битвы» сэра Джона Кигана, «Азенкур: новая история» Энн Карри и «Азенкур» Джулиет Баркер. Я должен признать, что при великом множестве источников, использованных мной для написания романа, единственной книгой, к которой я с удовольствием обращался вновь и вновь, была книга Джулиет Баркер «Азенкур».

Несоразмерность внутри самой английской армии не вызывает сомнений. Изначально она была армией лучников, численное превосходство которых над латниками при отбытии из Англии составляло примерно три к одному, но ко Дню святого Криспина соотношение стало почти шесть к одному. Ведутся бесконечные споры о том, как лучники располагались на поле боя, были ли они все сосредоточены на флангах, размещали ли их между латниками или впереди их рядов. Мне не верится, что лучников могли поставить впереди, просто из-за того, что их слишком сложно было бы увести сквозь шеренги латников при начале рукопашной битвы. Я считаю, что подавляющее большинство их было сосредоточено слева и справа от главного строя. Подробное обсуждение роли лучников в битве можно найти в великолепной книге Роберта Харди «Английский лук: гражданская и военная история» (Robert Hardy. Longbow: A Social and Military History).

Я старался по возможности следовать реальным событиям, происшедшим во Франции в тот дождливый День святого Криспина. В целом кажется несомненным, что англичане приблизились первыми (и что Генриху в самом деле принадлежит фраза «Вперед, друзья!» – «Let's go, fellows!»), выстроившись на расстоянии лучного выстрела от французской армии, и что французы по недомыслию допустили этот маневр. Затем лучники первым залпом спровоцировали наступление французов. Первая атака конных латников была призвана разогнать и таким образом обезвредить лучников, однако она не увенчалась успехом – кони, даже в броне, оказались уязвимы для смертоносных стрел, а преграды из кольев хватило, чтобы остановить нападение. Некоторые из обращенных вспять коней, обезумев от стрел, понеслись на первый полк французов, сея хаос в его плотных рядах.

Первому полку, вероятно насчитывавшему около восьми тысяч латников, и без того приходилось несладко. Поле Азенкура незадолго до того было распаханό под озимую пшеницу. Николас Хук

совершенно прав, говоря, что осенью распахивают глубже, чем весной. Кроме того, в предыдущую ночь прошел сильный ливень, и французам приходилось продираться сквозь вязкую глинистую почву. Переход, должно быть, походил на страшный сон: ускорить шаг было невозможно, сверху на войско сыпались стрелы, и по мере приближения французов к английскому строю стрелы становились все более смертоносными. По поводу убойной силы стрел ведутся многочисленные споры. Кое-кто из ученых полагает, что даже стрела с самым тяжелым шиловидным наконечником, пущенная из самого мощного тисового лука, не способна пробить латные доспехи. Но тогда зачем Генриху столько лучников? Стрела, ударившая в латы перпендикулярно к поверхности, могла пробить сталь, хотя, безусловно, лучшие доспехи, вроде миланской брони, оказывались менее уязвимыми. В любом случае шквал стрел вынудил французов идти в бой с закрытым забралом, что чрезвычайно ограничивало обзор.

Умелый лучник способен сделать пятнадцать точных выстрелов в минуту (я видел, как это происходит при стрельбе из лука с силой натяжения в 110 фунтов[38] – на двадцать-тридцать фунтов меньше, чем у азенкурских луков, но больше, чем у любого современного спортивного лука). Предположим, что азенкурские лучники в среднем делали лишь двенадцать выстрелов в минуту и что лучников было пять тысяч. Это значит, что каждую минуту во французов летело 60 тысяч стрел – тысяча стрел в секунду. Это также значит, что за десять минут лучники выпустили бы 600 тысяч стрел, то есть стрелы иссякли бы довольно скоро. Однако этот шквал стрел согнал разметанные фланги французов к центру, где ждали английские латники. Такое сужение французского строя делало лучников на английских флангах уязвимыми для французских арбалетов, однако нет никаких свидетельств того, что французы воспользовались этой возможностью. Арбалетчики сделали лишь несколько залпов в самом начале битвы, а затем они, судя по всему, бездействовали, что было фатальной ошибкой, которую следует приписать полному отсутствию командования во французском войске.

Битва длилась три-четыре часа, хотя она фактически завершилась в первые же минуты, когда передовой французский полк повернул назад. Французские латники выбились из сил и почти ничего не видели, строй нарушился, ноги вязли в грязи. По всей видимости, первые ряды легли довольно быстро, образовав преграду для шедших следом, а на тех напирали задние, тесня их на английские клинки. Англичане (среди которых было некоторое количество валлийцев и гасконцев) стояли свободнее, им было достаточно места драться и убивать. Первый полк, включавший в себя большинство самых знатных французов, был разгромлен. Убиты герцог Алансонский, герцог Барский, герцог Брабантский, архиепископ Санский, коннетабль Франции и по меньшей мере восемь графов. Другие, подобно герцогу Орлеанскому, герцогу Бурбонскому и маршалу Франции, были взяты в плен. Англичане тоже не обошлись без утрат: погибли герцог Йоркский и граф Суффолк (отец которого умер от дизентерии при осаде Гарфлэра), но потери англичан чрезвычайно малы. Генрих, без сомнений, сражался в первых рядах. Все восемнадцать французов, давших братскую клятву его убить, погибли сами. Брат Генриха, Хамфри, герцог Глостерский, был тяжело ранен в битве, и есть свидетельства, что Генрих, встав над ним, отбивал атаки французов, чтобы унести раненого герцога с поля боя.

Второй французский полк пришел на выручку первому, но к этому времени французы, чтобы напасть на англичан, вынуждены были преодолевать барьер, образованный телами убитых и раненых. Кроме того, им пришлось отбивать атаки английских лучников, которые, бросив луки, теперь орудовали алебардами, мечами и боевыми молотами. Преимущество английских стрелков состояло в большей маневренности: на них не давили 60-фунтовые[39] латы с налипшей на них грязью, и атаки лучников были смертоносными. У меня нет подтверждений тому, что вскидывание двух пальцев в знак приветствия берет начало от Азенкура, где лучники якобы дразнили этим жестом побежденных французов, демонстрируя им необходимые для выстрела пальцы, несмотря на угрозы французов их отрубить. Хотя история представляется вполне вероятной.

Через некоторое время после того, как в бой вступил второй полк французов, на английский обоз напал небольшой отряд всадников под предводительством владетеля Азенкура. Этот налет, как и явная готовность оставшихся французов к нападению, вынудил Генриха отдать приказ об убийстве пленных. Такой приказ кажется нам слишком беспощадным, однако тогдашние хронисты его не осуждали. Англичане ждали третьей атаки – свежего войска в восемь тысяч, – а в тылу английской армии к тому времени скопилось около двух тысяч пленных, которым ничего не стоило переменить ход битвы, напав на врага сзади. Поэтому Генрих отдал приказ, несмотря на явное недовольство многих английских латников, которые из-за этого лишались ценного выкупа. Выполнять приказ Генрих послал две сотни лучников под командованием оруженосца, однако бойня, вероятно, была прекращена довольно скоро. Как только выяснилось, что налет на обоз не был нападением с тыла и что третий французский полк англичанам больше не угрожает. Происшедшего французам оказалось достаточно. Оставшиеся в живых начали покидать поле боя, и Генрих остался победителем выдающейся битвы при Азенкуре. Количество убитых и раненых окружено все тем же буйным хаосом неопределенности, однако французы, несомненно, понесли тяжелейшие потери. Английский свидетель, священник, указывает 98 погибших французских дворян, около полутора тысяч убитых рыцарей и от четырех до пяти тысяч латников. Французские потери исчисляются тысячами и, вполне возможно, доходят до пяти тысяч, в то время как англичане потеряли не более двухсот человек (включая одного лучника, Роджера Ханта, убитого пушечным выстрелом). Азенкурская битва была бойней, потрясшей мир подобно разорению Суассона. То была эпоха, привычная к жестокости. Генрих действительно сжигал и вешал лоллардов в Лондоне, он также казнил лучника за кражу дарохранительницы из позолоченной меди во время похода к Азенкуру, но такие деяния были в порядке вещей. И все же на их фоне Суассон и Азенкур, мистически связанные через святых Криспина и Криспиниана, казались чрезвычайными событиями.

Имена всех персонажей, за исключением Томаса Перрила, я взял из азенкурского списка лучников, входящего в призывные списки армии Генриха, до сих пор хранящиеся в государственных архивах (читатели, ищущие более доступные источники, могут найти их в приложениях к книге Энн Карри). В Азенкурской битве вправду участвовал некий Николас Хук, хотя и не в отряде сэра Джона Корнуолла, который в самом деле был победителем европейских турниров. Его имя часто пишут в форме «Корнуэлл» – к некоторому моему замешательству, поскольку мы не состоим в родстве.

Поле Азенкура на удивление хорошо сохранилось, хотя леса по его сторонам слегка уменьшились, а небольшая крепость, давшая название битве, давно разрушилась. В деревне есть замечательный музей, существует также мемориал и карта сражения в близлежащем Мезонселе, где был ограблен английский обоз (большая часть ценностей Генриха была позже найдена). Распятие на поле битвы указывает место одной из могил, где французы хоронили убитых. Гарфлёра больше не существует. Он влился в более крупный город Гавр, хотя следы средневекового города сохранились до сих пор. Там, где высаживался английский флот, теперь стоит нефтехимическое предприятие.

Победа, в которую мало кто верил, стала возможной благодаря тому, что войско возглавил Генрих V. Он продолжал воевать с Францией и по прошествии времени заставил французов признать законными его притязания на престол; его должны были короновать после смерти безумного короля Карла. Однако Генрих умер раньше. Корону Франции получил его сын, но французы, собравшись с силами, изгнали англичан со своей территории. Маршал Бусико, доблестный воин, умер пленником в Англии, герцог Орлеанский провел в плену двадцать пять лет и был освобожден лишь в 1440 году. Все эти годы он писал стихи, и Джулиет Баркер в «Азенкуре» дает перевод нескольких стихотворных строк, написанных им в Англии, – строк, которыми можно завершить наше повествование о давней битве:

Мирная жизнь – сокровище, которому никакие хвалы не будут
чрезмерны.

Мне ненавистна война, ее незачем воспевать,
Ибо слишком надолго – справедливо ли, нет ли –
Она отлучила меня от Франции, к которой стремится
мое сердце.

Сноски

1

Шекспир У. Генрих V. Акт IV, сцена 3. Перевод Е. Бируковой. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Нет! *(фр.)*

3

Иисус! Мария, Матерь Божья! *(фр.)*

4

Меня зовут Мелисанда *(фр.)*.

5

Да *(фр.)*.

6

Изгнанник *(фр.)*.

7

Красавец *(фр.)*.

8

Чернослив, абрикосы и айву *(фр.)*.

9

Нормандия *(фр.)*.

10

Мама *(фр.)*.

11

Нагая *(фр.)*.

12

Дрожащий *(фр.)*.

13

Церковь? *(фр.)*

14

Монастырь *(фр.)*.

15

Я приор *(фр.)*.

16

Ваше имя? *(фр.)*

17

Всадники *(фр.)*.

18

Отец! *(фр.)*

19

Я тебя люблю *(фр.)*.

20

Понос *(фр.)*.

21

Помоги нам, о Господи *(валл.)*.

22

Шлем! *(фр.)*

23

Спасибо *(фр.)*.

24

Три! *(фр.)*

25

Четыре! *(фр.)*

26

Павлин *(фр.)*.

27

Сюда! *(фр.)*

28

Нет! *(фр.)*

29

Река Тернуаза *(фр.)*.

30

Отпускаю грехи твои *(лат.)*.

31

Иисус Назарянин *(лат., сокр.)*.

32

Я граф де Павийи. Сдаюсь! Сдаюсь! *(фр.)*

33

Сдаюсь (*фр.*).

34

Помогите мне (*фр.*).

35

Здесь и далее перечисляются знаменитые сражения в истории Англии и Европы: битва при Гастингсе (1066); битвы Столетней войны при Креси (1346), Пуатье (1356) и Вернейле (1424); Гохштедтское сражение в Войне за испанское наследство (1704; в англоязычной литературе принято название «битва при Бленхейме»); битвы при Трафальгаре (1805), Виттории (1813) и Ватерлоо (1815) в период Наполеоновских войн.

36

Кавалерийский рейд (*фр.*).

37

Шекспир У. Генрих V. Акт IV, сцена 3. Перевод Е. Бируковой.

38

Около 50 кг.

39

Около 27 кг.